

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII-XIX ВВ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА
ИНОСТРАННЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII-XIX
ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Много уважени,

Д-р Х. Грассгофу
с добриот и пристоен
от родителски и соопредметен
интерес

С искрено признание
ност за помошта

P. Danilov

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА
ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII - XIX ВЕКОВ

ИЗ
ЛЕНИНГРАДСКИХ РУКОПИСНЫХ
СОБРАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
М. П. АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 6 0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ленинградские библиотеки, музеи и архивохранилища среди многих тысяч разноязычных документов первоклассного исторического значения содержат немало ценных автографических рукописей западноевропейских писателей, представляющих значительный интерес для истории литературы в отдельных странах Европы.

Хотя научная разработка этих рукописных материалов идет уже не один десяток лет и многие из них уже были опубликованы в разное время, тем не менее богатства ленинградских рукописных собраний еще далеко не исчерпаны. Собрания эти много раз привлекали к себе исследователей — архивистов, историков и литературоведов. Неоднократно публиковались уже большие группы рукописных документов, объединенных тематически; ¹ давались общие обзоры автографов тех или иных писателей, хранящихся в одном или в нескольких книгохранилищах (в том числе ленинградских и московских); ² печатались, нако-

¹ Таковы, например, обширные публикации автографов французских писателей XVII—XX веков, в значительной своей части хранящихся в Ленинграде, в сб. «Литературное наследство», тт. 29—34 («Русская культура и Франция», тт. I—III, М., 1937—1939); здесь перечислены и более ранние описания, обзоры и публикации многих из этих документов, сделанные как русскими, так и зарубежными исследователями, например обширного фонда рукописей Вольтера; публикация последних, однако, продолжалась и после выхода в свет указанных томов «Литературного наследства», см., например: сб. «Вольтер». Статьи и материалы («Труды научной сессии, посвященной Вольтеру»). Изд. ЛГУ, Л., 1947; Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера. Публикация, вводные статьи и примечания В. С. Люблинского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956.

² А. Габричевский. Автографы Гете в СССР. «Литературное наследство», т. 4—6, 1932, стр. 817—854; М. П. Алексеев. Автографы Байрона в СССР. Там же, т. 58, 1952, стр. 949—998; М. Л. Тронская. Автографы Г. Гейне в рукописных собраниях Ленинграда. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 184, сер. филол. наук, вып. 22. Зарубежная литература. Л., 1955, стр. 235—243;

нец, отдельные рукописи из этих собраний, представляющие интерес в каком-либо отношении,³ и т. д. Несмотря на это, — как выяснилось в результате более систематического просмотра всех указанных собраний, — немалое количество рукописей еще ускользнуло от внимания исследователей и сведения о них в специальной научной литературе еще отсутствуют. Настоящий сборник и стремится ввести их в научный оборот.

Разыскания, произведенные в ленинградских библиотеках и архивохранилищах, имели в виду только рукописи писателей Западной Европы и Америки нового времени (с середины XVIII и до конца XIX века), написанные на новоевропейских языках. Сведения о рукописях более ранних столетий в данном сборнике не помещаются, так как они известны гораздо лучше и давно уже служат предметом специального изучения и особого палеографического анализа.⁴ В данном сборнике публикуются автографические документы (по преимуществу письма) иностранных писателей — французских, немецких, английских, итальянских, датских и т. д., обнаруженные при систематическом просмотре ленинградских собраний и еще не бывшие в печати; в книгу включено также несколько документов на польском

Б. Г. Рейзов. Четыре неизданных письма Проспера Мериме. Там же. № 212, вып. 28, Зарубежная литература, Л., 1956, стр. 225—229; В. Е. Бахонов. Из неизданных писем Ромена Роллана. Там же. № 184, вып. 22, стр. 244—247, и др.

³ «Литературный архив», т. 3. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (публикации автографов Мицкевича, Шиллера и Диккенса). — Сведения о рукописях ряда английских писателей (в том числе хранящихся в Ленинграде) см.: М. Р. Алексеев. British Manuscripts in Russia. «The Times, Literary Supplement», 1946, September 21, № 2325 и многие др. — Ряд подобных публикаций назван ниже, в тексте данного сборника.

⁴ Богатые собрания рукописей западноевропейского средневековья и XVI—XVII веков, хранящиеся в Ленинграде, издавна пользуются широкой известностью. Достаточно напомнить здесь собрание П. П. Дубровского, составленное в конце XVIII века и положившее основание в 1805 году «Депю манускриптов» Публичной библиотеки в Петербурге. В последние десятилетия важнейшие части этого собрания (например, англо-саксонские кодексы и пергаменты VII—VIII веков, вышедшие из Корбийской мастерской в Северной Франции, а также французские и испанские рукописи XIV—XV веков) подверглись специальным исследованиям проф. О. А. Добнаш-Рождественской, акад. В. Ф. Шишмарева и многих других ленинградских ученых (см. общий краткий обзор: А. Д. Люблинская. Западные рукописи в Ленинградской Публичной библиотеке. «Советская наука», 1940, № 9, стр. 96—107). Изучались также и рукописи более позднего времени (В. С. Бахтин. Рукописи из собрания Оливера Кромвеля в Государственной Публичной библиотеке. Сб. «Книга о книге», т. II, Л., 1929, стр. 207—218). Немало ценных рукописей обнаружено было также в других хранилищах Ленинграда, например в Библиотеке Академии наук СССР (В. Ф. Шишмарев. Рукописный отрывок «Комедии» Данте. «Известия Академии наук СССР», VI сер., 1927. № 1—2, 15 января—1 февраля, стр. 9—14).

языке. Для публикации избраны не все найденные материалы, а только те из них, которые представляют историко-литературный интерес. Ими, однако, не исчерпываются новые находки в ленинградских фондах; дополнительные публикации подобных материалов находятся еще на очереди. Необходимо отметить, что в книгу не вводились, — за некоторыми исключениями, — описания автографов, уже изданных в разное время, местонахождение которых оставалось до сих пор неизвестным; хотя собранные данные такого рода оказались довольно многочисленными,⁵ но они в книге не приводились, так как это более уместно в архивном обзоре, чем в сборнике публикаций рукописных материалов; следует надеяться, что полный библиографический перечень опубликованных рукописей из ленинградских коллекций будет составлен и напечатан со временем, в процессе их дальнейшей научной разработки.

⁵ Некоторые находки оказались довольно неожиданными. Так например, в собрании Н. П. Лихачева (ЛОИИ) обнаружен был автограф письма Эразма Роттердамского к английскому богослову Лангу, давно известный по изданию: E. S. Surlanpus. *Tabularium Ecclesiae Romanae*. Francforti et Lipsiae, 1743, p. 566, автор которого имел его в руках. Ныне письмо печатается по этому изданию (См.: *Opus epistolarum Des. Erasmi Roterdami*, т. IV, ed. P. S. and H. M. Allen, Oxonii, p. 319—321, № 128); Н. П. Лихачев приобрел автограф Эразма в 1911 году. В собрании П. К. Сухтелена (ГПБ) обнаружен был автограф известного письма Г. Э. Лессинга к Х. М. Виланду от 8 февраля 1775 года. Впервые это письмо увидело свет в журнале «Genius der Zeit». Hrsg. v. August Hennings, 1794, Bd. III, December, S. 638—639. Однако при этой публикации письма из него исключен был один абзац, содержащий в себе неслестные суждения о Гете в связи с его полемикой с Виландом. В таком виде данное письмо перепечатывалось во всех собраниях писем Лессинга, в том числе в известном издании Лахмана-Ф. Мункера (*Lessings Sämtliche Schriften*. Hrsg. v. K. Lachmann, besorgt durch Fritz Franz Munke, Bd. XVIII, 3 Aufl., Leipzig, 1907, S. 129). Однако отсутствующий абзац стал известен Мункеру по копии, присланной ему директором Публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко; Ф. Мункер напечатал его в последующем томе своего издания (Bd. XXII, Berlin—Leipzig, 1915, S. 303). В ГПБ выявлены также два автобиографических письма Фр. Шиллера: к Георгу Гешену от 4 марта 1789 года (собрание П. Л. Вакселя) и к Шарлотте фон Кальб от 1 октября 1793 года (общее собрание иностранных автографов). Оба письма были известны раньше: первое было опубликовано в «Grenzboten» (1870, № 23), второе — в книге: E. Köpcke. *Charlotte von Kalb und ihre Beziehungen zu Schiller und Goethe*. Berlin, 1843. По этим первым публикациям письма перепечатаны в полном собрании писем Шиллера (*Schillers Briefe*. Herausgegeben und mit Anmerkungen versehen von Fritz Jonas, Bd. II. Stuttgart—Leipzig—Berlin—Wien, o. J., S. 240, № 380; Bd. III, S. 357—358, № 685), причем издатель указывал, что местонахождение автографов ему не известно. Наконец, в альбоме Каролины Собаньской-Чиркович (ИРЛИ) находится автограф письма к ней О. де Бальзака от января 1849 года, которое вошло в собрание писем французского писателя, изданное в 1876 году (H. de Balzac. *Correspondance*, t. II. Paris, 1876, p. 362—364).

Большинство публикуемых рукописей хранится в Ленинграде с давнего времени. Составители сборника прилагали старания к тому, чтобы при публикации отдельных автографов были, по возможности, точно установлены время их поступления в те или иные собрания и их предшествующая история. Для той же цели в сборнике помещается предпосылаемая публикациям статья М. П. Алексеева «Из истории русских рукописных собраний», в которой сделана попытка определить исторические причины и следствия коллекционирования автографов в русском обществе XIX века (преимущественно в первой его половине) и представить данные об истории отдельных, наиболее примечательных собраний, сложившихся в то время. Публикуемые материалы расположены в общей историко-литературной последовательности, в той мере, в какой она могла быть соблюдена. В конце книги приводятся также библиографические данные о тех собраниях и хранилищах, из которых почерпнуты публикуемые материалы. К книге приложен указатель собственных имен, облегчающий наведение необходимых справок.

В работе над сборником (архивные разыскания, подготовка текстов, перевод и комментирование) принимали участие сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР — М. П. Алексеев, А. Н. Бруханский, Р. М. Горохова, Р. Ю. Данилевский, Т. П. Ден, А. Н. Егунов, П. Р. Заборов, Ю. Д. Левин и И. З. Серман, а также сотрудники других научных учреждений Ленинграда — И. П. Куприянова, В. С. Люблинский, А. С. Мыльников и Г. Б. Рабинович.

Рукописи публикуются с соблюдением орфографии и пунктуации подлинника; исключение составляют лишь диакритические знаки, восстановленные в некоторых французских текстах. Недописанные части слов в оригиналах даются в квадратных скобках (в переводе в этих случаях скобки отсутствуют).

Документы сопровождаются пояснительным введением и русским переводом. Слова и фразы, иностранные по отношению к языку подлинника, сохраняются в тексте перевода без изменений: их перевод приводится в подстрочных примечаниях.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГПБ	— Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.

М. П. Алексеев

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ

1

Хорошо известны слова, сказанные Пушкиным о Вольтере: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя они были бы не что иное как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов».

Эти слова не раз приводились в доказательство глубины и широты исторических интересов Пушкина, тонкости его эстетической культуры, свойственного ему исторического чувства, искусства безошибочно распознавать «вкус и цвет» исторического времени, его уважения к преданию и творческому наследию. Но высказанную здесь Пушкиным мысль прежде всего относили к его собственным рукописям, благоговейное собирательство которых продолжалось у нас свыше столетия: автографы Пушкина всегда ценились даже независимо от их содержания; важнее всего казалось то, что это были вещественные следы начертаний его собственной руки.¹ Между тем цитированные слова Пушкина можно рассматривать также как наиболее ясную и отчетливую формулировку свойственного не ему одному, но всему его кругу убеждения, которое находилось в органической связи как с литературными тенденциями, так и с реальной бытовой практикой той эпохи. С таким же любопытством, настороженным вниманием и почтительным чувством к чужой писательской рукописи относился П. А. Вяземский, писавший в 1827 году в статье, напечатанной в «Московском телеграфе»: «Глядя на

¹ Рукою Пушкина. М.—Л., 1935.

рукописный памятник мы как будто присутствуем при работе мысли, при движении руки, ее начертавшей: тут выражение ума, так сказать чувственный звук, действие человека, осуществленное и установленное. Вот отчего в наш испытательный век *fac simile* в таком употреблении».²

В русском быту первой половины XIX века, в особенности начиная с 20—30-х годов, тот же интерес к автографическому документу превратился в конце концов в настоящую манию собирания рукописей, особенно распространенную в дворянских семьях обеих столиц, но постепенно захватывавшую и более широкие общественные слои. Мотивы и непосредственные поводы для возникновения такого коллекционерского увлечения конечно бывали различны, как и самый размах собирательства, но именно этой «автографической страсти», пользуясь определением того же П. А. Вяземского, которой преданся и он сам, мы обязаны теми обширными рукописными богатствами, которые сохранили до наших дней многие поистине замечательные семейные архивы тех лет. В истории культурной жизни русского общества такое собирательство составляло приметное явление; поэтому изучение его особенностей и порожденных им следствий представляет несомненный интерес.

Возникновение интереса к собиранию рукописей примечательных лиц следует возводить к моде на домашние «альбомы», существовавшей в русских семьях еще в XVIII столетии. В начале следующего века эта мода утвердилась еще более,³ но именно в это время — в первой четверти XIX века — в содержании и назначении семейных альбомов, составлявших одну из существенных особенностей культурного быта дворянской интеллигенции, произошла характерная эволюция. П. Л. Яковлев писал в 1828 году, что двумя десятилетиями раньше альбом был «книжкой в алом сафьяне в 32-ую долю листа», в которой сохранялись лишь «песни Хованского, Николева, конфетные билеты и любовные объявления», но с тех пор вкус изменился: «...теперь не то... теперь альбомы не прячутся под замками; теперь редко найдете в них выписки из печатного или дурные рисунки цветов и домиков... В нынешних альбомах хотят иметь рисунки лучших артистов, почерк известных литераторов. Есть альбомы, которые через пятьдесят лет будут дороже целой русской библиотеки. Надобно признаться, однако, что прежде

² П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1884, стр. 60.

³ В 1809 году в журнале «Вестник Европы» (ч. XLIV, № 6, март, стр. 90—92) под общим заглавием «Стихи для альбомов» читателям предлагалась уже целая серия маленьких стихотворных экспромтов, пригодных для записи в дружеские альбомы по всяким поводам и на разные вкусы.

альбомы были для себя, а теперь для других. Прежде имели их как памятник друзей, теперь имеют их из тщеславия.⁴

Это наблюдение очень интересно. Во всеобщем увлечении альбомами, ставшем в 20-е годы XIX века фактором не только русского семейного, но и литературного быта, действительно произошли значительные изменения, которые можно поставить в связь с культурной эволюцией дворянской семьи в эту пору и широким развитием у нас литературных кружков и салонов.⁵ Выросшая из сентиментального культа дружбы страсть заводить домашние или личные альбомы сделалась у нас поветрием светской литературной гостининой; соответственно этому, вместо старых «заветных» альбомов, с их интимными записями для дружеских сердец, новые альбомы приобретали теперь некую преднамеренную «публичность», прямо рассчитывая на более широкую аудиторию. Из собрания домашних реликвий, — иной раз не только рукописного, но и вещественного характера, — такой альбом превращался отныне в летопись семейных литературных знакомств, становился свидетельством обширных связей и широты литературного кругозора их владельцев, и конечно тщеславные претензии последних нередко играли в данном случае не последнюю роль. Показать гостям на столе своей гостининой «образцы рукописаний» современников, со вписанными или вклеенными туда автографами знаменитых деятелей на разных поприщах, — значило прежде всего публично засвидетельствовать свои умственные интересы, обширность своих житейских связей или примечательных знакомств. Когда же поездки в чужие края стали в русском быту особенно частыми, требуемыми той же модой, альбомы, привозившиеся из заграничных странствований, стали пестреть многими образцами зарубежных почерков и являли собой свидетельство прожитых в Западной Европе лет и состоявшихся здесь встреч, достойных всеобщего любопытства. Так сафьяновый альбом из книги памятных домашних записей в конце концов превращался в настоящую автографическую коллекцию, вырастал иногда и в целый драгоценный архив.

Описанный процесс эволюции русских альбомов 20—30-х годов может быть подтвержден многими свидетельствами современников и прежде всего самыми альбомами первого тридцатилетия XIX века, дошедшими до нас в значительном количестве. А. И. Тургенев утверждал, например, что в 20-е годы «сущность альбома», как и прежде, составляли «сентенции, стихи и рисунки»,

⁴ [П. Л. Яковлев]. Записки москвича. М., 1828, ч. 1, стр. 122—127 (гл.: «Альбомы»).

⁵ М. Аронсон и С. Рейсер. Литературные кружки и салоны. Л., 1929, стр. 23—24.

но в более ранние годы «и гербы играли важную роль», а «теперь менее думают о роде и племени»,⁶ — иными словами альбом перестал быть росписью семейных событий или памятной родословной книгой. В позднем альбомном стихотворении, напечатанном в «Северном Меркурии», утверждается, что Альбомы —

В Москве, in-folio, огромнейшие томы,
Суть сборы нежности, смешенье языков,
Чужих испорченных стихов,
Добавьте к этому — загадки и шарады.
Вот очерк вам Альбомов тех.⁷

Другим современникам бросалось в глаза, что составление альбомов всегда было у нас по преимуществу женским делом,⁸ а новомодные альбомы бывали уже и «мужские»; при этом из простых «памятников дружбы» с нехитрыми записями или знаменательными датами, снабженными краткими пояснениями,

⁶ А. И. Тургенев. Письма к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872, стр. 65.

⁷ Э. «В Альбом Л. А. Л.». «Северный Меркурий», 1830, № 101, стр. 90—91.

⁸ «Каждая наша дама непременно желает иметь альбом — утверждал один из тогдашних литераторов. — На улицах, в кабинетах, в спальнях — везде вы увидите альбомы. . . Маленькие альбомы, заключенные в ридикюлях, странствуют везде с нашими господами, точно так, как у школьников азбуки в их сумках. . . „Неужели вы не сделаете чего-нибудь для моего альбома? Многим вы писали такие премиленькие стишки!“ Вот так приветствуют каждого, кого чуть подозревают в умении читать или писать» (Н. Виршеевский. О альбомах. «Благонамеренный», 1820, № 7, апрель, стр. 27—28). — Напомним, что Пушкин в строфах XXVIII—XXX 4-й главы «Евгения Онегина» дал законченную характеристику типических альбомов «уездной барышни» и «благотельной дамы»; В. И. Туманский писал: «Издавна женские альбомы поэтам влюбчивым знакомы» («В альбом NN». «Невский альманах на 1827 год»), а А. Д. Илличевский подтверждал это в своем альбомном экспромте, которым должен был открываться вновь заводимый альбом («К альбому С. Д. Пономаревой» в его «Опытах в антологическом роде», СПб., 1827, стр. 36; Н. В. Дризен. Литературный салон 20-х годов. «Ежемесячные литературные приложения» к «Ниве», 1894, № 5, стр. 15):

Альбом, где суждено храниться именам
Всем чувством к вам любви, почтения вековых,
Быть должен список всех не токмо вам знакомых,
Но всех, кто знает вас, хоть и не знаем сам. . .

Е. Баратынский в одном из своих многочисленных альбомных стихотворений («В альбом») назвал такую книгу «сердечным адрес-календарем». Но именно такие слишком интимные рукописные книги стали выходить из моды не только в столицах, но и в провинции. В. Даль время действия одной из своих повестей определяет именно по этому признаку: «Это была пора, когда нежные альбомы уже стали выходить из обычая, но тетрадки со стишками были необходимою для каждой грамотной девицы» (В. Даль. Сочинения, т. V. СПб., 1883, стр. 226).

они превращались в собрание замечательных мыслей, поэтических экспромтов, выписок из любимых книг, цитат из популярнейших авторов, иногда искусно примененных переписчиком к событиям его собственной жизни. Среди набросков К. Ф. Рылеева (в черновых вариантах неосуществленного альбомного мадригала) сохранились следующие типические строки:

Меня с тобою познакомил
Неоцененный твой альбом.⁹

В 20—30-е годы страницы альбомов особенно часто начинают заполняться записями крупнейших русских поэтов и писателей, а в русской лирической поэзии получает широкое распространение особый альбомный жанр. С этого времени альбомы приобретают особенно большое значение для русской литературной истории. Они одновременно характеризуют для нас и бытовую среду, и творческую обстановку, в которой возникали или воспринимались многие произведения русской поэзии, указывают на популярность тех или иных произведений и дают порою весьма существенные текстологические поправки к тем из них, которые были напечатаны. Большинство этих альбомов давно описано,¹⁰ хотя не всегда с желательной полнотой и боль-

⁹ Рылеев. Под ред. Ю. Г. Оксмана. (Библиотека поэта), Л., 1934, стр. 357.

¹⁰ Б. Л. Модзалевский. Из альбомной старины. «Русский библиофил», 1916, № 6, стр. 66—83 (описаны три альбома из семьи Карамзиных); тот же исследователь описал альбомы П. А. Осиповой и ее отца А. М. Вындомского («Пушкин и его современники», вып. I, СПб., 1906, стр. 154—158), А. Е. Шиповой, рожд. гр. Камаровской (там же, вып. XI, стр. 79—94), Ю. Н. Бартенева (там же, вып. XV, стр. 21—26 и «Известия ОРЯС», 1910, т. XV, кн. 4, стр. 200—221), О. А. Милюковой (там же, 1913, т. XVII, кн. 4, стр. 71—92), Н. С. Голицына («Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, Л., 1927, стр. 70—84), А. В. Лутковской («Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому дому», в «Известиях имп. Академии наук», 1911, сер. 6, № 7, стр. 522—524) и целый ряд других. Альбом С. А. Самойловой описан Н. К. Кульманом («Известия ОРЯС», 1900, т. 5, кн. 4, стр. 1120); «Альбом автографов Н. Д. Иванчин-Писарева» — Н. Барсуковым («Старина и новизна», кн. X, М., 1905, стр. 470—540); сообщались сведения об альбоме С. Д. Полторацкого («Русская старина», 1857, т. 56, № 10, стр. 127—144, 471—486), А. Н. Вульф («Временник Пушкинского дома» на 1914 год, стр. 93), А. Н. Очкина («Русский библиофил», 1916, № 1, стр. 92), Е. А. Драшусовой («Письма Пушкина и к Пушкину», М., 1925, стр. 16—44), Н. Ф. Боде, урожд. Калычевой («Звенья», сб. II, М.—Л., 1933, стр. 221—231), гр. Е. М. Завадовской («Московский пушкинист», вып. II, М., 1930, стр. 178), П. И. Кеппена («Столица и усадьба», 1915, № 40, стр. 11—12) и многих др.; «Альбом Ушаковых 1826—1830 гг.» предполагалось издать фототипически («Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 1166). Этот список не полон; на некоторые не упомянутые здесь альбомы делаются далее ссылки в тексте

шею частью с точки зрения ценности отдельных заключающихся в них автографических записей, вне связи с совокупностью их в каждом отдельном альбоме, как своеобразном типологическом явлении русской рукописной литературы этой эпохи. Между тем альбомы интересны и с этой стороны — своим воздействием на выработку особых альбомных жанров в поэзии и прозе, своей эволюцией как рукописной книги, сочетавшей в себе живописные, графические элементы с литературным текстом, своим конструктивным сходством с печатной книгой тех лет типа альманахов, кипсеков, антологий различных авторов и т. д. Они интересны для нас, наконец, и потому, что наглядно демонстрируют, как возникал в русском быту своего рода культ автографа, собирательская лихорадка по разысканию и коллекционированию всякого рода «собственноручных приписаний».

Еще в 1820 году П. Л. Яковлев поместил в журнале «Благонамеренный» статью «О альбомах», в которой он брал под свою защиту любителей обзаводиться ими и возражал тем сатирикам, которые высмеивали эту моду. Среди аргументов, выдвинутых им в пользу альбомов и того значения, какое они могут иметь в быту, был, между прочим, и тот, что не всякое коллекционерство вызывает осуждение в русском обществе; никто, например, не смеется у нас над теми, кто собирает черновые рукописи писателей или бережет свою личную переписку. «Многие чудачки, — пишет он, — собирают записки разных авторов, написанные ими на черном; многие хранят все письма, полученные в разные времена от друзей, родственников, знакомых. Против этого никто не кричит. Зачем же нападать на альбомы? В них тоже писали и авторы, и друзья, и родственники, и знакомые! Нет нужды разбирать, что они писали. Мы видим почерк известных нам людей, — и этого довольно!». Такое характерное признание самодовлеющего значения автографа сопровождалось соображениями относительно целесообразности их собирания и хранения; П. Л. Яковлев рассматривал альбом как некую сумму воплощенных в собственноручных записях воспоминаний и справедливо подчеркивал, что альбомы, помимо личного мемориального значения, могли приобретать также значение историческое: «И как драгоценна становится со временем эта книжка! Перебирая листки ее, мы переносимся в прошедшее — вспоминаем о людях, которые тут писали... Многие состарелись, иные... разделены от нас вечностью, другие — морями... воспоминание то приятное, то печальное или забавное занимает нас, и мы дорожим своим альбомом, свидетелем прошедших лет, прошедших

настоящей статьи. Об автографах Пушкина в альбомах см. сводку Л. Б. Модзалевского в книге «Рукою Пушкина», М.-Л., 1935, стр. 627—668.

знакомств...». ¹¹ В собственной записи, сделанной в альбом жены приятеля своего А. Е. Измайлова, П. Л. Яковлев снова защищал альбомы как бытовое культурное явление и настаивал на том, что иные из них приобретут в будущем не малую историческую ценность: «Альбомы распространили у нас вкус к чтению и письму, — приохотили к литературе. Я даже уверен, что со времени появления альбомов у нас стали писать лучше, приятнее, свободнее, приличнее, ближе к общественному разговору...». «Я видел альбомы, которые драгоценнее всех диссертаций, которыми похвалиться может счастливая Россия со времен Тредиаковского до наших дней, я видел альбомы, в которых писали лучшие из наших авторов, в которых рисовали лучшие артисты наши...». ¹²

В 30-е годы наиболее знаменитые русские альбомы уже не прятались в секретерах от нескромных посторонних взоров. Напротив, они охотно выставлялись напоказ; они хранились в гостиных, были доступны для гостей, для чтения и запоминания сделанных в них отдельных записей. А. О. Смирнова-Россет вспоминала: «А вот и альбом со стихами Пушкина... А вот еще стихи Вяземского, Плетнева, Лермонтова... Софи Карамзина мне раз сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ему ничего не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике, в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи: без вас хочу сказать вам много». ¹³ Альбом становится драгоценной исторической книгой воспоминаний о людях, ее создавших ¹⁴ или ее листавших, — *livre de souvenir*, — как называлась та книга К. Собаньской, в которой Пушкин вписал свое «Что в имени тебе моем».

И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в Ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал...

— писал Пушкин в другой альбом, Е. Н. Ушаковой. На эти начертания смотрели «с волнением, с тоской умиления», по словам Е. П. Ростопчиной (см. ее стихотворение: «Черновая книга Пушкина», 1838), ¹⁵ и это волнение возрастало, чем больше знаменитых творческих рук оставляли здесь свои строки. В альбом

¹¹ Я[ковлев П. Л.]. О альбомах. «Благонамеренный», 1820, сентябрь, № XVIII, стр. 377.

¹² П. Медведева. Павел Лукьянович Яковлев и его альбомы. «Звенья», сб. VI, 1936, стр. 115.

¹³ А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 213.

¹⁴ Е. П. Ростопчина. Сочинения, т. 1. СПб., 1890, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 48.

К. К. Яниш-Павловой, испещренный записями знаменитых современников, в том числе и иностранных, П. А. Вяземский вписал стихотворение, в котором по своему выразил почтительное чувство, охватившее его, когда он увидел соседние записи своих братьев по перу:

С стеснением чувств смотрю на ваш альбом
Кидает он меня и в жар и в трепет,
Вхожу в него, как входит в знатный дом
Простолюдин...

Кончается же это стихотворение советами не только владельцу этой рукописной книги, но и светским составительницам альбомов вообще: это серьезные наставления собирателя автографов, умеющего отличить историческую ценность «небрежного начертания», сделанного примечательным современником, от каллиграфической подписи любого заурядного лица:

И ваш альбом, как ваш блестящий ум,
Быть должен чужд приличий светских ига.
Не должен быть он, как в швейцарской книга,
Визитных душ ревизская тетрадь,
В которой дань с рабов собирает знать,
Где пестрая сует разнообразность,
Где в торопях заботливая праздность
Наперерыв спешит провелечать
Имен своих безличную ничтожность...¹⁶

Сходную мысль содержит в себе альбомное стихотворение Н. Ф. Павлова, напечатанное в «Телескопе» (1831): из книги интимной, предназначенной для дружеских взоров, альбом, по его мнению, стал получившей преднамеренную публичность книгой для всякого посетителя дома, в которой редко встретишь заветную мысль, пробивающуюся сквозь равнодушный светский комплимент.

... В листках альбомов дорогих,
Где звучны светские приветы,
Так редко блещет вольный стих
Сердечной думою страстей...

Автор прямо сожалеет о том, что альбом стал обязательной принадлежностью светской гостиной:

На что ж обычай наш старинный
Занес альбомную тетрадь
Туда, где похвала гостиной
Не может слух очаровать?¹⁷

¹⁶ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. IV, 1880, стр. 90—91.

¹⁷ «Телескоп», 1831, ч. 1, № 4, стр. 544—545; Н. Ф. Павлов. Повести и стихи. М., 1957, стр. 292—293.

В некоторых альбомах 20—40-х годов мелькают иностранные автографы; в этот период рукописи на западноевропейских языках появляются в альбомах гораздо чаще, чем прежде. Мы находим здесь и автографические записи, непосредственно сделанные на альбомных листах, и вклеенные сюда; среди последних попадаются даже письма: они обособлены и выделены были из прочих эпистолярных документов, потому что представляли особый интерес для их владельцев; любопытно, что они не всегда являлись письмами к составителям альбомов и занимали в них место как автографические достопримечательности. Английские стихи, например, с различными подписями, встречаются в альбоме С. Н. Карамзиной;¹⁸ в альбоме А. Е. Шиповой сохранились автографы г-жи Сталь, Бальзака, вклеенный лист с письмом герцога Веллингтона, шестистишие, собственноручно вписанное В. Гюго, записи Ансло, Суме, А. Тастю, Ш. Нодье, Баранта, Вильмена и др.,¹⁹ в альбоме М. А. Голицыной-Суворовой — собственноручные письма Шатобриана,²⁰ Сильвио Пеллико и Ф. Купера (публикуемые в настоящем сборнике). В альбоме Каролины Собаньской (рожд. гр. Ржевусской, сестры известного польского романиста Г. Ржевусского и Эвелины Ржевусской-Ганской-Бальзак), куда Пушкин вписал «Что в имени тебе моем», наклеено было много автографов иностранных писателей (93 автографа на 50 листах альбома); все они снабжены пояснениями составительницы, иногда автобиографического, иногда хронологического или справочного характера. Это любопытное автографическое собрание в основном составилось и заключено было в альбомный переплет еще в 30-е годы, потому что в путевом дневнике Иосифа Крашевского под 17 августа 1843 года сделана запись, свидетельствующая, что он уже тогда рассматривал эту книгу: «... любопытное собрание автографов: целые письма Шатобриана, Питта, Веллингтона, Лафатера, Дельфины Гэ, г-жи Сталь, Пушкина, Мицкевича, Фелинского, г-жи Крюденер и т. д. Стихотворение Пушкина специально на-

¹⁸ Б. Л. Модзалевский. Из альбомной старины. «Русский библиофил», 1916, № 6, стр. 72.

¹⁹ «Пушкин и его современники», вып. XI, (СПб., 1909), стр. 91; шесть стихов Гюго (заключительная строфа стихотворения «Прогулка» из «Од и баллад») напечатаны в «Литературном наследстве», 1937, т. 31—32, стр. 928, письмо Бальзака (Петербург, 17 октября 1843 года), — там же, стр. 216. Укажем здесь еще на интересный альбом С. П. Голицыной, хранящийся в ИРЛИ, в котором рядом с автографическими письмами Ламартина и Сальванди мы находим ряд стихотворений, написанных по ее просьбе или ей посвященных — М. Деборд-Вальмор, Леона де Вайи. Ж.-П. Вьенне, В. Гюго и т. д. («Литературное наследство», 1937, т. 31—32, стр. 845—846).

²⁰ «Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 662—663.

писано».²¹ Прибавим, что запись Пушкина датирована им самим 5-м января 1830 года и вписана в альбом в Петербурге.²² Так именно и возникали многие русские автографические собрания: сначала «рукописания» примечательных лиц хранили в альбомах, затем, если рукописи умножались в числе и по своему содержанию вовсе утрачивали связь с личностью собирателя, они превращались в особо хранимую коллекцию.

2

В конце 20-х годов у нас стали близко известны несколько действительно замечательных альбомов, составленных в Западной Европе; эти альбомы вызвали к себе большой интерес в русских литературных кругах и оказали известное влияние на возникновение у нас мании собирательства всякого рода манускриптов.¹

П. А. Вяземский в одном из своих писем к А. И. Тургеневу свидетельствует, что мысль о собирании автографов знамени-

²¹ J. I. K r a s z e w s k i. *Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budzaku. Dziennik przejazdki w roku 1843, t. III, Wilno, 1846, str. 229—230*). — Альбом Собаньской и в нем «стихи, некогда написанные ей Пушкиным», видел также посетивший ее в Крыму М. А. Максимович («Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде», СПб., 1871, стр. 140). В преклонном возрасте Собаньская вышла замуж за французского писателя Поля Лакруа (Jacob Bibliophile) и умерла в Париже. Подробные данные о ней см.: Б. Л. Модзалевский. *Архив Раевских, т. II, СПб., 1909, стр. 311—314, 562*.

²² В. Б а з и л е в и ч. Автограф «Что в имени тебе моем». «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 876—879.

¹ Любопытным подтверждением интереса к альбомам, существовавшего в широких читательских кругах, может служить переведенная Белинским с французского и напечатанная им в «Молве» (1833, №№ 71—73) статья Анри Монье «Страсть к альбомам». Здесь дается эскизная история альбомов, от зарождения их «в самых отдаленных временах... в Германии», и описана эволюция, которую претерпела эта «книга сердца, заключающая в себе воспоминания о всех драгоценнейших склонностях и связях наших». Автор полагает, что первоначально альбом был памятной книжкой, которую владельцы хранили у себя или брали с собою в путешествие: в ней помещались не только «рисунки, стихи или музыка», но даже «семейные письма»; раскрывая ее, в ней находили автографы друзей, «советы матери, нежные похвалы милой сестры или письма женщины, которую любили первый раз». Однако в конце концов, по его мнению, альбом выродился в книгу, вымученную «докучливостью у небрежной щедрости артистов», которая покупается и продается. Перевод этой статьи перепечатан в «Полном собрании сочинений» В. Г. Белинского (под ред. и с прим. С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1900, стр. 191—195). Книги F. W. Hoelbe «Geschichte der Stammbücher» (Camburg a. d. S. 1798), описывающей раннюю историю семейных альбомов, с заключавшимися в них родословными и памятными записями, на которую ссылается Лескюр (M. de Lesclure. *Les autographes et le goût des autographes en France et à l'étranger. Paris, 1865, p. 193*), видеть мне не пришлось.

тых деятелей зародилась у него в 20-е годы и что на это натолкнул его альбом Марии Шимановской. Известная пианистка и композитор, она с 1822 г. концертировала по России и Европе, объездив Германию, Францию и Италию; в 1827 году она возвратилась в Россию и умерла в Петербурге в 1831 году.² Во время своих артистических странствований Шимановская встречалась со многими выдающимися людьми; среди них в качестве слушателей ее концертов и почитателей ее музыкального дарования были многие крупные писатели Западной Европы. Большинство из них оставили собственноручные записи в ее альбомах, которые она возила с собой во время своих поездок. Сюда внесли свои автографы также и многие русские писатели — Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, Н. И. Гнедич, Д. В. Давыдов и др., среди них и Пушкин.³

Альбом Шимановской Вяземский знал уже с 1823 года, когда он был ему вручен «для братии — русских поэтов» и лежал некоторое время у него, пока владелица этой книги была в отсутствии.⁴ В 1827 году, когда этот альбом очень пополнился интересными записями, Вяземский вновь внимательно рассмотрел его и описал в специально посвященной ему статье в «Московском телеграфе».

«Альбом ее (М. Шимановской) — хранилище собственноручных приписаний первых поэтов и литераторов нашего времени, есть точно драгоценность в своем роде, — писал Вяземский в этой статье. — Счастлиное начало было положено ему в России именами Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Крылова и некоторых других писателей русских. Далее довольно назвать представителя германской поэзии, Гете, который, удостоив г-жу Шимановскую нежным и добродушным участием, выразил его в прекрасных стихах. В Париже знакомство ее с Александром Гумбольдтом, Шатобрианом, Казимиром Дела-

² Подробную биографию ее и характеристику как пианистки и композитора см.: И. Бэлла. Мария Шимановская. М., 1956.

³ Об этой записи Пушкина см. статью Н. В. Измайлова в «Летописях Государственного Литературного музея» (т. 1, М., 1936, стр. 327—332) и в сборнике «Рукою Пушкина» (М.—Л., 1935, стр. 647—648). — Три альбома Шимановской хранятся в Музее Мицкевича в Париже (после смерти пианистки Мицкевич женился на ее дочери Целине) см. Katalog rękopisów Museum Adama Mickiewicza, Paryż, opracował Adam Lewak, Kraków, 1931, str. 170—175.

⁴ «У меня альбом Шимановской для братии — русских поэтов» — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу; 3-го июня 1823 года он переслал его А. И. Тургеневу (ср. письма Вяземского от 26 сентября и 7 октября 1823 года — «Остафьевский архив», 1899, т. II, стр. 536—537). «Изготовь стихи Шимановской — музыкантше в альбом, который скоро пришлю к тебе», — писал Вяземский В. А. Жуковскому («Русский архив», 1900, кн. 1, вып. 2, стр. 192).

вином, Бенжаменом Констаном, Этьеном Арно, Казимиром Бонжуром и другими литераторами ... обогатило хранилище ее любопытными и замечательными воспоминаниями. Томас Мур и Кемпбелль были в нем представителями от лица английской музыки и т. д.⁵ Вяземского настолько увлекла эта «живая энциклопедия дарований мертвых и живых известностей», что он тут же привел некоторые выдержки из альбома, — в том числе собственноручно вписанные в альбом Томасом Муром стихотворение Байрона, в то время еще неизвестное в печати, и даже приложил к своей статье его факсимиле.⁶ Тогда-то Вяземский и решил заложить основание подобному же собственному автографическому собранию. «Вот еще доброе дело, — писал он А. И. Тургеневу 18 апреля 1828 года из Петербурга, — собирай для меня автографы живых и мертвых авторов и политических знаменитостей. Меня соблазнил альбом Шимановской, исписанный всеми европейскими чинами».⁷

Замысел Вяземского нельзя не поставить в связь также с любопытным эпизодом из истории этого альбома, лишь недавно ставшим известным из еще неизданного полностью дневника дочери Марии Шимановской, Елены (впоследствии вышедшей замуж за Франтишка Малевского, у которого после смерти ее матери долгое время и хранился этот альбом). 19 марта 1828 года в Петербурге Елена Шимановская сделала следующую запись в этом дневнике: «Перед полднем г. Малевский, Вяземский и г. Пушкин пришли к нам. Г. Пушкин принес альбом (sztambuch), в котором он сделал запись. Вместе с этими господами мы приехали на Васильевский остров, где живет художник Ванькович. Там мы видели портреты Мицкевича и Пушкина, которые он сделал для выставки в Варшаве. Оба очень похожие. Оттуда мы поехали к художнику Орловскому. У него есть собрание редкостей различного рода. Среди них — письмо, которое ему написал собственноручно Костюшко. Я не могла без волнения смотреть на письмо этого мужа».⁸

⁵ «Московский телеграф», 1827, ч. XVIII, № 23, декабрь, стр. 110—127; Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, т. II, 1884, стр. 62—66.

⁶ Это факсимиле воспроизведено в моей статье «Автографы Байрона в СССР» («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 962—963).

⁷ Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, т. I. Пгр., 1921, стр. 68.

⁸ См. статью «Дневник Елены Шимановской» в книге И. Бэла «Из истории русско-польских музыкальных связей» (М., 1955, стр. 22), где указанное место дневника опубликовано впервые по рукописи, хранящейся в музее Мицкевича и Словацкого в Варшаве; с более подобными комментариями — в кн. И. Бэла «Мария Шимановская» (М., 1956, стр. 104—105; на стр. 105 — воспроизведение л. 44 рукописи дневника с записью от 19 марта), см. также его статью «Страницы братской дружбы». («Сла-

Свидетельство Елены Шимановской интересно во многих отношениях. «Запись» Пушкина, о которой здесь упоминается, давно известна и опубликована по автографу этого самого альбома; это стихотворные строки, совпадающие с теми, которые вошли во вторую сцену «Каменного гостя», в то время еще незаконченного, — сентенция, дважды употребленная Пушкиным для помещения в дамские «музыкальные» альбомы:⁹

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает.
Но и любовь мелодия.

Запись имеет дату: «С. Петербург. 1 марта 1828 г.». Очевидно, именно в этот день Пушкин и вписал это трехстишие в альбом Шимановской. Но так как он возвратил этот альбом владелице только девятнадцать дней спустя (как это неопровержимо следует из указания Елены Шимановской), то, очевидно, что все это время альбом находился в руках Пушкина и что он имел прямую возможность хорошо ознакомиться с его содержанием, о котором он, впрочем, конечно, уже знал многое и из статьи Вяземского. Из русских писателей Пушкин сделал свою запись одним из последних: начало альбому было положено еще в 1823 году, а за пять последующих лет альбом украсился автографами многих знаменитых деятелей литературы и искусства России и Западной Европы. Интересно, однако, и то, что на тот же день, 19 марта 1828 года, когда Пушкин возвратил альбом Марии Шимановской, пришлось также посещение Пушкиным вместе с Вяземским петербургской квартиры художника А. О. Орловского, который показывал свое «собрание редкостей разного рода», а среди них, как особую достопримечательность — собственноручное письмо Тадеуша Костюшко, умершего в эмиграции за десять лет перед тем (1817). История польского героя — его военных побед и патриотических замыслов, его заключения в Петропавловской крепости, — разумеется была хорошо известна всем гостям А. О. Орловского. Все собравшиеся у него в тот день со вниманием рассматривали этот автографический документ, превратившийся в реликвию, слушая, вероятно, объяснения хозяина о поводе возникновения этого письма

вяне», 1955, № 1, стр. 55—57). — Записи о Грибоедове в том же дневнике Е. Шимановской опубликованы И. Карасинской в статье: «Грибоедов и Мария Шимановская» («Музыкальная жизнь», 1959, № 3, стр. 18). Об Е. Шимановской см. еще в статье Т. Цявловской, «Пушкин в дневнике Франтишка Малевского». («Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 263—268).

⁹ Несколько лет спустя (5 октября 1832 года) ту же цитату из «Каменного гостя» Пушкин вписал в альбом П. А. Баргеновой (Н. Л. Шуклин. Новые автографы Пушкина. «Звенья», сб. II, 1933, стр. 223—224).

и о личном знакомстве с его автором. Елена Шимановская свидетельствует в дневнике, что на письмо, писанное рукою Костюшко, она не могла смотреть «без волнения», и прибавляет тут же, прозрачно намекая на причины охвативших ее чувств, может быть высказанные тогда и вслух, в присутствии Пушкина и Вяземского: «Как много воспоминаний, хороших и вместе с тем печальных, ибо, как после ясной погоды — дождь, так и после дождя — ясная погода. Надежда нас не покинула, она поддерживает нашу жизнь, может быть, вскоре мы будем дышать вольным воздухом».¹⁰ «Письмо это вызвало волнение, конечно, не только у Хэленки, — прибавляет И. Бэлза, впервые опубликовавший выдержки из ее дневника. — Заключительные слова ее рассказа о посещении студии Орловского прямо перекликаются с пушкинскими словами о той „желанной поре“, мысли о которой должны были поддерживать узников, томившихся „во глубине сибирских руд“, и со словами Гражины, вложенными в ее уста Мицкевичем: „Если сегодня нас обманули надежды, — быть может, вознаградит нас более счастливое завтра“».¹¹ Эти сопоставления, разумеется, совершенно естественны и законны: демонстрация письма Костюшко могла послужить достаточным поводом для возникновения политического разговора о будущем польской свободы. Нас, однако, в данном случае, интересует и другая сторона дела: и Пушкин, и Вяземский не могли не оценить лишний раз значение и роль, которую может играть автографический документ, бережно хранимый, превращаемый в реликвию и своего рода фетиш, который мог возбуждать сильные эмоции, даже не обязательно связанные с его содержанием, как напоминание об историческом лице, его писавшем, как свидетельство об его историческом существовании и деятельности. Ровно месяц спустя Вяземский обратился к А. И. Тургеневу с просьбой собирать для него «автографы живых и мертвых авторов и политических знаменитостей», с прямой ссылкой на альбом Шимановской, как на вдохновляющий его пример; едва ли при этом он не вспомнил и об автографических раритетах, показанных А. О. Орловским ему и Пушкину на Васильевском острове.

В те же годы у нас стали известны и другие артистические альбомы, привозившиеся на показ из-за границы, например, альбом певицы Генриетты Зонтаг, с успехом концертировавшей в Москве и Петербурге, парижского артиста Александра Ватемара и др.

¹⁰ И. Б э л з а. Мария Шимановская. стр. 104.

¹¹ Там же, стр. 105.

Альбом Зонтаг,¹² привезенный ею из Лондона в Париж, сначала описан был во французской печати, а затем и в русской. Журнал «Галатей» иронизировал, впрочем не без оснований, над несколько «дамским» характером этого автографического собрания и спешил довести его содержание прежде всего до сведения своих «любезных читательниц». Вот, что писали здесь, между прочим: «Французская газета „Курьер“... объявляет с каким-то вдохновенным иступлением, что в этом драгоценном альбоме есть почерки, подписи и имена двух герцогов, двадцати трех лордов, восьмидесяти семи баронетов, ста шестидесяти восьми кавалеров и ста тридцати пяти разных английских джентльменов, пятидесяти семи писателей, в том числе Вальтера Скотта, и почти всех редакторов являющихся на берегах Темзы политических и литературных газет, сорока пяти виртуозов музыки и пения, между ними также Крамера, Мошелеса, Пикси, сира Георга Смерта и большей части английских певцов и певиц, тридцати восьми разных других художников и, представьте себе! только 26 дам, в числе коих, однако, четыре герцогини!». Эта завлекательная характеристика богатств одного из «первостатейных альбомов прекрасного пола» заключалась описанием его внешнего вида: «Переплет альбома обтянут красным сафьяном. На одной стороне золотыми буквами написано: Souvenir de Londres, на другой Forget me not; листы самой тонкой английской веленовой бумаги. Сокровище сие есть подарок шотландского барда Вальтера Скотта».¹³

Сходным был также альбом Александра Ваттемара, знаменитого артиста-мимика и трансформатора, совершившего несколько артистических турне по Западной Европе и России. Газеты и журналы 30-х годов помещали о нем пространные статьи и восторженные отзывы о данных им спектаклях. Когда в 1834 году он приехал в Петербург, «Северная пчела» поместила биографию Ваттемара, написанную немецким литератором Релльштабом, в которой видное место занимает также описание его знаменитого альбома, где находились «собственно-ручные письма, записки и подписи знаменитейших особ Европы»: здесь встречаются имена В. Скотта, Т. Мура, Гете, Гум-

¹² Генриетта Зонтаг (1806—1854) приехала в Москву из Варшавы и дала здесь с большим успехом несколько концертов в первых числах августа 1830 года (ср. «Московский вестник», 1830, ч. IV, № 13, стр. 88—96). М. П. Погодин сообщал С. П. Шевыреву (3 августа 1830 года). «Здесь была Зонтаг и очаровала. Павлов написал ей стихи и носит их теперь со статьей о бале в честь ее» («Русский архив», 1882, кн. III, стр. 157). Первый концерт в Петербурге состоялся 11 августа 1830 года; здесь она также имела большой успех. См.: П. Н. Столпянский, Старый Петербург. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1925, стр. 53—56.

¹³ «Галатей», 1829, № 1, смесь, стр. 54—55.

больдта, Тика, Бенжамена Констана и многих других.¹⁴ И. И. Козлов написал Ваттемару большое стихотворное послание («Господину Александру»), а Пушкин вписал в его альбом остроумно примененную к его артистическому дарованию евангельскую цитату: «Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs»,¹⁵ а также, по-видимому, подарил ему автограф своего стихотворения: «Подражания древним» (Из Ксенофана Колофонского).¹⁶

Автографическая коллекция, собранная А. Ваттемаром, вызвала к себе такой всеобщий и продолжительный интерес, что между 1837—1840 годами он издал свой альбом в 20 литографированных выпусках; здесь, вместе с рисунками известных художников, помещены были также факсимильные воспроизведения образцов почерков многих достопримечательных лиц. В большой статье об этом «Всемирном альбоме» в русской «Художественной газете» писали: «Коллекции собранных Александром Ваттемаром во время своих путешествий автографов и рисунков может быть превосходят своими достоинствами все, что только существует любопытного в этом роде. И точно, ничего невозможно сравнить с богатством этого огромного собрания, где все великие имена современные сходятся с именами предшественников, которые только слава осенила крылом своим. Историю, красноречие, стихотворство, науки, философию, словесность, изящные искусства представляют здесь Шатобриан, Вальтер Скотт, Бонштеттен, Роскоз, Ламартин, Казимир Делавинь, Давид, Беллини, Томас Мур, Пушкин, леди Морган, мисс Эджворт, г-жи Тастю (Tastu) и Деборд-Вальмор» и т. д.¹⁷ О «богатой и разнообразной коллекции» Ваттемара — «рисунков, картонов, автографов и т. п., числом до тысячи двухсот», часть которой была выставлена в Париже в 1843 году для публичного обозрения, рассказал еще Н. И. Греч.¹⁸

¹⁴ «Северная пчела», 1834, № 146.

¹⁵ Эта запись Пушкина странствовала долго по различным русским рукописным собраниям; сначала она попала в коллекцию Н. К. Богушевского («Русская старина», 1880, т. 29, стр. 221), о которой см. ниже в данной статье (стр. 119); оттуда она попала в собрание П. Л. Вакселя — Э. П. Юргенсона («Столица и усадьба», 1915, № 42, стр. 3—6); ср.: Пушкин. Статьи и материалы. Изд. Одесского Дома ученых, вып. II, Одесса, 1926, стр. 46.

¹⁶ О нем и о коллекциях Ваттемара см. Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., 1959, «Судьба одного автографа», стр. 287—302; ср. «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 891.

¹⁷ «Всемирный альбом» (Album cosmopolite) или избранные предметы из коллекций г. Александра Ваттемара (Vattemare). «Художественная газета» на 1837 год. изд. Н. Кукольниковом, т. I, стр. 236.

¹⁸ Ник. Греч. Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии. СПб., 1847, стр. 234—236.

Все подобные альбомы, о которых у нас читали в журналах и говорили в гостиных, возбуждали еще бóльшую охоту во многих русских великосветских семьях заводить и у себя такие же автографические коллекции, далеко выходявшие за рамки семейных реликвий. Но отношение к собиравшимся документам бывало совершенно различным. Для иных такие альбомы-коллекции давали лишний повод к тщеславным претензиям, впоследствии — воплощали в себе также и материальную ценность; документы приобретались путем покупки или обмена, когда личные связи в обществе достопримечательных людей не давали достаточных ресурсов для пополнения автографических коллекций интересными рукописями; в этом смысле альбомы артистов или литераторов всегда были полнее и любопытнее альбомов других лиц, ничем не отличившихся на поприще искусства или общественной жизни. Другие любители автографов относились к ним более вдумчиво.

Упомянутая выше статья П. А. Вяземского об альбоме Марии Шимановской показывает, что его отношение к «собственно-ручным приписаниям первых поэтов и литераторов нашего времени» определялось серьезным литературным интересом и к самим рукописям и к их авторам. Поводом для собирательства было в данном случае любопытство к авторской рукописи как к своего рода ключу, открывавшему лучшее понимание исторической личности. Для Вяземского автографические документы и, в частности неизданные письма, представляли особый интерес именно потому, что они позволяли вернее узнать человека, ближе познакомиться с ним, разглядеть его житейские черты. «Сочинитель в печати, — писал Вяземский, — чуть ли не актер на сцене. В сочинении все-таки невольно выглядывает сочинитель. В письмах же человек более налицо».¹⁹ В своей речи, посвященной памяти Карамзина, Вяземский впоследствии говорил о том же своем убеждении, сложившемся еще в 20—30-е годы: «В предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самые полные, самые искренние записки не имеют в себе того выражения истинной жизни, каким дышат и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере, в ту минуту, проговаривающеюся рукою. Письмо — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам».²⁰

¹⁹ «Русский архив», 1876, I, вып. 2, стр. 248.

²⁰ П. А. Вяземский. Памяти Карамзина. Тому сто лет и о письмах Карамзина. СПб., 1866, стр. 17 (Оттиск из «Северной почты», 1866, № 259—261).

Это был все тот же интерес к человеческому облику писателя, который особенно сказывался в 20—30-е годы (между прочим, и в писаниях самого Вяземского) — в тяготении к биографизму в критических оценках, в любопытстве к интимной стороне литературного быта. Не забудем при этом, что речь идет о романтической поре с ее повышенным интересом к творческой личности, к документальной или легендарной истории жизни писателей, с характерным для тех лет поветрием на издания мемуаров, дневников, частных писем. Всякое «рукописание» особенно ценилось, так как оно раскрывало многие иначе неуловимые особенности творческого процесса их авторов, словесного воплощения и графической фиксации их мыслей. Естественно, что специально, тщательно и со вкусом собранные коллекции рукописей оказывались в руках лиц, непосредственно причастных к литературной деятельности или исторической науке, у которых интерес к чужим манускриптам нередко усиливался специфическим профессиональным любопытством к самой технике творческого акта.

Если Вяземского, как мы видели, по его словам, соблазнил к собирательству автографов альбом Шимановской, то его собственная коллекция в конце концов приобрела совершенно другой характер и представляет особый интерес. Вяземский обратился сначала с призывом к А. И. Тургеневу, находившемуся за границей и завязавшему личные знакомства с множеством достопримечательных лиц целой Европы. Когда Вяземский узнал, что А. И. Тургенев побывал в Абботсфорде у В. Скотта, он писал ему из Москвы: «Какою тоскою завидовал я тебе в гостях у В. Скотта. Сделай милость, пришли мне образцы рукописания его, Мура, Байрона и кого можешь, Каннинга. Во мне развернулась автографическая страсть».²¹ А. И. Тургенев охотно откликнулся на просьбу своего друга, так как имел для этого полную возможность, но затруднением явилось то, что та же «автографическая страсть» обуяла уже многих его русских и заграничных знакомых. В одном из писем (24 мая 1830 года), сообщая о том, как шел процесс собирания этой заказанной ему коллекции автографов, Тургенев, между прочим, признался: «Сбирал для Вяземского записочки Вильмена, Арно, Дежерандо, Шатобриана, Жомара, Эйнара и пр. и пр. — и подарил Потоцкой», очевидно, увлеченной подобным же соби-

²¹ Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, стр. 76. — В письме к Н. А. Полевому 1827 года Вяземский спрашивал: «Нет ли в английских журналах чего-нибудь о Каннинге?» и прибавлял: «Ради бога, берегите конверт, им написанный. У меня в виду много драгоценностей в этом роде» (И. Ясинский. Кн. П. А. Вяземский в письмах его к С. Д. Полторацкому. «Новь», 1885, № 9, стр. 88).

рательством, но прибавлял тут же: «Скоро будет другая коллекция, ибо эпистолярные мои сношения иногда не уступают прежним».²² Любопытно, что Тургенев не только доставлял Вяземскому автографы английских и французских знаменитостей, но и сам просил его о посредничестве точно такого же рода. Тургенев писал Вяземскому (21 сентября 1832 года): «...еще в Москве, по твоем отъезде, получил я от С. П. Свечиной поручение собрать рукописи знаменитых русских писателей или других особ, в том числе именно требовались твоя, Пушкина, Жуковского, Дмитриева, Карамзина и других. Она желала сего для княгини Гагариной. Здесь получил я недавно письмо от Софьи Петровны и о том же! Княгиня подтвердила ее просьбу, и я обещал ей за тебя, что не только пришлешь свои каракульки, но и напишешь ими несколько стихов для Альбума этого милого ангела. Она страстно привязалась к этой охоте и собирает дань со всего света. В ее Альбуме весь живой Рим. Пожалоста [sic], попроси от меня и Пушкина дать стиха 4, хоть старых, если новых пожалует».²³

Процесс собирания коллекции Вяземского продолжался много лет. Еще в 1839 году Тургенев писал ему из Парижа: «Album твой у Циркура, но он не надеется добиться руки Nodier, ибо он всем отказывает, а надоедала дамам пишет des choses scandaleuses, чтобы отучить их от просьбы. Может, он даст одно из своих писем. От Ламартина постараюсь добиться, но и его жена часто за него пишет, впрочем это — как мощи: была бы вера».²⁴ Чтобы пополнить свою коллекцию Вяземский с середины 30-х годов обращался и к другим лицам, в частности к русскому генеральному консулу в Лондоне, Егору Карловичу Бенкгаузену, имевшему много знакомств в английском литературном мире. Бенкгаузен в результате длительных хлопот раздобыл и прислал Вяземскому целый ряд интересных автографов: Т. Мура, В. Скотта, Байрона, Э. Бульвера и других.²⁵ Все эти автографы сохранились и частично опубликованы.

Ценнейшая по своему содержанию и подбору автографическая коллекция Вяземского была частью замечательного литературного архива писателя, составление которого являлось неотъемлемой частью его личного развития. Неожиданной удаче приобретения отдельных автографических документов у иных профессиональных коллекционеров в данном случае противо-

²² «Остафьевский архив», т. III, 1899, стр. 199.

²³ Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским, стр. 113—114.

²⁴ «Остафьевский архив», т. IV, СПб., 1899, стр. 68. — Циркур — гр. А. Сиркур, женатый на А. С. Хлюстиной, был близким другом Ламартина и ряда других французских писателей.

²⁵ «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 964—965.

стояла целая система собирания, интересно и счастливо задуманная Вяземским с помощью компетентных и заинтересованных лиц. В этом смысле его коллекция резко выделяется из многих других аналогичных русских автографических собраний той же эпохи. Не менее важно, однако, и то, что эта коллекция, как мы можем предполагать, сразу же становилась известной близкому к Вяземскому писательскому кружку, доступной для его близких друзей, — в первую очередь Пушкина, — и, может быть, даже предопределила некоторые из их интересов в области западноевропейских литератур, в первую очередь французской и английской. Напомним в связи с этим, какой интерес вызвала к себе, ставшая широко известной в 30-е годы в русских литературных кругах история обмена письмами В. Скотта с русскими писателями, в частности с Д. Давыдовым. Знакомство с документами, заботливо собиравшимися Вяземским, довольно широкого круга его друзей также едва ли может подвергаться сомнениям; чтение этих автографов вызывало интерес к упоминавшимся в них именам, событиям, житейским и литературным отношениям, определяло охоту к новым чтениям, распросам, справкам о книгах и людях. Любопытно, что автографы всех этих писателей, в частности Байрона, оказались в руках П. А. Вяземского почти в те самые годы, когда и Пушкин задумывал и даже начал писать биографию Байрона, когда аналогичный труд предпринимал и сам Вяземский, собирая о Байроне справки разного рода, тщательно заносил в свою памятную книжку ряд анекдотов об английском поэте, рассказанных непосредственными свидетелями его жизни. Упомянем в связи с этим, что около 1830 года в Петербурге существовал и обсуждался проект (правда, не получивший осуществления, скорее всего из-за цензурных опасений) — издать столь известный впоследствии труд Томаса Мура «Письма и дневники Байрона с замечаниями о его жизни» в русском переводе одновременно с английским оригиналом (по корректурным листам, которые должны были Муром доставляться в Петербург) или даже ранее. Избранному кругу русских литераторов (Вяземскому, Жуковскому, Козлову, вероятно, и Пушкину) было известно, что А. И. Тургенев в бытность свою в Англии в 1829 году серьезно обсуждал с Томасом Муром возможность издать письма и дневники Байрона в России до того времени, когда они увидят свет на родине поэта, и что А. И. Тургенев даже вступил по этому поводу в деловые переговоры с издателем этого труда — Джоном Мерреем.²⁶

²⁶ Там же, стр. 993—994.

Гораздо меньше знали у нас другую коллекцию подобного же рода, Г. В. Орлова, собранную несколько ранее и непосредственно за границей. Граф Григорий Владимирович Орлов (1777—1826) был сыном гр. В. Г. Орлова, бывшего директора Академии наук (с 1766 по 1774 год). Григорий Владимирович был женат на А. И. Салтыковой, и эта женитьба еще более увеличила его богатство. Оставив службу при Павле I (хотя, несмотря на свою молодость, он и дослужился до чина тайного советника и был сенатором и камергером), Григорий Владимирович вследствие болезни жены, требовавшей продолжительного лечения, уехал за границу, где и провел большую часть своей жизни (до смерти жены в 1824 году), дилетантски занимаясь историей искусств и археологией и пользуясь при этом щедро оплачиваемой помощью многих европейских действительных знатоков этих предметов; так, он был автором написанных по-французски трудов о Неаполитанском королевстве, истории живописи и музыки в Италии и др. В 1825 году Г. В. Орлов издал в Париже басни Крылова в переводах на французский и итальянский язык, выполненных видными литераторами, и это его предприятие вызвало большой интерес и много сочувственных откликов, в том числе Пушкина и Вяземского.²⁷

Живя большею частью в Париже, но наезжая также в Лондон, Г. В. Орлов в начале 20-х годов со страстью отдался также собиранию рукописей и успел составить весьма замечательную коллекцию автографов французских, английских, итальянских писателей, художников, артистов и т. д., по преимуществу XVIII и начала XIX века, но в его собрании находились также автографы более раннего времени.²⁸ Вероятно, именно для этой коллекции Г. В. Орлова И. И. Дмитриев просил автографу Карамзина, на что Карамзин отвечал ему (19 мая 1822 года): «Рукописание свое доставлю тебе после... Может быть, Кат[ерина] Фе[доровна] Муравьева достанет нам что-нибудь руки Державина. Каков Орлов, умник в Европе?». Через месяц, в письме к тому же И. И. Дмитриеву (от 26 июня 1822 года), Карамзин писал снова: «Посылаю несколько строк моей руки для Лондонского корреспондента или, лучше сказать, для тебя. Это может быть мои последние стихи в этой жизни; а в веч-

²⁷ Пушкин, Письма, ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, М.—Л., 1926, стр. 499—500, 502; П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. IX, 1884, стр. 78—79.

²⁸ У Орлова хранилось, например, письмо Сервантеса от 30 августа 1615 года, оказавшееся, впрочем, подделкой. См.: М. П. Алексеев. Псевдоавтографическое письмо Сервантеса из русского архива начала XIX в. Сб. «Сервантес». Статьи и материалы. Л., 1948, стр. 161—172.

ности, думаю, стихов писать не будем».²⁹ В Англии и Шотландии Г. В. Орлов как раз был в 1821 году (до того — в 1818 году), усиленно занимаясь здесь собиранием автографов. Коллекцию свою Г. В. Орлов старался пополнять как только мог: он покупал автографы, получал в подарок, добывался их у разных лиц. Свидетельства о том, как шло это собирание, в большом количестве находятся в письмах к Г. В. Орлову, которые он также хранил весьма бережно. Обратившись к одному из популярных драматургов того времени, Кольмену-младшему (George Colman, 1762—1836) с просьбой об его автографе, Г. В. Орлов получил любезный ответ, чем и воспользовался для дальнейшей с ним переписки; в результате Кольмен, действительно, доставил ему целый ряд интересных автографических документов из бумаг своего отца. В архиве Г. В. Орлова хранится также письмо к нему (от 30 октября 1821 года) от Matthew Baillie (1761—1823), известного врача, пославшего русскому коллекционеру автограф своей сестры Джоанны Бейли (1762—1831), знаменитой в свое время драматической писательницы, пьесы которой («Plays of Passions») высоко ставили Байрон и В. Скотт. Орлову удалось также приобрести часть архива издательства Лонгмена, раздобыть письмо Байрона из Италии и т. д.³⁰ В результате, к началу 20-х годов Орлов собрал несколько тысяч автографов. Вся коллекция доставлена им была в Россию незадолго до его смерти и хранилась в имении «Отрада», неподалеку от Москвы. Однако доступным для изучения этот богатый и ценный архив сделался лишь после того, как наиболее значительная его часть была перевезена в Москву и помещена в Государственный исторический музей.

3

Возникновение в русском искусстве увлечений собирательством автографов примечательных лиц и происшедшую в связи с этим эволюцию семейных альбомов следует также поставить в непосредственную зависимость от сильно разившихся у нас в 20—30-е годы XIX века в самых широких кругах занятий историей, древностями, отечественной стариной.

Живой и разнообразно проявлявший себя интерес к историческому прошлому составляет весьма существенную черту общеевропейской умственной жизни первых десятилетий XIX века. В русском обществе он сказался не с меньшей силой, чем на За-

²⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 329, 331.

³⁰ «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 952—954.

паде, в особенности после окончания наполеоновских войн. К двадцатым годам признаки все возрастающего внимания к историческим знаниям были явственно различимы во многих областях науки и искусства. Исторические темы и сюжеты постепенно становились господствующими во всех жанрах литературы и театра; обсуждение исторических проблем велось в критических и публицистических работах; документально-историческими материалами — актами, письмами, мемуарами — пестрели тогдашние журналы и альманахи. Любопытство к книгам документально-исторического содержания и к историческим памятникам разного рода становилось тогда всеобщим и глубоко укоренялось в самом быту. Недаром И. В. Киреевский в своей известной статье «Обозрение российской словесности за 1829 год» утверждал, что основной особенностью просвещения тогдашней Европы являлась историческая направленность «всех отраслей бытия и духа», и замечал по этому поводу: «История в наше время есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития, направление историческое объясняет все».¹

Хотя направленность исторических интересов не может быть однородной, а складывавшиеся в то время концепции русского исторического процесса отражали глубокую и серьезную идейную борьбу, шедшую в русском обществе, но характерно, что самая эта борьба проникнута была своеобразным «историзмом»: чаще всего идейные противники именно в прошлом искали ответа на самые острые вопросы, которые ставила перед ними современная жизнь; они одновременно апеллировали к преданию и традициям, почерпая свою аргументацию в тех же исторических памятниках и документах, и давая им подчас противоположные истолкования. Достаточно вспомнить здесь «Историю государства Российского» Карамзина и русскую официозную историографию, «Думы» Рылеева на фоне исторических пристрастий декабристов, исторические интересы и замыслы Пушкина.

Расцвет исторических занятий подготовлялся у нас издавна и постепенно; постепенно возникал у нас также и вкус к историческому документу, к письменному памятнику прошлого.

Поиски старых манускриптов и всевозможных документальных источников, — прежде всего в интересах зарождавшейся новой русской историографии, — довольно деятельно велись у нас уже с начала XVIII века, как по инициативе, исходившей

¹ И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1911, стр. 18—19.

из правительственных сфер,² так и благодаря усилиям отдельных любителей древности; однако процесс выявления всех этих материалов и постепенного сосредоточивания их в специальных государственных хранилищах Москвы и Петербурга или в частных собраниях шел очень медленно. Конечно, ревнители русской старины существовали у нас и в XVIII веке, как и в более отдаленную пору.³ Вспомним хотя бы В. Н. Татищева, который «неусыпным трудом», на родине и за границей, отовсюду собирал старые рукописи — летописные сборники и хронографы, четьи минеи, прологи и т. д. — изучал их, сводил и сличал их текст и, как известно, сделал несколько крупных открытий («Русская правда» и судебники).⁴ Для второй половины этого столетия столь же показательна деятельность Н. И. Новикова как архивиста; его многотомные серии публикаций исторических источников («Древняя Российская Вивлиофика» и др.) свидетельствуют, что через его руки прошли многие сотни ценнейших старых рукописей и документов, в том числе и иностранных. Неутомимые труды Г. Ф. Миллера или А. А. Шлецера по отысканию и собиранию русских документальных материалов, хотя и основаны были в значительной мере на методических приемах и навыках, привитых этим историкам

² Уже указы Петра I (1720—1724 годов) предписывали присылать в Москву из разных мест государства различные исторические материалы, — «древних лет рукописные, на хартиях, и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные» (Полное собрание законов Российской империи, т. VI, СПб. 1830, № 3888); полвека спустя (1778) указом Екатерины II повелено было приступить к напечатанию рукописных книг «касающихся до Российской истории достойных примечаний летописцев», и многое в то время действительно было осуществлено (А. А. Котляревский. Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения. Сочинения, т. IV, в сб. «ОРЯС», ч. 50, СПб., 1895, стр. 226 и сл.; И. Ф. Колесников. Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника. М., 1914).

³ О собирательстве в древней Руси и о старейших государственных собраниях музейного характера до XVIII века и в послепетровскую эпоху см.: Т. В. Станюкович. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953, стр. 17—18; М. В. Доброклонский. Книга Виннуса — памятник русского собирательства XVII—XVIII вв. «Известия Академии наук». Отделение общественных наук, 1929, № 3, стр. 215—230. — Один из ранних русских частных «музеев» с драгоценной библиотекой и богатым собранием рукописей находился у кн. Д. М. Голицына (1665—1738) в его подмосковной — с. Архангельском. Часть этих рукописей в начале XIX века попала в собрание гр. Ф. А. Толстого, но лучшие из них были расхищены при описи имения Голицына — после его опалы при Бироне (И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II, М., 1873, стр. 331; Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874, стр. 91—92; Н. Н. Голицын. Род князей Голицыных, т. I. СПб., 1892, стр. 125—126, 450).

⁴ Н. Попов, В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 431, 450 и сл.

в западной научной школе, но также не могли не отозваться у нас в тех или иных кругах и остаться без подражаний. Тем не менее архивистов-любителей и бескорыстных собирателей древностей тогда было у нас немного и деятельность их не привлекала еще к себе того широкого общественного сочувствия, которое она приобрела несколько десятилетий спустя; розысками и коллекционированием рукописей тогда интересовались одиночки, по преимуществу академические или университетские ученые.

Лишь в конце этого столетия стало наблюдаться уже нечто иное. Вместе с широко развившимся к этому времени в богатых дворянских семьях увлечением коллекционированием картин, древностей, предметов искусства, размах которого немало удивлял иностранных путешественников,⁵ в тех же семьях постепенно прививался вкус и к собиранию памятников древней письменности. Старые манускрипты, нередко большой исторической ценности, приобретающиеся дома и за границей, стали занимать свое место среди других раритетов домашних «музейных» собраний или даже составлять особые отделы больших личных библиотек. Некоторые из таких собраний и тогда уже пользовались значительной известностью.

А. И. Мусин-Пушкин, например, с 1775 года начал собирать древние русские монеты, древности, книги и рукописи. По его собственному рассказу, записанному К. Ф. Калайдовичем, «сия склонность, по любви к отечеству», усилилась в нем двадцать лет спустя, после того как ему случайно удалось приобрести целый богатый архив, предназначенный к уничтожению. Однажды «нечаянно узнал он, что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах множество старинных книг и бумаг, принадлежавших Крекшину, которых великая куча лежит в лавке у книгопродавца, и что в числе их есть такие, коих прочесть не можно...». Тогда он «не медля, того же часу поехал в лавку; не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил и не вышел из лавки, доколе всего, при себе положи

⁵ О размерах и характере торговли предметами искусства в одном только Петербурге косвенное представление дают газетные объявления о продажах и покупках такого рода, анализированные в статье П. Столянского (Старый Петербург. Торговля художественными произведениями в XVIII в. СПб., 1913); в Москве подобная торговля шла не менее оживленно. Английский путешественник Бенджамин Кларк, приезжавший в Россию в последние годы XVIII века, глядя на картинные галереи и мраморы, собранные в богатых подмосковных имениях, восклицал в своей книге (B. Clarke. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, vol. I, London, 1810): «Можно подумать, что русские богачи обобрали всю Европу для составления своих замечательных коллекций» (ср.: Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1874, стр. 97).

на телеги, не отправил в дом свой».⁶ Так будто бы положено было начало его знаменитому рукописному собранию, впоследствии сгоревшему при пожаре Москвы в 1812 году, составлявшемуся в течение нескольких лет, и в котором среди многих других драгоценных рукописей находился единственный список «Слова о полку Игореве». В этот анекдотический рассказ, напечатанный в 1813 году, очевидцы внесли некоторые поправки: дело якобы происходило не в 1795, а в 1791 году;⁷ к этому времени А. И. Мусин-Пушкин уже не только успел объединить в своей библиотеке многие замечательные произведения древней русской письменности, но и издать некоторые из них (вместе с Болтиным он выпустил в свет «Духовную в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим» (1795), а затем «Русскую Правду» (1799); в 1795 году найдено было «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 году). Однако эти поправки не меняют сути дела. Начало русской археографической «романтики» и эра замечательных открытий в древних русских рукописях наступили в последние десятилетия XVIII века. Тогда и начала возникать собирательская горячка по их отысканию и сбережению от окружающего нерадения и невежества. Случай покупки крекшинских бумаг не был единичным. И в ту пору, и особенно одно-два десятилетия спустя, подобные рассказы ходили среди самих собирателей и нередко публиковались; таков был, например, известный широкому кругу рассказ о спасении Е. Болховитиновым древнейших пергаменных рукописей Юрьевского новгородского монастыря, предназначавшихся к потоплению в реке Волхове, среди которых оказались листки неизвестных дотоле произведений XI века.⁸

⁶ К. Ф. Калайдович. Записки для биографии гр. А. И. Мусина-Пушкина. «Вестник Европы», 1813, ч. 72, № 21, стр. 78; «Записки о Трудах Общества истории и древностей», ч. II, М., 1829, стр. 1—48.

⁷ Письма В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу, СПб., 1883, стр. 10. — Сопиков замечает, что в этом рассказе, как он изложен в «Вестнике Европы», «несправедливо сказано, что будто с журналом Петра Великого, собранным Крекшинным, купленным на рынке у книгопродавца, нашел он Лаврентьевский список Несторовой летописи и многие другие важные древние летописи и книги. Книгопродавец, у кого он эту кучу купил за 300 руб., был я. Сня куча привезена была ко мне не на многих телегах, но на одних обыкновенных роспусках, и содержала в себе 37 (а не 27) книг черного журнала Петра Великого, несколько печатных указов имп. Анны Иоанновны и ничего более. Это происходило в 1791 году, а в 1795, по случаю издаваемой мною летописи св. Димитрия в св. Синоде, сей журнал, по желанию самого графа Пушкина, я взял обратно за 300 руб. и променял его на книги Петру Богдановичу, который увез его с собою в Полтаву. Но нужные и важные записки, в нем бывшие, графом Пушкиным все уже были вырваны».

⁸ «Переписка А. Х. Востокова... с объяснительными примечаниями И. Срезневского» «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка

Чем менее интересовались подобными пергаменами и бумагами в широких кругах, тем больше возможностей для наживы было у их собирателей; удачные находки возбуждали усилia других, тем более, что покупки рукописных книг в то время, по видимому, еще не требовали особенно больших средств. На рубеже XVIII—XIX веков довольно обширные собрания манускриптов образовывались не только у богатых ценителей, а их действительные знатоки находились сначала среди малообеспеченных слоев разночинной интеллигенции.

Профессор Московского университета Ф. Г. Баузе (1752—1812), поселившись в Москве в 1786 году, стал ревностно собирать русские древности, сначала монеты, потом старопечатные книги и рукописи. По свидетельству современников, он сам ходил для этого по толкучему рынку, выискивал везде охотников продать ему манускрипты и после многолетних стараний, дополнив свои сокровища покупкою книг и рукописей известного в то время собирателя древностей Игнатия Ферапонтова, успел составить такое собрание, какое, по отзыву К. Ф. Калайдовича, было едва ли не единственным в своем роде. По смерти Баузе молодое московское «Общество истории и древностей», основанное в 1804 году, предполагало купить все его рукописи, но покупка не состоялась, и вскоре все собрание погибло при пожаре Москвы в 1812 году. До нас дошли лишь каталоги этого собрания и небольшие заметки о его достопримечательностях, написанные К. Ф. Калайдовичем.⁹ Тогда же погибли многие другие рукописные собрания — самого Калайдовича, по его собственным словам, «редкий памятник истории и словесности отечественной»,¹⁰ П. Г. Демидова¹¹ и многих др. В 1817 году

и словесности имп. Академии наук», т. V, вып. 2, СПб., 1893, стр. 23—24; Н. И. По л е т а е в. Разработка русской исторической науки в первой половине XIX ст., I. Архивы и библиотеки в первой половине XIX ст. «Библиограф», 1892, № 1, стр. 21—22.

⁹ К. К а л а й д о в и ч. Известия о древностях славенорусских и об Игнатие Ферапонто维奇 Ферапонтове, первом собирателе оных, М., 1811, стр. 14—17. См.: «Вестник Европы», 1811, ч. 55, № 1, стр. 58—59. — В заметке, помещенной в «Энциклопедическом лексиконе» (т. V, СПб., 1836, стр. 98), о Баузе говорится: «...известен в особенности тем, что в конце XVIII века был одним из главных собирателей русских древностей (монет, рукописей). Он был отличный латинист, критический изыскатель по части археологии и основательный правоведец». См. еще «Биографический словарь профессоров Московского университета», М., 1855, стр. 81—82; «Каталог славяно-русским рукописям, погибшим в 1812 году, проф. Баузе», сост. В. Н. Каразиным «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских» М., 1862, кн. 2, отд. V, стр. 45—79.

¹⁰ П. Бессонов. К. Ф. Калайдович, т. II, М., 1862, стр. 31.

¹¹ «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1846, № 2, смесь, стр. 1—35.

тот же Калайдович в некрологе приятеля своего Н. И. Матрушина рассказал об одном из бескорыстных любителей старины той начальной поры русского собирательства, труды которых также уничтожены были в 1812 году. Интересна и самая биография этого библиофила, дающая представление о тех кругах, в которых первоначально проявлялись собирательские вкусы. Матрушин родился в 1777 году, служил в разных гражданских должностях, затем был экзекутором в сенате, откуда вышел в отставку в 1815 году. Любовь к наукам «и особенно к русским древностям» была присуща ему с детских лет. Матрушин, — рассказывает Калайдович, — «собирал все, что только достать мог, нередко весьма дорогою ценою, объяснявшее просвещение России и свидетельствующее о ее славе. Богатое собрание рукописей и печатных книг, во 176 экземплярах состоящее, в числе коих находилось много редких и единственных, принес он в 1811 и 1812 годах в дар Обществу истории и древностей российских. . . К крайнему прискорбию Общество не успело воспользоваться сим собранием, ибо оно вместе со всей библиотекою погибло в пламени, пожравшем Москву в 1812 году. Одна только память об их существовании сохранилась в I части Записок и Трудов исторического общества». «Такой удар, — прибавляет Калайдович, — не удержал собирателя от любимой его страсти, и он в 1815 и 1816 годах еще подарил Обществу значительное собрание книг числом до 100, как рукописных, так и старых печатных. . .».¹²

Все упомянутые собрания, составившиеся на рубеже XVIII и XIX веков, состояли преимущественно из русских и старославянских рукописей. Но в ту пору у нас деятельно собирали также и редкие иностранные книги. При пожаре Москвы в 1812 году погибла одна из ценнейших тогдашних московских иностранных библиотек, собранная гр. Д. П. Бутурлиным (1763—1829). Это была библиотека просвещенного библиофила и настоящего ценителя, который подбирал себе книги со вкусом и хорошим пониманием их действительной ценности. Упомянутый выше англичанин-путешественник Б. Кларк, осматривавший эту библиотеку и «музеум» Бутурлина, хранившиеся в его поместительном доме на Яузе, рядом с дворцовым садом, свидетельствует: «Этот вельможа не только собирает редчайшие издания классиков, но некоторых писателей, например, Вергилия имеет в стольких экземплярах, что они составляют целую библиотеку. Книги его помещаются в нескольких комнатах. Они переплетаются в его доме и этим занимают несколько масте-

¹² — вичь [К. Ф. Калайдович]. Некрология. «Сын Отечества», 1817, № 4, стр. 175—176.

ров, постоянно живущих у него. У него есть все *editiones principes*. Его собрание инкунабул, напечатанных в XV столетии, доходит до 6000 томов. По Орландиеву списку авторов (*Origine e Progressi della Stampa etc. Auctore Orlandi, Bononiae, 1722*); изданных между 1457 и 1500 годами, число их доходило до 1303. Вероятно, они почти все есть у Бутурлина.¹³ Наряду с книгами у Бутурлина хранились также и рукописи; они были хотя и не очень многочисленны (в печатном каталоге 1805 года их значится 24 номера), но исключительно ценны. Среди них были список «Божественной комедии» Данте (может быть, с поправками его собственной руки), происходивший из семьи покровителей поэта, Маласпина, переписка короля Генриха IV с его министром Сюлли и т. д. Единственным памятником этой погибшей библиотеки остался изданный самим Д. П. Бутурлиным в 1805 году в Париже с помощью известных библиографов А. Барбье и Ш. Пужана «Каталог» («*Catalogue de la bibliothèque du comte Boutourline*», VI + 758 стр.), в свою очередь сделавшийся редкостью, так как большая часть тиража этого издания также погибла в московском огне. Описывая этот каталог в «Журнале Министерства народного просвещения» спустя четверть века после утраты библиотеки, автор заметки писал: «Может быть, читателям нашим, и особенно любителям книговедения, приятно будет вспомнить об этой драгоценности, погибшей в числе многих других, которыми отечество наше в ту несчастную годину пожертвовало для общего спасения и блага».¹⁴

В 1817 году Д. П. Бутурлин выехал за границу, окончательно поселился во Флоренции и снова начал собирать здесь вторую библиотеку. Со временем она также превратилась в драгоценное собрание, в котором также имелись рукописи (гордостью владельца был, между прочим, приобретенный им рукописный отрывок Т. Тассо), но большая ее часть в Россию уже не возвратилась.

Рассказывая о своей первой библиотеке в предисловии к ее «Каталогу» 1805 года, Бутурлин писал: «Я также имею некоторые рукописи на пергамене. Со временем все это выйдет в свет. Но ничего не домогаясь, не беру на себя никакой ответственности. Смятением на Юге Север обязан стяжанием многих редкостей по всем отраслям наук. Без того сии сокровища никак не оставили бы своего крова, чтобы посетить нас. Несколько их погибло на сем дальнем пути; многие же, почитаемые погиб-

¹³ Г. Геннадии. Русские библиофилы. Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги. «Журнал Министерства народного просвещения», 1856, № 4, стр. 1—10.

¹⁴ Воспоминание о библиотеке графа Бутурлина. «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, № 10, июнь, стр. 630—633.

шими, может быть некогда воскреснут далеко от своего отечества. Все в природе подвержено таким переменам, и книга имеет свою судьбу...». «Смятение на юге» — это эвфемистическое наименование французской революции 1789 года, которую российский вельможа не захотел или не смог назвать в 1805 году. Принадлежавший к следующему поколению, С. А. Соболевский в своей заметке о первой погибшей библиотеке Д. П. Бутурлина сказал прямо, что она была «составлена из книг, рассеянных французской революцией».¹⁵ Действительно, многие русские книжные и рукописные собрания конца XVIII века очень пополнились благодаря покупкам редких книг и манускриптов в революционном Париже и других городах Франции. Таковы были, например, книги и бумаги, приобретенные в самый разгар революционных событий молодым графом П. А. Строгоновым, воспитатель которого Жильбер Ромм, был активным деятелем Законодательного Собрания.¹⁶ Очень обогатились тогда собрания Воронцовых.¹⁷ Но одно из наиболее замечательных собраний, составившихся в то время, было собрание П. П. Дубровского, скромного чиновника русского посольства в Париже.

Характерно, что вкус к собиранию исторических докумен-

¹⁵ «Русский архив», 1867, кн. I, вып. 2, стр. 383—384.

¹⁶ Многие из этих книг, среди которых были книжные редкости, библиофильские экземпляры и французские рукописи, пожертвованы были гр. А. Г. Строгоновым Томскому университету при его основании в 1879 году, см.: Н. [А. И. Мнлютин]. Библиотека гр. Строгонова в Томском университете. «Русский библиофил», 1914, № 2, стр. 5—24. Среди них оказалась, например, книга из библиотеки Вольтера с его автографическими заметками, описанная мною в сб. «Вольтер». Статьи и материалы. (Л., 1947, стр. 210—218).

¹⁷ В. А. Петров. Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отдела Института истории Академии наук СССР. «Проблемы источниковедения», т. V, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 102—145. — О редчайших изданиях революционной Франции, которыми пополнились тогда библиотеки Воронцовых см.: А. И. Малейн. Литература времени Великой французской революции в собраниях АН СССР. «Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, 1934, № 2, стр. 119—130 и № 4, стр. 269—280; П. Н. Берков, А. И. Малейн и Р. М. Тонкова. Издания времени Великой французской революции в собрании Одесской центральной научной библиотеки. Там же, 1935, № 6, стр. 599—612; О. Л. Вайнштейн. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой французской революции (1789—1796), по материалам воронцовской библиотеки, Одесса, 1924. — Воронцовы интересовались также русскими рукописями. Опубликованы интересные письма П. А. Валуева к А. Р. Воронцову 1805 года с напоминаниями о необходимости возвратить в архив придворной экспедиции взятые им оттуда «четыре древние книги, которые достопамятностью своею заслужили ваше любопытство и внимание» («Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. IX, М., 1901, стр. 136—138): это были разрядные книги с пометами Петра I и грамоты Алексея Михайловича.

тов и рукописей проявился у Дубровского задолго до того, когда исторические события позволили ему удовлетворить его страсть в самой широкой степени. Биография П. П. Дубровского (1754—1816) известна довольно плохо и, во всяком случае, оставляет нас в неясности относительно того, под каким воздействием и в каких условиях возник у него интерес к собиранию исторических достопримечательностей. Известно лишь, что «с юношеских лет Дубровский проявлял живой интерес к различному рода памятникам старины и уже тогда начал собирать рукописи».¹⁸ Очевидно, образование, полученное им в Киевской Духовной Академии, которую он окончил в 1772 году, усилило его исторические интересы и библиофильские пристрастия; однако пребывание в стенах этого древнего учебного заведения, с его замечательной библиотекой, не возбудило в нем никаких стремлений обеспечить себе карьеру духовного лица, потому что он, по его собственным словам, пожелал «довершить свои учения в иностранных университетах». Для достижения этой цели он испросил себе, для начала, незначительное место при российской посольской церкви в Париже (1778). При этом посольстве он служил много лет. В 1780 году, например, он определен был «той же миссии студентом», т. е. своего рода практикантом; должности же, которые он занимал затем в посольстве, были самые скромные — актуариус, переводчик и т. д.; иногда на него возлагались мелкие поручения с разъездами по другим странам, советником же и секретарем Дубровский сделался лишь в то время, когда весь основной состав посольства был отозван в Петербург.¹⁹

Любопытно, что свою собирательскую деятельность Дубровский начал в том же 1778 году, когда появился в Париже. Он

¹⁸ Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова—Щедрина. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154; А. Д. Ивановский. Несколько слов о киевском уроженце, Петре Дубровском, замечательном собирателе книг и рукописей. «Киевлянин», 1869, № 114; см. также его брошюру: «Археологические исследования гос. канцлера гр. Н. П. Румянцева. Значение библиотек в России и важности заслуг Петра Дубровского, бар. М. А. Корфа и ген. Н. В. Исаева. Извлечение из публичных лекций проф. А. Д. Ивановского», Киев, 1869; впрочем, она не содержит в себе сколько-нибудь существенных данных или соображений.

¹⁹ А. А. Васильчиков. О собирателе рукописей Дубровском. «Русский архив», 1878, кн. II, № 8, стр. 437—441. Некоторые бумаги Дубровского, опубликованные в этой статье, хранятся ныне в оригиналах в архиве Ленинградского отделения Института истории под шифром к. 238. III. 24 (см.: «Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории», М.—Л., 1958); однако Васильчикову остались неизвестны некоторые из них; таковы формулярный список Дубровского, паспорт его на проезд из Парижа в г. Лилль, письма к нему 1805—1811 годов и др.

вошел в сношения с Ж.-Ж. Руссо и в том же году получил через его посредство весьма ценный пергаменный кодекс XV века с текстом Тита Ливия.²⁰ Интересно отметить, что десятилетие спустя Дубровский находился в переписке с Радищевым и посылал на его имя в Петербург приобретенные им и предназначавшиеся для А. Р. Воронцова книги; так, 26 января 1787 года Радищев извещал Воронцова: «От Дубровского я получил книг с десять, но не могу еще сказать какие, ибо еще смерзлись; снаружи видно, что они попортились»; в следующем же письме Радищев перечислял уже эти книги, оказавшиеся в полученном им пакете, самый выбор которых представляет несомненный интерес, так как, по-видимому, Дубровский как покупатель-комиссионер предоставлен был собственной инициативе. «Книги, доставленные мне от господина Дубровского, — писал Радищев А. Р. Воронцову, — суть следующие: *Memoires de Voltaire, un défenseur du peuple à Joseph, La vie de Voltaire, Le triomphe du nouveau monde, 2 vol., Les fastes de Louis XV, 2 vol.* Сии последние в худом состоянии, так что многие листы слиняли; прочие же хотя на взгляд нехороши, но внутренние листы все целы».²¹ К сожалению, остается неизвестным, как часто посылал Дубровский из Парижа в Петербург подобные книжные посылки для Радищева и Воронцова, но следует думать, что указанная посылка была не единственной.

Таким образом, уже в конце 70-х и в 80-е годы Дубровский занимался в Париже приобретением книг и рукописей. Однако собирательская его деятельность во всю ширь смогла развернуться лишь после взятия Бастилии, 14 июля 1789 года, когда для этого открылись самые широкие возможности. О том, как шла она в революционные годы (он находился в Париже до 1792 года), мы также имеем самые неполные и неточные сведения; неясно, например, даже и то, как собраны были Дубровским документы из архива Бастилии, — подобраны ли они им самим и «в бастильском рву» 15 июля 1789 года, еще до того как приняты были меры к охране разгромленного архива,²² или приобретены позже каким-либо другим путем.²³ Об обстоя-

²⁰ Подробнее об этом см. ниже, стр. 127—128.

²¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 325—326; ранее эти письма напечатаны в «Архиве кн. Воронцова», кн. XII, М., 1877, стр. 423—425.

²² В. С. Люблинский. Вольтер в советских фондах. Сб. «Вольтер». Статьи и материалы. Под ред. акад. В. П. Волгина, М.—Л., 1948, стр. 326; «Литературное наследство», 1937, т. 29—30, стр. 181—182.

²³ «Трудно себе представить, — замечает по этому поводу А. Д. Люблинская, — чтобы он [Дубровский] в те дни, когда весь Париж интересовался Бастилией, не побывал там, где можно было достать рукописи и притом такие заманчивые, как бастильские. Невозможно также допустить,

тельстввах покупки Дубровским прочих рукописей мы можем лишь догадываться; очевидно лишь, что он не терял времени даром.

О жизни Дубровского в революционной Франции мы имеем сбивчивые и противоречивые данные. До Петербурга несомненно дошло, что он завел в Париже русскую типографию, в которой собирался печатать собственные книги: «Русский Плютарх или жизнь славных мужей в России, с начала 4-го столетия до нынешних времен» и описание своих путешествий «в Испанию, Португалию и полуденных провинциях Франции», как об этом он сам сообщал письмом на имя кн. П. Потемкина.²⁴ По-видимому, это были вполне «благонамеренные» издания, если он сам испрашивал для выпуска их в свет материальную поддержку. Сохранилось, однако, известие, что он собирался также напечатать здесь «Декларацию прав человека и гражданина» в русском переводе; может быть, именно с этой его попыткой находится в связи сообщение, появившееся в революционной «Gazette Nationale, ou le Moniteur Universel», что «для просвещения северных варваров» «Декларация прав» будет переведена на «язык гипербореев» и отпечатана в Париже.²⁵ Этот замысел Дубровского объясняют дружескими отношениями, которые якобы установились у него в то время с молодым графом Павлом Александровичем Строгоновым, жившим в Париже под именем Paul Otcher, и революционные порывы которого были усилены воздействиями воспитателя его яковинца Жильбера Ромма.²⁶ Эти догадки требуют еще доку-

чтобы он сумел выискать и отобрать в самой Бастилии такие редкостные вещи, как полицейское дело о Вольтере, толстый том мемуаров самого знаменитого из бастильских узников Латюда или — что его как русского должно было особенно заинтересовать — письма французского резидента в России в 1745 году и т. д. Вероятнее всего, что все это он скупил позднее» («Бастилия и ее архив». «Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции», Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 121; о «бастильском фонде» среди рукописей, собранных П. П. Дубровским, см. также в более ранних статьях А. Д. Люблинской: «Les documents littéraires de la Bastille» в журнале «La littérature internationale» (Moscou, 1939, № 6, p. 79—86), «Рукописи средневековья и эпохи французской буржуазной революции» в «Историческом журнале» (1939, № 6) и др.

²⁴ М. Оболенский. Русская типография в Париже в 1790-х годах. «Библиографические записки», 1858, № 5, стр. 155—156.

²⁵ «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке», под ред. В. М. Андерсона, Петербург, 1920, стр. VIII. — Затея Дубровского не осуществилась; по крайней мере ни одного печатного экземпляра «Декларации» в русском переводе не сохранилось. О рукописных переводах «декларации» XVIII века см.: М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794. М., 1956, стр. 179.

²⁶ В. П. Семеновиков. Радичев. Очерки и исследования, М., — Пгр., 1923, стр. 213.

ментальных подтверждений, но они довольно правдоподобны, в особенности если принять во внимание, что Дубровский был корреспондентом Радищева и несомненно имел также и другие связи с деятелями революционной Франции; о некоторых из них мы скажем ниже.

Французские исследователи, напротив того, по неизвестным для нас основаниям, называют Дубровского комиссионером Екатерины II по приобретению книг и рукописей во Франции и приводят даже кое-какие анекдотические подробности о его покупках, впрочем не подтверждаемые русскими источниками.²⁷ Так или иначе, но пятнадцать лет, проведенных Дубровским во Франции (включая сюда и его выезды с дипломатическими поручениями в Брюссель, Гаагу и Гамбург), позволили ему составить исключительное по своему богатству собрание рукописей, число которых, по подсчетам 1812 года доходило до 11 тысяч; особенно редких и драгоценных манускриптов значилось тогда, в общем их перечне, 1065 номеров,²⁸ на самом же деле их было гораздо больше.

Характеристика собрания П. П. Дубровского в его современном состоянии не входит в нашу задачу, тем более, что общие обзоры его рукописных сокровищ публиковались в последнее время не раз.²⁹ Отметим лишь, что и в настоящее время

²⁷ Так, например, Л. Пенго (L. P i n g a u d. Les Français en Russie et les Russes en France, Paris, 1886, p. 290), упомянув о том, почему Дубровский после взятия Бастилии «мог приобрести за бесценок сотни связок бумаг, забрызганных грязью и разбросанных победителями на мостовой», более подробно останавливается на покупке им древних рукописей из знаменитой библиотеки Сен-Жерменского аббатства. По его словам, когда монахи-бенедиктинцы были изгнаны из аббатства, он получил часть их сокровищ, предложив им «за эту часть тридцать шесть тысяч ливров. Двенадцать тысяч уплачены были им наличными; когда же он захотел воучить монахам оставшуюся сумму, оказалось, что они исчезли бесследно. Ему удалось разыскать лишь одного старца, бежавшего в Лондон, которому он и выплачивал небольшую сумму до конца его жизни». В более позднем труде Э. Омана (E. H a u m a n t La culture française en Russie. Paris, 1910, p. 175) этот частный случай уже превращен в типический: по его мнению, древние манускрипты стоили Дубровскому «тем дешевле, что почти всегда те, кто их продавал, исчезали до того, когда он хотел рассчитаться с ними полностью». Неизвестно также, почему хранителем собрания Дубровского в «Депю манускриптов» назван не он сам, а французский эмигрант и воинствующий католик «chevalier Bassinet d'Augard» (L. P i n g a u d. Les Français en Russie. . . , p. 290, 311—313). См. также: Gustave Bertrand. Catalogue des manuscrits français de la bibliothèque de St. Pétersbourg, Paris, 1874.

²⁸ «Русский архив», 1883, кн. II, № 6, стр. 439—440.

²⁹ А. Д. Люблинская а. 1) Рукописи средневековой и эпохи французской буржуазной революции. «Исторический журнал», 1939 № 6; 2) Западные рукописи в ленинградской Публичной библиотеке. «Советская наука», 1940, № 9, стр. 96—107; Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова—Щедрина. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154.

важнейшую часть собрания составляют рукописи западноевропейского происхождения. Здесь находятся и ценнейшие древние кодексы V—X веков, донные служащие важнейшими источниками для истории письма,³⁰ иллюминированные рукописи позднейших столетий (XI—XVI веков), с великолепными образцами миниатюрной живописи, происходящие из древнейших и знаменитейших библиотек Западной Европы. Особую часть собрания составляет огромный документальный архивный материал, в том числе многие сотни автографических писем различных исторических лиц, например Екатерины Медичи, Карла IX, Генриха IV, кардинала Мазарини и т. д. Среди манускриптов Дубровского были, впрочем, еще весьма достопримечательные рукописи греческие, восточные и славянские.³¹

Когда в конце 1804 года ящики с рукописями Дубровского прибыли из Парижа в Петербург, они, по-видимому, сразу же возбудили к себе внимание в кругах, причастных к литературе и искусству, и в правительственных сферах. В «Вестнике Европы», например, сообщали: «Наши соотечественники, знатнейшие особы, министры, вельможи, художники и литераторы с удовольствием посещают скромное жилище г. Дубровского и осматривают богатейшее сокровище веков, которое конечно достойно занимать место в великолепных чертогах».³² В «Северном вест-

³⁰ Этот фонд рукописей П. П. Дубровского подвергся тщательному изучению О. А. Добиаш-Рождественской и ее научной школы. См. в особенности ее работы: «Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Рукописи V—VII вв.» (Л., 1929); «Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде. («Труды комиссии по истории знаний», Л., 1930); «Гиберно-саксонский кодекс VII—IX вв. в Корби» (Л., 1930); «Корбийская мастерская письма и ее уники в Ленинграде». «Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук, 1934, № 4; «Histoire de l'atelier graphique de Corbie», Léningrad, 1934; «Un manuscrit de Bède à Léningrad», «Speculum» Cambridge, Mass. 1928, vol. III, N 3, p. 314—321 и др.

³¹ Остается неясным, где, когда и при каких обстоятельствах Дубровский приобрел рукописи из славянских стран. В собрании его находится, например, интересная латинская рукопись с голиардическими стихами, конца XIV начала XV века, несомненно чешского происхождения. Характеризуя ее, О. А. Добиаш-Рождественская заметила: «Очевидно, рукопись принадлежит не к французским закупкам Дубровского. Возможно, что ее, как и многие из своих коллекций, Дубровский приобрел в Польше» («Средневековье в рукописях Публичной библиотеки», вып. 1, Л., 1925, стр. 18). Однако мы не располагаем никакими данными о пребывании Дубровского в Польше. С другой стороны, известно, что, являясь уже хранителем «Депо манускриптов», Дубровский пытался пополнить его рукописями из других петербургских библиотек, в том числе и польскими. Так, М. А. Оболенский в письме к А. Х. Востокову (от 15 марта 1843 года) вспоминал о «подлинных пергаменных грамотах, некогда хранившихся в Краковском замке», «в 1808 г. взятых Дубровским из Сената в имп. Публичную библиотеку» (Переписка А. Х. Востокова, стр. 360).

³² «Вестник Европы», 1805, ч. XX, № 5, стр. 54.

нике» также говорилось, что еще до прибытия рукописей Дубровского в Россию «ученые ведомости не переставали отзываться о сем самом собрании» и «приписывали ему разные достоинства». «Сей всеобщий голос публики привлек и здесь почтенных любителей наших. Все знатные люди, министры и литераторы, собираются ежедневно в убогие стены, видеть богатейшее сокровище, которое конечно достойно обитать в чертогах; и мне кажется, что вокруг сих шкапов, посреди сих пергаментовых старых тетрадей, основывается у нас ученая кафедра, из которой исходит богатый источник археологии, доселе нам неизвестной...». «История наша приняла бы совсем другой вид, если бы учредилось у нас хранилище древних рукописей, которое бы отверсто было изысканиям ученых людей»; автор высказывал крайнее сожаление, что собирательство старых рукописей находится у нас еще в столь большом пренебрежении: «В России есть столько неизвестных углов, где они валяются в пыли и забвении, столь мало еще вкус к древности у нас распространился, так не много находится у нас охотников и знатоков сего дела, между теми даже, коим досталось их хранение...». Автор этой статьи был в таком восторге от этих сокровищ, что даже впадал в очевидные преувеличения; ему казалось, например, что музей рукописей, которого нам недоставало, окажет важнейшее влияние на современное просвещение: «...одни только общие усилия, порывование хорошим примерам путешественников-наблюдающих, и возбужденная склонность к изысканиям своих отечественных древностей — могут оказать величайшую услугу словесности нашей и довести ее до такого совершенства — как во Франции. Известно ученому свету, что с того времени как Людовик XIV завел Депо манускриптов — литература ее оказала быстрые успехи во всех частях учения...»³³ и т. д. Очевидно, высказанные здесь мысли были на устах у многих посетителей домашнего музея Дубровского, потому что такие мечтания — о хранилище рукописей национального значения — осуществились довольно быстро.

³³ «Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского». «Северный вестник», 1805, ч. V, № 2, стр. 220. Подпись: Г***. Автор этой большой статьи несомненно идентичен с автором названного выше «Письма к издателю» в «Вестнике Европы» того же года (ч. XX, № 5, стр. 48—66): «О музее г-на Дубровского», подписанной так же и с обозначением: С. Петербург генваря 30 дня 1805 г. В статье «Вестника Европы» автор обещал доставить в журнал «Краткое обозрение сих рукописей»; а издатель (М. Т. Каченовский) отметил тут же, что «он ожидает сего обозрения и поместит его в своем журнале». В «Вестнике Европы» оно не появилось; но, вероятно, именно оно и напечатано в «Северном вестнике» (ч. V, № 2, стр. 210—229; ч. VI, № 4, стр. 85—98; № 5, стр. 207—222): здесь все собрание характеризуется очень подробно; даны описания всех особенно замечательных рукописей Дубровского и библиографические справки.

По представлению гр. А. С. Строганова рескриптом Александра I от 27 февраля 1805 года повелено было учредить при императорской библиотеке «особенное депо манускриптов», «положив оному начало посвящаемым надворным советником Дубровским в пользу отечества драгоценным собранием манускриптов, в течение 30 лет им составленным». «Поручаю вам, — говорилось далее в том же рескрипте на имя Строганова, — принять от него означенное собрание и, соответственно желанию его и способностям, определить его хранителем сего, которое и должно по важности своей составлять особенное отделение императорской библиотеки, и находиться единственно под начальством главного директора».³⁴ В тот же день другой рескрипт Александра I (на имя кн. Чарторыйского, в то время состоявшего товарищем министра иностранных дел) предписывал выдать П. П. Дубровскому крупное денежное вознаграждение,³⁵ очевидно, в возмещение расходов за приобретение рукописей, значительных средств, затраченных на перевозку драгоценного груза и отчасти, — как можно догадываться, — за тот моральный ущерб, который причинен был П. П. Дубровскому в предшествующее царствование — при Павле I.

На эти плохо известные нам эпизоды из биографии Дубровского, по-видимому, бросают некоторый свет свидетельства А. Д. Бестужева-Рюмина в его «Записках». Под 29 мая 1812 года мы находим здесь отзыв о графе Ростопчине, которого, пишет автор, «я хорошо знаю... особенно по несправедливому поступку его с приятелем моим, Петром Петровичем Дубровским, который 25 лет находился вне пределов отечества при разных посольствах и служил с честью и похвалою. Граф Ростопчин не знал даже лица его, но при вступлении в звание вице-канцлера, в царствование имп. Павла I, исключил его, Дубровского, из службы, единственно потому, что он не был никому знаком из приближенных к графу, и такую несправедливостью свергнул его в самое затруднительное положение возвратиться в отечество и потом, когда он „кой как“ возвратился и явился к нему, Ростопчину, он оболгал его перед государем, и Дубровский был выслан из Петербурга».³⁶ Возможно, что настоящей причиной сурового отношения к Дубровскому оказались дошедшие до столицы и правительственных кругов сведения о его вольномыслии и деятельности в революционной Франции, в частности о той, самовольно заведенной им в Париже русской типографии, о которой уже упоминалось выше. Но все эти

³⁴ К биографии надворного советника Дубровского. «Русская старина», 1899, № 1, стр. 134.

³⁵ Там же.

³⁶ «Русский архив», 1910, кн. II, вып. 5, стр. 80—81.

обстоятельства полны пока еще не разрешенных загадок. Мы не знаем точно ни куда, ни на какое время Дубровский был выслаем из Петербурга, ни того, где хранились в это время привезенные им рукописи; нам неизвестны также ни точные даты его отъезда из Франции,³⁷ ни условия, при которых производилась их перевозка. По-видимому, это было не легким делом, и перевезены были в Петербург не все собранные им рукописи. Из-за возникших у него в то время денежных затруднений он вынужден был продать часть своего собрания,³⁸ другая осталась в Париже на хранении, но пропала бесследно.

Все эти обстоятельства были хорошо известны в Петербурге тем лицам, которые хлопотали о ее приобретении. Всей совокупностью этих обстоятельств, надо думать, и объясняются милости, которыми был осыпан Дубровский, и большая денежная сумма, которую он получил в награду за собрание рукописей, поднесенное им Александру I.

Основанное «Депо манускриптов» вызвало восторженные отклики печати. «Участь музея рукописей г. Дубровского решена, — писали в «Северном вестнике». — Полтора года мы были в сомнении, что сокровище сие уйдет в чужие края, но благодаря ходатайству наших меценатов, оно остается у нас...».³⁹

Хранителем этого «Депо» Дубровский оставался до самой своей смерти в 1812 году. По-видимому, в этот период и сам собиратель, и его манускрипты не пользовались уже той популярностью, какою они были окружены вскоре после прибытия своего в Петербург. Некоторое общественное возбуждение, вызванное ими в то время, в значительной степени объяснялось

³⁷ По одним известиям Дубровский «покинул Париж до террора и правления Робеспьера» («Русский архив», 1878, кн. II, № 8, стр. 431), по другим — он оставался там и продолжал свои приобретения, «не смотря на проiski злодейского Робеспьера, который, имея на него личные неудовольствия, захватил и опечатав было все его пожитки» («Северный вестник», 1805, ч. V, № 2, стр. 217). В Петербург он поехал, по-видимому, в 1800 году.

³⁸ «Северный вестник», 1805, ч. VI, № 4, стр. 85—87; «Вестник Европы», 1805, ч. XX, № 8, стр. 309.

³⁹ Еще «Северный вестник» (1805, ч. V, вып. 2, стр. 221 и 228) сообщил, что «частые откомандировки по разным посольствам, неожиданные выезды по причине разрыва политических связей, и другие неприятности, ему случавшиеся... нанесли его коллекции незаменимый урон. С прискорбием принужден он был оторвать лучшую из нее греческую партию, которой едва ли осталась равная в Патриаршей библиотеке в Москве, и выпустить ее в чужие края». Некоторая (и, по-видимому, довольно значительная) часть собрания Дубровского осталась в Париже «под присмотром датского посланника»; еще 7 апреля 1812 года Дубровский писал А. Н. Оленину, что он не имеет никаких сведений об этой части своей коллекции. «что он не уверен, в целости ли она или уже повреждена гнилоюстью, и что в ней расхищено во время Робеспьера» («Русский архив», 1878, кн. II, № 8, стр. 439). Дальнейшая их судьба осталась неизвестной.

озабоченностью за судьбу этого собрания, и в Петербург попавшего уже не в полном своем виде; волнение, однако, улеглось, когда рукописи нашли свое пристанище и потеряли значение злободневной новинки. Рукописей было так много, что самое приведение их в порядок и составление их «перечневой описи» требовали значительного времени и труда. Оказалось, между прочим, что среди собранных рукописей обнаружались и такие, какие в то время несомненно не подлежали широкому оглашению, например собственноручные замечания Людовика XVI на книгу Рюльера о воцарении Екатерины II (король читал эту книгу еще в рукописи);⁴⁰ известные опасения в том же отношении могли вызывать и кое-какие архивные документы дипломатического характера, относящиеся к России. Пока все манускрипты размещались и описывались заново в особом, отведенном для них помещении, доступ к ним, вероятно, был более затруднен, чем в то время, когда они находились еще в «скромном жилище» собирателя, «отверстом всякому любопытствующему»; туда, как мы видели, первоначально устраивались целые паломничества. Всеми указанными обстоятельствами, может быть, и объясняется то, что призыв, раздавшийся со страниц «Северного вестника», «чтобы все литераторы и любители древностей подвинулись к сему средоточию учености и сделали бы его предметом своих изысканий», остался на некоторое время без ответа. Мы можем указать лишь на несколько случаев любопытства к манускриптам Дубровского в русских литературных кругах, возникшего между 1805 и 1812 годами.

Упоминавшиеся выше ссылки русских журналов (например, «Северного вестника», 1805) на западноевропейские «ученые ведомости», которые якобы «не переставали отзываться» о собрании Дубровского, отвечали действительности; в Германии, например, в те годы появилось несколько сообщений о нем. Любопытно, что автором нескольких и очень обстоятельных статей о рукописях Дубровского был известный петербургский ученый Ф. Аделунг. Еще в 1804 году в пяти номерах иенской газеты он опубликовал статьи: «Краткие известия об одном в высшей степени замечательном собрании древнейших и редчайших рукописей, находящихся в настоящее время в частной библиотеке в С.-Петербурге».⁴¹ В следующие годы (1805—1806), когда это собрание уже было приобщено к новооснованному в Петербурге «Депю манускриптов», Ф. Аделунг снова напечатал в двух вы-

⁴⁰ «Русский архив», 1910, кн. I, вып. 5, стр. 80, прим. (указание П. И. Бартенева).

⁴¹ F. Adelung. Kurze Nachrichten von einer äusserst merkwürdigen Sammlung der ältesten und seltensten Handschriften, welche sich gegenwärtig in einer Privat-Bibliothek in St.-Petersburg befinden. «Intelligenzblatt der Allgemeinen Litteratur-Zeitung». 1804, №№ 77, 78, 80, 82, 83.

пусках периодического издания, издававшегося Г. Шторхом, «Russland unter Alexander dem Ersten», еще более обширное и подробное описание тех же рукописей, под заглавием: «Известие о собрании манускриптов Дубровского в С.-Петербурге».⁴²

Статьи Ф. Аделунга представляют большой интерес. Они сообщили очень важные данные для целого ряда последующих описаний рукописей, привезенных Дубровским, но сохраняют свое значение первоисточника, потому что основаны несомненно на рассказах и объяснениях самого собирателя, тогда как авторы последующих статей сократили, а кое в чем и исказили сведения, приведенные Аделунгом по горячим следам: он знакомился с манускриптами еще тогда, когда они находились на квартире Дубровского. Кстати сказать, эти статьи Аделунга были у нас прочно забыты; они вовсе не упоминаются в небольшой русской исследовательской литературе, посвященной Дубровскому.⁴³

Статьи Аделунга, однако, не только приводят весьма интересные характеристики самых рукописей; они сообщают также кое-какие данные и о том, как шло их собирание и какие изменения претерпела коллекция до своего появления в Петербурге. Так, например, во всех русских источниках, начиная от самых ранних, с удивительным однообразием повторяется известие, что значительная часть греческих рукописей, собранных Дубровским, еще в Париже продана была им из-за денежных затруднений «герцогу Бофортскому», в Англию.⁴⁴ Что с ними стало впоследствии, при каких обстоятельствах совершилась вынужденная их продажа совершенно мифическому лицу, об этом не было сообщено нигде. Между тем, обращение к статье Аделунга проливает свет на эту загадку и дает новое направление разысканиям по этому поводу, которые могут привести к интересным и неожиданным результатам. По свидетельству Аде-

⁴² [F. Adelung]. Nachricht von der Dubrowskischen Manuskripten-Sammlung in St.-Petersburg. «Russland unter Alexander dem Ersten. Eine Historische Zeitschrift, hrsg. von Heinrich Storch», St.-Petersburg und Leipzig, Bd. 6 (1805), S. 254—276; Bd. 7 (1805), S. 383—384 (об основании «Депю манускриптов»); Bd. 8 (1806), S. 82—113.

⁴³ Отметим, кстати, что и сам Федор [Фридрих] Павлович Аделунг (1768—1844), долго живя в Петербурге, собрал здесь библиотеку, в которой было свыше четырех тысяч редких книг и 603 рукописи (кратко описаны в брошюре Шеррена: «A Short Notice of the Collection of Books and MSS Made by Late Theodor Adelung». St.-Petersburg, 1844; ср. «С.-Петербургские ведомости», 1841, №№ 231—232).

⁴⁴ Тому же «герцогу Бофортскому» приписывали предложение, якобы сделанное Дубровскому, купить все его рукописи целиком, которые будто бы были оценены в сумме 7 тысяч фунтов стерлингов. Эта легенда повторялась даже в официальных справочных книгах. См.: «Музей императорского Эрмитажа. Описание разных собраний, составляющих музей...». СПб., 1861, стр. 29.

лунга, Дубровский продал свои греческие рукописи «г. Бекфорду (an den Herrn Beckford), богатому англичанину в Лиссабон».⁴⁵ Таким образом, речь шла здесь не о неизвестном «герцоге Бофортском», но о другом, при этом весьма примечательном лице.

Вильям Бекфорд (1759—1844) хорошо известен в летописях английской культуры и искусства как автор знаменитой ориентальной сказки «Ватек» и нескольких других книг, но прежде всего своей необычной судьбой.⁴⁶ Еще в XVIII веке вокруг его имени сложилось много легенд, доныне привлекающих его многочисленных биографов. Получивший блестящее образование, сделавшее из него тонкого ценителя литературы, живописи и музыки, Бекфорд стал обладателем огромного состояния, позволившего ему не стеснять себя ни в чем ради прихотей самого требовательного вкуса. В поместье своем, Фонтхилле, Бекфорд выстроил по особому причудливому плану поместительный дворец и превратил его в сокровищницу произведений искусства и древностей, вывезенных со всех концов Европы. Бекфорд отличался также страстью к путешествиям; с 1780 года, в течение пятнадцати лет, он редко бывал в Англии и странствовал из одной страны в другую. Он бывал в Швейцарии, Италии и Франции, но дольше всего жил в Португалии, где он имел собственные виллы неподалеку от Лиссабона, воздвигнутые им среди апельсиновых рощ и фонтанов. В Португалии, как и всюду, он разыскивал древние книги и рукописи, которыми тогда еще были богаты монастырские библиотеки; книги и произведения искусства влекли его и в Париж. Бекфорд оказался близким свидетелем французской революции; он видел взятие Бастилии и на его глазах развертывались все события ближайших лет. В Париже Бекфорд вел жизнь постороннего наблюдателя, общаясь с немногими иностранцами, среди которых оказались и русские.⁴⁷ Увлеченный пополнением своей библиотеки, Бекфорд постоянно окружен был букинистами и антикварами, так как он понимал толк во всех редкостях, которые ему предлагали, и платил лучше других. Вскоре после того как в феврале 1793 года началась война Англии с Францией, он подвергся аресту, бе-

⁴⁵ «Russland unter Alexander dem Ersten», Bd. 6, XVII Lieferung (März, 1805), S. 260.

⁴⁶ Бекфорд. Ватек. Арабская сказка, М., 1912 (в переводе Б. Зайцева и со вступительной статьей П. Муратова).

⁴⁷ Guy Charnan. Beckford. London, 1937, p. 240. — Рассказывая о жизни Бекфорда в Париже в 1791—1792 годах, автор, между прочим, упоминает среди его знакомых, «кучку славянских аристократов» (I) — какого-то Апраксина (one of the Apraxin's, a prince Camille) и кн. Любомирскую, вскоре погибшую на эшафоте. О Бекфорде в революционном Париже см. еще: G. Morgulis. Un épisode de la vie de Beckford, «Revue de Littérature Comparée», 1934, p. 690—694.

жал в Англию с помощью одного из своих комиссионеров весной того же года, и в ноябре того же года вновь был уже в Лиссабоне.⁴⁸ Конечно, именно этот Бекфорд и был покупателем греческих рукописей Дубровского; возможно, что разыскания в богатом архиве Бекфорда позволят узнать дальнейшие подробности об их знакомстве и встречах и помогут установить одновременно историю приобретения Дубровским некоторых из оставшихся у него рукописей: собирательские пути во Франции английского богача-мецената и русского посольского чиновника из псаломщиков несомненно нередко пересекались.

Из статей Аделунга мы узнаем и о другом, не менее примечательном лице, также, по-видимому, имевшем какое-то отношение к рукописям, собранным Дубровским. Это — аббат Жан-Жозеф Рив (1730—1791), книговед и библиофил, виднейший в то время во Франции знаток средневековых рукописей. Давая описание одного из драгоценных кодексов, приобретенных Дубровским, а именно пергаменной рукописи начала XIV века с текстами поэтических произведений Готье де Куэнси, Аделунг отметил, что эта замечательная рукопись давно уже была известна французским ученым — Монфокону, описавшему ее в известном труде: «*Bibliotheca bibliothecarum manuscriptorum nova*» (t. I, Paris, 1739, p. 604, 606), а также аббату de la Rive, еще более подробно рассказавшему о ней в особом сочинении «*Dissertation sur le Manuscrit intitulé: Oeuvres poétiques de l'Abbé Gautier de Coinsi, Prieur de Vis-sur-Aisne*», 1790, впрочем, весьма редком, так как оно «напечатано лишь в количестве 50 экземпляров».⁴⁹

Это интересное свидетельство заслуживает полного внимания, хотя ставит нас, в свою очередь, перед целым рядом загадок, затруднительных для решения. Аббат Рив долгое время состоял библиотекарем герцога де ла Вальер и составил весьма ученое описание его старинных рукописей; после его смерти (1780) Рив жил некоторое время в г. Эксе, в Провансе, также занятый здесь описанием рукописных собраний, как лучший их эксперт, а затем вернулся в Париж. Революцию Рив встретил восторженно и вскоре же стал одним из активных ее участников. По рассказу Камилла Демулена, в последний год жизни, уже тяжело больной, разбитый параличом, прикованный к постели, Рив все еще оставался «грозою аристократов», диктуя целые пачки приказов об их арестах.

Что связывало Дубровского с этим аббатом, республиканцем-фанатиком, бывшим в то же время несравненным эрудитом,

⁴⁸ Guy Chapman, Beckford, p. 244.

⁴⁹ «Russland unter Alexander dem Ersten», Bd. 6 (1805), S. 272.

через руки которого прошло несколько тысяч самых ценных и редких рукописей, известных во Франции XVIII века? Как случилось, что аббат Рив напечатал целый трактат об одной из самых примечательных рукописей, оказавшихся у Дубровского, притом в самый разгар революционных событий, в 1790 году? Все эти интригующие вопросы остаются пока без ответов, требуя дальнейших поисков, которые, по всем данным, смогут ее оправдать.

В библиотеках Парижа и Лондона в настоящее время не имеется ни одного экземпляра указанной Аделунгом «Dissertation» Рива, из числа пятидесяти выпущенных в свет; в библиографии эта книга также не известна.⁵⁰ Тем не менее она безусловно существовала. Основаниями для такого предположения служит, с одной стороны, то, что многие другие подобные книговедческие труды Рива издавались им столь же малым, а иногда даже еще меньшим тиражом (25, 50, 80 экз.) и уже с давних пор сделались библиографическими редкостями;⁵¹ с другой стороны, без посредства тех данных, какие сообщены были Ривом и едва ли могли быть известны кому-либо другому, Дубровскому, а от него и Аделунгу не удалось бы собрать в таком изобилии и с такими подробностями фактические сведения о ранней истории целого ряда приобретенных им рукописей, в частности великолепного поэтического кодекса Готье де Куэнси. По другому поводу — относительно также принадлежащей к собранию Дубровского «Хроники» Jehan de Courcy, — Аделунг, а за ним и автор первого русского «Описания рукописей Дубровского» ссылаются на другой труд Рива (в котором воспроизведена одна из миниатюр этой хроники), именно «L'Art de connoitre et d'apprécier les miniatures des anciens manuscrits»⁵² или точнее «Essai sur l'art de vérifier l'âge des miniatures peintes dans les manuscrits depuis le XIV-e siècle jusqu'au XVII», как собственно должен был называться этот труд, объявленный самим Ривом еще в 1782 году.⁵³ Однако в свет он не вышел и от него сохранились лишь 26 листов (по Аделунгу — 30) рисунков. Эти таблицы — гравюры, великолепно иллюминированные красками и золотом, сделались, в свою очередь, необычайно редкими и почти не встречаются в полном виде; но Аделунгу (от Дубровского) они могли быть известны: заглавие, которое он дает этому труду

⁵⁰ G. Lozinski. Gautier de Coincy. Glanures bibliographiques. «Neu-philologische Mitteilungen», 1937, Jhg. XXXVIII, Nr. 7—8, p. 330. — Поиски этой «Dissertation» в библиотеках Ленинграда также пока были безуспешны.

⁵¹ J. Brunet. Manuel de libraire, t. IV, Paris, 1863, col. 1319—1320.

⁵² «Russland unter Alexander dem Ersten», Bd. 6, S. 270. «Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 4, стр. 98.

⁵³ G. Lozinski. Gautier de Coincy, p. 331.

Рива и количество листов, которые содержал в себе этот альбом, полностью соответствуют тому его экземпляру, который продавался на аукционе в Лондоне 26 марта 1791 года;⁵⁴ кроме того, один из листов этого альбома, действительно, воспроизводит миниатюру из рукописи «Хроники» Жана де Курси, привезенной Дубровским в Петербург: разорение Антиохом Иерусалима.

Отсюда неопровержимо следует, что Дубровский мог и лично знать аббата Рива и, во всяком случае, имел в руках его издания, не вышедшие в свет; о рукописях, им приобретенных, Дубровский знал такие подробности, о которых едва ли мог ему сообщить кто-либо, кроме этого аббата-библиофила. Что касается манускрипта со стихами Готье де Куэнси, то он принадлежит к лучшим из известных в настоящее время списков и, по всем данным, происходит из библиотеки герцога ла Вальер,⁵⁵ а не барона Красье, как предполагалось ранее. Интерес к нему Дубровского вполне понятен. Вполне естественно также, что он охотно показывал его своим гостям, как одну из достопримечательностей своего собрания.

Незадолго до смерти Дубровского рукописями его «Депю» заинтересовался Г. Р. Державин. Дело происходило, очевидно, в 1811 году; точная дата одной из его встреч с Дубровским, относящаяся именно к этому году, указана самим поэтом на рукописи, хранящейся ныне в Ленинградской Публичной библиотеке. Это — «Сочинения Державина», роскошно переплетенный том, каллиграфически переписанный рукою писца. На чистом листе рукописи сделана надпись рукою самого Державина, из которой видно, что сей манускрипт был лично поднесен им Екатерине II, затем возвращен ему при Павле I и вновь подарен Дубровскому, «как охотнику до подобных редкостей... самим автором, в Петербурге 1811 году генваря 11 числа и подписан собственною моею рукою. Гавриил Державин».⁵⁶ Вероятно, тогда же Державин преподнес Дубровскому рукопись своей исторической трагедии «Темный» (1808).⁵⁷ Мы не знаем, имел ли Державин случай встречаться с Дубровским ранее, но зато нам известно, что приблизительно в то же время у поэта

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, р. 327—328.

⁵⁶ Г. Р. Державин. Сочинения... с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. I, СПб., 1864, стр. XIII—XIV; т. VI (СПб., 1871), стр. 696.

⁵⁷ Г. Р. Державин. Сочинения, т. IV, СПб., 1867, стр. 390. — Отметим также, что А. А. Писарев подарил Дубровскому рукописи Фонвизина и Княжнина («Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150).

возник особый повод для беседы с Дубровским как ценителем и знатоком рукописных «редкостей».

В 1811 году, в «Чтении в беседе любителей русского слова» Державин начал печатать свое «Рассуждение о лирической поэзии или об оде»; продолжение его появлялось затем в тех же «Чтениях» в 1812 и 1815 годах. Известно, что Державин долго и тщательно собирал материалы для этого своего трактата и что источниками ему служили не только книги, которые он читал сам, но и заметки и извлечения из печатных и рукописных сочинений, которые доставляли ему друзья. Среди лиц, помощью которых Державин пользовался при составлении трактата, был также Дубровский; он упомянут в той части «Рассуждения о лирической поэзии», которое впервые увидело свет в 6-й книжке «Чтений» 1812 года. Державин говорит здесь о возрождении светской поэзии в средневековой Европе и о «трубадурах», «которые распространяли оную, воспевая в своих стихах свои рыцарские подвиги, волокитства и всякую общежительную смесь». «Главные характеры содержания их песен, — пишет Державин далее, — были набожность, храбрость и любовь. Для усмотрения сего прилагаю с музыкаю песнь XIII столетия, сочинения Готье де Коанси», и в сноске к этому месту указывает: «Взята из библиотеки г. Дубровского».⁵⁸

Издавая в начале 70-х годов «Рассуждение» Державина со своими «объяснительными примечаниями», Я. К. Грот заинтересовался этим указанием трактата и среди рукописей, принадлежавших Дубровскому, действительно, нашел толстый старофранцузский манускрипт начала XIV столетия, из которого Державин извлек эту песнь Готье де Куэнси. Эта рукопись и есть та самая, о которой у нас только что шла речь, в связи с пропавшим печатным трактатом о ней аббата Жана Рива. В этой рукописи (Fol. vel., отд. XIV, № 9, озаглавленной в старом каталоге: «Histoire de la vie avec les miracles de la Sainte Vierge Marie et autres pièces») приведенная Державиным песнь находится на обороте 43 листа. Хотя Я. К. Грот и воспроизвел в своем издании Державина «текст пьесы и ноты... в точности по оригиналу, тогда как в первоначальном издании „Рассуждения“ Державина они переданы новейшими начертаниями, причем некоторые слова искажены», но он и ограничился этим, оставив указанное место трактата без всяких дальнейших пояснений,⁵⁹ в чем оно явно нуждается. Старофранцузский текст был транскрибирован и переведен на русский язык Державиным с помощью

⁵⁸ «Чтение в беседе любителей русского слова», СПб., 1812, кн. VI, стр. 19—20.

⁵⁹ Г. Р. Державин. Сочинения, т. VII (СПб., 1872), стр. 593—594.

Дубровского, который, очевидно, и обратил внимание поэта на «песнь» Готье де Куэнси. Однако и перевод этого произведения, и его истолкование представляли очевидные трудности как для Державина, так и для Дубровского, хотя последний, как мы видели, все же располагал кое-какими данными об этом интересном старофранцузском поэте XIII столетия, заимствованными из трудов Монфокона и аббата Рива. Дубровский же сделал на рукописи выписанную из Монфокона справку о том, что Готье был «настоятелем бенедиктинского монастыря около 1300 г.» («*prieur bénédictin vers l'an 1300*»), что, впрочем, неверно;⁶⁰ к тому же, — как это видно из текста, — он не мог принадлежать к «трубадурам», этим «прованским стихотворцам», писавшим на «провансальном (*sic!*) или романском языке», как их именует Державин. Пример, взятый им из старофранцузской рукописи при явном содействии Дубровского, оказался неудачным и по существу, так как стихотворение Готье де Куэнси не столько может служить примером развития светской лирики в средневековье в феодальных замках и городских кружках, сколько характеризует воздействие на лирику латинской молитвы в атмосфере монастырской набожности. Готье де Куэнси называют теперь, после многочисленных исследований, которые были ему посвящены, самым древним из нам известных авторов благочестивых песен (*chansons pieuses*), при создании которых он пользовался как латинскими церковными гимнами, так и формами лирических народных песен;⁶¹ как музыкант, он также не столько следовал прежней традиции, сколько являлся новатором и предшественником, попытавшимся ввести полифоническое двухголосие в мелодическое голосоведение песни, как это видно, в частности, и из нотного примера, опубликованного Державиным.

Не следует, впрочем, быть слишком строгими ни к Державину, ни даже к его наставнику в области старофранцузской поэзии — Дубровскому. Они не сумели прочесть многое в древней рукописи, лежавшей перед ними, но это не их вина: в ту

⁶⁰ Готье де Куэнси (Coinci, Coincy, Coinsy, 1177—1236) родился в Пикардии в бедной семье, восемнадцати лет принял монашество, через двадцать лет стал настоятелем аббатства в Вик на Энс, близ Суассона, а затем св. Медарда в самом Суассоне, где и умер. Вся его поэзия тесно связана с культом Марии. См.: В. Шишмарев. Книга для чтения по истории французского языка IX—XV вв. Изд. АН СССР. М.—Л., 1955, стр. 211—213.

⁶¹ P. Meyer. Types de quelques chansons de Gautier de Coinci. «Romania», t. XVII (1888), p. 429—437; A. Jeanroy. Imitations pieuses de chansons profanes. «Romania», vol. XVIII (1889), p. 477—486; A. Langfors. Mélanges de poésie lyrique française, II. Gautier de Coinci. «Romania», t. LXIII (1927), p. 477.

пору действительные знатоки этой литературы были еще редки. Так, например, они не поняли первой строки песни Готье де Куэнси, приняв жанровое обозначение (*rottruenge*) за собственное имя «пастушки», а о последнем стихе песни и сам Державин сообщил, что он «очень темен» и поэтому «переведен наугад по связи смысла». Но эти же стихи не понял еще Я. К. Грот, пытавшийся внести исправления в прежнюю, действительно неправильную транскрипцию текста по сверке его с оригиналом рукописи.⁶²

В переводе Державина песня имеет следующий вид:

Хотя Ротрюэнж, молодая пастушка,
Сонеты сочиняет и пишет песенки,
Я буду воспевать святую богоматерь,
Во чреве коея сын божий воплотился.
Мне кажется, ее когда я именую,
То с имени ее в уста мне каплет мед;
А для того не буду имен петь недостойных
Впредь женщин я других, а также и девиц;
Грешно было бы то и неумолимо богу... и т. д.

Оригинальный же старофранцузский текст этой песни (состоящей из 45 стихов) должен читаться так:

Qui que face rottruenge nouvele,
Pastorele, son, sonet ne chançon,
Je chanterai de la sainte pucele
Es cui sans flans li fix Dieu devint hom.
Il m'est avis, certes, quant je la non,
Coter de miel degoutent de son non;
D'autre dame ne d'autre damoisele
Ne ferais mais, si Dieu plaist, dit ne son...⁶³ etc.

Этот текст был опубликован несколько раз по различным рукописям; любопытно, однако, что Державин опередил самую раннюю из этих публикаций почти на полвека: донныне считается, что первый раз песня «*Qui que face rottruenge*» была напе-

⁶² По транскрипции, опубликованной Я. К. Гротом, первые строки песни читаются так: «*Qui que face Rottruenge novele pastoral son sonet, ne chançon je chanterai de la sainte pucele et au seinz flans li fix dieu devint hom*», etc. Нетрудно, однако, заметить, что здесь не говорится ни о какой молодой пастушке, но перечисляются те стихотворные формы (в том числе «пастурель» и «сонет»), от которых автор отказывается, предоставляя их другим сочинителям; среди этих форм названа и форма «ротруенжи» или «ретруанжи» — хоровой плясовой песни, которую Державин вслед за Дубровским принял за женское собственное имя. Этимология этого термина (*retroenge-retroencha*) остается, впрочем, довольно темной (литературу вопроса см. в специально посвященной ей главе исследования: В. Ф. Шишмарев. Лирика и лирики позднего средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса. Париж, 1911, стр. 214—217).

⁶³ A. Langfors. *Mélanges de poésie lyrique française*, p. 483—485. (Это — сводный критический текст, данный по 13 рукописям).

творцы, разпространили оную. Стихи свои писали они на вышепомянутомъ Провансальномъ, или Романскомъ языкѣ, воспѣвая въ нихъ свои рыцарскіе романическіе подвиги, величія, и всякую общежительную смѣсь. Главные характеры содержанія ихъ пѣсенъ были набожность, храбрость и любовь. Для усмошрѣнія сего прилагаю съ музыкаю пѣснь XIII столѣтія, сочиненія трубадура Готье де Коанси 1):

COUPLET Ier

бракъ, принесла съ собою во Францію Кіевскія увеселенія и пѣсни съ рѣями наигрываемыя на семь инструментовъ, и что будто съ тѣхъ только поръ появились во Франціи трубадуры и рѣемы. Г-нъ Дубровскій доказываетъ это привезеннымъ имъ рисункомъ, яко бы того времени, находящимся въ Императорской библіотекѣ, на коемъ изображенъ трубадуръ сопровождаемый игрою на трубахъ.

1) Взята изъ библіотеки г-на Дубровскаго.

terai de la Sainte Pucelle Es cui Sains
 flancs li fix Dieu devint hom. Il m'est
 avis certes quand je la nom Gotésde
 miel dégoutent de son Nom. Je ne veuil
 mais chanter le de li nom d'autre Dame
 ne d'autre Damoiselle ne ferai mais Se
 Dieu plait dit ne Son.

То есть:

- „Хотя Роприенжъ, молодая пастушка,
 „Сонеты сочиняешь и пишешь пѣсенки;
 „Я буду воспѣвашъ свящую Богоматерь,

Песнь Готье де Куэнси, опубликованная
 Г. Р. Державиным в 1812 году по рукописи из
 собрания П. П. Дубровского (продолжение).

чатана (и также неудовлетворительно) аббатом Поке в 1857 году,⁶⁴ Державин же, как мы видели, сделал это еще в 1812 году.

Что же касается рукописи Дубровского, из которой ее извлек Державин, то стоит также указать, что хотя это один из древнейших и лучших кодексов Готье де Куэнси, она была забыта надолго — до начала 30-х годов нынешнего столетия, когда внимание привлекли к себе и ее текст⁶⁵ и ее превосходные миниатюры.⁶⁶

Сколько ни неудачным оказался этот пример в качестве образца светской рыцарской поэзии средневековой Франции, но он представляет для нас особый интерес, как и вся характеристика поэзии трубадуров, сделанная Державиным с чужих слов. Вероятно, в русской литературной истории это был первый случай опубликования по древней рукописи средневекового французского текста с русским переводом; кроме того, интерес к Готье де Куэнси и к мистико-эротическому циклу его стихов, посвященных «деве Марии», возник значительно позднее того времени, когда его песнь в переводе Державина появилась в «Чтении в беседе любителей русского слова»: напомним, что именно к произведениям Готье де Куэнси охотнее всего возводят пуш-

⁶⁴ L'Abbé Poquet. Les miracles de la Sainte Vierge, traduits et mis en vers français par Gautier de Coincy. Paris, 1857, col. I; текст песни привели также: Paul Meyer. Documents manuscrits... conservés dans les bibliothèques de la Grande Bretagne, Paris, 1877, p. 43; F. Gennrich. «Zeitschrift für romanische Philologie», 1926, Bd. XLV, S. 412, и др.

⁶⁵ Arlette P. Ducrot-Granderye. Etudes sur les Miracles Nostre Dame de Gautier de Coinci. Description et classement sommaire des manuscrits, etc. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, V. XXV, 2), Helsinki, 1932, p. 72—74 (в этой книге на основании данных, полученных из ГПБ в Ленинграде, дано описание этой рукописи в соотношении ее с другими кодексами Готье де Куэнси, хранящимися в библиотеках Западной Европы); вслед за тем, более полное описание той же рукописи, именуя ее, однако, «эрмитажной», дал А. Лонгфорс (A. Långfors. Miracles de Gautier de Coinci, Extraits du Manuscrit de l'Ermitage, Helsinki. 1937 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, V. XXXIV), p. V—X: в приложении дано и фототипическое воспроизведение этой рукописи (на стр. 337—338 песня «Qui que face gotruange» — л. 42 об.). Ученики проф. А. Лонгфорса, преимущественно в той же серии Финской Академии наук, опубликовали также много извлечений из этой рукописи — по фотоснимкам. Напрасно, однако, один из них, Вейко Веененен (Veikko Väinänen), издавая в 1951 г. текст одного из «чудес» Готье де Куэнси по той же рукописи ГПБ, пользуясь непроверенными данными, выразил сожаление по поводу утраты этой драгоценной рукописи после войны (Annales Academiae Scientiarum Fennicae, V. LXVIII, 2, p. 18). На самом деле она и донныне находится в ГПБ в полной сохранности.

⁶⁶ Alexandre de Laborde. Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l'ancienne bibliothèque imperiale publique de Saint Petersburg (sic!). Paris, 1936 (№ 38).

кинскую «легенду»: «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829).⁶⁷ Для нас остается неясным, почему выбор Державина пал на указанную рукопись и на песнь Готье де Куэнси, продемонстрированную им Дубровским. Для характеристики развития светской поэзии в средневековой Франции, в особенности искусства трубадуров и труверов, в чем, очевидно, нуждался Державин по ходу изложения его трактата, манускрипты Дубровского могли представить ему и другие, великолепные образцы. Это видно и из первого печатного русского описания его собрания, в котором цитированная Державиным рукопись не названа, но где перечислены и кратко описаны многие замечательные рукописи XIII—XV веков, в том числе и ценнейшие тексты многих *chansons de geste*. «Северный вестник» отмечал, например, что у Дубровского «в собрании древних трубадуров французских находится великолепный роман о Трое, которого все страницы украшены богатыми миниатюрными картинками и арабесками, весьма примечательными для познания уборов, оружия и строения в средних веках»;⁶⁸ здесь же упомянуты «*Breviaire d'amour*», «украшенный бесчисленным множеством миниатюр, рисованных испанскими живописцами в 14 веке»,⁶⁹ «манускрипт, сочиненный, писанный и разрисованный рукою короля Сицилии и Иерусалима Рене д'Анжу. Он сделал эту книгу для любовницы своей Иоганны де Лаваль, на которой

⁶⁷ Д. П. Якубович. Пушкинская «легенда» о рыцаре бедном. «Западный сборник», т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 226—256. — По мнению автора, «есть основание полагать, что именно де Куэнси в особенности мог приковать к себе внимание Пушкина» (стр. 243); впрочем, в этой интересной статье Д. П. Якубович не упоминал ни о Державине, как о первом переводчике старофранцузского поэта, ни о знаменитой рукописи Готье де Куэнси, хранившейся при Пушкине в Петербургской Публичной библиотеке, ни о Дубровском, как ее прежнем владельце, — тогда как все это не только должно было быть известно Пушкину, но могло даже предопределить его интерес к Готье де Куэнси.

⁶⁸ «Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 5, стр. 87. — Имеется в виду «*Le Roman de la guerre de Troyes*» Бенуа де Сент-Мора (рпк. XIV века); в более ранних рукописях (XIII век) у Дубровского представлены были «*Le Roman de Joseph d'Arimatee*» и «*Godefrois de Bouillon*»; из более поздних «*Le Roman de la Violette et le livre de la Panthere*» (XIV век), «*Le Roman d'Athis et de Prophlias*» (XIV век), «*Fauvel*» (XV век) и др., большинство которых, но по другим, нередко менее авторитетным спискам издано было только во второй половине XIX века (Ср.: «Несколько слов об Эрмитажной библиотеке». — «Библиографические записки», 1861, № 20, стр. 660—664).

⁶⁹ «Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 5, стр. 88. — Это — «Краткий трактат о любви», поэма Матфре Эрменго из Безье — леридская рукопись XIV века, действительно украшенная испанским миниатюристом. О значении ленинградского кодекса поэмы см.: О. А. Добиаш-Рождественская и А. Д. Люблинская. Об одной испанской рукописи. Сб. «Культура Испании», Изд. АН СССР, Л., 1940, стр. 267—290.

потом женился».⁷⁰ В том же описании «Северного вестника» названы также и многие другие произведения позднего средневековья и раннего возрождения в первоклассных рукописях, собранных Дубровским, вплоть до «творений Боккачиа» из библиотеки того же Рене Анжуйского, или рукописи Петрарки, на которой изображен «герб сего ученого человека, его портрет и арабски»: манускрипт этот «считают за оригинальный, принадлежавший самому автору»⁷¹ и т. д.

Таким образом, Дубровскому было что показать в его «музее» лицам, интересовавшимся развитием светской литературы. Очевидно, он и делал это, сопровождая демонстрацию рукописей собственными пояснениями. Примечательно, что среди его посетителей были видные тогдашние русские любители древностей (например, Е. Болховитинов, А. Н. Оленин и члены его кружка) и что они довольно критически относились и к его учености и прежде всего к его познаниям и домыслам в области древней русской истории. Еще по поводу назначения Дубровского хранителем «Депю» А. Н. Оленин, между прочим, писал: «Отдавая всю справедливость умению Дубровского в собрании столь драгоценных рукописей и похвалия в полной мере поднесение оных в пользу отечества, нельзя, однако, не умолчать, что познания его по части палеографической и вообще по ученой части совсем не соответствуют драгоценности поднесенных им рукописей и сведениям необходимо нужным по званию его хранителя».⁷² Этот суровый отзыв несомненно имел достаточные основания. Если в области латинской и западноевропейской палеографии у нас еще не было в то время сведущих людей, да и в Западной Европе знатоки ее исчислялись единицами, то русской и славянской палеографией и дипломатикой у нас уже начали интересоваться серьезно. Как собиратель и истолкователь замечательных иностранных манускриптов, возвращавшийся среди ученых архивистов Западной Европы, Дубровский конечно обладал некоторыми сведениями, но познания его в области русской и славянской старины не могли идти ни в какое сравнение с теми, какие уже накоплены были русской исторической наукой предшествующих десятилетий. Очевидной слабостью Дубровского было то, что он считал себя

⁷⁰ «Северный вестник», 1805, ч. VI, стр. 92. — Об этой рукописи XV века, малоизвестной в западной науке, см.: В. Ф. Шишмарев. 1) Реньо и Жаннетон. Рукопись с акварелями из библиотеки Рене Анжуйского. «Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 870—882; 2) Следы библиотеки Рене Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиотеки. В кн.: «Средневековье в рукописях Публичной библиотеки», вып. 2, Л., 1927, стр. 143—192.

⁷¹ «Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 5, стр. 92.

⁷² «Русский архив», 1878, кн. II, № 8, стр. 441.

видным историком и тешился всевозможными историческими вымыслами и фантазиями. Хотя сам он, по-видимому, ничего не напечатал, но следы его выдумок или преувеличений сохранились в указанных выше первых русских описаниях его собрания 1805 года, восходящих, как мы уже предположили, к каталогам их, сделанным им самим. И «Северный вестник» и «Вестник Европы» уже сообщали не только о собранных им рукописях, но и о больших ученых трудах и важных изысканиях их владельца, Дубровского, этим рукописям посвященных. Так, здесь говорилось, например, что живя за границей, Дубровский не только собирал манускрипты, но и «старался сколько можно обогатить свою Историю доказательствами, коих у нас не доставало»;⁷³ может быть, под «Историей» подразумевается здесь тот его труд «Российский Плутарх», рукопись которого он пытался отпечатать в Париже и в котором должны были быть помещены биографии знаменитых «россиян», начиная с 9-го столетия; еще более правдоподобно, что речь идет здесь о другом труде Дубровского, составлением которого он занят был уже в Петербурге. «Я слышал, — рассказывает автор статьи о нем в «Вестнике Европы», — что этот ученый муж, беспрестанно упражняясь в изысканиях, в трудном разборе рукописей, требующем и времени и прилежания, занимается еще сочинением „Истории о древности Российских писмен“, которая без сомнения сделает его известным не только как любителя древностей, но и как литератора и писателя».⁷⁴

Что именно должно было быть изложено в этом не дошедшем до нас труде Дубровского, можно представить себе по косвенным свидетельствам об этом в тех же журналах 1805 года. Здесь утверждали, что манускрипты, собранные Дубровским, бесценны «не по одной древности», но прежде всего потому, что они могут пояснить «сомнительные места в начале нашей истории», что они «открывают нам бездну сокровищ для отечественной нашей истории и русских древностей, о которых мы имели только одни догадки»; более того, они якобы «дают нам старшинство в письменах (что прежде сочтено было бы за парадокс) пред всеми народами в Европе, потому что французы, немцы и другие нации не имеют ни одной книги, писанной на своем языке прежде XI века» (sic).⁷⁵ Все это явствует будто бы

⁷³ «Северный вестник», 1805, ч. V, вып. 2, стр. 214.

⁷⁴ «Вестник Европы», 1805, ч. XX, вып. 5, стр. 54.

⁷⁵ Там же, стр. 52; «Северный вестник», 1805, ч. V, вып. 2, стр. 218. — Автор статьи странным образом не заметил, что такому утверждению противоречат полностью им же приведенные далее сведения о манускриптах Дубровского каролингской эпохи, англо-саксонских и т. д. Любопытно также, что все эти сведения, как и данные о древнерусских

из тех находок, сделанных им во Франции, среди которых оказались и «драгоценные рукописи славянские до времен Рюрика восходящие»; тут же рассказывается, что все эти выводы стали возможны только потому, что уже к концу пребывания своего во Франции, Дубровский «купил маленькую домашнюю библиотеку княжны Анны Ярославны, дочери великого Ярослава, знаменитого в тогдaшнее время государя нашего, который отдал ее в супружество за Генриха I, французского короля. Сия достопамятная княжна... имела в Париже свою церковь и сохранила до конца жизни свою веру. Домашняя ее библиотека, состоящая большею частью из церковных книг, также древлянских рукописей писанных руническими буквами, и других от времен св. Ольги, Владимира и проч. оставшихся, и служащих драгоценными моделями русской древности — составляют славянскую партию или отделение в музее г. Дубровского».⁷⁶ В другой редакции той же статьи, напечатанной в «Вестнике Европы», к этому рассказу сделано и следующее добавление: «Известно, что сия княжна [Анна Ярославна] основала Аббатство Санлис (Senlis), в котором все ее книги до наших времен сохранились. В сем месте найдены они собирателем и куплены недешевою ценою».⁷⁷

Несомненно, что все эти сенсационные известия и догадки, которыми сам Дубровский, по-видимому, дорожил⁷⁸ и вызвали полемику с ним более осторожных и критически настроенных любителей русских древностей. В самом деле, даже в ту пору развития наших исторических знаний трудно было серьезно утверждать, что нашлись «древлянские рукописи», писанные «руническими буквами, древле нашими»,⁷⁹ или что понимавшая их Анна Ярославна увезла их с собою во Францию.

Подобные догадки, как и весь рассказ о приобретении ее «маленькой домашней библиотеки», могли быть рассчитаны лишь на легковверных или невежд; таковые, правда, находились (я отношу к ним, например, известного впоследствии подде-

рукописях, находятся только в указанных русских статьях; о них вовсе не упоминается в немецкой статье Ф. Аделунга 1805 года, помещенной в журнале Г. Шторха.

⁷⁶ «Северный вестник», 1805, ч. V, вып. 2, стр. 214—218.

⁷⁷ «Вестник Европы», 1805, ч. XX, вып. 5, стр. 52.

⁷⁸ Отметим, что киевлянин Дубровский предполагал первоначально все свои рукописи отдать на хранение своему родному городу, вероятно библиотеке Духовной Академии; будто бы он и разыскивал их главным образом для этой цели: «Г. Дубровский собирал рукописи особливо с тем намерением, чтобы подарить всю коллекцию городу Киеву, в котором он родился, и через то поддержать славу древнейшего нашего училища, но разные обстоятельства не дозволили исполниться его желанию» (там же, стр. 54).

⁷⁹ «Северный вестник», 1805, ч. V, вып. 2, стр. 219.

лывателя рукописей А. Сулакадзева, которого несомненно соблазнили гипотезы Дубровского о руническом письме в древнем Киеве и предполагаемые его киевские рукописи времен Владимира и Ольги), но он не мог не встретить и суровый критический отпор. Очевидно, Дубровский в своем патриотическом увлечении шел и дальше; он допускал даже возможность воз действия древнерусских «стихотворцев» на современных им трубадуров и труверов. По этому поводу Евгений Болховитинов писал Г. Р. Державину (31 июля 1815 года), по-прежнему интересовавшемуся, — вероятно по внушению того же Дубровского, — трубадурами и их ролью в истории европейской поэзии: «Г. Дубровский много нам привез в Россию, но ничего не доказал, и ему перестали уже верить. Пусть будет картина трубадура древняя. Но чем доказать, что она времен Анны Ярославны? Чем также доказать, что Анна Ярославна привезла из Киева стихи с рифмами, когда у нас нет ни одного стихотворения с рифмами?».⁸⁰

Таким образом, авторитет Дубровского как ученого палеографа и виднейшего ценителя исторических документов у нас постепенно падал, благодаря его фантастическим догадкам и действительно слабому знакомству с русской исторической

⁸⁰ Г. Р. Державин. Сочинения, т. VI, СПб., 1871, стр. 316—317. — Отметим, что еще в «Рассуждении о лирической поэзии» Державин писал, — может быть, после беседы с Дубровским, — что «трубадуры первые зачали употреблять рифмы, хотя некоторые в том и несогласны». Что же касается картины (т. е., вероятно, изображения) трубадура, — на которую ссылается Е. Болховитинов, — то хотя подобных было немного среди миниатюр, украшавших средневековые манускрипты Дубровского, но, очевидно, имелась в виду та миниатюра одной из старофранцузских хроник, красноречивое описание которой дано было в той же статье «Северного вестника». Утверждая, что некоторые манускрипты Дубровского дают «полезнейшие дополнения к истории нашего государства, которое так рано начало иметь внешние сношения», автор пишет далее: «Где бы, например, можно было сыскать описание посольства за княжнюю Анною Ярославною, ее представления Генриху I, ее жизнь, характер и пр. — и что всего драгоценнее: где бы можно было найти портрет ее? Конечно, нигде... Но одна французская летопись из вышеописанных возвращает нам сию потерю. Анна Ярославна изображена в ней на миниатюрной картине, с прекрасными русыми, заплетенными волосами, с высоким и стройным станом, в длинной фиолетовой робе (весьма похожей на нынешнее платье с шейфом), и на которой надета сверху белая, короткая туника. Она представлена в то самое время, когда Генрих ее принимает; послы французские и русские стоят вдали и проч. Можно ли было нам надеяться, что остался костюм или изображение Ольги? — Но он точно остался в музее Дубровского — и мы будем иметь удовольствие некогда видеть все сии драгоценности в изданиях; может быть в его русско́й палеографии или другом каком-нибудь сочинении, которого должно ожидать от самого собирателя, как человека единственно сим предметом занятого и знатока своей части» («Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 5, стр. 221—222).

наукой. Попытки же его объявить, что привезенные им манускрипты важны прежде всего как источники для древнерусской культуры, — какими бы мотивами он при этом не руководствовался, — в конце концов неизбежно должны были привести к ослаблению любопытства к его собранию в пору сильнейшего увлечения находками древнерусских рукописей и преимущественного интереса к их изучению в русском обществе. Иностранцы, помимо привлечения их к истолкованию древнейшей русской истории, — лишь позднее.

Таковы были некоторые события и факты из истории начального периода русского коллекционирования рукописей на рубеже XVIII и XIX веков. В это время оно не являлось еще ни особенно широко распространенным, ни всеобъемлющим. Количество собирателей было еще сравнительно невелико, и они не всегда являлись достаточно компетентными ценителями. Естественно также, что интересы их направлены были преимущественно на собирание славяно-русских рукописей и старопечатных изданий; рукописи зарубежного происхождения в это время приобретались реже, лишь благодаря более или менее удачному стечению обстоятельств. Тем не менее результаты этих разбродившихся единичных собирательских усилий оказались довольно значительными. Просвещенное внимание отдельных меценатов, обладавших большими средствами, — с одной стороны, трудолюбивая настойчивость и серьезная заинтересованность, приводившая даже малообеспеченных людей к интересным открытиям и счастливым находкам, — с другой, сделали то, что в 1790—1810 годах в руках русских коллекционеров скопились огромные рукописные ценности.

4

«Московский пожар 1812 года дал новый толчок к разысканию древних рукописей взамен погибших при пожаре» — заметил однажды М. Н. Сперанский.¹ Это наблюдение вполне справедливо, но его необходимо расширить и придать ему более общий смысл. Конечно утраты ценнейших рукописей в этом памятном году были велики и даже невозполнимы: отсюда возникло и стремление усилить поиски, предохранить рукописные остатки старины от всяких случайностей, умножить сохранившиеся собрания. Но победоносное окончание войны, способствовавшее сплочению и подъему народных сил, вызвало также невиданное прежде по своей интенсивности и широте

¹ «Проблемы источниковедения», т. V, М., 1956, стр. 50.

возрождение исторических интересов. Собираание рукописей и, более того, общее увлечение ими, явилось теперь закономерным следствием того возбуждения общественных сил, проявлявшего себя в конце десятых годов во всех сферах созидательной умственной деятельности, которое так сильно сказалось на быстром развитии русской исторической науки и всех относящихся к ней вспомогательных дисциплин.² Деятельность ряда прежних ревнителей русской старины, собирателей и публикаторов исторических источников продолжалась и во втором десятилетии XIX века, но в обстановке непрерывно усиливавшегося сочувствия к ним и стремлений вести дальше и укрепить начатое ими дело. Н. Н. Бантыш-Каменский, выдающийся архивист начала века, умер в 1814 году, А. И. Мусин-Пушкин — в 1818 году, уже после выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского» Карамзина, гр. Н. П. Румянцев — в 1826 году, успев сплотить вокруг себя таких видных деятелей русского источниковедения и знатоков древних письменных памятников, как К. Калайдович, А. Востоков, П. Кеппен. Характерно, что Н. П. Румянцев только в 1813 году, после завершения своей государственной деятельности, мог сосредоточить свои интересы на исторических занятиях и тогда только заложить действительно прочный фундамент будущим обширным собраниям своего музея деятельными поисками рукописей и предметов русской старины.³ Отметим, что ранним биографам Н. П. Румянцева оставалось еще достаточно неясным, как и под чьим воздействием возникла у него в преклонные годы эта всепоглощающая собирательская страсть, поскольку ни его французское воспитание, ни дипломатическая деятельность как будто не предвещали в нем будущего выдающегося и просвещенного коллекционера именно русских древностей.⁴ Несомненно, однако, что это развившееся

² П. Г. Софинов. Развитие русской археографии в первой четверти XIX в. «Труды Историко-архивного института», т. IV, М., 1948, стр. 219—245.

³ «Сборник материалов для истории Румянцевского музея», вып. 1, М., 1882, стр. 73.

⁴ В—н [А. Н. Пыпин]. Меценаты и ученые Александровского времени. «Вестник Европы», 1888, кн. 10, стр. 713. — Е. Ф. Корш в своем «Опыте нравственной характеристики Румянцева» приводит в качестве типического примера следующий случай из истории собирательской деятельности Румянцева: академик Ф. Круг «сам предложил ему однажды за большую цену подлинное письмо одного из последних владык Рима, императора Глидерия», но Румянцев «отказался наотрез от покупки курьезного автографа, главное — потому, что он ни мало не касается России» («Сборник материалов для истории Румянцевского музея», вып. 1, стр. 59).

в нем увлечение было знамением времени; оно укрепилось под влиянием идей и настроений, носившихся в воздухе, обсуждавшихся и в печати, и в ученых кабинетах, и в аристократических салонах. СобираТЕЛЬские страсти разгорались тогда всюду, в различных кругах русского общества. То, что Н. П. Румянцев со своими сотрудниками, корреспондентами и комиссионерами делал в широком масштабе, — употребляя все свое богатство и преимущество своего общественного положения на розыски источников для изучения древней русской письменности и на поощрение ее исследователей, — делали в то же время и многие другие, скромные и незаметные любители, трудившиеся на том же собираТЕЛЬском поприще в меру своих возможностей и способностей, но не менее увлеченно, а иногда и с весьма существенными результатами. Несомненно, что число этих бескорыстных ревнителей русской письменной старины очень возросло именно к началу 20-х годов. Это была у нас пора действительно широкой и усиленной разыскательской работы, никогда не производившейся у нас с бóльшим размахом и с таким количеством заинтересованных участников. Собрание, поиски велись тогда одновременно в интересах всех областей исторической науки. Многим историкам казалось тогда, и не без оснований, что такова была важнейшая задача исторических изысканий в то время, когда все приходилось начинать заново. Характеризуя состояние исторических знаний России во второй половине десятих годов, М. П. Погодин писал: «Библиотеки не имели каталогов, источников никто не собирал, не указывал, не приводил в порядок; летописи не были исследованы, объяснены, даже изданы ученым образом; грамоты лежали, рассыпанные по монастырям и архивам; хронографов никто не знал, ни одна часть истории не была обработана. . . хронология перепутана, генеалогией не занимались; нумизматических собраний не существовало, археологии не было и в помине. . . иностранные летописи, кроме греческих, не принимались в соображение; древние европейские путешественники в России едва были известны со слуху; с сочинениями иностранных ученых, в которых рассеяны рассуждения о древней России, никто не справлялся; ни одного вопроса из тысячей не решено окончательно; ни одного противоречия не согласено. . .»⁵ Естественно, что большинство придерживалось тогда того мнения, что исторические обобщения на время должны уступить место черновым, подготовительным изысканиям и что первоочередной необходимостью

⁵ М. Погодин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, М., 1866, стр. 24. — Столь же мрачную картину состояния русской исторической науки до Карамзина дает также К. Н. Бестужев-Рюмин в книге «Биографии и характеристики». (СПб., 1882, стр. 210—211).

является умножение запаса источников, описание и регистрация вновь обнаруженных материалов. Поиски их стали задачей дня. В письме к А. Х. Востокову (от 2 апреля 1825 года) К. Ф. Калайдович признавался, например, что задача историка, — как он ее понимает, — заключается прежде всего в том, чтобы «дать душу тлеющим памятникам и оживить их». ⁶ Для этого надо было прикоснуться к ним, разыскать их в таких местах, где ничто не препятствовало их постепенному уничтожению, сберечь, дать им первое истолкование и отложить в надежном месте для последующей обработки.

Сам собой возникал вопрос и о хранилищах, в которых они должны быть объединены, и о том, как противодействовать их гибели. На торжественном открытии Публичной библиотеки в Петербурге, 2 января 1814 года, один из его официальных участников утверждал: «... В отечестве нашем есть множество книг как печатных, так и рукописных на всех известных в свете языках: но сии сокровища человеческих познаний рассеяны во всем пространстве империи, вообще мало известны частным людям, скрыты от взора любопытных». ⁷ Наряду с организацией новых книгохранилищ, предлагались тогда проекты основания «Русского национального музея», в котором и письменным памятникам отводилось почетное место. В одном из таких проектов, Ф. Аделунга, предусматривалось не только особое хранение рукописей — в первом отделе музея, но и намечались очередные работы над ними; это должно было быть «собрание рукописей обо всех предметах, касающихся до России, особенно исторических, из коих многие без внимания и пользы тлеют в частных архивах и кипах неважных бумаг, и нередко истребляются с величайшим равнодушием и невежеством. При некотором обогащении сего отделения, особенно грамотами, нетрудно было бы заняться важною для истории и дипломатики русской палеографиею славянского и русского языков, которой донныне нет вовсе». ⁸ В другом аналогичном проекте «Российского Отечественного музея», опубликованном В. Г. Вихманом (который, как и Ф. Аделунг, принадлежал к сотрудникам Н. П. Румянцева), собранию рукописей отводилась не менее важная роль и намечалась целая хорошо и разумно разработанная программа их собирания, хранения и изучения: «Непрерывное и полное собрание всех рукописей, хроник, грамот и документов, относящихся к отечественной

⁶ Переписка А. Х. Востокова, стр. 189.

⁷ Описание торжественного открытия имп. Публичной библиотеки, СПб., 1814, стр. 48—49.

⁸ Ф. Аделунг. Предложение об учреждении русского национального музея. «Сын Отечества», 1817, ч. 37, стр. 60.

истории, дипломатике и гражданскому устройству; со всех сих бумаг оно должно пытаться приобрести самые точные списки». «Поелику сии памятники минувшего и особенно древнейшие рассеяны, как известно, внутри и вне империи, то отечественный музей должен пешись о сообщении копий или на первый случай хотя реестров находящихся в них манускриптов; в то же время разослать приглашения к частным особам, имеющим собственные библиотеки, с просьбою о сообщении в Отечественный музей находящихся у них рукописей, в виде ли пожертвования их за соразмерное вознаграждение или хотя бы на некоторое время. По совершении сего дела должно составить главные реестры всем таковым находящимся в государстве рукописным памятникам, с точным описанием их содержания и места, где они хранятся, и открывать свои реестры всякому, кто желает им пользоваться. Вместе с сими разысканиями в самом государстве надлежало бы, избрав несколько ученых особ, знающих славянский, древний немецкий, итальянский и латинский языки, и уже опытных в разбирании древних рукописей, послать их в чужие края в двух направлениях: во-первых через Або в Швецию, Данию, Северную Германию, Голландию, Францию и Англию, — а во-вторых через Краков, Венгрию, Трансильванию, южную Германию и Италию...»⁹

Вскоре П. М. Строев (ставший затем во главе Археографической экспедиции, учрежденной Академией наук) в своей знаменитой речи «О средствах, удобнейших к открытию памятников отечественной истории и об успешнейшем способе обрабатывать оные», произнесенной в «Обществе истории и древностей российских» (1 июня 1823 года), призывал «извлечь, привести в известность» «письменные памятники нашей истории и древней словесности, рассеянные на обширном пространстве от Белого моря до степей украинских и от границ Литвы до хребта Уральского». «Не сотнями известных рукописей мы должны ограничить занятия, но бесчисленным множеством их», — убежденно говорил Строев далее, и страстно взывал ко всем, имеющим доступы к государственным, церковным, фамильным архивам, чтобы неослабно, неутомимо искать здесь исчезающие памятники русской старины, вещественные следы прошлой исторической жизни народа. Современник пожарищ 1812 года, свидетель истребления многих рукописных собраний, Строев напоминал, что они погибают не только от стихийных бедствий, но и от отсутствия любопытства к ним, что их как можно скорее следует искать везде — «в архивах, кои нещадно опустошает

⁹ В. Вихман. Российский Отечественный Музей. «Сын Отечества», 1821, ч. 7, стр. 294—295.

время и нерадивое невежество, в кладовых и подвалах, недоступных лучам солнца», куда, кажется, «груды древних книг, свитков, снесены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истреблять их удобнее и скорее».¹⁰

Аналогичные упреки в небрежном хранении архивных бумаг, в равнодушии к их судьбе, в неумении определять их ценность, раздавались тогда повсюду; их можно встретить и в печати, и в частной переписке 20-х годов. Об этом, например, часто говорится в письмах Е. Болховитинова к В. Г. Анастасевичу, в переписке В. С. Сопикова, К. Калайдовича и других тогдашних книголюбов. Е. Болховитинов в 1819—1820 годы с глубокой горечью, по личному опыту, свидетельствовал, что старинные книги и рукописи тлеют в архивах без пользы, что у нас еще можно найти огромные кипы бумаг, среди которых есть много «еще неведомых», что в России вообще можно обрести «груды рукописного литературного добра», но что мы не знаем ему «ни цены, ни счета»;¹¹ П. И. Кеппену тот же Болховитинов сообщил, что «роясь в архиве одного старинного монастыря, он все перебрал, но нашел только Мстиславову грамоту»; прочие же бумаги, — писал он, «я думаю, давно уже употреблены на обклейки зимних стекол»;¹² в другом письме: «Лепехина записки не первые проданы на завертки. Часто выходит на оные и сенатская архива. У иностранцев каждая записка ученого и каждая книга, ученым измаранная, считается гороскопом его ума; у нас и ум считается только оберткою чинов, богатства и силы».¹³

Поэтому призывы беречь рукописную старину, объединять усилия по отысканию наиболее ценных манускриптов, слышались тогда не только в специальных ученых аудиториях, но и в литературных кругах и вдохновляли в одинаковой мере как настоящих собирателей, так и широкие круги причастных к литературе лиц, среди которых именно в это время возникает особый интерес к исторической документации, сильное любопытство к исторической детали. «Общество соревнователей просвещения», например, в числе членов которого было много будущих декабристов, уделяло на своих заседаниях значительное внимание историческим вопросам, слушая статьи и сообщения А. И. Корниловича, П. А. Муханова, В. Д. Сухорукова, нередко основанные на рукописных первоисточниках. В создан-

¹⁰ «Труды и летописи Общества истории и древностей российских», ч. IV, кн. I, М., 1828, стр. 283—284; Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 73 и сл.

¹¹ «Русский архив», 1889, кн. II, № 6, стр. 87, 185, 189.

¹² «Евгеньевский сборник». СПб., 1871, стр. 25.

¹³ «Русский архив», 1889, кн. II, № 7, стр. 42.

ную при Обществе библиотеку члены его доставляли не только книги, но и редкие манускрипты, портреты, монеты; любопытно, что в 1821 году при Обществе образован был даже особый комитет для издания рукописей о Мамаевом побоище.¹⁴

Библиофильские увлечения разгорались все сильнее, порождая развитие букинистической торговли и своего рода общественное внимание к неприметному в прежние годы особому типу торговца старыми книгами и рукописями, комиссионера по приобретению и перепродаже древностей и книжных раритетов. Тот же П. М. Строев в его уже цитированной выше речи 1823 года свидетельствовал, что увеличение числа русских коллекционеров сильно повысило цены на памятники старины и, в частности, на древние рукописные книги. «С тех пор как вельможи и частные любители стали покупать рукописи, монеты и проч., московские торговцы, приобретая их часто из третьих и более рук, помышляют о барыше неимоверном».¹⁵ Петербургские книжные торговцы не уступали в этом отношении московским, если даже не превосходили последних числом и умением отыскивать рукописи и снабжать ими заинтересованных лиц; следует, впрочем, отметить, что среди букинистов обеих столиц попадались в то время и настоящие знатоки своего дела.¹⁶ Не случайным, по-видимому, является и тот факт, что букинист-разнощик, букинист-антиквар, книжная лавка в столицах и провинции со всеми ее разнообразными посетителями именно с этого времени становятся популярными в русской литературе: им посвящают стихи, очерки, фельетоны.¹⁷ О возникшей в России в те годы настоящей «библиомании», моде на редкие книги и «роскошные типографические произведения» с некоторой иронией писал в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара однокашник Гоголя по нежинскому лицее, К. М. Базили: «Причуды библиоманов имеют важный вес в книжной торговле и поддерживают высокую цену разных книг, которые не имеют другого достоинства, кроме своей редкости».¹⁸ О собирателях же автографов «Энциклопедический лексикон» поместил и отдельную статью.¹⁹ Недаром также и Н. А. Полевой в приложении

¹⁴ В. И. Маслов. Литературная деятельность К. Ф. Рыльева. Киев, 1912, стр. 167, прим.

¹⁵ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 73.

¹⁶ П. К. Симони. Материалы к истории русской книжной торговли в XVII—XIX ст., вып. 1, СПб., 1907, стр. 8.

¹⁷ Очерк Ф. Булгарина «Букинист» вошел в собрание его сочинений (т. 3, СПб., 1836), большое стихотворение Н. Полевого «Книжная лавка. Элегия» помещено в «Невском альманахе на 1825 г.» (СПб., 1825, стр. 105—112), и др.

¹⁸ К. М. Баз[или]. Библиомания. «Энциклопедический лексикон», т. V, СПб., 1836, стр. 488—489.

¹⁹ «Энциклопедический лексикон», т. I, СПб., 1835, стр. 136.

к «Московскому телеграфу» — сатирическом «Новом живописце общества и литературы» высмеивал рядовых собирателей, гонящихся за рукописями только потому, что это делали все, и не умевших отличать подлинную историческую ценность старого документа от мнимой. В своем сатирическом листке Полевой поместил такую заметку: «Открыта важная новая рукопись известный археологом Дискордовым: Дело Тришки Иванова с Сидоркою Михайловым о покраже у него троих алтын с пол четвертом. Вся рукопись XVI века и писана скорописью на 928 столбцах. Эта важная находка не может не порадовать историков отечественных, ибо пахнет гнилью весьма сильно и наполовину истлела».²⁰ Но эта насмешка не помешала тому же Н. Полевому через несколько лет, уже перед самым закрытием его журнала, затеять выпуск в свет «Русской Вивлиофики» в подражание известной серии Н. И. Новикова. Целью предпринятого издания, как об этом сообщалось в «Московском телеграфе», было: «доставить всем любителям древностей отечественных средство иметь в руках редкие и любопытные памятники отечественной старины, оставшиеся донныне неизвестными, из числа коих некоторые и совершенно могли погибнуть, сохраняясь в немногих ветхих списках, по архивам и в частных руках».²¹ Н. Полевой с полным основанием рассчитывал на то, что его предприятие будет иметь успех; как опытный журналист он ясно представлял себе, чем в особенности интересуются его читатели. Первый томик «Русской Вивлиофики» появился в начале 1834 года. В напечатанных здесь «пояснительных замечаниях издателя» Н. Полевой почти в тех же словах изъяснял мотивы, побудившие его приступить к выпуску в свет сборников материалов, извлеченных из рукописей: он стремился «сохранять от гибели древние и старинные памятники, касающиеся русской истории, географии, статистики, археографии и литературы, доставлять любителям русской истории и старины средства печатать и делать известными современникам и потомству хранящиеся у разных особ и в разных местах памятники, могущие погибнуть и потеряться».²²

²⁰ «Московский телеграф», 1829, ч. 28, № 16, прилож., стр. 523. — См. также книжку, анонимно изданную П. Л. Яковлевым: «Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая Рассуждения о русской азбуке и биографию его, им самим писанную, с присовокуплением портрета и съемка почерка сего знаменитого мужа» (М., 1828) и отзыв о ней в «Московском вестнике» (1828, ч. XI, стр. 69).

²¹ «Московский телеграф», 1834, ч. 55, № 2, стр. 339—341.

²² «Русская Вивлиофика» или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемые Н. Полевым (т. I, М., 1833). От второго тома сохранился лишь печатный проспект, но продолжение издания не состоялось не по вине Полевого;

Этот пример очень показателен. Двадцатые и тридцатые годы были действительно порой увлеченной, широкой собирательской и библиофильской деятельности, когда коллекционерские страсти принадлежали к числу душевных эмоций, часто возникавших у весьма многих представителей русского общества. Последующим поколениям историков этой эпохи казалось даже, что эта «богатая проснувшимся ученым трудолюбием» пора, «изумительно быстрая на открытия тысячи памятников, на множество мелких исследований, на предприятия крупных изданий», искусственно замкнула себя «в четырех стенах кабинета, в сводах архива, в подвалах и чердаках библиотек».²³ Сколь ни преувеличенным и несправедливым представляется нам сейчас этот приговор, но в нем есть доля истины: антикварные, библиографические, архивные пристрастия людей 20—30-х годов бросаются в глаза. Прежде всего они укрепились среди русских литераторов. Нас не должно, например, удивлять, что литература этих десятилетий, создавшаяся в атмосфере особой благожелательности к архивным поискам, сочувствия к находкам неизвестных рукописей, широкой заинтересованности всевозможными рассказами и слухами о библиофильских открытиях или приобретениях, не осталась в стороне от всех этих увлечений и полна их отзвуками, порою весьма неожиданными. Мы встречаемся в ней с рядом новых, тесно связанных с кругом подобных чувствований и эмоций, поэтических образов и метафор, которые именно в эти годы становятся ходовыми и привычными в литературной практике.

Русский поэтический словарь, в частности, подобрал в себя тогда несколько специальных архивных терминов, переосмыслил их или придав им весьма экспрессивные оттенки. В русской поэзии появляются отныне «столбцы», «свитки», «манускрипты» и проч.

Столбцы, вероятно, введены были в поэтический оборот «архивными юношами» («Евгений Онегин», гл. 7, строфа XLIX), теми молодыми людьми начала 20-х годов, которые в поисках государственной службы нашли себе пристанище в московском Архиве министерства иностранных дел. Их официальной служебной обязанностью являлся именно разбор, чтение и опись хранившихся в этом архиве древних «столбцов»: так назывались бумажные листы, склеенные в длинные полосы и свернутые

запрещение «Московского телеграфа» бросило тень и на «Вивлиофику»: цензурные опасения были для нее роковыми. Архивные справки об этом опубликованы в кн.: Н. К. Козмин. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903, стр. 506—508.

²³ П. Бессонов, К. Ф. Калайдович, т. II. М., 1862, стр. II—III.

в «свитки», на которых в основном велось в допетровской Руси приказное делопроизводство. К «архивным юношам» принадлежали весьма видные впоследствии деятели русской литературы и науки (Веневитинов, Шевырев, Погодин, Одоевский, Соболевский, братья Киреевские и др.). Хотя их служебные занятия, — по свидетельству одного из молодых архивистов, — первоначально представлялись им малозанимательными,²⁴ но часы, проведенные ими среди ветхих архивных бумаг, не могли все же не оставить некоторых следов на их вкусах, пристрастиях, привычках, наконец, словоупотреблении. В. Л. Комарович сделал тонкое наблюдение относительно Д. В. Веневитинова, в стихах которого остался явный след его архивных занятий столбцами; этим термином русского архивиста Д. В. Веневитинов воспользовался однажды в своем переводе монолога Вагнера в «Фаусте» Гете, где «столбец» заменил «пергамен» подлинника:

Недаром иногда пороешься в пыли,
И, право, открывать случалось
Такой столбец, что сам ты на земли,
А будто небо открывалось.²⁵

Архивный термин «свиток», обозначавший рукопись на пергамене или бумаге в виде свернутой полосы, был, в сущности, синонимом «столбца»,²⁶ но имел и самостоятельное значение, в том числе и переносное. В 20-е годы слово «свиток» употреблялось нередко в смысле «творения», «сочинения», «произведения литературного или научного содержания» или даже целой их группы. В этом значении слово употреблялось у нас и раньше: «Свитком муз» назван был поэтический сборник 1802 года; в послании П. Вяземского к Батюшкову (1815) мы находим такие строки:

Стихов своих игривых
Мне свиток приготовь,
Стихов красноречивых,
И пыλικх и счастливых.²⁷

²⁴ А. И. Кошелев. Записки. Berlin, 1884, стр. 40; Ф. Ф. Вигель («Записки», ч. I, М., 1892, стр. 160—162, 167) подробно рассказывает об «архивных юношах» и их занятиях, свидетельствуя, в частности: «Бантыш-Каменский заставлял нас в один формат переписывать начисто древние грамоты и договоры, с намерением отдать собрание их потом в печать».

²⁵ Д. В. Веневитинов. Стихотворения (Библиотека поэта), Л., 1940, стр. 7.

²⁶ Академический Словарь 1789 года объяснял, что в древней Руси «делали столь длинный столбец, какого требовало пространство сочинения; столбцы сии наворачивали на палку, начиная с конца сочинения, а не с начала. Сверченный таким образом столбец, на котором внешняя сторона оставалась белая, назывался свиток» (I, 745).

²⁷ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. III, 1880, стр. 102.

«Свиток» мог обозначать не только рукописную, но и печатную книгу, когда хотели придать ей своего рода поэтический ореол. В таком, по-видимому, смысле слово употреблено Пушкиным в его раннем послании «Жуковскому» (1818), где в строфе, впоследствии отброшенной поэтом (может быть, потому, что она отличается неясностями и допускает противоречивые истолкования), мы читаем:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный.
Читает повесть древних лет.
Он духом там, в дыму столетий...²⁸

Под «свитком гения» Пушкин, вероятно, подразумевал здесь только что появившуюся «Историю» Карамзина,²⁹ но он хорошо знал также историческое и архивоведческое значение термина.³⁰

Еще более характерной для поэтического словоупотребления тех лет является, однако, одна из эпиграмм Дельвига начала 20-х годов, напечатанная, впрочем, позднее («Северные цветы на 1828 год»); ее первое двустихие прямо ведет нас в привычный круг ощущений архивиста и изыскателя древних памятников:

Свиток истлевший с трудом развернули. Напрасны усилья!
В старом свитке прочли книгу, известную всем.

²⁸ Пушкин. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, т. II, вып. 1, стр. 535.

²⁹ Мы можем указать здесь еще на один случай уподобления «Истории государства российского» Карамзина — «свитку», вероятно, в том самом значении, в каком это слово употреблено Пушкиным. Н. Д. Иванчин-Писарев в своей «Речи в память историографу», читанной в 1827 году в московском «Обществе истории и древностей российских», говорил, что Карамзин «смело выступил, держа бесценный свиток, где начертались для веков слава и бедствия, погрешности и мудрость, заблуждения и добродетели отцов наших» (Н. Д. Иванчин-Писарев. Новейшие стихотворения... с приложением нескольких сочинений его в прозе). М., 1828, стр. 159—166).

³⁰ См., например, в черновых, исключенных строфах «Евгения Онегина» (гл. II, после 9-й строфы):

Но праведник изнеможденный
'На казнь [неправдой] присужденный
С цепями [в тюрьме]...
Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих.

В отрывке «Цезарь путешествовал» о Петронии говорится: «Старый управитель повел его в библиотеку, где осмотрели мы несколько свитков».

Следующие за ними два заключительных стиха, однако, дают совсем неожиданное для читателя эротическое применение этого казалось бы специфического архивного представления:

Юноша! К Лиде ласкаясь, ты старого тоже добьешься.
Лида подчас и к тебе вымолвит слово: люблю.

Здесь открывалась уже возможность полного переосмысления слова «свиток», начатого, впрочем, и раньше Державиным и продолженного Пушкиным и другими русскими поэтами и прозаиками,³¹ но основным надолго осталось его прежнее значение — рукописного авторского текста.³²

В 1821 году в «Соревнователе просвещения и благотворения», без подписи, опубликованы были «Стихи, написанные на манускрипте поэта». Не объявивший себя автор этого стихотворения (им являлся П. А. Плетнев) не решается приравнять себя к тем избранным поэтам, коим суждено бессмертие («как жертву ждет меня холодное забвение»), но все же мечтает о случайном читателе-потомке, который когда-либо будет изучать драгоценную рукопись со стихами прославленного поэта и встретит начертанные на ней и его собственноручные строки:

Пусть свиток сей хранит руки моей черты, —
И сбудется со мной хоть часть моей мечты!
С благоговением потомок просвещенный
Начнет рассматривать твой свиток драгоценный,

³¹ В стихотворении Державина «Урна» (1797):

Но мрачен, темен сердца свиток,
В нем скрыты наших чувств черты...

В параллель к известным пушкинским строкам —

Вспоминанье предо мной
Свой длинный развивает свиток... —

можно привести еще примеры из «Ганса Кюхельгартена» Гоголя:

Напрасно путник алчет жадной
В душе бывшее воскресить,
Напрасно силится развить
Протекших лет истлевший свиток.
Ничтожен труд бессильных попыток...

и позднего стихотворения Вяземского «Эперне» (1839):

Дней прошлых свитки развернулись.

«Вся жизнь развертывается легко и быстро как свиток» — писал впоследствии И. С. Тургенев («Лес и степь»).

³² С этим значением слово употреблялось у нас до конца XIX века. В периодической печати 1892 года помещено было известие, что Л. Н. Толстой передал в рукописный отдел «Московского Румянцевского публичного музея свиток своих рукописей» («Библиограф», 1892, № 10—11, стр. 368).

И, любопытствуя по чуждому перу,
Прочтет мои стихи, и я не весь умру!³³

Все типично в этом стихотворении для эпохи, о которой идет речь: и внимание к чужой авторской рукописи, и заинтересованность ее судьбой, и убеждение, что время пощадит, а потомки будут бережно хранить этот «манускрипт»; характерно, что и дважды упомянутое здесь слово «свиток» — многозначно: это и современная автору рукопись, и «старый» манускрипт, каким она представится со временем, в отдалении веков, читателю будущего, — в те отдаленные годы уже подобная тем «свиткам» русского прошлого, которые возбуждали к себе такое любопытство у литераторов 20-х годов.

Подчеркнутый интерес ко всякой рукописи вообще, собственноручному письму, дневнику, документу и т. д., независимо от времени их возникновения, нашел свое отражение также и в русской повествовательной литературе тех лет. Он сказался, в частности, в широкой популярности у нас мотива «находки рукописи», как приема завязки действия или циклического сочетания нескольких самостоятельных рассказов в одно сюжетное целое. Конечно этот мотив не был новым ни в русской, ни в западноевропейских литературах; он неоднократно встречался еще в произведениях средневековой письменности и затем, более часто — в литературах Возрождения, предромантической поры и т. д. Однако для интересующей нас эпохи примечательными были не только всеобщность его распространения и популярности, но и разнообразие способов его применения.

В XVIII веке о находке «подлинных» рукописей, древних и якобы случайно избежавших гибели, охотнее всего рассказывалось в целях литературной мистификации, для создания фикции воображаемого автора, от имени которого и велось повествование; подлинный автор вовсе скрывался за листами найденного им манускрипта (так, Макферсоном создана была легенда о случайно обнаруженных рукописях, содержащих в себе записи

³³ «Соревнователь просвещения и благотворения». 1821, ч. XV, стр. 340. — Стихотворение это, по недоразумению, долго приписывалось Баратынскому. П. П. Филиппович («Два неизвестных стихотворения Е. А. Баратынского. «Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца», кн. 24, вып. 1, Киев, 1914, отд. III, стр. 11—16) произвел его стилистический анализ, чтобы доказать органическую близость к стихам Баратынского; в том же году М. Л. Гофман перепечатал его в Полном собрании сочинений Баратынского (СПб., 1914, т. I, стр. 204, 327). На самом деле стихотворение принадлежит П. А. Плетневу, с именем которого оно было читано на заседании «Вольного общества» 12 сентября 1821 года (В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, стр. 361).

древних эпических песен кельтов Шотландии, ставшая причиной обошедшей всю Европу «оссиановской» поэзии; Т. Чаттертон создал образ мнимого поэта XV века Роулея, рукописи которого якобы случайно найдены были им в ящике одной из старинных церквей Бристоля; этот прием был излюблен также авторами «готических» романов, начиная с их образца «Замка Отранто», изданного Г. Уолполем в качестве перевода древнего «итальянского манускрипта», и т. д.). Л. Стерн обновил этот прием, придав рассказам о находке рукописей иронически-сатирические интонации и переключив интерес читателей от текстов находимых рукописей к неожиданностям и случайностям их обнаружения; в одном из эпизодов «Сентиментального путешествия» рассказывается о старофранцузской надписи на бумаге, в которую завернут был кусок масла (см. главы «Отрывок» и «Отрывок и букет»).

В начале XIX века мотив «находки рукописей» находился в повсеместном употреблении, то в серьезных, то в сатирических целях, то просто ради повышения занимательности повествования: мы находим его и у В. Ирвинга, объявившего о находке в гостинице рукописи Истории Нью-Йорка вымышленного им Дитриха Никербокера, в романе Бенжамена Константа «Адольф», с его характерным подзаголовком «Рукопись, найденная в бумагах неизвестного» (тетрадь, содержащая издаваемую повесть, якобы обнаружена в захолустной итальянской гостинице, в шкапулке, среди «множества старых писем, без адресов или со стертыми адресами и подписями»), и прежде всего у В. Скотта, в особенности содействовавшего популяризации указанного мотива. В предисловии к роману «Монастырь» В. Скотт не без иронии указывал на неумеренное употребление подобной завязки в повествованиях, лишшающее их в конце концов правдоподобия и слишком отзывающееся традиционной схемой, готовым штампом. В. Скотт писал здесь: «Один человек прогуливается по берегу моря, и благоприятная волна выбрасывает к его ногам маленькую цилиндрическую шкапулку, содержащую в себе манускрипт, очень поврежденный морской водой, который он, однако, в состоянии разобрать. Другой входит в лавку, чтобы купить фунт коровьего масла, и бумага, в которую оно завертывается, содержит в себе каббалистический трактат. Третий достигает удачи, сняв у одной хозяйки комнату, в которой стоит бюро, принадлежавшее одному из ее прежних жильцов, — и в ящиках этого бюро он находит очень любопытные бумаги...». «Каждое из таких приключений очень возможно, — прибавляет В. Скотт, — но я не знаю, почему этого никогда не случается ни с кем, за исключением издателей нашей страны...».

В русской литературе рассказы о случайно найденных рукописях столь же популярны в течение нескольких десятилетий и встречаются в бесконечных вариациях.³⁴ В «Филоне», рассказе И. И. Мартынова, созданном в манере Л. Стерна, путешественник находит рукопись в кармане купленного им подержанного кафтана, у П. И. Шаликова «записная книжка» — сверток падает автору под ноги, в журналах 20—30-х годов печатаются многочисленные очерки и повести о находках пакета с рукописями на улице, о письмах, обнаруженных в потерянном дамском ридикюле; в «Монастырке» А. Погорельского рассказывается о находке связки писем молодой «смолянки» к ее подруге. Рукописи, достойные внимания читателя, обнаруживаются всюду, в самых неожиданных местах, при самом странном, но благоприятном стечении обстоятельств, однако еще чаще они гибнут зря, в самых прозаических условиях. С подчеркнутыми юмористическими интонациями об этом стихийном и неотвратимом бытовом явлении любил писать Пушкин, а за ним и Гоголь. Напомним хотя бы следующие строки из предисловия «от издателя» к «Повестям Белкина»: «Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницей на разные домашние potrzeby. Таким образом, прошлою зимою все окна его флигеля заклеены были первою частью романа, которого он не кончил», или упоминание «летописи горюхинского дьячка», приобретенной «за четверть овса», — в перечне источников для «Истории села Горюхина»: «Первые листы были выдраны и употреблены детьми на так называемые змеи. Один из таковых упал посреди моего двора. Я поднял его и хотел было возвратить детям, как заметил, что он был исписан. С первых строк увидел я, что змей составлен был из летописи и, к счастью, успел спасти остальные...». Тот же прием у Гоголя в его повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» («Посмотрел я как-то на сподку пирожка, смотрю: писанные слова, как будто сердце у меня знало; прихожу к столу — тетрадки и половины нет! Остальные листки все растаскали на пироги...»).

К несчастью, как ни отзываются все эти примеры литературной традицией, подобные случаи слишком часто повторялись в быту, что вызывало в те годы не иронические улыбки, но горестные восклицания, ламентации или даже грозные филиппики наших литераторов, тем более, что среди погибавших рукописей

³⁴ Д. Якубович. Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы В. Скотта. Сб. «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, стр. 184—187.

оказывались и такие, какими дорожили как реликвиями или святынями.³⁵

Кульτ автографа, утвердившийся в русском обществе в первой четверти XIX века, безусловно был связан также с особым распространением у нас в ту пору рукописной литературы, вольнолюбивой или обличительно-сатирической. Рукописная литература составляла особую и широко разветвленную отрасль творческой деятельности, развивавшуюся помимо или, лучше сказать, вопреки той, которая получила свое отражение в печатных книгах и журналах, официально разрешенных к обращению среди читателей. Эта «потаенная» литература получала тем большее распространение, чем сильнее давал себя чувствовать тяжелый цензурный гнет. По рукам ходили списки многих запретных сочинений, оды Радищева, сатиры Д. П. Горчакова, стихотворений К. Н. Батюшкова, В. Л. Пушкина и др. Особыми были также условия хранения этих сочинений, «презревших печать», — в укромных уголках личных библиотек, — о чем мы знаем из признаний юноши-Пушкина в его «Городке» (1815):

Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь,
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный...

Количество этих произведений, ходивших по рукам в списках, непрерывно разрасталось; в двадцатые годы сюда входили вольнолюбивые стихи и эпиграммы Пушкина, Рылеева, В. Ф. Раевского, А. И. Одоевского, «Горе от ума» Грибоедова; «потаенные тетради» заключали в себе «основной фонд декабристской поэзии».³⁶ но он продолжал увеличиваться и позже: в него попадали стихи опальных поэтов, А. И. Полежаева, Лермонтова и др. Декабрист Н. И. Тургенев с полным правом свидетельствует, что в «деспотической стране», какою была Россия в его время, «где пресса задущена цензурой», «судить об общественном мнении»

³⁵ Н. Макаров («Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь». СПб., 1881, ч. II, стр. 68) рассказывает о своем сослуживце, — родственнике Грибоедова — Тинькове: «Грибоедов подарил Тинькову рукопись Горе от ума, писанную своею рукою. Разумеется эта рукопись хранилась как святыня. Вообразите же ужас Тинькова, когда, приехав откуда-то в начале зимы в свою калужскую деревню, он увидел, что рукопись его двоюродного брата пошла на оклейку окон. Это было дело экономной не по разуму экономки: статное ли дело трапизь на оклейку чистую бумагу? Ведь она стоит денег. Ну, а рукописи-то ничего не стоят, на это они и существуют. Тиньков достал потом другую рукопись, но только написанную уже не рукою Грибоедова: вся святость, весь ореол рукописи погнб безвозвратно. С этой последней, впрочем весьма верной, списал и я мой манускрипт».

³⁶ В. Б а з а н о в. Очерки декабристской литературы. М., 1953, стр. 132.

можно было «только из разговоров, знания фактов или из рукописной литературы...». Именно «эта подпольная литература, замечательная по силе эпиграмм и высоте поэтического вдохновения, показывала господствующее направление умов в России».³⁷ «Тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки», свидетельствует Герцен о начале 30-х годов («Былое и думы», ч. I, гл. 6); о том же вспоминал и Огарев:

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам...

(«Памяти Рылеева», 1857)

Стоит особо подчеркнуть, что вся эта рукописная литература, в том числе списки вольных стихов декабристов, тщательно сохранялись и после 1825 года, — для будущих поколений, — несмотря на все запреты и опасения. Поэтому количество подобных «заветных» тетрадей, дошедших до нас, оказалось в общем довольно значительным. Подлинные же «рукописания» погибших или опальных деятелей литературы, прозябавших в тюрьмах и ссылках, окружены были особым ореолом. Их собирали и старались сберечь не только явные или тайные единомышленники их авторов, но и коллекционеры автографов достопримечательных лиц. Таков был, например, второстепенный литератор этой эпохи, А. А. Ивановский, состоявший делопроизводителем следственной комиссии о восстании 14 декабря: в его архиве наряду с рукописями многих русских писателей XVIII—XIX веков оказался целый фонд произведений декабристов, в подлинных автографах, вероятно, извлеченных им из следственных дел — Рылеева, Кюхельбекера, Каховского и т. д.³⁸ Все эти рукописи он хранил у себя в деревне, и о существовании их знали его друзья. Один из них, А. Н. Креницын, также поэт, близко знавший Баратынского и многих поэтов-декабристов, обратился однажды к Ивановскому с просьбой познакомить его с некоторыми заветными рукописями этого собрания. Среди бумаг Ивановского сохранилось следующее стихотворное послание к нему А. Н. Креницына:

А. А. И[вановском]у
(Обещавшему мне несколько рукописей К. Ф. Рылеева)

Сосед достойный, дорогой
Моей солдатской балаайки,
Склони ты слух на звук простой...

³⁷ Н. Тургенев. Россия и русские, СПб., 1907, стр. 50.

³⁸ «Русская старина», 1874, кн. 2, стр. 392—393; 1888, кн. 10, стр. 153.

Дай мне насытиться душой
Певцом бессмертным Наливайки!

Порадуй голосом меня
Сего карателя злодеев.
Твоим сокровищем ценя,
Я жду его, как ждал Рылеев
Свободы радостного дня!

Июля 25, 1829 с. Заборье ³⁹

Обратим внимание на дату этих стихов. Она свидетельствует, что даже в ближайшие годы после суда и приговора рукописи погибших деятелей 14 декабря служили предметом внимания и восхищения тех немногих любителей русской поэзии, которым удавалось их видеть и держать в своих руках.

Таким образом, многие особенности русской общественной жизни первых десятилетий XIX века предопределяли и усиливали интерес к авторской рукописи, содействовали возникновению страсти к их собиранию и хранению.

5

Важнейшими следствиями этой коллекционерской страсти явились быстрое увеличение числа замечательных русских рукописных собраний в составе частных библиотек и, с другой стороны — новое отношение к авторской рукописи.

В 20-е годы в Москве и Петербурге создавались и получили известность первоклассные библиотеки с богатейшими рукописными отделами и закладывались основы новых, столь же ценных собраний. Таково было, например, знаменитое в летописи русской науки собрание рукописных книг Ф. А. Толстого (1758—1849). Коллекционерство было для него всепоглощающей страстью, стихией, захватившей его целиком. Все свое состояние, умноженное богатым приданым, он истратил на свою «Библиотеку русской старины», которая уцелела при пожаре Москвы и затем пополнялась непрерывно до конца его жизни. Московский дом Ф. А. Толстого был богато убран произведениями искусства, бронзой и фарфором; ¹ здесь же размещались шкафы с книгами и рукописными кодексами. «К сожалению, ничего неизвестно, когда и по какому случаю развилась в графе страсть к русским древностям», замечает о Ф. А. Толстом Н. Барсуков, но догадывается все же, что этому способствовали «фамильные исторические предания» и «связь его через же-

³⁹ Цитирую по рукописи, хранящейся в ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 1325, л. 1 об.); см. В. В. Данилов. А. Н. Креницин. «Русская литература». 1960, № 3, стр. 154.

¹ «Русская старина», 1873, т. VII, № 1, стр. 48—49.

нитьбу со староверами, этими<...> попечителями наших древностей».² Собрание Толстого пользовалось известностью уже в 20-е годы; тогда были напечатаны, на его же средства, несколько прекрасных каталогов его редкостей: составленное К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым «Обстоятельное описание славено-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке гр. Ф. А. Толстого, с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век» (М., 1825)³ было одним из первых руководств по русской палеографии и долго удерживало свое значение; в периодической печати также неоднократно отмечались достоинства его коллекций. К. Ф. Калайдович, в частности, писал о Толстом: «Почтенный любитель отечественных древностей не перестает новыми приобретениями умножать свои сокровища, исторгая памятники просвещения из рук невежества. Хвала ревностному собирателю, который вопреки многим библиофилам, отвергает свою библиотеку для каждого, водимого любопытством и знанием, и ищущего в оной новых открытий».⁴

Любопытно, что библиофильские интересы Ф. А. Толстого были всеобъемлющими: еще в 20-е годы он собирал не только древние манускрипты, но и рукописи и книги XVIII века, как русские, так и иностранные;⁵ в 1830 году увидел свет особый каталог принадлежавших ему 137 иностранных рукописей.⁶

Коллекции Ф. А. Толстого, не в пример многим другим русским собраниям тех лет, имели благоприятную судьбу; они не расплылись и дошли до нас, вероятно, в полном виде, приобретенные для Петербургской Публичной библиотеки, в которой хранятся и поныне.

Европейскую славу получили создавшиеся в то же время собрания кн. Михаила Петровича Голицына (1764—ум. после

² Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 113.

³ В последующие годы появилось несколько дополнительных каталогов. Все они перечислены в кн.: Г. Геннади. Литература русской библиографии. СПб., 1858, стр. 130—131.

⁴ К. Калайдович. Библиографические отрывки. «Вестник Европы», 1820, ч. CXI, № 11, стр. 203.

⁵ Библиотека Ф. А. Толстого была «богата иностранными старинными изданиями во всех родах и на всех языках», — свидетельствует П. П. Свиньин; в ней были собраны также «переводы с разных иностранных языков XVII—XVIII ст.». См.: П. С. [Свиньин]. Первое письмо из Москвы. Частные библиотеки, галереи, разнообразные собрания, кабинеты и русские художники. «Отечественные записки», 1820, № 1, стр. 68—69. — О собирании Толстым рукописей XVIII века, в числе которых было случайно приобретенное им «секретное письмо Екатерины II на счет Новикова и Тургенева» см.: Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 127—128.

⁶ Catalogue raisonné des manuscrits du comte Th. And. de Tolstoy... par A. T. [Александр Терещенко]. St. Petersburg, 1830.

1836 года).⁷ Его картинная галерея в 20-е годы считалась одной из лучших; ее называли «московским Эрмитажем в малом виде».⁸ Не менее замечательной была его коллекция французских рукописей и редких книг, приобретенных за границей на рубеже XVIII и XIX веков; по обилію редкостей это собрание приближалось к тому, которое при сходных обстоятельствах приобретено было П. П. Дубровским. У Голицына хранились, например, замечательные рукописи XVII века, среди них — поэма Лафонтена «Адонис», исполненная для министра Фуке знаменитым каллиграфом Жарри; был здесь и другой манускрипт поэтических произведений Лафонтена с миниатюрами Мароля, происходивший из библиотеки Генья (Gaignat) и купленный за 7200 франков. Но важнейшие рукописи, которыми обладал Голицын, относились к средним векам и Возрождению: здесь были пергаменная библия XIII века, известная под именем «Беррийской», две превосходных рукописи «Романа Розы» начала XV века с миниатюрами, ранний список «Мемуаров» Филиппа де Коммина, целая серия рыцарских романов (среди них «Amours de Lériano et de Lauréole, fille du Roi de Macédoine» XV в.), трактат о «Соколиной охоте», украшенный 91 миниатюрой, — подарок Франциска I адмиралу Бониве, и множество других, известных нам ныне по двум печатным каталогам, изданным в Москве в 1816 и 1820 годах (во втором описано 180 рукописей).⁹ Однако главным и бесценным раритетом этого отдела сам владелец считал историческую «Псалтырь Людовика святого»: о ней много писали и в России и за границей.¹⁰

В середине 20-х годов материальное благополучие М. П. Голицына пошатнулось настолько, что он вынужден был продать все свои коллекции — картины, книги и рукописи.¹¹ В январе 1825 года в Париже издан был новый каталог его рукописей,

⁷ Н. Н. Голицын. Род князей Голицыных, т. I. СПб., 1892, стр. 153, 447.

⁸ «Отечественные записки», 1820, № 1, стр. 76; С. Глинка. Путеводитель по Москве, М., 1827; «Русский архив», 1915, кн. I, вып. 1, стр. 165.

⁹ Notice de manuscrits, livres rares et ouvrages sur les sciences, beaux arts, etc.; tirée du cabinet de... M. Galitzine Moscou, 1816 (второе изд.: Mise en ordre par G. de Laveau, Moscou, 1820); ср. «Отечественные записки», 1820, № 1, стр. 80—83.

¹⁰ C-te de Fortia-Piles. Voyage de deux français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne, vol. III. Paris, 1796. с. 343. — В книге G. L. D. L. «Moscou avant et après l'incendie» (Paris, 1814, p. 15) в числе главных драгоценностей собрания М. П. Голицына упомянуты «Псалтырь Людовика святого» и «Адонис» Лафонтена. По известию, сохранившемуся во Франции, «Псалтырь» преподнесена была Людовику XVIII после реставрации (L. Pingaud. Les français en Russie et les russes en France. Paris, 1826, p. 293).

¹¹ «Русский архив», 1901, кн. III, вып. 1, стр. 12, 25 (bis).

озаглавленный «Каталог драгоценного собрания рукописей и книг, главным образом на пергамене, происходящих из одной из лучших библиотек Европы...» — а в марте состоялся и аукцион,¹² после которого от его московского собрания остались только воспоминания: для России оно было потеряно навсегда.

Не менее печальную судьбу имели собрания А. С. Власова (1777—1825), пользовавшиеся такой же известностью в те же годы, что и голицынские. Коллекционерская страсть развилась у Власова еще в юности, когда он жил в Петербурге и когда, по словам его приятеля и биографа Н. Иванчина-Писарева, «образованность, вкус, разборчивость и старания заменяли ему богатство»; после женитьбы (на сестре кн. Э. А. Волконской, кн. М. А. Белосельской-Белозерской) Власов получил большие средства, переселился в Москву и полностью отдался здесь собиранию предметов искусств. «Пламенный любитель художественных произведений», Власов, — по словам того же биографа, — «превращал гостеприимную сень свою в некий Пантеон или Музеум», собирая отовсюду «памятники древних и новейших искусств у тех народов, которые предшествовали нам в образованности», «среди снегов отечества пылая любовью к изящному и соединяя под мирным кровом своим плоды гения всех стран и столетий».¹³

Власов с жадностью собирал все, что мог приобрести и что представляло исторический интерес или художественное значение — картины и эстампы, мраморы и камеи. В его московской галерее, по свидетельству современников, находились картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рубенса и десятки других драгоценных полотен. «Комиссионеры Власова, — рассказывает осведомленный Н. Иванчин-Писарев, — жили безвыездно в Париже, во многих городах Италии и присылали все, что продавалось там редчайшего в отношении искусств. Они не были ограничены им в ценах, когда вещи продавались с публичного торга, так что нынешнему герцогу Орлеанскому (случай многим известный) не удалось купить одной книги деда своего, ибо Власов хотел иметь ее — и получил».¹⁴ «Вполне удовлетворенный собранием эстампов, которых многие отпечатки

¹² Г. Геннади. Литература русской библиографии. СПб., 1858, стр. 177.

¹³ Н. Д. Иванчин-Писарев. Речь в память Власову (произнесена в январе 1826 года в заседании «Общества истории и древностей российских») в кн.: «Новейшие стихотворения Н. Иванчина-Писарева... с прибавлением нескольких сочинений его в прозе». М., 1828, стр. 137, 139, 140 (ранее опубликована в «Московском телеграфе», 1826, ч. VIII, № 8, стр. 284—298).

¹⁴ Н. Д. Иванчин-Писарев, там же, стр. 149.

признаны ненаходимыми», Власов сделался страстным охотником до редких книг и манускриптов.

Библиотека Власова также была весьма обширной и заключала в себе первоклассные раритеты; здесь, в частности, были представлены в лучших образцах издания знаменитых типографов XV—XVIII веков всей Европы. В 1819 и 1821 годах были изданы два каталога его драгоценных книг и рукописей;¹⁵ последние у Власова было не так много, но все они собраны были со вкусом и, действительно, представляли огромный исторический интерес: среди них особое внимание привлекали к себе древние кодексы Вергилия (XI века), Цицерона (XV века), Аристида-ритора (XIII века) и т. д. Лишь после смерти Власова обнаружилось, в какой тупик завела его коллекционерская горячка: он оставил после себя 113 рублей наличными и около двух миллионов долгу. Особая комиссия, которой предписано было изыскать средства для погашения этого долга, начала ликвидацию всех его собраний, в том числе и библиотеки;¹⁶ аукционные продажи и лотереи происходили в Москве периодически и продолжались много лет, вплоть до 1835 года; один из этих аукционов посетил А. С. Пушкин, — о чем он сообщил жене в письме от 10 декабря 1831 года.¹⁷

В 20-е годы коллекционерство всех видов в обеспеченных кругах русского дворянства, вообще говоря, было очень распространено; собирали картины, эстампы, рисунки, скульптуры, камни, вместе с книгами и рукописями; создавался, однако, и более специализованный тип собирателя-библиофила, встречавшийся чаще, потому что коллекционирование книг требовало меньших средств и предоставляло большие возможности для удачи.

Среди возникавших тогда библиофильских собраний известность приобрели библиотеки П. К. Сухтелена, А. Я. Лобанова-Ростовского, А. С. Норова, С. А. Соболевского и многих др. Библиофильство захватывало широкие круги; в русский обиходный словарь, если судить хотя бы по «Энциклопедическому лексикону» А. Плюшара, сразу вошли в те годы все термины, связанные с любовью к книге и особым вкусом к любованию ею, к ее описаниям и изучениям.

¹⁵ Catalogue des livres rares et précieux de la bibliothèque de M. de Wlassoff... suivi d'une description sommaire de ses gravures, tableaux, pierres gravées et bronzes, Moscou, 1819, 2-me éd., 1821.

¹⁶ В период ликвидации имущества Власова было издано еще три каталога его библиотеки — один французский (1826) и два русских (1826, 1830). См.: Г. Геннадиев. Литература русской библиографии. СПб., 1858, стр. 125.

¹⁷ Сб. «Пушкин в Москве». М., 1930, стр. 80; Пушкин, Письма, ред. Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1935, т. III, стр. 448—449.

В Петербурге одной из наиболее знаменитых была библиотека П. К. Сухтелена, заключающая в себе также одно из обширнейших рукописных собраний. Граф Петр Корнилевич Сухтелен (1751—1836), голландец по происхождению, принят был на русскую службу в 1783 году инженер-подполковником. При Александре I он был назначен сначала (1801) генерал-квартирмейстером, а затем (1802) инспектором всего инженерного департамента, присутствующим в военной коллегии. Жительство свое он имел в Михайловском замке, где помещалась и его библиотека, уже в то время довольно значительная, — потому что любовь к книжному собирательству проявилась у него рано, превратившись впоследствии в сильную и неугаемую страсть. Ф. Ф. Вигель, оставивший подробную характеристику П. К. Сухтелена в своих «Записках» недоумевал, как могли сочетаться в нем любовь к кабинетным занятиям с практическими навыками опытного инженера и неустрашимого воина: «Этот человек ужасал своим знанием... Все математические науки, все отрасли литературы, философия, богословие равно ему были знакомы; в художествах был он верный и искусный судия. Но как успевал он копить сокровище своего знания, когда половина дня поглощаема у него была занятиями по службе — это сущая загадка». Бывал Вигель и в его «кабинете-библиотеке», который он подробно описал. «Можно себе представить мое изумление, когда вошел я в бывшую тронную залу императора Павла (в Михайловском замке). Она была в два света; на великолепно расписанном плафоне изображен был Юпитер-Громовержец и весь его Олимп; под вызолоченным карнизом видны были гербы всех княжеств Российских; место, где был трон, было заметно по сохранившимся над ним разным фигурам, и огромное зеркало в 12 или 13 аршин вышины было в числе забытых или оставленных украшений. Но стены чертога были голы, даже не покрыты краскою; вдоль оных до половины их вышины тесно поставлены были выкрашенные простого дерева шкафы без стекол и занавесок. А между тем их полку поддерживали драгоценности, коим мог позавидовать всякий библиофил: кажется, одни Эльзевиры были без счету. На середине залы стояли, один за другим, престрашные столы с ящиками до полу, которые в недрах своих хранили другие сокровища: редкие рукописи, собрания эстампов и медалей, а сверху были обременены не расставленными еще фолиантами. Память о покойном государе была еще так свежа, что я невольно вздрогнул, и была минута, в которую мне показалось, что разгневанная тень его пронеслась по мирному кабинету мудреца. Какая противоположность! Там, где еще недавно с трепетом проходили царедворцы, там ежедневно по целым часам блажен-

ствовал муж добра и науки. Он был настоящий библиоман. Это такого рода роскошь, на удовлетворение коей более всего потребны время и расчетливость. Генерал Сухтелен, не бедный и не богатый, всю жизнь свою употреблял половину доходов на покупку книг и по смерти своей наследникам своим оставил такую библиотеку, которую приобрела казна, ибо ни один частный человек не в состоянии был купить ее». ¹⁸

Этот рассказ из личных воспоминаний Ф. Ф. Вигеля может относиться по времени только до 1808 года; из него явствует, что знаменитая библиотека Сухтелена начала собираться в России до начала его дипломатической деятельности за границей; но Вигель ни словом не упомянул о последних десятилетиях жизни Сухтелена, когда библиотека его в особенности разрослась, пополнившись книжными раритетами и замечательными рукописями. После войны со Швецией (1808—1809), в которой он принимал непосредственное участие в качестве военного генерала и дипломата, Сухтелен был русским посланником в Стокгольме (до 1812 года и вновь после 1815 года до конца жизни). Дипломатическая деятельность привела его к общению со многими видными людьми его времени; сохранились, например, письма к нему г-жи де Сталь, с которой он познакомился еще в Петербурге, ¹⁹ а также Ж. де Местра, пользовавшегося его библиотекой и делившегося с ним впечатлениями о разных редких книгах. ²⁰ Живя в Швеции, Сухтелен также охотнее всего поддерживал переписку с учеными и библиофилами и с их помощью непрерывно умножал свои книжные собрания и рукописный архив.

После смерти Сухтелена его богатейшие коллекции в сентябре 1836 года на русском военном корабле доставлены были в Петербург ²¹ и поступили частью в Публичную библиотеку, частью в Эрмитаж. В библиотеке, состоявшей из нескольких десятков тысяч томов, обильно представлены были редкие и ценные издания — до тысячи одних инкунабул, несколько сот альдов и эльзевиров; помимо того, она находилась в образцовом

¹⁸ Ф. Ф. Вигель. Записки. М., 1892, ч. II, стр. 43—44.

¹⁹ С. Дурьлин. Г-жа де Сталь и ее русские отношения. «Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 272—275.

²⁰ Письма Жозефа де Местра к К. П. и Р. К. Сухтеленам, там же, 1937, т. 29—30, стр. 717—720.

²¹ Архив гоафов Канкринных-Ламберт-Сухтелен. Общий обзор документов. Тамбов, 1910, стр. 33, 52—53 (то же в «Известиях... Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 54, ч. III, Тамбов, 1911), S. Dahl. Codex A. D. 10 der Vesteråser Gymnasialbibliothek, Uppsala, 1949 (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, II), p. 96—97 (приведены отрывки из опубликованной в 1928 г. переписки библиотечкарей И. Шредера и Э. Верлауффа о собраниях Сухтелена и перевозке их в Петербург).

порядке, представляя собой «достойный подражания и внушительный пример целесообразной и изысканной заботливости о каждом отдельном томе и листочке».²² По рассказам современников П. К. Сухтелена — шведов, книжные приобретения его производились с выбором и пониманием, но всецело зависели от его склонностей: он «мало заботился о стоимости книг и рукописей, лишь бы только они интересовали его».²³

Особый отдел в библиотеке Сухтелена занимали рукописи. Здесь было 262 древних манускрипта и несколько тысяч «автографов» — исторических документов и образцов почерков различных достопримечательных лиц. В числе древних кодексов, первоначально переданных в Эрмитаж, оказались ценнейшие иллюминированные пергамены, — например рукописная копия трактата Ф. Петрарки «De remediis utriusque Fortunae», писанная в Милане в 1388 году, много часословов XIII—XVI веков на латинском, французском и фламандском языках, календарь М. Скотта («De signis et imaginibus coeli», писанный в Италии в конце XIV века) и др.²⁴

Что касается так называемой «автографической» части собрания Сухтелена, то она также весьма разнообразна, собиралась им долгое время и состоит из документов нескольких типов. «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара упоминал об этой коллекции еще до того времени, как она поступила в Петербургскую Публичную библиотеку: «В новейшее время многие любители редкостей начали собирать автографы знаменитых особ. Прекраснейшее и богатейшее такого рода собрание находится у российского посла при шведском дворе графа П. К. Сухтелена».²⁵ К этой его коллекции принадлежат автографы достопримечательных лиц в альбоме известного шведского ученого-ботаника и пугешественника Якоба-Ионаса Бьёрнсталя (Björnsthål, 1731—1779); этот альбом полностью не издан и поныне; однако из него извлечены и опубликованы в недавнее время интересные автографические записи Вольтера, Даламбера и маркиза Сен-Симона,²⁶ а также Дидро, — на другом листе.²⁷ Собранию П. К. Сухтелена принадлежит также еще один

²² Р. Минцлоф. Прогулка по С.-Петербургской имп. Публичной библиотеке. СПб., 1872, стр. 9—10.

²³ С. Варадель. Гр. П. С. Сухтелен (Его характеристика по шведским источникам). «Русская старина», 1903, т. 8, стр. 472, 473—474.

²⁴ Музей императорского Эрмитажа. Описание различных собраний. СПб., 1861, стр. 41—45, 49, 51, 56, 69, 72, 73, 75—78.

²⁵ «Энциклопедический лексикон», т. I, СПб., 1835, стр. 136.

²⁶ «Литературное наследство», 1937, т. 29—30, стр. 157, 159. — В собрании Сухтелена есть и другие автографы Вольтера, в частности, его письма к аббату Сен Сир 1754 года (там же, стр. 154).

²⁷ Arthur M. Wilson. Leningrad, 1957: Diderot and Voltaire gleanings. «The French Review», 1958, vol. XXXI, № 5, p. 358.

альбом — шведского прелата XVII века Иоанна Гезелиуса, купленный вместе с его архивом, целый архив шведского химика Берцелиуса, а также множество других бумаг, документов, частных писем всевозможных исторических деятелей Северной и Западной Европы, приобретенных Сухтеленом в разное время. В особую группу могут быть выделены бумаги самого Сухтелена и его переписка, где также хранится немало ценных автографических документов и записей.²⁸

К видным петербургским библиофилам и собирателям принадлежал также князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1786—1866), знакомец Пушкина, живший пышно и открыто то в своем петербургском доме у Исаакиевского собора (со львами у входа, упомянутыми в «Медном всаднике»), то за границей.²⁹ Библиофильская страсть Лобанова-Ростовского также не являлась простой барской утехой; при всем своем просвещенном дилетантизме, он умел сосредоточивать свои исторические интересы и подчинял им свою собирательскую деятельность, достигавшую большого размаха и весьма ощутительных результатов. Сначала он увлекся личностью Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля Генриха I; затем в 20—30-х годах он с еще большей энергией начал собирание во Франции и Англии всего относящегося к злополучной шотландской королеве — Марии Стюарт, — писем ее, портретов, исторических документов. Возможно, что этому увлечению Лобанова-Ростовского в немалой степени способствовал уже находившийся тогда в Петербурге и выставленный в Публичной библиотеке для обозрения знаменитый молитвенник Марии Стюарт, — из числа рукописей, привезенных П. П. Дубровским.³⁰ Но и розыски самого Лобанова-Ростовского были весьма успешны: результатом их явился целый ряд изданий, документальных иконографических и библиографических, выпущенных им в Париже и Лондоне («Lettres inédites de Marie Stuart», «Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart», 1844—1845, 7 томов;

²⁸ Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Краткий отчет рукописного отдела за 1914—1938 гг., Л., 1940, стр. 20.

²⁹ Пушкин, Письма, ред. Б. Л. Модзалевского, т. 1, Л., 1926, стр. 253; Русский биографический словарь, М. Лабзина-Лященко, СПб., 1914, стр. 517—518 (статья М. Попова).

³⁰ Эта рукопись (лат. Q.v.I, 112) и в те годы пользовалась заслуженной славой. В статье «Одно утро в имп. Публичной библиотеке», помещенной в журнале «Атеней» (1828, ч. 1, стр. 49—63), М. Н. Загоскин привел описание этого молитвенника и французские стихи Марии Стюарт, «собственноручно вписанные ею в эту книгу в тюрьме». Первое подробное описание этой рукописи сделал, однако, Лобанов-Ростовский («Lettres de Marie Stuart», vol. VII, Londres, 1844, p. 245—352).

«Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart», St. Petersburg, 1859). Богатое собрание книг о Марии Стюарт Лобанов-Ростовский пожертвовал в Эрмитаж, вместе с одним из наиболее достоверных ее портретов (работы одного из учеников Jehan Clouet-младшего). Он собирал также портреты Петра I (переданные Публичной библиотеке), книги по военному делу и топографические карты (переданные библиотеке Главного штаба). Богатое собрание его книг, относящихся к театру и драматургии, в котором объединено около пяти тысяч пьес XVI—XVII веков, преимущественно французских, и поныне хранится в Ленинграде, составляя один из ценнейших фондов «Театральной библиотеки»;³¹ среди этих книг оказались также и любопытные французские рукописи.

Не только библиофилам, но и многим русским писателям хорошо были известны также книжные собрания А. С. Норова, комплектовавшиеся, собственно, два раза в его жизни. Авраам Сергеевич Норов (1795—1869), участник Отечественной войны 1812 года, в течение которой он дослужился до чина артиллерийского полковника, был в молодости поэтом и писателем и уже в то время стал увлеченным собирателем книг и рукописей. В 1821 году он совершил свое первое путешествие по Европе, а в 1834—1835 годах путешествовал снова, на этот раз по Египту и Палестине. С. А. Соболевский вспоминал, что Норов «искони был библиофилом; он до 30-х годов собрал замечательную библиотеку, которую продал Н. И. Трубецкому, потом он составил другую... с любовью к делу и глубоким знанием и того, что в ней есть и того, что в ней недостает».³² Редкостями библиотеки Норова, — в частности, иностранными сочинениями о России, — пользовался и Пушкин для своих исторических разысканий;³³ из странствований своих по Востоку Норов вывез небольшое, но ценное собрание рукописей, преимущественно греческих, но также славянских, — сербского и болгарского происхождения.³⁴ Во второй своей библиотеке Норов успел собрать такую коллекцию изданий Джордано Бруно и Кампанеллы, какой по авторитетному свидетельству С. А. Соболевского «нет ни в одной из публичных или частных библиотек

³¹ Ю. А. Нелидов. Театральная библиотека им. А. В. Луначарского. В кн.: «Театральное наследие». Сб. 1, Л., 1934, стр. 37—38.

³² С. А. Соболевский. Библиотека А. С. Норова. «Русский архив», 1869, № 4, стр. 064—065; А. П. Чехов. А. С. Норов. «Исторический вестник», 1895, т. 61, август, стр. 384—391.

³³ Пушкин. Письма, ред. Л. Б. Модзалевского, т. III, М.—Л., 1935, стр. 661—664.

³⁴ А. Востоков. Описание рукописных и печатных книг славенских, принадлежащих Норову, «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, № IX, стр. 529—551.

Европы».³⁵ Ему, между прочим, удалось приобрести голстую тетрадь in quarto на 182 листах, в которой находятся сочинения Джордано Бруно, писанные собственной рукою философа — мученика инквизиции.³⁶

Еще более знаменитой была библиотека С. А. Соболевского (1803—1869), близкого друга Пушкина и многих западноевропейских писателей.³⁷ Соболевский недолго служил в Московском архиве Министерства иностранных дел вместе с другими «архивными юношами», пять раз на довольно продолжительные сроки ездил за границу — во Францию и Италию, Испанию и Англию; дружеские отношения связывали его с Мицкевичем, П. Мериме, он был в переписке с учеными и литераторами целой Европы. Во время его долголетних странствований складывалась постепенно и его библиотека, выросшая к концу его жизни в крупное книгохранилище, замечательное по тщательности своего подбора и обилию уникальных изданий. Библиотека эта содержалась в образцовом порядке в квартире Соболевского, занимавшей целый этаж в московском доме Волконского на Смоленском бульваре. Здесь он хранил также свои рукописи и переписку, аккуратно переплетенную в 2 томах.³⁸

³⁵ С. А. Соболевский. Библиотека А. С. Норова, стр. 065.

³⁶ Хотя этот манускрипт приобретен Норовым в 60-х годах (и описан им самим в кн.: «Библиотека А. С. Норова», ч. 1, СПб., 1868, стр. 250—272), но очень вероятно, что интерес к Дж. Бруно возник у него еще в 20-е годы, когда над романом о Бруно и Пьетро Аретино усиленно трудился В. Ф. Одоевский («Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского государственного университета», вып. 1, Л., 1949, стр. 227—239). Вместе со всей библиотекой Норова этот манускрипт поступил в Румянцевский музей. См.: В. П. Зубов. Рукописное наследие Джордано Бруно. «Московский кодекс Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина». Записки отдела рукописей, вып. 11, М., 1950, стр. 164—182.

³⁷ В. И. Саитов. Сергей Александрович Соболевский. «Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко», СПб., 1913, стр. 190—209; «Соболевский — друг Пушкина. Со статьей В. И. Саитова», СПб., 1922.

³⁸ В своих воспоминаниях о Соболевском Я. Березин-Ширяев рассказывает, что эта библиотека расставлена была в нескольких комнатах в низких шкафах: «В небольшой комнате с двумя окнами во двор стояли вдоль стены картонные, в которых сохранялась переписка Соболевского с разными библиографами, библиофилами, писателями и другими более или менее известными лицами. Эта переписка была расположена по годам и в алфавитном порядке; тут же сохранялась и тетрадь в синем бархатном переплете с письмами поэта Пушкина к брату Льву Сергеевичу и с картинкою, нарисованную Пушкиным для Невского альманаха...». («С. А. Соболевский. Из воспоминаний библиофила». «Библиограф», 1892, № 1, стр. 4—5). Отметим, кстати, что как библиограф Соболевский известен своими статьями и материалами, печатавшимися преимущественно в «Русском архиве»; значительный интерес представляет опубликованный им мемуар Сабатье де Кабра (Sabathier de Cabres) о дворе Екатерины II, купленный

После смерти Соболевского, его наследницы быстро расправились с этим богатством. Библиотека была продана лейпцигскому книгопродавцу, который в свою очередь перепродал ее лучшую часть в Британский музей в Лондоне,³⁹ а прочие книги — в разные руки. Рукописи Соболевского также объявлены были к продаже в Лейпциге, но остались в России, благодаря купившему их С. Д. Шереметеву, у которого они впоследствии долго хранились. Из 28 томов этих рукописей до нас дошли 24 тома его переписки, в темно-зеленых полукожаных переплетах in folio, и «один фолиант с документами, касающимися любимого детища Соболевского, его библиотеки».⁴⁰ Публикация этих ценнейших автографических материалов еще далеко не закончена.

Очень ценные библиотеки, с рукописными отделами или даже целыми архивами при них, имелись в те годы и у многих других лиц, прежде всего из числа тех, кто в той или иной мере сам был причастен к литературному движению, журнальной работе или научно-исторической деятельности. Разумеется, каждое из подобных собраний, — книжных и рукописных, — имело собственный облик, свои, присущие ему отличия, в соответствии со вкусами и склонностями их составителей. Иногда книжные собрания этого рода не имели даже, строго говоря, специфического «библиофильского» отпечатка, а приданные им отделы рукописей содержали в себе не подлинные манускрипты или древние хартии, но лишь копии с них, извлечения, первоначальные опыты их обработки. Этим, однако, не уменьшается их значение или типичность для интересующей нас эпохи; они ярко отображали всеобщность увлечений историческими занятиями, особую заинтересованность документальными источниками.

Весьма любопытный и очень своеобразный подбор редких книг по философии, естествознанию, литературе и музыке был, например, у В. Ф. Одоевского, но он устанавливал эти книги на полках своего кабинета отнюдь не по признакам их «редкости» или материальной ценности, но как источники своих

Соболевским за границей и происходящий из библиотеки, некогда принадлежавшей маркизу Шатожирону, а также изданные им «Юрнaлы и камерфурьерские журналы 1695—1747 гг.» (М., 1867).

³⁹ В Лейпциге опубликованы были два каталога библиотеки Соболевского — иностранных книг (4447 названий) и русских (800 названий): «Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la collection de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou). Leipzig, 1873. Ср.: Иван Янж у л. Судьба библиотеки Соболевского. «Исторический вестник», 1895, кн. 2, стр. 686—687.

⁴⁰ А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 9—10.

знаний и необходимые орудия для своей творческой работы; в то же время неотъемлемую часть библиотеки Одоевского составляли его личные бумаги, где наряду с его собственными писаниями, а также автографами русских и зарубежных современников, сосредоточено было множество его выписок из редких изданий и копий архивных документов.⁴¹

Библиотека А. И. Тургенева включала в себя одну из ранних и лучших для своего времени книжных коллекций иностранной «россики», которой широко пользовались его литературные друзья; в рукописном каталоге его библиотеки значилось 2189 названий; он был испещрен пометами, кого Тургенев ссужал своими книгами — Карамзина, Жуковского, Оленина и т. д. Хотя А. И. Тургенев вовсе не был библиофилом-коллекционером в том смысле, какими являлись многие из его современников, но приобретенные им книги были не только редкими, но зачастую и ненаходимыми в других библиотеках, а главное подбирались с определенным заданием. Мы вправе считать А. И. Тургенева одним из видных деятелей русского исторического источниковедения, так как в течение нескольких десятилетий он ревностно извлекал и копировал рукописные исторические акты, относящиеся к России из малодоступных или еще вовсе запретных в то время архивов и книгохранилищ целой Европы — Италии, Франции, Англии, Германии, Швеции и т. д.,⁴² — поэтому и книги его являлись пособиями для обработки собранных им исторических бумаг и подготовки всех этих материалов к изданию. С другой стороны, хотя А. И. Тургенев и не составлял собственной коллекции автографов достопримечательных лиц, но через его руки прошли многие их сотни.

⁴¹ Э. Голлербах. Из истории русского коллекционерства. «Советский коллекционер», 1931, № 10, стр. 270—272. — Библиотека В. Ф. Одоевского влилась в Румянцевский музей, директором которого он был после переезда музея из Петербурга в Москву. О других библиотеках см. еще ценный библиографический указатель: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. СПб., 1912 (оттиск из «Русского библиофила», 1911, кн. III, IV, V—VI).

⁴² Библиотека Д. В. Ульянинского, т. II, М., 1912, стр. 1136—1139; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 2, Киев, 1892, стр. 1492. — Собранные А. И. Тургеневым документы были изданы в двух томах, печатавшихся под наблюдением А. Х. Востокова («Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек...», СПб., 1841—1842; дополнительный том опубликован в 1848 г.). По непонятной для нас причине П. А. Плетнев считал, что исторические материалы, собиравшиеся А. И. Тургеневым, «погибли безвозвратно» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., 1896, стр. 225); большинство близких к А. И. Тургеневу лиц, после возвращения его в Петербург в 1836 году, хорошо было о них осведомлено («Журнал Министерства народного просвещения», 1843, январь, отд. II, стр. 2—3; «Русский архив», 1910, кн. III, стр. 461).

Мы уже видели, какую роль играло его добровольное посредничество по раздобыванию и приобретению их для настоящих собирателей, например, П. А. Вяземского; немалая доля этих автографов сохранилась и в его собственном, поистине драгоценном архиве.

Можно было бы привести еще много других аналогичных примеров не только страстного, но и целеустремленного собирательства в те же годы, — однако подробное их перечисление заняло бы слишком много места и не входит в нашу задачу. Мы стремились лишь подчеркнуть, что в те годы собирание книг, рукописей, архивных документов и т. д. превратилось у нас в поветрие, своего рода манию, захватывавшую самые широкие общественные круги. Отметим еще, что в этот стихийно развивавшийся процесс вовлекались не только представители наиболее обеспеченных слоев русского дворянства, но и разночинной интеллигенции, люди весьма среднего достатка. Некоторым из последних, жившим на свои скудные заработки, тоже удавалось составить себе весьма примечательные коллекции. Интересное собрание составил себе, например, П. Я. Актов, петербургский чиновник, сын костромского священника, в конце 30-х годов занимавший скромную должность столоначальника в департаменте уделов; в библиотеке его находилось много редких, еще не описанных в то время, старопечатных славянских изданий и древнерусских рукописей; любопытно, однако, что среди собранных им редкостей были также иностранные материалы; по свидетельству И. П. Сахарова, у П. Я. Актова были, неизвестно где найденные им, — пергаменный «молитвенник, присланный папою Львом Карлу Великому», постановления Базельского собора с подписью и датой 1455 года и 14 подлинных актов из Парижа и Орлеана, писанных на французском языке — судебные процессы, договоры, нотариальные записи 1616—1701 годов.⁴³

Из таких частных и скромных по своим масштабам коллекций, незаметно образовывавшихся в те годы и в провинциальной тиши, и в захолустных кварталах больших городов, в конце концов вырастали прославленные собрания, становившиеся предметом серьезного общественного любопытства и научного изучения. Ряд отдельных небольших собраний рукописей вошел в такие обширные хранилища, каким являлась, например, упоминаемая выше библиотека Ф. А. Толстого; таким же

⁴³ П. Н. Берков. П. Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг. «Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ», т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 636—643; М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века. «Проблемы источникововедения», сб. V, М., 1956, стр. 76—77.

путем очень пополнилось знаменитое впоследствии «древлехранилище» М. П. Погодина, основание которому было положено в конце 30-х годов. К Погодину перешло, например, все собрание древних рукописей вологодского купца Лаптева, около 200 рукописей из собрания Т. Ф. Большакова и ряд других.⁴⁴ О том, как возникло его «древлехранилище» Погодин рассказал и сам в своей автобиографической записке (где он говорит о себе в третьем лице): «Из первого путешествия привезено было несколько драгоценных рукописей и иностранных книг... Первое вдруг большое количество рукописей приобретено было по случаю получения (1839) полной Демидовской премии... Поручил московскому мещанину Большакову купить на объявленном аукционе Лаптева в Петербурге рукописи исторические. Большаков накупил ему множество всяких рукописей, не только исторических, но и прочих. Собрание вдруг значительно увеличилось. Вскоре открылся случай приобрести некоторые драгоценные библиотеки и собрания, одно за другим. Имущему дано будет и преизбудет, и сокровища полились к нему рекою. Со всякой ярмарки, кои посещал сам, получал по множеству вещей. Особенное счастье благоприятствовало. Одною из причин скорого обогащения было то, что он покупал не на выбор, а как говорится, на выгреб, все без исключения, потому продавцы и обращались преимущественно к нему со своими находками. Наконец, иностранные корреспонденты доставляли много весьма важного и в двадцать последних лет собрание возросло до удивительных размеров, так что, с одной стороны, держать его в деревянном доме становилось страшно и непозволительно, а с другой, поддерживать новыми приобретениями невозможно...».⁴⁵ Ниже Погодин дал краткую характеристику своего хранилища, в котором, между прочим, были отделы «автографы» и «автографы русских писателей»; — основную же его ценность составляли более двух тысяч древнерусских рукописей, грамот, столбцов, указов и т. д.

Напомним еще о «Русском музее» П. П. Свиньина, рожденном в 20-е годы в той же атмосфере всеобщих увлечений собирательством рукописей и древностей, в который входили и произведения русских художников, и бытовые предметы, и библиотека, и рукописи. Современники недостаточно оценили историческое значение этих коллекций, в которых и на самом деле демонстрировались порой наивность и легковерие собирателя, но собраны также предметы высокой исторической и

⁴⁴ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 г., СПб., 1853, стр. 23 и сл.; Н. Бокачев. Описи русских библиотек. СПб., 1890, стр. 132—137.

⁴⁵ Словарь профессоров Московского университета, т. II, М., 1855, стр. 264—266.

художественной ценности. Пушкин занес в свой дневник (1834) рассказ о вечере у гр. С. С. Уварова, на котором хозяин пронизировал над собранием рукописей Свиньина: «Говоря о Свиньине, предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI века, Уваров сказал: „Надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков“». ⁴⁶ Но в «Русском музее» все же действительно находились ценные манускрипты, которые куплены были Академией, а некоторыми из них, еще до того, пользовался и сам Пушкин: таковы были, например, «Дневник» А. В. Храповицкого, изданный лишь много позднее, или записки герцога Лирийского, маршала французской службы, состоявшего в должности испанского посла при русском дворе с 1727 по 1730 год; сохранилась и переписка Пушкина со Свиньиным по поводу этих рукописей. ⁴⁷ В конце 20-х годов, находясь в стесненных обстоятельствах, Свиньин принужден был распродать свой музей с аукциона. Для этой цели напечатаны были тогда два каталога, на русском и французском языках: «Краткая опись предметов, составляющих Русский музей Павла Свиньина» (СПб., 1829); ⁴⁸ в этих каталогах в отделе рукописей перечислено много ценных материалов: древние грамоты XIV—XV веков, «куранты» царя Федора Алексеевича, письма Екатерины II, рукописи Фонвизина и т. д. Распродажа «Музеума» закончилась только к середине 30-х годов. ⁴⁹

Спрос рождает предложение. Естественно поэтому, что у нас появлялись в то время и подделыватели древних рукописей: впрочем, особого успеха они не имели, потому что легковверных любителей находилось немного, а палеография, дипломатика и прочие вспомогательные исторические дисциплины развились у нас довольно быстро. ⁵⁰ Такие подделыватели в корыстных

⁴⁶ Дневник А. С. Пушкина, ред. Б. Л. Модзалевского, Л., 1923, стр. 13.

⁴⁷ «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 600—602.

⁴⁸ Французское параллельное издание озаглавлено: «Catalogue abrégé du cabinet national russe de Mr Paul Svignine... St. Petersburg, 1829; еще ранее известия о собрании Свиньина были напечатаны в «Северной пчеле» С. Перцовым (1826, № 32) и А. Висковатовым (1827, № 28).

⁴⁹ Воспоминания о русском музее. «Северная пчела», 1834, №№ 51—53; «Dopdater Jahrbücher», 1834, Bd. II, S. 84—87.

⁵⁰ Небольшое руководство И. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков» (СПб., 1824) сразу же привлекло к себе внимание многих русских палеографов и архивистов. Весьма сочувственный отзыв появился в «Библиографических листах» П. И. Кеплена (1825, № 10, стр. 133—136); А. Х. Востоков писал Н. П. Румянцеву (31 января 1825 года): «Сочинение сие без сомнения неполюно и недостаточно. Однако ж как первый у нас опыт в этом роде заслуживает всякой благодарности... Я с моей стороны, также занимаюсь собираньем знаков на бумаге, давно уже доискиваюсь, нет ли какого-нибудь полного

целях, как купец Бардин, отваживались, главным образом, на то, чтобы менять даты подлинных рукописей на более древние или прибавлять к ним собственные приписки. В первые десятилетия XIX века печальной известностью как фальсификатор пользовался также А. И. Сулакадзев, изобретавший новгородские руны, сочинявший «бояновы гимны», которыми он еще успел пленить старика Державина, и прочие столь же неправдоподобные письменные памятники древних руссов языческих времен.⁵¹ Его фантазиям, однако, пришел быстрый конец: над ним издевались современники, а в мемуарах этой эпохи запечатлен яркими комическими чертами образ этого доморощенного антиквара и невежественного архивиста.⁵² Хотя Сулакадзев умер в 1830 году, но его помнили долго, как печальный пример. Еще в 1850 году А. Х. Востоков писал: «Покойный Сулакадзев, которого я знал лично, имел страсть собирать древние рукописи, и вместе с тем портить их своими приписками»; некоторые же из них, по словам Востокова, представляли и «собственные его сочинения», полные «небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтоб казалось древнее».⁵³ Действительно, подделки Сулакадзева, по-видимому, совершались им не из корыстных побуждений, но из любви к искусству: это был скорее наивный мечтатель и фантаст, которого увлекли в начале века столь же мало оправданные палеографические увлечения и догадки хранителя драгоценных манускриптов П. П. Дубровского. Но любопытно все же, что в собрании Сулакадзева, как это явствует из его, дошедшего до нас, «Каталога книг, российских и частью иностранных, печатных и письменных», были ценные подлинные рукописи, нашедшие свое пристанище в больших государственных книгохранилищах.⁵⁴ Более

сочинения о сем предмете; но доселе ничего такого не нашел». «Переписка А. Х. Востокова», стр. 169, 438. Однако в это время трудились уже такие знатоки-практики этого дела, как например А. И. Ермолаев.

⁵¹ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Памятники древней письменности, № СХХVII, СПб., 1898, стр. 5—14; М. Н. Сперанский. 1) К истории русских рукописных подделок. Доклады АН СССР, сер. В. Л., 1928, стр. 182—183; 2) Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). «Проблемы источниковедения», т. V, М., 1956, стр. 44—101; М. Макаренко. Молиovníк великого князя Володимира и Сулакадзев. «Сборник статей в честь А. И. Соболевского», Л., 1928, стр. 484—491; В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. Труды ОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 634—636.

⁵² С. П. Жихарев. Записки современника. Под ред. Б. М. Эйхенбаума, М.—Л., 1955, стр. 436—438; Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, стр. 237—239.

⁵³ «Переписка А. Х. Востокова», стр. 49, 390—392, 412.

⁵⁴ «Русский филологический вестник», 1884, № 4, стр. 337.

редкими бывали в то время случаи «подделок» в сатирических целях или намеренного сокрытия авторства,⁵⁵ но такие подделки, являвшиеся скорее «пастишами» и литературными мистификациями, в свою очередь свидетельствовали о всеобщей заинтересованности древними рукописями, об умении понимать, чувствовать и воспроизводить их характерные лексические и стилистические особенности.

Таким образом, в 20—40-е годы в русском обществе обращалось огромное количество рукописей, русских и иностранных. Их разыскивали усиленно, берегли, изучали. Они служили предметом купли и продажи, из них составляли малые и большие коллекции, ими любовались как произведениями искусства, над ними размышляли о людях, их создавших. Все это предопределяло и особое отношение к рукописанию, как к своего рода «ключу» ко всей полноте бытовой и общественной жизни прошлых времен и к лучшему пониманию индивидуальных исторических личностей.

Слово «автограф» вошло в русский язык на рубеже XVIII и XIX веков. В «Новом словотолкователе» (1803) Н. Яновского оно получило такое объяснение: «подлинник: говорится о том, что писано рукою самого автора». Вскоре «Северный вестник» опубликовал «Письмо к издателю о музее рукописей г. Дубровского», где еще косноязычно, из-за отсутствия необходимых терминов и установившихся понятий, безвестный автор пытался пояснить читателям, с какой стороны может представить интерес собранная Дубровским обширная автографическая коллекция «из 8000 писем или бумаг собственноручных, как-то: писем, депеш, инструкций, донесений и пр., подписанных или писанных собственноручно различными королями, королевами, владетельными принцами, их министрами, начальниками армии, послами и проч.». Все эти «писески», — продолжал автор этой статьи, — «служат письменными медалями исторических происшествий, которые объясняют и дают им несомненную истину. Сверх того, такие бумаги суть настоящие и почтенные облики (*physionomies*) тех знаменитых лиц, которые сошли со сцены мира, и которых любим мы видеть в самых тленных остатках: сии бумаги, кажется, все еще оставляют нам на земли часть их самих; и потому они в ученом мире почитаются за истинные реликвии славных людей».⁵⁶ Тридцатилетие спустя в «Энциклопедическом

⁵⁵ Об одной из таких мистификаций, игравшей роль политического памфлета, пущенного по рукам перед восстанием декабристов, см.: Ив. Полосин. Неизвестный памфлет на Аракчеева 1825 г. (Записки о делах московских 1598 г.). «Труды Ярославского педагогического института», т. I, вып. 2, Ярославль, 1926, стр. 61—74.

⁵⁶ «Северный вестник», 1805, ч. VI, вып. 5, стр. 210.

лексиконе» А. Плюшара под словом «автограф» напечатана была уже большая статья, где утверждается в сущности то же самое, но в более привычных для нас выражениях и на конкретных примерах, и в то же время констатируется, что коллекционирование автографов практикуется и у нас в довольно широких размерах. Вот несколько характерных отрывков из этой справочной статьи, которая могла уже служить инструкцией для начинающих собирателей: «Автографами именуется манускрипты сочинений, написанные самими авторами, равно и письма собственноручные. Письма дружеские, семейные и т. п. бывают обыкновенно собственноручные. Деловые, коммерческие и т. п. только подписаны рукою их автора или пишущего. Государи между собою, в знак уважения друг к другу, переписываются собственноручно. В новейшие времена многие любители редкостей начали собирать автографы знаменитых особ... Такие собрания, напоминая о великих и достопамятных людях, служат некоторым образом к объяснению их характера и расположения духа в то время, когда они писали сии акты...». И чтобы не быть голословным, автор приводит несколько примеров, заимствуя их из собрания автографов Публичной библиотеки; он указывает, что здесь, например, хранится редкий автограф: «учебная тетрадь чистописания Людовика XIV. Нравственное изречение, которое чаще заставляли писать царственного младенца, было: *Le Roy fait ce qu'il plaît* («Король делает, что ему угодно»). Достойны замечания подписи Наполеона Бонапарта. Он всегда писал поспешно, связно, нечетко. В 1791 году он подписывался *Вuonaparte*, императором сперва *Napoléon*, потом *Nap.*, и наконец просто *N.* Подпись его сокращалась по мере расширения его власти. Любопытные надписи и собственноручные письма размножаются посредством так называемых снимков (*fac simile*), гравированных на меди или на камне...».⁵⁷

Мы уже ссылались на любопытный рассказ М. Н. Загоскина конца 20-х годов, в который включен текст французского стихотворения Марии Стюарт по подлиннику той же петербургской Публичной библиотеки. Все действие рассказа сосредоточено в рукописном отделении этой библиотеки, куда автор приводит своего героя, Ленского, скучающего молодого человека, ищущего, но не находящего в Петербурге тонких умственных наслаждений, достойных полученного им образования и опыта путешественника по чужим краям. «Мы отправились в хранилище рукописей. Оно заключает в себе не менее 12-ти тысяч манускриптов; важнейшее приобретение, сделанное по этой

⁵⁷ «Энциклопедический лексикон», т. I, СПб., 1835, стр. 136. См. здесь же соседнюю статью Н. П. Ф. (Н. П. Филиппова) «Автография» (стр. 136—137).

части библиотекою, состоит в драгоценном собрании рукописей, вывезенных из Парижа г. Дубровским. Ленский, страстный почитатель героя и любимца французов, доброго Генриха IV, не мог наглядеться на собрание его писем. До тех пор, пока он не пересмотрел их все поодиночке, я не мог уговорить его взглянуть на собрание писем Людовика XIV, Екатерины Медицис, кардиналов Мазарина и Ришелье, английской королевы Елизаветы, Вольтера, Жан Жака Руссо и многие другие, не менее любопытные рукописи. Наконец, подлинное письмо и молитвенник несчастной Марии Стюарт обратили на себя его внимание. . . ». Возбуждение Ленского растет по мере того, как он рассматривает все новые достопримечательные документы, которым нет конца и края. . . Он увлечен настолько, что более не слушает, но рассуждает сам. « — Посмотри, — сказал Ленской, — вот ученическая тетрадь Людовика XIV, которая доказывает лучше всех тайных исторических записок, что беспредельное властолюбие было врожденным пороком сего государя. Вся тетрадь, написанная его рукою, содержит в себе повторение одной и той же прописи: „L'hommage est deut aux Roys, ils font ce qu'ils leur plaist“. — Вот также, прибавил знакомый нам библиотекарь, довольно любопытная вещь: в этой связке подлинных писем Вольтера есть рукопись его сочинения, нигде еще не напечатанная: это жизнь Жана Баптиста Руссо, или лучше сказать ругательный пасквиль, в котором мудрец фернейский старается доказать, что Руссо был сын сапожника, следовательно не мог быть хорошим поэтом. . . ». Рассказ кончается тем, что Ленский излечивается от своего сплина, и друзья уславливаются продолжить осмотр «сего знаменитого книгохранилища, которое по богатству своему есть одно из важнейших в Европе».⁵⁸

Ситуация, положенная в основу этого рассказа М. Н. Загоскина, представляется весьма характеристической: и сам автор, создатель русского исторического романа «вальтерскоттовского» типа, любивший разглядывать древние манускрипты, и его герой, Ленский, неопит в деле распознавания их ценности, но сразу же обретающий к этому особый вкус, довольно типичны для той эпохи, любившей подобные занятия.

Над подлинными старыми манускриптами склоняли свои головы все крупнейшие русские писатели 20—30-х годов. Они с любопытством рассматривали их в чужих библиотеках, если не имели под рукою в своих собственных. Те, которые лишены были и этой возможности, желали иметь у себя хотя бы их

⁵⁸ М. Загоскин. Одно утро в имп. Публичной библиотеке. «Атеней», 1828, ч. 1, стр. 49—63

«снимки» — факсимиле, тоже входившие в моду. Мы уже приводили слова П. А. Вяземского, напечатанные им в «Московском телеграфе» 1827 года по поводу альбома автографов М. Шимановской о том, почему «в наш испытательный век *fac simile* в таком употреблении». Вяземскому казалось, что, «глядя на рукописный памятник, мы как будто присутствуем при работе мысли, при движении руки, ее начертавшей»; потому-то он и постарался к этой статье приложить литографированное воспроизведение нескольких листов автографов из столь приглянувшегося ему альбома. Все интересовались тогда почерками и подписями достопримечательных лиц, самой манерой их писания и правки рукописей. Как раз в конце 20-х годов обычай прикладывать к печатным книгам писателей образцы их почерка входит в моду: хорошо литографированный снимок с письма Карамзина к А. А. Писареву 1824 года появляется в периодическом издании три года спустя (в «Трудах и летописях Общества истории и древностей Российских», ч. III, кн. 2, М., 1827); факсимиле письма Карамзина к К. Калайдовичу печатает журнал «Русский зритель» (1828, № 1—2); в 1832 году Н. Г. Устрялов добивается возможности приобщить к своему историческому труду факсимиле почерка Иоанна Грозного и кн. Курбского,⁵⁹ что представлялось еще трудным делом.⁶⁰ В середине 30-х годов М. П. Погодин, еще до того как заложена была основа для его рукописного собрания, вознамерился выпустить в свет целую книгу с автографами достопримечательных лиц русской истории;⁶¹ это издание удалось ему осуществить под заглавием «Русский исторический альбом» (М., 1837); характерно, что первоначально она должна была называться иначе — «Почерки примечательных людей».⁶²

Альбом М. П. Погодина встречен был единодушными похвалами русских журналов, объяснявшими, почему эта книга представляется им столь своевременной и привлекательной.

⁵⁹ О затруднениях, которые встречали у нас более ранние попытки воспроизводить с помощью гравировки древние документы, см.: А. А. Кочубинский. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888, стр. 159—160; В—н (А. Пыпин). Меценаты и ученые. «Вестник Европы», 1888, кн. 10, стр. 723.

⁶⁰ Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, стр. 239.

⁶¹ В 1835 году Погодин в особом письме к А. Х. Востокову просил «от имени друзей старины — доставлять по временам *fac simile* с древнейших рукописей в Журнал Министерства просвещения. Журнал этот богат, следовательно может гравировать их, а этим бы умножилось число материалов для будущей палеографии. Я пишу и в редакцию, чтобы они обратили на то внимание и попросили нас и еще [тех], кто может сделать это» («Переписка А. Х. Востокова», стр. 322). В этом журнале, действительно, появлялись подобные снимки.

⁶² «Русская старина», 1904, кн. 3, стр. 711.

«Исторический вывод дело великое, но он составляется сличением, сравнением, соображением событий; его творит знание, а не фантазия» — писали, например, в «Московском наблюдателе»; «Наука благоговейно бережет и ветхий листок пергамента, и развалившийся камень, и передаваемую из поколения в поколение мысль, нравственное правило предков, и уцелевший звук, которым выражалось сердце человеческое... Вот почему не сыщется ни одного из образованных людей столько нелюбопытного, который не хотел бы взглянуть на подпись Филиппа митрополита, Скопина-Шуйского, Пожарского, Палицына... Это памятная книжка, где многие драгоценные или важные почему-нибудь для русского имени записаны собственным их знаком».⁶³ Не менее сочувственно отнесся к «Альбому» Погодина также рецензент, выступивший в «Журнале Министерства народного просвещения», указавший на целый ряд достоинств его труда, первого в России в этом роде, но перелистывание этой книги навело его на меланхолические размышления: «Грустные чувства пробуждаются в душе рассматривающего листки „Исторического Альбома“, который подобно огромному и величественному кладбищу заключает в себе поколения пяти веков, которые отжили свой век и только оставили память о деяниях своих! Всматриваясь в почерки, нечувствительно переносишься в прошедшее, кажется видишь, что рука жившего за четырьеста или пятьсот лет только сейчас перестала писать, ждешь видеть образ писавшего, и воображение рисует перед взорами историческое лицо, и невольно вопрошаешь себя, что он чувствовал, что он думал, когда писал слова, переданные потомству».⁶⁴

Любопытно, что мысль об издании такого альбома почерков исторических лиц возникала в те годы не у одного лишь Погодина; она носилась в воздухе, вызвала всеобщее сочувствие,⁶⁵ притом не в одной лишь России. Подобные альбомы почти

⁶³ «Московский наблюдатель», 1837, ч. X, смесь, стр. 126—127.

⁶⁴ «Журнал Министерства народного просвещения», 1837, ч. XIII, № 2, февраль, стр. 423—425.

⁶⁵ Н. Барсуков («Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. V, СПб., 1892, стр. 78—79) приводит отрывок из письма к Погодину А. Н. Черткова из Воронежа: «Я имел прежде намерение издать мои факсимиле, но будучи упрежден вами, я привел в порядок разные бывшие у меня записки и составил книгу, названную мной Памятной книгою Русскою...» и т. д. В 40—50-х годах М. П. Погодин опубликовал еще два аналогичных издания: две тетради с 44 снимками разновременных рукописных почерков, исполненными К. Я. Тромониным («Образцы славяно-русского древлеписания...», М., 1840—1841) и новый «Русский исторический альбом» (М., 1853) с подписями и письмами видных исторических деятелей. Напомним также известный «Сборник Муханова» с факсимильными воспроизведениями разных документов, изданный в 1835 году.

в те же самые годы начали появляться в Западной Европе; лишь Англия опередила прочие страны; лучшие французские издания почти одновременны с «Русским историческим альбомом». ⁶⁶ Это наблюдение лишний раз подчеркивает тот факт, на который мы уже обращали внимание, что самая мода на собиране автографов возникла и у нас, и на Западе Европы почти в одни и те же годы, и что русские собиратели их мало в чем отставали от западноевропейских, а кое в чем даже опередили их; этим и объясняется, в частности, изобилие и богатство рукописных материалов западноевропейского происхождения, оказавшихся в руках русских коллекционеров в первой половине XIX века и донныне сохраняющихся в крупнейших архивах и библиотеках СССР.

Во Франции коллекционирование автографов, как распространенное увлечение, достигает широкого размаха только в 60-е годы XIX века; в начале века обнаруживаются лишь первые признаки этой моды, но более заметной она становится только в середине 30-х годов. Литератор Габриэль Пейньо, автор небольшой книги, изданной в Дижоне в 1836 году, — «Исторические и библиографические разыскания об автографах и автографии», одного из первых трудов, посвященных этому вопросу, полагал, что интересоваться автографами и собирать их во Франции начали в середине XVIII века, но литератор Фёйе де Конш, сам увлеченный этой страстью и издавший в начале 40-х годов одно из первых руководств с наставлениями и советами для собирателей, утверждал, что «хотя вкус к собиранию автографов или исторических документов восходит к античному миру и никогда не исчезал с тех пор, но более общий характер он приобретает лишь в новом обществе, начиная с первых лет XIX столетия». ⁶⁷ Лескюр в свою очередь датирует возникновение этого «вкуса» и появление «любителей» автографов профессионального типа еще более поздним временем. Он обращает внимание на то, что в первые три десятилетия аукционные продажи автографических коллекций были еще сравнительно редкими (по его подсчетам между 1803 и 1830 годом состоя-

⁶⁶ J. Thane. *British Autography. A Collection of Fac-simile of the Handwritings of Royal and Illustrious Personages. With their Authentic Portraits.* 3 vols., London, 1788. — Классическими трудами стали для Англии: *Autographs of Royal, Noble, Learned and Remarkable Personages Conspicuous in English History... Containing Many Passages from Important Letters.* by John Gough Nichols, London, 1829, для Франции: *Isographie des hommes célèbres, ou collection de fac-simile des lettres autographes et de signatures, publiées par M. M. L. Bérard, H. de Château-Giron, Duchesne aîné et Tremisot,* 3 vols., Paris, 1828—1830.

⁶⁷ M. de Lescure. *Les autographes et le goût des autographes en France et à l'étranger.* Paris, 1865, p. 3.

лось лишь 28 таких аукционов). В периодической печати также только с 30-х годов начинают появляться статьи, посвященные «автографофилии», характеристики почерков исторических лиц, сопровождаемые факсимильными воспроизведениями интересных образцов.⁶⁸ Пьер Фонтэн, предпринявший было издание специального журнала «Bulletin de l'Autographophile» потерпел неудачу; за два года (1836—1838) вышло всего лишь пять номеров этого журнала, после чего издание прекратилось; в 1838 году тот же П. Фонтэн издал свое руководство для любителей автографов, долго остававшееся незамененным.⁶⁹ Более солидную научную и организационную опору разрозненные и дилетантские усилия коллекционеров автографических материалов смогли получить лишь с 1860 года — года основания «Общества любителей автографов» (Société des Amateurs d'autographes) и специального издававшегося этим обществом периодического органа.⁷⁰ С другой стороны, известно, что писательница г-жа Жанлис (1746—1830), в начале века побывавшая в России и некогда популярная среди русских сентименталистов, именно своей инициативе приписывала возникновение моды на автографические альбомы, и более того, даже обычая воспроизводить в книгах писателей образцы их почерка; сохранилось, однако, письмо Жанлис к издателю ее Лавока (Ladvozat) от 22 декабря 1825 года, в ответ на просьбу разрешить опубликование факсимиле ее рукописи. В этом письме Жанлис утверждает, что хотя она высмеивала этот «новомодный обычай», но все же предоставляет ему поступать по его усмотрению, если он полагает, что читателям интересно будет видеть ее почерк, — «эти следы мушиных лапок, начертанные рукой восьмидесятилетней старухи, которые нельзя разобрать без помощи очков и лупы». Лавока нашел, что это представит интерес для читателей, и к одному из изданных им томиков сочинений г-жи Жанлис приложил факсимиле этого самого письма.⁷¹ Таким образом, из этих сопоставлений явствует, что и мода на факсимильные воспроизведения писательских почерков установилась у нас в те же годы, что и во Франции. В значительной степени это объяснялось, вероятно, очень ранними и весьма удачными опытами литографирования в России, введенными в практику уже с начала 1820-х годов.⁷²

⁶⁸ Там же, р. 68, 185 (указана одна из первых журнальных статей «Des autographes», «Magazin pittoresque», 1836, р. 210—215, обильно иллюстрированная подписями достопримечательных лиц).

⁶⁹ P. L. Fontaine. Manuel de l'Amateur d'autographes. Paris, 1838.

⁷⁰ M. de Lescure. Les autographes. . . , р. 22.

⁷¹ Larousse, Grand Dict. Univ., t. I, р. 990 (art. «Autographes»).

⁷² А. Ф. Коростин. Начало литографии в России 1816—1818. К 125-летию русской литографии. М., 1943.

6

Осведомленность людей пушкинской поры русской литературы в исторических источниках все еще недостаточно принимается во внимание исследователями. Не подлежит сомнению, что многие русские литераторы 20—30-х годов были подлинными архивистами; они не только внимательно знакомились со всеми историческими материалами, публиковавшимися тогда в изобилии в книгах и журналах, но знакомились также и непосредственно с различными подлинными рукописями прошлых времен. Через их руки прошли многие исторические источники, впоследствии забытые на долгие годы или недоступные ближайшим поколениям.

Считается, например, что восемнадцатый век «стал доступным историческому исследованию лишь начиная с общественного подъема 50—60-х годов XIX века; до этого времени никакая научная работа в области истории XVIII века не была возможна. Еще во время Николая I все вопросы дворянской монархии XVIII века оставались настолько неустаревшими, что коснуться малейших страниц этой истории, имеющих отрицательное значение о ней с какой-либо стороны, казалось властям и социальным верхам покушением на самые основы существования и общества».¹ Такая точка зрения хотя и справедлива в самом общем смысле, но требует все же существенных оговорок. Если строго научная историография в ту пору, действительно, у нас еще отсутствовала, не имея еще достаточно ясных перспектив для своего развития, то все же объем фактических знаний о том или ином историческом периоде, допускаящих и обобщения и отчетливые представления о людях, событиях, быте, общественных отношениях прошлого, был удивительно широк. В особенности относится это ко второй половине XVIII века, воспринимавшейся в начале XIX века как более или менее близкое прошлое. Дневники, записки, письма той поры разыскивались и читались с увлечением, хотя немногие из них могли быть напечатаны. Читая в «Вестнике Европы» статью «О детстве имп. Павла I», извлеченную из записок С. А. Порошина, Кюхельбекер отметил в своем дневнике (19 апреля 1832 года): «Жаль, что эти записки не вполне напечатаны. Как бы я обрадовал матушку, если бы мог ей прочесть эту статью! Она всех людей, о которых тут говорится, лично знала».² Но то, что не было доступно декабристу, томившемуся в тюремном каземате, оказывалось делом более легким, осуществимым в друже-

¹ С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 162.

² Дневник В. К. Кюхельбекера, ред. В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л., 1929, стр. 78.

ском литературном кругу. Записки другого мемуариста времени Екатерины II, А. В. Храповицкого, из которых самые незначительные извлечения решился опубликовать П. П. Свиньин в «Отечественных записках», 1821—1827 гг., еще до того ходили по рукам и переписывались. Н. М. Карамзин писал И. И. Дмитриеву (3 ноября 1819 года): «Мне приятно слышать, что ты с удовольствием занимаешься извлечением из ежедневных записок Храповицкого: нельзя ли сообщить мне страниц пять-шесть? Я хотел бы иметь идею».³ Дмитриев быстро удовлетворил эту просьбу, потому что Карамзин писал ему в одном из следующих писем (15 декабря 1819 года): «Благодарю тебя за выписку из журнала Храповицкого; я читал ее с живейшим удовольствием. Екатерина знала людей. Ее суждения любопытны и основательны. Недавно читал я письма ее к Гр. Зах. Гр. Чернышеву — и какие? . . . Чернышев был предшественником Понятовского».⁴ Впоследствии и Пушкин, обдумывая план исторической повести из времен Екатерины, из которого позже выросла «Капитанская дочка», также заинтересовался записками А. В. Храповицкого; вскоре полный их текст по рукописи, предоставленной П. П. Свиньиным Пушкину, лежал на рабочем столе поэта.⁵

Карамзин и его ближайшие друзья постоянно читали документы подобного рода, ни мало не заботясь о том, что о публикации их нечего было и думать; их интересовали и более ранние эпохи русской истории, время Петра I и его преемников. Тому же И. И. Дмитриеву Карамзин писал, например, в 1820 году: «Читаю записки герцога Лирии о Петре II, об имп. Анне Ивановне: как любопытно! Вижу перед собою и Долгоруких и Голицыных, и Бирона и Остермана. Это манускрипт, почти никому неизвестный. Недавно читал я также вопросы Лестоку и Бирону, жалея, что не буду писать об этом времени. Прелесть!».⁶ Или, в другом письме: «Граф Воронцов

³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 275.

⁴ Там же, стр. 277. — В 40-х годах рукопись записок Храповицкого стала известна Я. К. Гроту (по экземпляру, хранившемуся у псковского помещика Стародубского), и он обсуждал с П. А. Плетневым возможности ее опубликования; последний, однако, отнесся к этому очень скептически и писал Гроту (6 июля 1844): «О записках Храповицкого хлопотать нечего. Они подарены в собственность нашему канцлеру. Итак, конечно, без его воли ничего из них напечатать нельзя. Да и не стоит кормить публику крупными этого постного обеда. Когда-нибудь и все будет напечатано, как Порошин. Мало ли интересного сохраняется в рукописях. Вот, например, Миллерова толстая рукопись о старых академиках; очень интересная вещь, — да кому же над ней поработать? Я по-немецки не знаю, ты не живешь пока здесь» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, стр. 270).

⁵ «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 600—602.

⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 285.

давал мне читать письма Безбородки к гр. Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла: он был хороший министр, если и не великой. . . Тут есть кое-что о Моркове, Мятлеве, Державине. Вообще любопытно. . .».⁷

Можно было бы заподозрить, что подобные исторические документы легче попадали в поле зрения Карамзина как к человеку, имевшему официальный титул «историографа», открывавший перед ним двери государственных архивов; на самом деле, все упомянутые выше мемуары и переписка попали к Карамзину не из официальных тайных хранилищ, но из рук собирателей исторических бумаг.

Известно, как много затруднений доставили исследователям Пушкина попытки дознаться, откуда происходила и как попала к нему копия записок Екатерины II, в конце концов изъятая из его бумаг жандармскими властями, описывавшими его личный архив. В настоящее время этот вопрос решен: с манускрипта этих «Записок», считавшихся документом тайным, не подлежавшим к обращению, еще в 1818 году А. И. Тургеневу удалось снять копию; с этой копии и сделаны были все прочие списки, из которых один попал в конце концов в Лондон, к А. И. Герцену.⁸ Из писем Карамзина видно, что он не только читал эти записки, но и знал, из какого источника текст их раздобыл А. И. Тургенев; на этот раз источником этим оказался фамильный архив Куракиных, где хранилась авторитетная копия оригинала. Карамзин писал И. И. Дмитриеву 4 мая 1822 года: «Нынешнею зимою читал я записки Екатерины Великой, доведенные ею только до 1760 году: очень, очень любопытно. Двор Елисаветы как в зеркале. Если приедешь к нам в Петербург, то угостим тебя и записками Екатерины. . . Недавно достал я Брюса, который описывает смерть царевича Алексея. . . Вообще я так много читал здесь о происшествиях петербургских, что этот город сделался для меня уже историческим: Нева, крепость, город, дворец напоминают мне столько людей и случаев!».⁹ В следующем же письме (19 мая 1822 года) Карамзин счел нужным особо предупредить своего корреспондента: «Записки Екатерины у нашего любезного Тургенева, но прошу об этом не говорить: он хранит их как зеницу ока, и таит, списав с экземпляра Куракинского. Я читал и Станиславовы, весьма любопытные, хотя и соблазнительные. . .».¹⁰

⁷ Там же, стр. 397.

⁸ И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2, М., 1958, стр. 154.

⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 327.

¹⁰ Там же, стр. 329.

Конечно, один «хлопотун» А. И. Тургенев, этот «энциклопедический паровик», по прозвищу, данному ему Вяземским, разъезжавший по всей Европе, знакомившийся со всеми достопримечательными людьми своего времени и стучавшийся в двери всех архивов, государственных и частных, где только надеялся он обрести для себя поживу, доставил в Петербург и Москву огромное количество документальных материалов первоклассного исторического значения. Это были не единичные документы, но десятки и сотни их, на всех европейских языках, извлеченные из самых разнообразных источников. Еще при жизни А. И. Тургенева о нем писали в «Журнале Министерства народного просвещения»: «В продолжение многих лет путешествуя по Европе, он имел случай обозреть знаменитейшие библиотеки рукописей; всюду старался отыскивать письменные памятники, относящиеся к русской истории: не щадил ни трудов, ни издержек на приобретение их».¹¹ А вот, что писал сам Тургенев своим друзьям по возвращении из чужих краев, например, П. И. Кривцову: «Я приехал с богатыми и важными приобретениями, в парижских архивах мною сделанными; особливо в Архиве Министерства иностранных дел, где я списал почти все, относящееся до России, с оригинальных бумаг, начиная с первых сношений наших с Францией прежде Петра I — до первых двух годов царствования имп. Елизаветы Петровны включительно».¹² Об этих же бумагах Тургенев писал А. И. Булгакову: «Вот третий пакет... В нем и полпуда нет, хотя полвека нашей истории в нем уписалось».¹³

Помимо этих бумаг, которые были представлены Николаю I, только после того, как Тургенев ознакомил с ними друзей, он располагал такими рукописями литературного содержания, которые он считал пригодными для печати. Так, П. А. Вяземскому он писал, например, 16 апреля 1837 года: «Посылаю тебе письмо Дидеро к жене о Петербурге и Екатерине. Если напечатаешь его в своей „Старине“, то выпиши в виде предисловия то, что я говорю об этом письме и об обществе библиофилов в Париже».¹⁴ Опубликовать это письмо Вяземский не смог; стоит, однако, отметить, что в первый раз это письмо во французском подлиннике появилось в печати только в 1928 году.¹⁵ Это был не единственный пример того чутья к распознаванию ценных

¹¹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1843, январь, отд. II, стр. 2—3.

¹² И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, стр. 147.

¹³ Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939, стр. 194.

¹⁴ «Остафьевский архив», т. IV, 1899, стр. 6.

¹⁵ Diderot. Correspondance inédite, publ. par A. Bibelon, vol. II, Paris, 1931, p. 240—245.

исторических документов, которым А. И. Тургенев был наделен в высшей степени; разработка его богатейшего архива, к сожалению, еще далеко не законченная, представит не один десяток любопытнейших документов, которые Тургенев успел заметить, списать и представить для пользования своим друзьям, задолго до того, как эти документы были обнаружены вновь и в конце концов были опубликованы.

Но и помимо «странствователя» А. И. Тургенева, вывозившего подобные документы в копиях и извлечениях, аналогичные материалы раскрылись интересующимся в семейных домашних архивах, ставших в интересующие нас годы предметом внимания не столько даже самих владельцев, сколько их гостей, из числа любителей и знатоков старинных рукописей и реликвий.

Многие обращались тогда к этим старым архивам или к памяти старых людей за устными рассказами, «анекдотами», если у них не было старых бумаг. П. А. Вяземский, еще в 20-х годах задумавший книгу о Фонвизине, для того чтобы, по его собственным словам, «напитаться нашею стариною», прежде всего перечитал множество старых русских книг: «дошло дело даже и до Третьяковского»;¹⁶ затем он стал разыскивать бумаги Фонвизина и расспрашивать современников автора «Недоросля», еще оставшихся в живых — П. В. Мятлева, И. И. Дмитриева, кн. Н. Б. Юсупова.¹⁷ В этом деле помощь Вяземскому оказывал Пушкин, и сам любивший беседовать и записывать рассказы много выдавших людей, живых обломков прошлого (вроде Н. К. Загряжской). По просьбе Вяземского Пушкин пытался узнать что-либо о Фонвизине от кн. Н. Б. Юсупова, но этот старый вельможа сказал о нем только одну фразу, которую Пушкин и сообщил Вяземскому в письме: «C'était un autre Beaumarchais pour la conversation...» «Он знает пропасть его bon-mots да не припомнит».¹⁸

Пушкин очень интересовался Н. Б. Юсуповым и в 1829 году ездил к нему в его знаменитое подмосковное поместье, Архангельское, где доживал свой век этот «старый скептик и эпикурец... приятель Вольтера и Бомарше, Дидро и Касты», — как характеризует его Герцен, — в роскоши и художественном великолепии своего дворца и садов, среди многочисленной челяди и прихлебателей, как вопиющий, но тем более достопримечательный анахронизм. «Он пышно потухал 80 лет, окруженный мраморной, рисованной и живой красотой, — пишет о нем Герцен далее

¹⁶ «Русский архив», 1868, кн. I, № 3, стр. 613.

¹⁷ Там же, стр. 615, 643, 644, 645; П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 1, 1878, стр. L—LI.

¹⁸ Пушкин, Письма, ред. Л. Б. Модзалевского, т. III, М.—Л., 1935, стр. 6.

в „Былом и думах“. — В его загородном доме беседовал с ним Пушкин, посвятивший ему чудное послание, и рисовал Гонзага, которому Юсупов посвятил свой театр».¹⁹

Стихотворение Пушкина «К вельможе», написанное 23 апреля 1829 года,²⁰ эта «полная, дивными красками написанная, картина русского XVIII века», — как его определил Белинский в своей пятой статье о Пушкине, было следствием поездки Пушкина в Архангельске для беседы с Юсуповым. Но Пушкин не только сумел подняться здесь до удивительных исторических и художественных обобщений и дать характеристики, совершенные по своей меткости и лаконизму; он остался зорким и точным во всех деталях и мелочах. В комментариях к этому стихотворению не всегда подчеркивается, что фактическая точность пушкинского портрета Н. Б. Юсупова имела и особое основание. Пушкин беседовал с Юсуповым и любовался им на привычном для него бытовом фоне, вдохновляясь для своего портрета листами старой рукописи, которую несомненно показывал ему сам Юсупов. В тишине барской усадьбы, в дворцовой роскоши своих покоев, где жил Юсупов, «беспечно окружась Корреджием, Кановой» и «не участвуя в волнениях мирских», он рассказывал Пушкину о своих странствованиях по Европе и встречах давних лет.

Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности...

В молодости Юсупов посетил Францию, Англию, Италию, Испанию; он имел при себе дорожный альбом в красном сафьяне с оттиснутой золотом надписью «Album Amicorum principis de Youssourof», на страницах которого оставляли свои автографы многие из его приятелей и знакомцев. О некоторых, наиболее примечательных встречах Юсупова современники Пушкина могли знать из печатных источников. Так, например, о визите Юсупова в Ферней сам Вольтер писал Екатерине II,²¹ другие встречи могли быть известны только из рассказов самого Юсупова или из записей его «Альбома». Любопытно, что Юсупов любил показывать этот альбом и что с некоторых его записей, вероятно, делались даже копии. Так, А. Я. Булгаков еще в 1824 году сообщал в письме к брату: «Показывал мне также князь (Н. Б. Юсупов) свой старинный штаббух, в коем нашел я, между

¹⁹ Н. Андиферов. Архангельское. В кн.: Литературное Подмосковье, М., 1950, стр. 12—30; Н. П. Кашин. Театр Н. Б. Юсупова. М., 1927.

²⁰ Б. Л. Модзалевский. Послание к вельможе А. С. Пушкина. В кн.: Пушкин. Л., 1929, стр. 400.

²¹ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера, ч. 1, М., 1803, стр. 162.

прочим, руку Метастазия и преострые стихи известного Beaumarchais. Попрошу их списать и пришлю к тебе».²²

Пушкин несомненно держал в руках этот альбом и, вероятно, читал сделанные в нем собственноручные записи многих знаменитостей XVIII века. Только этим можно объяснить некоторые стихи его послания к вельможе, где перечислены имена этих знакомцев Юсупова в той приблизительно хронологической последовательности, в какой расположились они и на листках альбома, в соответствии с заметными датами и маршрутами его странствий. Упомянут Пушкиным и Бомарше:

...услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя...

Эти строки непосредственно подсказаны тем, проникнутым скептическим эпикуреизмом, стихотворным наставлением, которое Бомарше сам вписал в альбом Юсупова 7 мая 1776 года в Лондоне при прощании с ним: «A Monsieur le Prince de Jousoupoff. En lui disant adieu». Бомарше приветствовал страсть к путешествиям, обаявшую будущего русского мецената, который хотел «всему учиться, и все знать» (Et tout apprendre, et tout savoir):

Bravez donc la fureur de l'onde
Voguez, ou le sort vous conduit,
Quand on en tire autant de fruit,
On fait bien — de courir le monde.

Но Бомарше предупреждает юного путешественника о неизбежных разочарованиях, которые ожидают его в каждой стране, куда бы не занесла его судьба; люди везде одни и те же, носят те же оковы, и во всем мире властвуют глупость и легкомыслие:

Mais, lorsque Vous aurez tout vu,
Prince, Vous serez convaincu,
Que partout, sur la terre ronde,
Quelque part, qu'on jette la sonde,
Parmi la joie ou les revers
Les moeurs, les cultes, les travers,
Les faiblesses, les injustices
Même erreurs, et même vices,
Enchainent les peuples divers;
De leur égaremens extrêmes
La dissemblance est moïn que rien.
Prince, pour qui les connait bien,
Les hommes sont partout les mêmes!
Partout ils ont les mêmes fers,

²² «Русский архив», 1901, кн. II, вып. 5, стр. 68.

Et mieux vos yeux serons ouverts,
Plus vous verrez avec surprise,
Que la folie et la sottise, —
Sont les reines de l'univers.

Остается спокойно взирать на печальное зрелище и найти свое утешение в служении знаниям и красоте, уважать достоинство, уметь ценить, но без излишней доверчивости, наиболее признанные дарования, быть любителем науки и баловнем счастья:

Mais est bien fou, qui s'en afflige,
Et trouble sa sérénité
D'un mal de toute antiquité,
Qui rien ne change et ne corrige.
Servez noblement la beauté
Déclarez sourdement la guerre
A tous les maris de la terre...
Mais gardez votre liberté,
Sans oublier, que prévoyance
Est la mère de la santé.
Examinez chaque croyance,
Et pour vous sauver de l'erreur
Soumettez tout, mais sans chaleur
A coup d'oeuil de l'expérience, и т. д.²³

Под этим длинным посланием, которому нельзя отказать в изяществе и литературных достоинствах, значит, что оно «написано слишком поспешно покорнейшим слугою Кароном де Бомарше» (*fait beaucoup trop vite par son très-humble serviteur Caron de Beaumarchais*). Пушкин не мог упустить случая пробежать эти стихи, написанные твердою и четкою рукою, в которых запечатлен типический облик автора «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». Перелистал Пушкин и другие страницы этого альбома, где ему встретились давно знакомые имена «безносого Касти», Метастазии (автографическая запись последнего помечена: *Vienna 30 X-bre 1781*). Ж. Б. Грёза и многих др. Испанские эпизоды странствований Юсупова, этого нового Анахарсиса,²⁴ также нашли свое место и оставили свои следы в альбоме (ср. у Пушкина: «...И ты, встревоженный, в Севиллу по-

²³ Полностью все это стихотворение (44 стиха) напечатано в подлиннике и русском прозаическом переводе в кн. (Кн. Н. Юсупов. О роде князей Юсуповых, СПб., 1866, ч. II, стр. 415—416). Автограф его факсимильно воспроизведен при статье А. Прахова «Происхождение художественных сокровищ кн. Юсуповых» в изд. «Художественные сокровища России», 1906, № 8—12, стр. 171—173. Альбом, вместе с архивом Юсупова, хранится в Москве (Государственное древлехранилище).

²⁴ «Воскресшим Анахарсисом» («*Anacharsis redivivi*») назвал Юсупова в альбоме, в лондонской записи 1776 года Матье Мати (Maty) — выходец старой гугенотской семьи, эмигрировавшей в Англию, и франко-английский журналист, издававший в Гааге «*Revue Britannique*».

летел»)²⁵ Все эти памятные автографические записи, акварельные миниатюры и рисунки, сделанные рукою первоклассных мастеров, с еще большей зрительной наглядностью восстанавливали перед поэтом былые, давно ушедшие годы, когда он создавал свою удивительную по своей вдохновенной живописности картину прожитых Юсуповым лет и великих перемен, совершившихся на его глазах:

Все изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз Ума и Фурий,
Свободой грозною воздвигнутый Закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон,
И ярым ужасом сменные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судьей разительной пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Донья странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Все новое кипит, бывшее истребя...

Конечно, юсуповский альбом был не единственным памятником этого рода, позволявшим и Пушкину, и людям его поры видеть и ощущать прошлое как сопереживание, как подлинную реальность, чувствовать то «очарование древностью», о котором русский говорит испанцу в пушкинском отрывке «Гости съезжались на дачу» (1828—1829). Нетрудно назвать здесь и другие старинные русские альбомы, в которых, как и в юсуповском, блистали новым блеском упроченные славой многих десятилетий знаменитые и в свое время имена. Таков был, например, альбом современника Юсупова — кн. Александра Михайловича Белосельского, книга в зеленом сафьяне, бывшая неразлучным спутником ее владельца на многих дорогах его жизни и названная им «Vademecum»; он широко открывал ее страницы для «писем и заметок, набросков и росчерков друзей и знакомых», «славных и именитых, скромных и неизвестных»; в книгу попали даже «счета заграничных расходов князя». Однако особый интерес придают этой книге множество автографов французских писателей и музыкантов — заметки, записи, эпистолы Вольтера, Руссо, Бомарше, Мармонтеля, Бернарден де Сен Пьера, Гретри и др.²⁶ Не менее примечательные бумаги хранились у графа

²⁵ А. Прахов. Происхождение художественных сокровищ кн. Юсуповых, стр. 171—174.

²⁶ В. Верещагин. Московский Аполлон. Альбом кн. А. М. Белосельского «Русский Библиофил», 1916, № 1, стр. 17—54; здесь же вос-

Владимира Григорьевича Орлова (1743—1831) в поместье его «Отрада» (с. Семеновское), — в 80 верстах от Москвы. Посещавший Орлова Н. Д. Иванчин-Писарев в некрологе покойного графа вспомнил много эпизодов из его жизни за границей в молодости, еще до назначения его директором Петербургской Академии наук, и напечатал запись рассказов старика о Вольтере и племяннице его г-же Дени, о частых встречах с Дидро; в «Отраде» хранились и письма тех далеких лет.²⁷ В другой статье своей о кн. Ф. Н. Голицыне, также дважды ездившем к Вольтеру в Ферней с поручениями от И. И. Шувалова, Иванчин-Писарев вновь опубликовал изустные анекдоты, которые он слышал от самого путешественника и привел полностью подлинное письмо Вольтера от 29 июня 1772 года: во Франции оно было опубликовано лишь полвека спустя.²⁸ Любопытно, что у самого Иванчина-Писарева был собственный альбом, куда он вклеивал рядом с записями современников собранные им исторические документы: здесь оказались, например, материалы для биографии замечательного русского художника — Г. И. Скородумова (аттестат, выданный ему петербургской Академией художеств 17 мая 1773 года, французский паспорт за подписью министра де Верженна), рисунки на пергамене художника В. Миериса-младшего, патент русскому художнику М. М. Иванову, выданный в Версале герцогом Дегильоном (Le duc d'Aiguillon) 2 июня 1773 года, наконец, письмо Вольтера S. Gravesand'у, привезенное из Франции тем же М. М. Ивановым. Пушкин не мог не видеть всех этих материалов, потому что он и сам вписал в этот альбом 30 декабря 1828 года свое стихотворение «Муза», а наряду с ним сюда же внесли свои записи, стихи и заметки И. И. Дмитриев, Карамзин, Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, З. Волконская, Е. Баратынский, Гнедич...²⁹

произведены автографы Вольтера (1775 года), Бомарше (10 мая 1778 года), Бернанден де Сен-Пьера и др. См. также Е. Г. Алексеева. «Зеленый Альбом». Жизнь и деятельность кн. А. М. Белозерского (1752—1809), Нью-Йорк, 1958, стр. 15—16.

²⁷ Н. И. П. О графе В. Г. Орлове, «Литературная газета», 1831, т. III, № 24, стр. 194—196; то же в кн.: Н. Иванчин-Писарев. Отечественная галерея, с прибавлением некоторых других сочинений. М., 1831, ч. 1, стр. 176—185; Биографический очерк гр. В. Орлова. СПб., 1878, т. 1, стр. 225 (о посещении Дидро).

²⁸ Н. Иванчин-Писарев. Отечественная галерея..., ч. 1, стр. 157—165; письмо Вольтера (стр. 162—163) — то самое, которое опубликовано в изд. Молана, t. XLVIII, № 8567.

²⁹ Н. Барсуков. Альбом автографов Н. Д. Иванчина-Писарева. «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, стр. 478—479, 515—516, 518—520. — Письмо Вольтера к С. Гревзенду также вошло в изд. Молана (vol. XXXIV, № 730). Ср. «Литературное наследство», 1937, т. 29—30, стр. 194, где, однако, не указано, что по автографу оно напечатано в «Старине и новизне».

спиритом Аeland, quando ma
felicitate Amantia - b. m. d. m.
augurans des nouvelles de
chommes nicoyes Diderot

A Monsieur C —
Monsieur Gribel Rue des
Mines Augustines
1000 Porte saïon, a droite.
en entrant par la rue mamadro

Письмо Д. Дидро к Р. Жирбалу.

Количество обращавшихся в России в первой трети XIX века среди читателей автографов одного Вольтера было довольно значительным; многие из них хранились в старых дворянских гнездах, раскиданных по всей стране, и, может быть, донные еще не разысканы полностью, как и прочие аналогичные автографические материалы, попавшие сюда в свое время из западно-европейских стран.

Нас не может поэтому удивить, что листок с рукописью Вольтера нашелся среди личных бумаг Пушкина,³⁰ или что в 1832 году Пушкин испросил у Николая I разрешение на занятия в библиотеке Вольтера, находившейся в то время в Эрмитаже;³¹ очень вероятно, что Пушкина влекли сюда еще мало кому известные тогда рукописные материалы по русской истории XVIII века.³² Все это — звенья одной и той же цепи фактов, позволивших нам утверждать, что в литературном быте 20—30-х годов автографические и вообще рукописные материалы играли особую и важную роль. Укажем здесь еще на один пример столь же действенного внимания и заинтересованности у нас рукописями того же Вольтера.

За всеми публикациями рукописных материалов, связанных с Вольтером, в пушкинском кругу литераторов следили пристально, тем более, что такие публикации появлялись в то время не слишком часто. П. А. Вяземский в статье 1819 года «О новых письмах Вольтера» обратил внимание на сообщение, появившееся в «одном из европейских журналов», о находке и публикации 250 неизвестных ранее писем Вольтера — к бернскому проповеднику Бертрану, к д'Аржансону, д'Аржанталю, Шувалову и другим лицам. Характерно при этом, что Вяземский остановился на содержании этих писем и на орфографии их, заинтересовавшись тем, насколько точно воспроизведены они в печати: по его мнению, обнаруживающееся в письмах «часто ошибочное правописание, сходное с подлинниками», «свидетельствует, с какою беглостью и небрежностью писывал Вольтер».³³ В 1836 году Пушкин внимательно прочел незадолго вышедшую перед тем и доставленную ему А. И. Тургеневым переписку Вольтера с президентом Дижонского парламента Де Броссом. В критической заметке об этом издании Пушкин говорит: «... кажется, одному

³⁰ В. С. Люблинский. Автограф Вольтера в бумагах Пушкина. «Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, М.—Л., 1936, стр. 257—265.

³¹ Д. П. Якубович. Пушкин в библиотеке Вольтера. «Литературное наследство», 1934, т. 16—18, стр. 905—922.

³² И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, стр. 136—145.

³³ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 1, 1878, стр. 69; см. также «Lettre inédite de Voltaire». «Bulletin du Nord», 1828, juillet, p. 326—330.

Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую нас смеяться»; именно по этому поводу Пушкиным сказаны были известные его слова, приведенные нами в самом начале настоящей статьи: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства...».³⁴ В том же 1836 году Пушкин написал заметку, предназначавшуюся для напечатания в V томе «Современника», — «Последний из свойственников Ж. д'Арк», но так и не увидевшую света при жизни поэта. Ссылаясь на английскую газету «Morning Chronicle», Пушкин рассказывает здесь о состоявшемся будто бы в Лондоне аукционе, на котором продавались бумаги некоего Дюлиса, считавшего себя одним из потомков Жанны д'Арк. После смерти Дюлиса, говорит Пушкин, «между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (D'Arc Dulys). Все сии грамоты были проданы с публичного торга за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного Дюлиса». «Письмо сие, так же как и ответ Вольтера, напечатано в журнале (sic!) „Morning Chronicle“, прибавляет Пушкин и воспроизводит то и другое.³⁵

Подлинность этих писем Дюлиса и Вольтера давно уже была заподозрена исследователями Пушкина на том основании, что вольтеровское письмо не вошло ни в одно из собраний его сочинений, а Дюлис ни в одном источнике не значится среди корреспондентов автора «Орлеанской девственницы»; не была обнаружена и нигде не упоминается также статья о бумагах Дюлиса в «Morning Chronicle». Сомнения исследователей превратились в уверенность, когда стала известной запись дневника А. И. Тургенева от 9 января 1837 года. В этот день, — свидетельствует Тургенев, — Пушкин читал ему свои «rastiche на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc».³⁶ Эти слова и позволили заключить, что как письмо Вольтера, так и вся анекдотическая история Дюлиса, вплоть до аукционной распродажи оставшихся от него бумаг, — вымышлена самим Пушкиным. представляют собою одну из его литературных мистификаций. «Ныне, — писал Н. О. Лернер о статье «Последний из свой-

³⁴ Пушкин. Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 75.

³⁵ Там же, стр. 153.

³⁶ Запись дневника А. И. Тургенева в первый раз была опубликована в третьем издании книги П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (Л., 1928, стр. 285). — Отметим кстати, что в известной библиографии литературы о Вольтере в XIX веке (Mary Margaret H. Barr. A Century of Writings on Voltaire, 1825—1925. N. Y., 1925) статья о бумагах Дюлиса в «Morning Chronicle» не значится.

ственников Иоанны д'Арк», — когда доказана полная независимость Пушкина в ней от какого бы то ни было литературного источника и определилась ее крупная художественная и биографическая ценность, она приобретает совершенно особое значение и должна занять новое, высокое место среди вполне самостоятельных творений нашего великого писателя». ³⁷ Таково же мнения придерживались М. А. Цявловский ³⁸ и Б. В. Томашевский, писавший: «Тургенев потому назвал это произведение „пастиш“, что в действительности все факты, приведенные в данной статье, вымышлены Пушкиным. Возможно, что он хотел напечатать это в „Современнике“, но преследовал ли он цели мистификации или хотел выдать эту статью за беллетристическое произведение, утверждать невозможно». ³⁹

Добавим к этим соображениям, что данное «письмо Вольтера» — не единственный эпистолярный «пастиш» среди произведений Пушкина. Такой же стилизацией является сочиненная Пушкиным записка г-жи де Сталь («Рославлев», 1831). Во французской литературе, в эти же самые годы, подобные «пастиши» были довольно распространены, имея даже своих мастеров в этом трудном жанре, например Николая Шатлена, в 1837 году опубликовавшего четыре письма Вольтера к г-же Дюдеффан по поводу юноши Бенжамена Констан: стилистическая манера вольтеровских писем была воспроизведена здесь с такой тонкостью, что подделка была обнаружена не сразу, после серьезной экспертизы, в которой решающую роль сыграли не стилистические признаки, но реально-исторические основания и документальные данные о молодом Бенжамене Констане. ⁴⁰ Если Пушкину оказалось доступным решение подобной же стилистической задачи, это свидетельствовало конечно прежде всего об его тонком вкусе и высоте его литературной культуры; тем не менее в воспитании как в нем, так и во многих его друзьях и современниках особых

³⁷ Н. О. Лернер. Замаскированный Пушкин. В кн.: Рассказы о Пушкине, Л., 1929, стр. 190—198.

³⁸ Пушкин. Полное собрание сочинений в 6 томах, под ред. М. А. Цявловского, т. V, М.—Л., 1936, стр. 620.

³⁹ Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, ч. IX, М.—Л., 1956, стр. 713—714.

⁴⁰ О «пастишах» Н. Шатлена, которые отнюдь не были простой фальсификацией литературных документов, но являлись скорее имитациями, преследовавшими литературно-эстетические цели, см.: O. Delerrière. *Supercherries littéraires, pastiches, supposition d'auteur dans les lettres et dans les arts.* London, 1872, p. 6—7, 157—159; Евг. Ланн. Литературная мистификация. М.—Л., 1930, стр. 111—112. — Упомянутые выше письма Вольтера, имитированные Шатленом, вышли в свет без имени их действительного автора: «Lettres de Voltaire à M-me du Deffand au sujet du jeune de Rebecque, devenu depuis célèbre sous le nom de Benjamin Constant». Paris, 1837.

навыков восприятия чужого стиля, литературной манеры сыграл не малую роль интерес к автографической рукописи и документу, столь характерный именно для той эпохи.

Коллекционирование автографов, — как специфическая отрасль собирательства рукописей, — разумеется, продолжалась в России и в более поздние годы, порою принимая даже довольно значительный размах. Продолжали свою жизнь, — правда более глухую, менее публичную, чем прежде, — и новые альбомы, с памятными записями друзей и росчерками знаменитостей; автографические листки и письма объединялись, как и ранее, в более или менее внушительные собрания, хранившиеся в частных руках. Тем не менее никогда, до начала нового столетия, вся эта хлопотливая деятельность не превращалась более в то своего рода культурное движение, каким оно в сущности являлось у нас в первой трети XIX века. Не имело оно также тех последствий для литературного развития, какое собирательство этого рода, — как мы пытались показать выше, — имело для русской поэзии и прозы в пушкинскую пору. Русская литература второй половины XIX века, занятая решением важных социальных проблем и всецело направленная в будущее, не имела уже особой нужды в поддержке ретроспективных исторических тенденций или в специфическом союзе с развивавшимися вспомогательными историческими дисциплинами; лишь в 80-е годы, годы реакционного затишья, не на долгое время исторические пристрастия, казалось, возобладали над прочими, но это были преимущественно пристрастия к далекому национальному прошлому, русской этнографической старине, древнерусскому письменному преданию.

Во второй половине XIX века существовало уже большое количество исторических журналов («Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник» и др.), которые при всех своих особенностях свою главную задачу видели в обнародовании исторических материалов и документов. Годовые комплекты этих журналов могли исчерпывать своими публикациями не одну частную коллекцию автографов, а целый ряд их, и пользовались не только собственными собраниями, постепенно образовывавшимися при редакциях этих журналов, но и общественными и государственными архивохранилищами. Сосредоточение архивных, в том числе автографических, материалов в библиотеках различных обществ (например, старого «Общества истории и древностей российских», «Русского исторического общества», «Общества любителей древней письменности» и т. д.), в свою очередь выпускавших периодические издания, при университетах и крупных библиотеках, — один из существенных признаков архивно-собирательской и публикаторской деятельности в России во второй половине XIX века. Все это, разумеется, если не ограничи-

вало собирательские усилия, то направляло их по особому руслу. Коллекционирование автографов, если оно не преследовало серьезных целей — помощи исторической или литературной науке, если оно не рассчитывало, в конце концов, на обогащение какого-либо солидно поставленного общественного или государственного архива или библиотеки, — легко превращалось в коммерческую деятельность или самоусладительную забаву. Прибавим к этому, что процесс постепенной ликвидации старых помещичьих имений, содержащих в себе иногда весьма обширные родовые архивы, либо обогащал ими те же крупные библиотеки общественного назначения, либо выбрасывал их на книжный рынок, в лавки антикваров и букинистов; из них комплектовались новые коллекции; часть попадала в печать, часть — целыми годами ожидала своей участи.⁴¹

Существовали в эту эпоху и коллекционеры-профессионалы, поддерживавшие деловые связи с антиквариатами Западной Европы, предпринимавшие и собственные путешествия за границу, из которых они привозили, как и в прежние годы, рукописания знаменитых деятелей прошлых времен. Любопытно, что Лескюр в 1865 году в перечне собирателей автографов за пределами Франции для России указал только одно лицо «*vacon de Korff*»,⁴² но и тот являлся директором имп. Публичной библиотеки и, следовательно, являлся коллекционером более по своей должности, чем по своей личной страсти. В последующие десятилетия, в различных западноевропейских справочниках для собирателей, адресных книгах коллекционеров и специальных периодических изданиях («*L'Amateur d'autographes*», «*Mitteilungen für Autographensammler*», «*Adressenbuch für Autographen-und-Porträts-Sammler*» и т. д.) появились уже имена и русских собирателей, живших в столицах и в провинции, но они никогда не были очень многочисленными, а их коллекции никогда не пользовались европейской славой, несмотря на то, что заключали в себе нередко весьма замечательные рукописи. Многие автографические коллекции в это время создавались также из рукописей, записей или писем выдающихся современников, а не только из документов исторического характера, и эта их часть бывала, вероятно, наиболее ценной: личные и эпистолярные связи русских и западноевропейских писателей, переводчиков во второй половине XIX века были крепкими и обширными, поэтому и документальные подтверждения их частых сношений или объеди-

⁴¹ Много интересных наблюдений относительно истории собирательства в конце 80-х годов XIX века и последующих лет, а также характеристик русских коллекционеров содержит в себе книга: Ф. Ш и л о в. Записки старого книжника. Ред. и предисловие Вл. Лидина, М., 1959.

⁴² M. de L e s c u r e. Les autographes. . . , p. 140.

нявших их литературных или издательских интересов представляют несомненный интерес.

Остается привести хотя бы несколько примеров, иллюстрирующих высказанные выше положения. Автографические коллекции, создававшиеся в России во второй половине XIX века, изучены еще очень мало, а судьба многих из них представляется еще недостаточно ясной. Из «альбомов» тех лет, например, полностью изданы лишь очень немногие; из остальных публиковались лишь извлечения. Существовали ли какие-либо признаки их эволюции за этот период, остается в сущности неизвестным. В изданных альбомах основные их признаки, как рукописной памятной книги, представляются в общем прежними; существовали и «женские» альбомы старого типа, но с новым репертуаром стихов, и альбомы «артистические», и альбомы «литературные» — для автографических записей главным образом писателей и поэтов.

Один из таких альбомов был издан не для продажи, в количестве 40 экземпляров, в Москве в 1883 году. Это редкий, но все же встречающийся в крупных книгохранилищах «Album de Madame Olga Kozloff»; в 1889 году это издание было повторено.⁴³ Хотя о нем накопилась уже небольшая литература, но книга не пользуется еще известностью среди историков русской и французской литературы. Небольшую заметку об этом издании Б. Л. Модзалевский напечатал еще в 1919 году; он писал здесь: «Просмотр книжки убеждает нас, что это — более или менее точное и полное воспроизведение типографским способом довольно ценного по подбору имен участников рукописного альбома, принадлежавшего Ольге Алексеевне Козловой, рожд. Барышниковой, жене известного поэта и переводчика Байрона, любителя-музыканта Павла Алексеевича Козлова. Книга эта чрезвычайно редкая, как напечатанная на правах рукописи, а потому и записи, в ней находящиеся, представляют интерес как бы неизданных произведений... Многие из них любопытны и заслуживали бы перепечатки или, собственно, опубликования».⁴⁴ В альбоме Козловой оставили свои записи многие русские писатели — Островский, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Некрасов,

⁴³ Первое издание вызвало рецензии в «Новом времени», 1883, № 2737, 11 октября. Второе, по свидетельству Н. Киселева («Еще об альбоме О. А. Козловой», «Известия ЦИК СССР», М., 1934 от 15 ноября), «собрано из оставшихся у О. А. Козловой экземпляров первого, причем некоторые страницы были вырезаны и заменены напечатанными вновь»; см. также: Л. Модзалевский. Записи корифеев литературы («Известия ЦИК СССР», 1934, 29 октября); Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., 1959, стр. 446—451.

⁴⁴ «Бирюч Петроградских гос. театров», 1919, июль—август, стр. 142—143.

Писемский и т. д. Но на страницах его мелькают также имена французских писателей: здесь находятся и В. Гюго («Chanson»), А. Ламартин («Hélas! Dans une longue vie»), А. Дюма («La Sylphe»), П. Мериме, Ансло, Жакоба-Библиофила (П. Лакруа), А. Мюрже, Кс. Мармье и др.⁴⁵ Происхождение иностранной части этого альбома не вполне ясно; мне уже приходилось высказывать догадку, что не все включенные сюда произведения попали в альбом по просьбе его владелицы: часть из них, вероятно, перенесена была сюда из альбома ее мужа, часть приобретена покупкой и составляет в сущности типичную коллекцию автографов.⁴⁶

В 70-х годах большую подобную коллекцию составил бар. Н. К. Богушевский (1851—1891), дилетантски занимавшийся историей и археологией. Мальчиком он оказался в Англии; учился здесь в Итонском колледже, затем в Оксфорде, Кембридже, потом в Гейдельберге, много путешествовал, а затем (с 1870 года) поселился в своем имении и сосредоточил здесь все собранные им коллекции. Он собирал автографы, портреты, древности разного рода и находился в деятельной переписке с антикварами и букинистами Англии, Франции, от которых выписывал к себе заинтересовавшие его в каталогах всевозможные достопримечательные рукописи. Коллекция автографов Богушевского в начале 80-х годов достигла нескольких тысяч номеров. Часть своего собрания он приготовлял для издания в задуманном им «Русском автографическом альбоме с 1675 по 1875 год»; полностью же оно должно было поступить по его завещанию в Публичную библиотеку в Петербурге. К несчастью, большая часть собранных им рукописей сгорела в 1884 году при пожаре его деревенского дома; лишь некоторые из этих рукописей он сам успел опубликовать, преимущественно в «Русской старине» (с 1873 года).⁴⁷ В конце 70-х годов у Богушевского хранился также им самим составленный «альбом европейских ученых, друзей моих», для которого он успел получить записи от многих

⁴⁵ Об автографе В. Гюго и происхождении самого альбома см.: М. П. Алексеев. Виктор Гюго и его русские знакомства. «Литературное наследство», 1937, т. 31—32, стр. 895.

⁴⁶ В воспоминаниях о П. А. Козлове глухо упоминается о том, что в 60-х годах XIX века, еще до женитьбы, во время своих зарубежных путешествий, Козлов «познакомился со многими французскими и немецкими писателями» и что он имел «огромный и великолепный альбом, в который собирал автографы зарубежных и русских известных писателей, композиторов и художников». (Н. Энгельгауд. Давние эпизоды «Исторический вестник», 1910, № 10, стр. 123—144).

⁴⁷ Э. А. Мальмгрен. К биографии бар. Н. К. Богушевского. «Литературный вестник», 1901, т. 1, кн. 1, прилож., стр. 5—7; «Русский библиофил», 1913, кн. 3, стр. 71; «Литературное наследство», 1937, т. 31—32; стр. 889 и 913.

знаменитостей своего времени; здесь, по его собственному свидетельству, представлены были «и Карлейль, и Виктор Гюго, и Бульвер-Литтон, и Оуэн, и Дарвин».⁴⁸ По-видимому, этот альбом также погиб при пожаре его дома.

Неподалеку от Одессы тогда же хранилась огромная коллекция И. И. Куриса (1840—1898), в которой было много автографов западноевропейских исторических деятелей и писателей.⁴⁹ Курис собирал их повсюду, однако не малую роль в этом деле сыграли его деятельные сношения с Этьеном Шараве, одним из главных европейских экспертов по определению, покупке и продаже рукописей,⁵⁰ с которыми Н. К. Богушевский состоял в переписке. Сам Э. Шараве в своей статье «Autographes» в «Grande Encyclopédie» (t. IV, p. 761) назвал собрание Куриса одной из богатейших русских частных коллекций автографов. Это собрание существовало до 1923—1924 годов, когда оно было распродано и разошлось по рукам; лишь немногие рукописи попали в государственные книгохранилища.

В последней четверти XIX столетия и в Москве, и в Петербурге, и во многих других русских городах создавались еще коллекции автографов, порой весьма ценные и обширные, шли их продажи и покупки, продолжался процесс их сосредоточения в больших библиотеках и архивохранилищах, но все это не составляло уже такого крупного общественного события, каким являлось когда-то. Крупных коллекционеров становилось все меньше, скудели и старые семейные архивы, все реже хранившиеся в родовых поместьях, вдали от более надежных городских домов, без личной опеки потомков; теперь их перевозили в столицы, публиковали, делали достоянием интересующихся и ученых. «Во всяком деревенском доме, — писал один из владельцев такого архива. С. А. Рачинский, — издавна и постоянно обитаемом людьми, не чуждыми интересам умственным и художественным, накаплиется множество разнообразных памятников ближайшей и более отдаленной старины — писем, семейных записей, автографов, рисунков, портретов, летучих стихотворений и прозаических отрывков, почему-либо в свое время не попавших в печать». «Все это, — прибавлял он, — для посторонних имеет мало

⁴⁸ Переписка И. А. Гольшева с разными учеными лицами. Владимир, 1898, стр. 181—182.

⁴⁹ А. И. Маркевич. И. И. Курис. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXII, стр. 79—81.

⁵⁰ Э. Шараве издавал с конца 60-х до 1892 года журнал «L'Amateur d'autographes» и через его руки прошло много тысяч первоклассных исторических документов; изданные им многочисленные каталоги автографов также представляют значительный интерес. (M. Tournoux. Etienne Charavay. Sa vie et ses travaux. «La Révolution Française», 1900, t. 38, p. 193—233).

цены, но бережно хранится на память об умерших членах семьи, в удовлетворение законного любопытства грядущих ее поколений. Нередко, однако, среди этого, лишь для одной семьи драгоценного хлама, встречаются вещи, и для посторонних драгоценные: письма людей замечательных, отрывки в стихах и прозе, пользующихся заслуженной известностью». ⁵¹ Сборник подобных бумаг из Татевского архива, изданный Рачинским, оказался очень интересным; здесь нашлись весьма ценные автографы русских и иностранных писателей; еще более ценными оказались другие подобные архивы, разработка и публикация которых началась в те же годы, — например, из села Остафьева, родовой вотчины Вяземских и т. д. Однако новые аналогичные архивы, в условиях резко изменившегося быта, создавались уже в иных формах и при других условиях их хранения.

Постепенное ослабление, а порою даже исчезновение широкого интереса к историческому рукописному документу началось у нас еще в середине XIX века. Иные считали у нас уже тогда своего рода фетишизацию всякого «рукописания» и любовь к их собиранию делом вредным и бесполезным, баловством обеспеченных бар.

Вспомним у Некрасова:

... О, светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.
Не долго думал думу,
Достал два автографа.
И вышел не без шуму
На путь библиографа...
(«Литературная травля»)

Старики еще в те годы упрекали молодежь за то, что у нее постепенно исчезает эта столь свойственная ей любовь к рукописи, как к памятнику старины, как к «говорящему прошлому». В автобиографическом романе П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (1862—1864) есть эпизод, в котором старый помещик, увлекавшийся собиранием древних рукописей, с упреком говорит студенту «камеральных наук»: «Вот вы, молодой человек, этой страсти не знаете! Для вас, для молодежи, всякий манускрипт просто старая, грязная бумага, годная на растопку печи, — а для нас в ней целая жизнь!» (ч. II, кн. III, гл. XXV). ⁵²

⁵¹ Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб., 1899, стр. VII—VIII. О Рачинском см.: «Литературный архив», т. 3 (М.—Л., 1951), стр. 249—253; о коллекции автографов, собранных Рачинским, см.: «Сб. ОРЯС», т. 87 (1910), стр. 10—11, в отчете Отделения Русского языка и словесности Академии наук, сост. Н. П. Кондаковым.

⁵² Отметим, что на рубеже XIX—XX веков слово «манускрипт» стало у нас уже архаизмом. В рассказе А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбни-

Должно было пройти еще много десятилетий русской исторической жизни, пока смог установиться, наконец, существующий ныне разумный интерес к старому рукописному документу, уважение к нему, без всякого подобострастия, любовь — без всякой чрезмерности, стремление хранить от всяких случайностей в государственных хранилищах большие, хорошо подобранные собрания рукописей для серьезного научного изучения, сделав их доступными для всех, кто пожелает внести свой посильный вклад в их понимание, истолкование, исследование.

ков» засвидетельствовано: «Армейский штабс-капитан никогда не употребит этого слова применительно к современной рукописи, а только к архивной или особенно торжественной».

П И С Ь М А

ЖАН ЖАК РУССО

За последние годы, благодаря успехам в упорядочении архивных собраний, удалось выявить в Ленинграде два неизвестных письма Ж.-Ж. Руссо. Одновременно было внесено несколько новых деталей в картину эпистолярного наследия автора «Новой Элоизы» и «Общественного договора» и уточнены некоторые черты его переписки, связанные с документами, хранящимися в советских собраниях, о которых научная информация уже имелаась.

Новые наблюдения относятся как к текстологической, так и к археографической, а равно и к биографической областям.

Так, с точки зрения восстановления подлинного текста следует прежде всего отметить, что письмо к другу и соотечественнику философа — банкиру Туссену Пьеру Ленъепсу (Lenieps, 1694—1774) от 28 апреля 1765 года, опубликованное в издании Дюфура¹ по парижской копии, снятой в 1856 году М. Е. Миллером с оригинала ГПБ, нуждается в нескольких эмendaциях. Оно начинается не с традиционного «Mon cher ami», но с гораздо более энергичного «Non, cher ami», сразу вводящего в тон сурового укора, которым насыщено все письмо. Об интригах, направленных к тому, чтобы лишить Руссо покровительства, автор письма говорит: «une affaire qui se brasse» («дело, которое заваривают»), а не «qui se traite» («которое ведется»)².

Это же письмо сводит нас и в круг археографических интересов. Для установления полноты дошедшей до нас части переписки с Ленъепсом существенна имеющаяся на оригинале помета последнего: «Troisième de la deuxième liasse. Le Nieps» («Третье из второй пачки. Ленъепс»), причем факт подписи разрешает и вопрос о том, кому принадлежат этого рода пометы, не ясный еще два десятилетия тому назад.³

¹ Correspondance générale de J. J. Rousseau... par Théophile Dufour et Pierre-Paul Plan, t. XIII, Paris, 1930, p. 268—270, No. 2611. В дальнейшем это издание (тт. I—XX, 1924—1934) обозначается сокращенно: Corr. gen.

² Прочие существенные отличия подлинника Руссо по сравнению с публикацией Дюфура следующие: «ce n'est pas le Roy qui a envoyé cet homme-là, mais comment», а не «... homme-là; mais comment»; «Je comprends seulement que la confusion de vos idées communiquées à d'autres qui les auroient débrouillées à leur mode pouroit (а не «pouvoient») me faire le plus tort»; «l'engagement solemnel de ne me plus mêler», а не «ne plus me mêler»; «mais je suis bien éloigné quant à présent d'avoir le loisir de faire (а не «à présent de faire») cette recherche»; «La raison veut seulement que je dirige désormais si bien l'une et l'autre qu'elles ne m'exposent (а не «m'exposeront») plus à des malheurs».

³ См. замечание на стр. 624 «Литературного наследия», т. 33—34 (1939) относительно письма Руссо от 9 января 1763 года. На

Относительно ленинградского автографа Руссо — большого письма Леньепсу от 5 апреля 1759 года, соответствующего № 620 по изданию Дюфура, полезно уточнить, что в ГПБ хранится не его изолированный автограф,⁴ а целая подборка девяти эпистолярных текстов — так называемый «Автограф № 289» коллекции П. П. Дубровского. В «Согг. gén.» отдельные элементы этого собрания использованы, но по копиям, снятым разными лицами и в разное время. При этом остались в основном неучтенными обильные пометы, дорсальные надписи, адреса и т. п. В частности — заверки, подписанные Леньепсом, типа: «Première de la deuxième liasse paraphée par le s. Toussain (1) Pierre Lenieps au désir du procès verbal de reconnaissance et levée de scellés... par pièces en date d'aujourd'hui», гласящие, что все письма «второй связки, парафированной г-ном Туссенем Пьером Лсьнепсом», были ему предъявлены в связи с составлением акта о снятии печатей с данного его имущества.

На основании этого признака устанавливается, между прочим, и то, что упомянутое выше письмо Руссо к Леньепсу из Мотье от 28 апреля 1765 года, как помеченное третьим из той же второй связки, несомненно происходило из того же источника и, очевидно, входило в состав коллекции Дубровского, хотя и оказалось не включенным в «Автограф № 289» и до лета 1959 года числилось в «Общем собрании автографов» ГПБ. Для восполнения лакун переписки Руссо полезно учесть также пометы Леньепса о датах получения ответа на письме Руссо от 8 октября 1766 года из Женева: «Reçu le 12», «Rep. le 14».

Среди прочих бумаг этого небольшого собрания автографов имеются заверенные Леньепсом авторские копии с письма Руссо к графу д'Аржансону от 6 марта 1754 года, а также с мемуара и письма Руссо к герцогу Брильеру от 11 февраля 1759 года.⁵

Кроме того, не безынтересно отметить, что на мелком неразборчивом черновике письма, начинающегося словами: «Ne cesserez vous jamais de m'accabler de vos reproches» («Неужели вы никогда не перестанете попрекать меня») и кончающегося словами: «si cela est littéralement signé les X articles de l'accomodement» («если это буквально так, подпишите (?) 10 пунктов соглашения»), нет пометы Леньепса, зато имеются характерная полицейская помета: «vingt sept» (27-й документ какого-то дела) и еще более характерная виза — монограмма Марка Пьера Даржансона, министра полиции, хорошо известная по множеству бастильских документов и, в частности, по так называемому «досье Вольтера»;⁶ самый листок имеет смятый вид, весьма напоминающий многие бастильские документы собрания Дубровского, и, естественно, напрашивается догадка, что он оказался вклеенным в «Автограф № 289» на пятом месте в качестве л. 11 ошибочно, вместо недостающего третьего письма второй связки Леньепса (кстати, точно такого же формата).

Можно не сомневаться, что «Автограф № 289», содержательный фрагмент эпистолярного наследия Руссо — он включает также авторскую

стр. 619—638 этой книги, являющейся III томом сборника «Русская культура и Франция», В. Изманльская опубликовала в русских переводах семь писем и одну деловую расписку Руссо, а также письмо его вдовы — Терезы (IV том сборника, с французскими текстами, из-за войны не вышел из печати).

⁴ «Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 626.

⁵ Согг. gén., t. II, 1924, р. 61—62, № 161; t. IV, 1935, р. 174—178. № 599.

⁶ О «досье Вольтера» см.: «Новые тексты переписки Вольтера. Письма Вольтера». Публикация В. С. Люблинского. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 214.

копию письма к книгоиздателю Ги (Guy) от 2 августа 1766 года из Вуттона и подлинник письма Ги от 11 сентября того же года к Леньепсу — еще станет предметом особого изучения. По подсчету Леньепса на л. 1, «вторая пачка содержала семь единиц, являющихся мемуарами, письмами Руссо, копиями писем и записками, его касающимися» («Deuxième liasse de sept pièces qui sont mémoires, lettres de J. J. Rousseau, copies de lettres et notes qui le concernent»). Насчитывая в ней сейчас девять (или даже десять; см. выше) единиц, мы неизбежно приходим к выводу, что ее пополнил Дубровский.

Случайно ли эти материалы к нему попали? Даже приняв во внимание коллекционерские интересы Дубровского, на этот вопрос недостаточно дать отрицательный ответ, уместно напомнить о личных связях, доныне, насколько известно, в литературе о Руссо недоучтенных.⁷

В рукописном собрании ГПБ хранится великолепная рукопись XV века, сближающая эти имена.⁸ Рукопись эта — пергаменный кодекс, несомненно итальянской работы.⁹ В нем 363 листа, переплет пергаменный, завязки не сохранились.¹⁰

На верхней крышке переплета — надпись:

Pellibus exiguis arctatur Livius ingens
Sic et Te conspicio vili sub tegmine Russeau

P. Dubrovski

В переводе это означает:

Шкурой худую обтянут здесь Ливий великий,
Так различаю тебя я, Руссо, под подлым покровом.

П. Дубровский

Хотя столетие тому назад в описании эрмитажных коллекций, составленном Жиллем, в связи с этой рукописью были приведены как это двустилие, так и текст пространной записи Дубровского,¹¹ приводимой ниже, весьма примечательный штрих этот (обладание роскошным гуманистическим кодексом, приятельские отношения с секретарем русского посольства) не учитывался биографами Руссо. Между тем обстоятельная владельческая аннотация, написанная рукой Дубровского на пергаменном форзаце, проливает некоторый свет как на этот эпизод, так и на судьбы самой рукописи:

Ce livre de Tite Live m'a été donné par le Célèbre Jean Jacques Rousseau pendant son dernier et court séjour à Paris. Il l'a eu presque dans le même tems de Court — de Gebelin; mais il a servi aussi au XVI s. au Duc Laurent

⁷ Публикуя в 1939 году письмо Терезы Руссо, В. Измайльская по поводу упоминания в этом письме некоего Домбровского, справедливо отмечает (на стр. 638), что в русском посольстве в Париже служил П. П. Дубровский, но это ни с чем ею не связывается.

⁸ О П. П. Дубровском см.: Т. В. Лунцова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 150—154.

⁹ Это особенно ясно по характеру орнаментации; миниатюру на л. 1 приписывают Колантонио.

¹⁰ Шифр ГПБ: *F. v. lat. № 2*; имеется старая наклейка — экслибрис Эрмитажной иностранной библиотеки с шифром: *Шкаф 5, полка 3, номер 23*.

¹¹ F. Gille. Musée de l'Ermitage Impérial. Saint-Pétersbourg, 1860, p. 77—78.

de Médicis, dont les armes sont effacées à dessein. Catherine de Médicis l'apporta en France et donna à l'abbaye de St. Denis près Paris dont la Bibliothèque a souffert beaucoup pendant la Révolution des gens de la prétendue Religion réformée, et passa de main en main jusque vers le milieu de ce siècle. Marquis (1) de Paulmy l'a donné à Mr Court de Gebelin, dont le nom sera à jamais immortel pour ses recherches, pleines d'érudition, relatives à l'origine des Lettres. Il tomba entre mes mains, comme je viens de le dire, en 1778.

P. Dubrowsky

Перевод

Эта книга Тита Ливия была мне подарена знаменитым Жан Жаком Руссо во время его последнего краткого пребывания в Париже. Он ее получил почти в то же время от Кур де Жебелена; но книга служила в XVI веке также гордогу Лоренцо Медичи, гербы которого были умышленно стерты.¹² Екатерина Медичи привезла ее во Францию и подарила аббатству Сен-Дени близ Парижа, библиотека которого сильно пострадала во времена революции сторонников так называемой реформированной веры, и (книга эта) переходила из рук в руки примерно вплоть до середины нынешнего века. Маркиз де Польми подарил ее г-ну Кур де Жебелену, имя коего навсегда будет бессмертным вследствие его преисполненных учености изысканий относительно происхождения письменности. В мои руки книга, как я только что сказал, попала в 1778 году.

П. Дубровский

Стоящая на полях дата (другой рукой) «1750», вероятно, подтверждает смену владельцев примерно в середине XVIII века. На то, как рукопись в годы религиозных войн XVI века действительно могла оказаться уже в гугенотских руках (а протестантом был и знаменитый исследователь первобытной культуры генезиса языков и письма Кур де Жебелен, 1725—1784), может пролить свет запись на бумажном форзаце верхней крышки переплета:

181

Non sine Numine

Laurentius Bachellus Crespeiensis Valesius
et in suprema Paris, curia Aduocatus
Hunc Librum habui ex Bibliotheca
Vindocinensis Mariae Luxemburgiae

Anno D. 1588,

из которой явствует связь рукописи в 1588 году, с одной стороны, с Вандомом, одним из боевых центров гугенотства, с другой стороны, с парламентскими кругами. Что касается медичейского происхождения рукописи, то оно весьма вероятно, но для подтверждения требует анализа стертых гербов. Полного внимания заслуживает и факт подношения рукописи Тита Ливия Кур де Жебеленом Жан Жаку Руссо, о встречах с которым в 1778 году не было известно.

Однако в Отделе рукописей ГПБ наряду с этой хорошо известной рукописью еще один документ, донные совсем не изучавшийся, свидетельствует о существовании каких-то, еще не вполне выясненных, связей между Руссо и Дубровским. Это — под шифром: *Франц. О. XVII № 17*, — листки

¹² Речь идет явно об умершем в 1519 г. отце Екатерины Медичи, который флорентийским герцогом еще не был.

небольшого и неодинакового формата, сплетенные вместе (очевидно, в XX веке, примерно одновременно с заверкой Х. Лопарева: «Сто листов, 3 октября 1909 г.») и снабженные на синем мраморном полуфранцузском переплете в осьмушку надписью: «Fragments sur différentes matières qui s'étaient trouvés dans la liasse des papiers de J. J. Rousseau» («Отрывки о разных предметах, обнаружившиеся в связке бумаг Ж.-Ж. Руссо»). На л. 1, являющемся первоначальной бумажной обложкой (с шифром и ранним штампом библиотеки), имеются две отдельные записи Дубровского: «Il faut examiner de nouveaux (!) ces fragments qui s'étoient trouvés dans la liasse des papiers de Jean J. Rousseau».

«Ces fragments je me souviens m'ont été données (!) par la femme de Jean Jacques Rousseau. Mais ils ne sont pas de sa main j'ai oublié à quel savant ils appartenoient».

(«Следует заново разобраться в этих отрывках, которые обнаружались в связке бумаг Ж.-Ж. Руссо».

«Отрывки эти, я помню, были мне даны женой Ж.-Ж. Руссо. Но они писаны не его рукой. Я забыл, какому ученому они принадлежали»).

Действительно, на этих листках (значительная часть которых — из записной книжки) не встречается почерк Руссо. Дубровский прав и в том, что они нуждаются в дальнейшем изучении. Это — разного рода выписки, рецепты конца XVII—начала XVIII века, писанные не одной рукой, подчас с датами первой половины XVIII века, т. е. ранее годов жизни Ж.-Ж. Руссо; на первом же листке упоминаются Ламет, «4 августа» и «10 августа», т. е. события 1789 и даже 1792 года, стало быть, совсем незадолго до того, как Дубровский покинул революционную Францию, и много лет спустя после смерти Руссо.

Это последнее обстоятельство не опорочивает, однако, свидетельства Дубровского в целом и несомненно дальнейшее исследование рукописи позволит не только уточнить ее происхождение, но и объяснить ее нахождение среди бумаг Руссо.

Новые ленинградские тексты переписки Руссо не восходят, однако, к коллекциям Дубровского и принадлежат иным собраниям. Из числа впервые публикуемых здесь двух писем первое, хранящееся также в ГПБ, попало в Рукописный отдел в составе собрания П. Л. Вакселя, второе обнаружено в ЦГИАЛ. П. Л. Вакселю принадлежала также записка Руссо к матери Терезы Левассер, освещенная в публикации В. Измайловской 1939 года. Поскольку эта записка тесно связана с издаваемым ниже письмом Руссо к Мюссару (хронологически и по личности адресата), мы считаем необходимым процитировать ее текстуально, без чего остались бы неясными приводимые нами соображения об ее содержании.

Prier Monsieur Mussard de mettre par écrit son adresse bien exactement afin qu'en lui écrivant par la poste ma Lettre lui soit sûrement rendue, et m'envoyer cette adresse dans vôtre première lettre.

Prévenir le même M. Mussard que M. Diderot doit aller¹³ le voir, et que je le prie de lui communiquer le présent manuscrit pour l'examiner; apres quoi M. Mussard aura la bonté de retenir ce manuscrit par devers lui pour en disposer s'il lui plaît comme je lui marquerai par ma lettre.¹⁴

Как видим, настаивая на срочном получении точного адреса Мюссара, чтобы в случае надобности письмо «было ему надежно вручено» (ежели

¹³ Далее зачеркнуто: de.

¹⁴ Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, № 2318. Полный перевод см. «Литературное наследство», 1939, т. 33—34, стр. 620.

Руссо доверится почте), Руссо в то же время просил неназванного адресата «предупредить того же г-на Мюссара, что г-н Дидро придет его навестить и что я прошу передать ему настоящую рукопись» (каковую Мюссару надлежит сохранить у себя, чтобы распорядиться ею сообразно дальнейшим указаниям Руссо). Это поручение могло относиться только к г-же Левассер и должно было сопровождать пакет, оставленный у нее незадолго перед отъездом Руссо в Женеву 1 июня 1754 года. Эти обстоятельства совершенно убедительно установила В. Изманльская¹⁵ на основании двух писем Руссо к Мюссару, от 9 июня и 6 июля 1754 года.¹⁶ Справедливо оценила она и значение того, что именно эта записка раскрывает, кто именно был тем доверенным другом, который не назван в других письмах, — им оказался Дидро.

Однако в свете новейших данных, нам кажется далеко не бесспорной ее догадка, будто рукопись, упомянутая в записке, — не что иное как «Рассуждение о причинах возникновения неравенства» («Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes»). К этому моменту «Рассуждение» давно уже было написано (срок представления на конкурс истек 1 апреля 1754 года, а 26 апреля началось рассмотрение присланных сочинений в Дижонской Академии¹⁷) и незачем было направлять его на просмотр Дидро, которому, как указывал сам Руссо в «Исповеди», оно пришлось особенно по вкусу и к советам которого автор особенно охотно прибегал в процессе написания книги.¹⁸

Отметим наконец, что из числа опубликованных в 1939 году в русском переводе писем Руссо еще два хранятся в Ленинграде: письмо к Даниэлю Рогэну (D. Roguin) от 14 сентября 1761 года¹⁹ и письмо Леонарду Устери (L. Usteri) от 27 октября 1764 года;²⁰ в Ленинграде же находятся записки Руссо «Vitam intendere vero» («Жизнь посвятить истине»), сделанная им 11 августа 1770 года в альбоме шведского путешественника Якоба Бьернсталя,²¹ а также расписка 2 января 1776 года в получении от издательницы — вдовы Дюшен (veuve Duchesne) 300 ливров — первого года пожизненной ренты.²²

Ф. Мюссару

Публикуемый автограф представляет собой отдельный листок, несомненно являющийся последней (вероятно, третьей) страницей письма и на обороте снабженный адресом: «A Monsieur Monsieur Mussard, A Paris». Иначе говоря, перед нами, хоть и фрагментарный, еще один элемент переписки Руссо с его другом и дальним родственником натуралистом-конхиоло-

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Согг. gén.*, t. II, p. 67—68, 86—87, №№ 165, 168.

¹⁷ См. например, введение Ж.-Л. Лесеркля в издании: J. J. Rousseau. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Introduction commentaires et notes explicatives* par J. L. Lecerclé. Paris, 1954, p. 32 («Les classiques du peuple»).

¹⁸ Roger Tisserand. *Les concurrents de J. J. Rousseau à l'Académie de Dijon pour la prix de 1754*. Paris, (1936), p. 19.

¹⁹ ГПБ, ф. 19, Альбом Н. И. Андреева.

²⁰ ЛОИИ, из собрания Н. П. Лихачева — карт. 370, № 71, в обложке с вырезкой из антикварного каталога С.-Г. Воегнер, XXVI, 1914 года.

²¹ ГПБ, Собрание П. К. Сухтелена, карт. 38.

²² Хранится в ЛОИИ, карт. 370, № 72, и восходит к коллекции Н. П. Лихачева. Снимок с нее воспроизведен в названной выше публикации В. Изманльской на стр. 635.

гом Франсуа Мюссаром (1691—1755), несмотря на тесные связи между ними, известной нам лишь по весьма немногочисленным образчикам.²³

Точных данных для датировки мы не имеем. Если исходить из впечатлений о тоне письма, его можно было бы считать написанным после письма № 168 от 6 июля 1754 года и, стало быть, не ранее конца сентября, когда Руссо вернулся в Париж (13 сентября он еще был в Женеве).²⁴ Однако подношение экземпляра оперы «Сельский колдун» («Le Devin du village») заставляет считать вероятной более раннюю дату, так как написанная в 1752 году опера была поставлена на придворной сцене в октябре того же года и возобновлена в феврале 1753 года, а в театре «Опера» — 1 марта 1753 года, и в том же году было не менее трех ее изданий.²⁵

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, № 2318а.

suis certain que le langage que je vous parle est celui de la raison, celui que vous²⁶ tiendriez vous même à votre ami en semblable occasion.

Je me sais très mauvais gré d'avoir demeuré si longtems sans vous aller voi[r]. J'ai grande envie de me donner pour ce[la] un jour de cette semaine et la partie pourroit bien se faire avec M. de Croismar qui en a envie aussi. Bon jour, Monsieur, je crois connoitre assés vôtre âme pour être sur que je n'aurai point d'excuse à vous faire sur l'affaire dont je me mêle aujourd'hui. Vous connoisses avec quels sentimens je suis, Monsieur, vôtre très humble et très obéissant serviteur.

J. J. Rousseau

Je vous prie d'aggréer un exemplair du Divin.

Перевод

убежден, что речь, которую я к вам обращаю, есть голос разума и что вы сами точно так же обращались бы к другу в подобном случае.

Признаю себя весьма повинным в том, что столь долго не навещал вас. Мне очень хочется выбрать для этого день на этой неделе и визит мог бы состояться совместно с г-ном Круамаром, которому этого тоже хочется. Прощайте, сударь, надеюсь, я достаточно хорошо знаю вашу душу, чтобы не нуждаться в извинениях перед вами за дело, в которое вмешался ныне.

Вам известно, сударь, с какими чувствами я пребываю вашим покорнейшим слугой,

Ж.-Ж. Руссо

Прошу вас соблаговолить принять экземпляр «Колдуна».

²³ В «*Corr. gén.*» (t. II) Руссо имеются лишь четыре письма к нему — №№ 150, 158, 165, 168 (за 1752—1754 годы).

²⁴ *Corr. gén.*, t. II, p. 99, № 177.

²⁵ J. Senelier. *Bibliographie générale des oeuvres de J. J. Rousseau.* Paris, 1950.

²⁶ Далее зачеркнуто: *donneriez.*

Борену

Письмо это пополняет переписку того периода, когда под псевдонимом Рену (Renou) Руссо скрывался в уединенных уголках Дофине. Оно является хорошим образчиком намеренного переключения Руссо на ботанику²⁷ и его стремления вербовать прозелитов. Наконец, оно раскрывает имена двух спутников его по ботанической экскурсии (третье имя — коменданта местечка Бургуэна — предположительно уже намечалось²⁸) и добавляет новое письмо к двум известным письмам к тому же адресату, вьенскому канонику, отправленным ему тоже из Монкена и по тому же адресу 19 марта и 8 сентября 1769 года.²⁹

Судя по письмам, изданным в «*Согг. gén.*»: к неизвестному лицу от 12 августа 1769 года из Монкена, к Дю Пейру от той же даты и к герцогине Портленд из Бургуэна в Дофине от 21 августа 1769 года,³⁰ эта трехдневная экскурсия состоялась не ранее 14-го³¹ и не позднее 18-го числа, так как 12 августа Руссо еще не знал, имеет ли он право без согласования с двумя своими сотоварищами по походу привлечь к нему врача Менье (Meunier), а 21-го он уже дает отчет о результатах сборов, по возвращении из гербаризационного похода. Поскольку публикуемое здесь письмо датировано вторником, вероятнее всего его отнести к 15 августа, а стало быть начало экскурсии приурочить к 17 или 18 числам. Упомянутое в письме сочинение Барбе — это знаменитый труд врача и ботаника Жака Барбе-Дюбура (Barbeu-Dubourg 1709—1779) «*Botaniste français*», изданный в 1767 году в двух томах; второй том носил подзаголовок «*Manuel d'herborisation*».

Публикуется по автографу: ЦГИАЛ, ф. 1562, т. 1, № 115.

Monquin ce Mardi

Je serai prêt, Monsieur, à l'heure que vous avez la bonté de me marquer, et je sens bien le prix des soins que vous voulez bien prendre. Ceci sera la dernière Caravanne de Botanique pour moi, la première pour vous. Si vous voulez la bien employer et laisser à part toute autre idée pour ce tems-la, vous en reviendrez en état d'aller seul dans la suite et de passer promptement et de bien loin votre premier guide. L'effet de tout cela sera un plaisir tranquille et durable pour le reste de la vie et la gloire d'un homme sensé. Je suis charmé que nous ayons M. Meunier. Il est initié; nous nous

²⁷ Об этом периоде см.: D. Mornet. Rousseau, l'homme et l'oeuvre. Paris, 1950, p. 154. — В Монкене Руссо обосновался в январе 1769 года; см. также книгу А. Янсена, названную в следующей сноске.

²⁸ *Согг. gén.*, t. XIX, p. 135, № 3833. — В Бургуэне Руссо проживал в 1768 и 1769 гг., до Монкена; почему имя этого лица не раскрыто в «*Согг. gén.*», не ясно; в кн.: Albert Jansen. Jean-Jacques Rousseau als Botaniker. Berlin, 1885, на стр. 139 разъяснено, что этим званием пользовался маркиз Беффруа де ля Гранж-о-Буа («*der marquis de Beffroi de la Grange aux Bois, baron d'Escanquourt*»).

²⁹ *Согг. gén.*, t. V, p. 100, 151, №№ 3803 и 3842. В обоих этих письмах Руссо именует адресата «*Monsieur l'Abbé Borin*».

³⁰ *Согг. gén.*, t. XIX, p. 134—135, № 3833; p. 135—136, № 3834; p. 142—143, № 3836.

³¹ На основании каких данных А. Янсен (см. выше) утверждает, что экскурсия вышла в поход в воскресенье 13 августа на рассвете, не ясно.

Mouquin le Mardi. 15

Je serai prêt, Monsieur, à 11 heures avec vous avec la bonté
de me mandez, si je puis bien le prix des livres que vous voulez
bien prendre. Ceci sera la dernière livraison de Botanique pour
moi, la première pour vous. Si vous voulez la bien employer
et laisser à part toute autre idée pour ce temps-là, vous en
reviendrez en état? L'abbé seul dans la suite et de passer
promptement et de bien loin votre premier guide. L'effort
de tous cela pour un plaisir tranquille et durable pour
le reste de la vie et la gloire d'un homme sage.
Je suis charmé que vous ayons M. Meunier. Il est
intéressé; nous nous aidons tous les uns les autres, et
nous reviendrons de petits livres. Mes nouvelles en
vos lettres je vous prie dans votre maison. Je vous salue,
Monsieur, et embrasse cordialement; mais que vous ayez
été la commodité de voyage permissif que j'en revienne
savant la familiarité.

Renou

Je suis que vous serez bien de prendre votre Barbier; des
moi et le second volume. Je prendrai plus de livres, mais qu'il y en
ait beaucoup.

aiderons tous les uns les autres, et nous reviendrons de petits Linnoeus. Mes honneurs et respects je vous prie dans votre maison. Je vous salue, Monsieur, et embrasse cordialement; puisque nous allons être camarades de voyage permettez que j'en prenne d'avance la familiarité.

Renou

Je crois que vous ferez bien de prendre votre Barbeau: du moins le second volume. Je prendrai peu de livres, parce qu'ils sont embarrassans.

На обороте: A Monsieur Monsieur l'Abbé de Baurin, A Sirisin.

Перевод

Монкен, вторник

Я буду готов, сударь, в тот час, который вы соблаговолите мне назначить, и я весьма ценю те хлопоты, которые вам было угодно взять на себя. Это будет последний ботанический поход для меня и первый — для вас. Если вы захотите полностью заняться им и оставить на это время все остальное, вы в дальнейшем сможете снова отправиться один и оставить далеко позади вашего первого руководителя. Результатом всего этого будет покойное и длительное удовольствие, которое вы будете испытывать в течение всей жизни, и слава рассудительного человека. Я очень рад, что с нами будет г-н Менье. Он не является профаном; все мы будем помогать друг другу и вернемся из похода маленькими Линнеями. Прошу вас засвидетельствовать мое уважение вашим домочадцам.

Шлю вам привет, сударь, и обнимаю от всей души; раз уж мы собираемся вместе путешествовать, разрешите мне заранее эту фамильярность.

Рену

Полагаю, что было бы хорошо, если бы вы захватили своего Барбе, хотя бы второй том. Я захвачу мало книг, потому что они мешают.

На обороте: Милостивому государю господину аббату де Борену в Сиризене.

ФРИДРИХ МЕЛЬХИОР ГРИММ

Р.-С. Ваньер

В силу естественного положения вещей в России оказалось немало рукописей Ф.-М. Гримма, поддерживавшего тесную переписку с Екатериной II и служившего ей усердно на разных поприщах. Основная их масса опубликована.¹

Из обнаруженных в Ленинграде публикуется лишь письмо его к Розе Сюзанне Ваньер, жене секретаря Вольтера Жана Луи Ваньера (Wagnière, р. 1740).² Письмо это интересно тем, что уточняет обстоятельства доставки в Петербург вольтеровской библиотеки. О болезни Ваньера при прибытии в северную столицу было уже известно,³ но сообщаемые в публикуемом письме подробности (сроки, отношение Екатерины II и т. д.) заслуживают внимания.⁴

Публикуется по автографу: ЦГИАЛ, ф. 1562, оп. 1, № 3д.

J'ai reçu votre lettre, Madame, et je ne perds pas un instant pour vous rassurer sur la santé de votre mari. Il est très vrai que s'ennuyant à Lubeck pendant près de cinq semaines à attendre le paquetbot

¹ См.: Письма имп. Екатерины II к Гримму (1774—1796), изданные с пояснительными примечаниями Я. Грота. «Сборник Русского исторического общества», т. 23, 1878; Письма барона Мельхиора Гримма к имп. Екатерине II, изданные Я. Гротом. Там же, т. 33, 1881; изд. 2-е, доп., там же, т. 44, 1885. Во втором томе того же «Сборника» (стр. 324—393) напечатана записка Гримма о его отношениях с русской царицей. Во введении к изданию писем Екатерины II к Гримму Я. Грот пишет: «Императрица Екатерина II ни с кем не вела такой многолетней, обширной и непринужденной переписки, как с Фридрихом Мельхиором Гриммом, известным французским критиком...» (стр. 1). Письма Гримма к Н. П. и С. П. Румянцевым напечатаны в «Русской старине» (1889, т. 61, стр. 435—458). Гримму посвящены этюд В. А. Бильбасова «Екатерина II и Гримм» в том же журнале за 1893 год (тт. 77, 78) и книга Я. Грота «Екатерина II в переписке с Гриммом» (СПб., 1884).

² О Ж.-Л. Ваньере и его переписке с Гриммом см.: «Revue d'histoire littéraire de la France», 1896, t. III, № 4, p. 481—535; 1897, t. IV, № 1, p. 74—88.

³ В. Люблинский. Наследие Вольтера в СССР. «Литературное наследство», т. 29—30, 1937, стр. 171—172; там же о других, связанных с Вольтером, письмах Гримма, ныне подготовленных к опубликованию во втором томе издания «Новые тексты переписки Вольтера» — «Письма к Вольтеру».

⁴ Небезынтересна и следующая деталь, которую недавно сообщил мне В. К. Макаров: в «Общем морском списке» (ч. V, СПб., 1890,

de l'Impératrice, il y est tombé malade d'ennui, ce qui mériterait de votre part une forte réprimande, car vous savez bien et lui aussi qu'on ne commande pas aux vents. Il s'est embarqué ensuite malade et est arrivé malade à Pétersbourg. Mais si sa maladie était grave, je l'aurais sçu. J'ai eu depuis son arrivée deux fois des nouvelles de l'Impératrice. Dans la première lettre elle me dit qu'il est arrivé avec la bibliothèque, mais qu'il est malade. Dans la seconde elle me dit: «Je n'ai pas encore vu l'illustre Wagniere parce qu'il n'est pas encore tout à fait rétabli». Je puis vous assurer que s'il y avait le moindre danger, Sa Majesté, toute Impératrice qu'elle est, n'en parlerait pas en badinant et serait très peinée d'être la cause innocente d'une maladie sérieuse. Je suppose que le plus grand mal de votre mari consistera dans l'inquiétude et la douleur qu'il aura éprouvée de ne pouvoir être présenté tout de suite à sa Majesté Impériale, et c'est précisément cette inquiétude qui pourra reculer son parfait rétablissement. Cependant je ne doute pas qu'il ne soit considérablement mieux et même en état de sortir, puisque mes banquiers pour qui je lui avais donnée une lettre de recommandation, m'ont mandé en date du 28 Septembre qu'il leur avait remis cette lettre, et qu'ils ne me disent point du tout qu'il soit malade. J'espère que vous aurez incessamment de ses nouvelles ainsi que moi. Je ne doute pas même qu'il m'ait écrit, mais les lettres se perdent quelquefois dans une si grande distance, surtout s'il n'a pu lui même prendre le soin de les mettre à la poste. Je vous prie donc, Madame, de vous calmer et d'être bien tranquille sur le sort de votre mari qui m'intéresse autant que vous. Soyez en bien persuadée ainsi que de l'intérêt que je prends à tout ce qui vous touche, et que je conserverai très soigneusement.

Grimm

à Paris ce 30 Octobre 1779

Перевод

Ваше письмо, сударыня, я получил и, не теряя ни минуты, спешу успокоить вас относительно здоровья вашего супруга. Правда, проскачав в Любеке пять недель в ожидании пакетбота императрицы, он заболел от скуки. По этому поводу вам следовало бы сделать ему серьезное внушение, ибо вы хорошо знаете, как и он, что никто не может управлять ветрами. Затем, будучи больным, он отплыл и больным же прибыл в Петербург. Но если бы его болезнь была серьезной, я бы об этом узнал.

стр. 391) приводятся сведения о Николае Шубине, участнике Чесменского боя, который, в должности лейтенанта в 1779 году командуя пакетботом «Быстрый», плавал из Кронштадта в Любек, откуда привез в Кронштадт библиотеку Вольтера.

Со времени его прибытия я уже дважды имел известия от императрицы. В первом письме она сообщала мне, что он уже прибыл с библиотекой, но что он болен. Во втором же она писала: «Я еще не видела знаменитого Ваньера, потому что он еще не совсем поправился». Смею вас заверить, что, если бы была хоть малейшая опасность, ее величество, хоть она и императрица, не писала бы об этом в шутовском тоне и была бы огорчена тем, что она невольной была причиной серьезного заболевания. Полагаю, что самое худшее для вашего мужа заключается в беспокойстве и огорчении по поводу того, что он не может быть представлен ее императорскому величеству, и именно это беспокойство может задержать его полное выздоровление. Однако я не сомневаюсь, что ему значительно лучше и что он может даже выходить, потому что мои банкиры, для которых я дал ему рекомендательное письмо, известили меня 28 сентября, что он уже вручил им это письмо, и совсем не упоминали, будто бы он болен. Надеюсь, что вы незамедлительно получите от него известие, так же как и я. Не сомневаюсь даже, что он мне уже написал, но письма иногда теряются на таком большом расстоянии, особенно же, если он не позаботился сам отправить их по почте. Итак, прошу вас, сударыня, успокоиться и не волноваться по поводу судьбы вашего мужа, которая интересует меня столько же, сколько и вас. Вы можете быть в этом вполне уверены, равно как и в сочувствии, которое я проявляю ко всему, что вас касается и которое я буду со всей готовностью проявлять и впредь.

Гримм

Париж, 30 октября 1779 г.

Среди прочих автографов Гримма, хранящихся в Ленинграде, отметим: его расписку в получении 2 июля 1779 года 1250 ливров за первое полугодие 1779 года из пожизненной ренты от герцога Орлеанского; официальное письмо, которое Гримм в качестве полномочного посла Саксен-Готы направил министру иностранных дел Франции Монморену 24 марта 1791 года с просьбой о беспрошленном пропуске трех ящиков «с фарфоровыми безделушками» от принца Генриха Прусского; письмо Станиславу Августу Понятовскому от 1 февраля 1767 года при препровождении ему «Корреспонденции» (издававшейся Гриммом в рукописном виде в основном для коронованных особ); письмо барону Бранду от 22 января 1755 года о получении из Берлина от аббата де Прада векселя на 1200 ливров.

Все четыре документа находятся в собрании Н. П. Лихачева в ЛОИИ (карт. 370, №№ 46, 47, 48, 49).

ПЬЕР ОГЮСТЕН КАРОН ДЕ БОМАРШЕ

Эрену

Публикуемое письмо Бомарше (Beaumarchais, 1732—1799) написано его поверенному в делах Эрену (Aigain), находившемуся в главном городе провинции Турень (ныне департамент Эндр и Луара) Туре.

В 1760 году Бомарше познакомился и сблизился с одним из крупнейших французских банкиров XVIII века Пари Дюверне.¹ Вскоре после возвращения из поездки по Испании в 1765 году Бомарше при денежной поддержке Пари Дюверне приобрел Шинонский лес, находящийся недалеко от Тура. На Бомарше легли обязанности по организации и управлению этим предприятием. Крупные операции по продаже леса принесли партнерам значительные доходы, однако требовали от Бомарше большой затраты времени и сил. Так, в 1769 году он приехал на место заготовок леса и в течение нескольких месяцев лично руководил всеми работами.

Решительность, энергичность и предприимчивость Бомарше нашли отражение в стиле его деловой переписки, относящейся к этому периоду, характерным примером которой может служить публикуемое письмо.

В правом верхнем углу письма, очевидно рукой получателя, помечено: «1-е письмо». В этой же коллекции автографов хранятся еще два письма Бомарше к тому же лицу: от 19 ноября 1767 года с пометой: «8-е письмо» и от 19 февраля 1771 года с пометой: «37-е письмо». Эти письма сходны по содержанию и стилю с публикуемым и затрагивают вопросы, связанные с эксплуатацией Шинонского леса. В первом из них Бомарше согласовывает с Эреном предварительные цены на лес, сообщает о деловых переговорах с Вест-Индской компанией и отдельными торговцами, угрожает некоему злоумышленнику арестом по приказу министра королевского двора Сен-Флорентена. Другое письмо, написанное после смерти Пари Дюверне (1770), в период начинавшихся финансовых трудностей и юридических неприятностей, содержит раздраженные упреки в адрес Эрена и других сотрудников компании (в частности, Лакура, о котором идет речь в публикуемом письме). Бомарше возмущается путаницей, возникающей при оплате денежных счетов, недостаточной регулярностью высылаемой ему ответной корреспонденции, неточностью сообщаемой ему информации.

Публикуется по автографу: ЛОИИ, карт. 370, № 9.

J'apprens Monsieur que Les Sieurs Baclé et Armand se conduisent avec une hauteur aussy ridicule que déplacée et qu'ils n'ont aucune assiduité à leurs travaux; mes affaires ne me permettant pas de me

¹ G. Lemaitre. Beaumarchais. N.-Y., 1949, p. 40—44.

Paris le 22. 9. 1767

J'apprens Monsieur que Les Sieurs Baillé et Armand se
conduisent avec une hauteur aussi ridicule que déplacée
et qu'ils n'ont aucune assiduité a leurs travaux; mes
affaires ne me permettant pas de me transporter presentement
a quincyay et aux Pertres pour mettre ordre a cela
Moy mesme Je vous prie de me faire le plaisir de leur
montrer cet ordre de ma part. qu'ils ayent a Sortir l'un
de la maison de quincyay et l'autre de la loge des Pertres.
de ce moment ils n'appartiennent plus a la compagnie -
obligés moy de vous faire accompagner de M^r La coust
qui reprendra les livres Et brouillards de chacun et
les ferrera dans le bureau. Ils font le moindre difficulté
jus et ordre de se retirer. Je vous prie d'y employer
Jusqu'à la voye Juridique vous voyant des apresent
dans toutes les demarches que vous feris tendentes a cet objet
Je ne tarderay pas a m'y transporter moy mesme J'ay
l'honneur de vous remercier et de vous renouveler les
assurances de l'estime parfaite avec laquelle J'ay
l'honneur d'etre Monsieur Votre tres humble
et très obeissant Serviteur Beaumarchais

Au chateau de la Belouçerie le 22. 9. 1767

transporter présentement à Quainçay et aux Tertres pour mettre ordre à cela moy mesme je vous prie de me faire le plaisir de leur montrer cet ordre de ma part. Qu'ils ayent à sortir l'un de la maison de Quinçay et l'autre de la loge des Tertres. De ce moment ils n'appartiennent plus à la compagnie. Obligés moy de vous faire accompagner de mr Lacour qui reprendra les livres et brouillards de chacun et les serrera dans le bureau. S'ils font la moindre difficulté sur cet ordre de se retirer je vous prie d'y employer jusqu'à la voye juridique; vous avouant dès à présent dans toutes les démarches que vous ferés tendantes à cet objet, je ne tarderay pas à m'y transporter moy mesme. J'auray l'honneur de vous remercier et de vous renouveler les assurances de l'estime parfaite avec la quelle j'ay l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble et très obéissant serviteur.

Beaumarchais

Au château de la Belangerie ce 22 7bre 1767

Перевод

Сударь, мне стало известно, что г-да Бакле и Арман ведут себя с высокомерностью, столь же нелепой, сколь и неуместной, и что они не проявляют никакого усердия в работе. Ввиду того что дела не позволяют мне в настоящее время прибыть в Кенсе и Тертр, чтобы самому навести порядок, прошу вас оказать мне услугу, сообщив им данное распоряжение. Они оба должны покинуть, один — дом в Кенсе, другой — свое жилье в Тертре. С настоящего момента они не состоят более в компании. Я буду обязан вам, если вы будете сопровождать г-на Лакура, который заберет книги и черновики у каждого из них и спрячет все в бюро. Если же они окажут малейшее сопротивление этому приказу об их удалении, прошу вас принять все меры вплоть до юридических; заранее одобряя все действия, которые вы предпримете в этой связи, я не замедлю прибыть лично. Имею честь благодарить вас и вновь заверить вас в моем совершенном к вам почтении, оставаясь, сударь, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Бомарше

В замке Беланжери, 22 сентября 1767 г.

ЛУИ СЕБАСТЬЕН МЕРСЬЕ

Ш. Ламбер де Белану

Шарль Ламбер де Белан (Lambert de Bélan) родился в Шатильоне-на-Сене 1 октября 1734 года, умер в Париже 5 октября 1816 года — юрист, затем мировой судья кантона Монтиньи. 2 сентября 1791 года избран в Законодательное собрание депутатом от департамента Кот-д'Ор, голосовал с умеренными, 5 сентября 1792 года избран в Конвент депутатом от того же департамента. При решении в Конвенте участи Людовика XVI голосовал за тюремное заключение короля до установления в Европе всеобщего мира. После 1793 года в политической жизни не участвовал.¹ За годы 1790—1792 выпустил несколько брошюр, излагавших его политические взгляды и законодательные предположения.

Письмо Мерсье датируется 1792 годом, так как в нем говорится о ближайшем Конвенте и действующем Национальном собрании (так Мерсье называет Законодательное собрание, функционировавшее с 1 октября 1791 года по 20 сентября 1792 года). Мерсье, вернувшийся в начале революции из Швейцарии, куда был изгнан за свою книгу «Картины Парижа», в 1792 году был одним из редакторов жирондистской газеты «Ежемесячная хроника» («La Chronique du mois»), в которой деятельно участвовали Кювьер, Кондорсе, Бриссо и другие виднейшие лидеры Жиронды.

Выпущенная Ламбер де Беланом в 1792 году брошюра «Рассуждения о демократии»,² написанная в конституционно-монархическом духе, вызвала ожесточенные нападки справа и обвинения в «республиканизме» и «республикомании». Защищаясь от этих обвинений, Ламбер де Белан направил письма в редакции некоторых газет, в том числе в «Ежемесячную хронику». Однако такое письмо его, датированное 23 марта 1792 года, было напечатано в «Moniteur universel».³

В этом письме Ламбер де Белан защищает от обвинений в том, что он «якобинец», «заговорщик», и доказывает, что конституционно-монархический порядок, установленный во Франции конституцией 1791 года, обеспечивает суверенитет «народа-короля» и «священное равенство». При этом Ламбер де Белан утверждает, что Франция в настоящий момент является наиболее республиканским, наиболее демократическим государством в мире.

¹ Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire. 1789—1815, t. II, Paris, s. a., p. 305.

² Réflexions sur la démocratie. Paris, avril 1792; см.: J.-M. Quérard. La France littéraire, t. IV, Paris, 1830, p. 488.

³ «Moniteur universel», 9 avril, 1792, № 100.

Неизвестно, было ли напечатано письмо Ламбер де Белана в «Ежемесячной хронике». Скорее всего, что нет, так как в своем письме к Ламбер де Белану Мерсье, соглашаясь с взглядами его на государственное устройство Франции, считает необходимым воздерживаться пока от терминов «республика» и «республиканизм» ввиду их непривычности.

Одновременно с письмом Ламбер де Белан послал Мерсье выпущенную 12 февраля 1792 года брошюру «Проект декрета о перенесении в Лувр заседаний Национального собрания и высших общественных учреждений» («Opinion et projet de décret pour la translation des séances de l'Assemblée Nationale et de grande établissements publics au Louvre»), к которой Мерсье отнесся благожелательно.

Публикуется по автографу: ЦГИАЛ, ф. 1562, оп. 1, № 90.

Je suis parfaitement de votre avis, Monsieur, on ne devrait pas se défendre des termes de République et de Republicanisme, mais les mots conduisent les hommes et beaucoup d'honnêtes gens au mot république se rappellent les Marius, les Scylla et croient qu'il s'agisse de la destruction du Roi, or, nous ne sommes pas encore assez avancés pour braver certaines craintes. Il faut composer avec l'ignorance des hommes, et comme le mot Monarque est consacré par la Constitution, il faut attendre que les lumières plus répandues, fassent admettre des dénominations très justes, très politiques, mais qui effarouchent un très grand nombre d'esprits; je serais donc d'avis qu'on se défendit du mot république, vu que l'historique des troubles des République se présente subitement à l'esprit et que nous devons agir avec une sorte de modération et de prudence jusqu'à la prochaine convention nationale, les esprits alors plus fermes ne craindront pas d'adopter des mots nouveaux et qui vous sont dûs puisque vous avez été le premier à les employer pour traduire vos excellentes idées, mais la plus belle musique n'est rien pour les mauvaises oreilles; guérissons l'ouïe de nos chers Compatriotes.

Votre projet de décret pour la translation des séances de l'Assemblée nationale est digne des beaux jours de la Patrie, mais je vous предис que le pouvoir executif frémissa du voisinage et s'y opposera constamment.

Daignez agréer mes remercimens et mes hommages et me croire très sincèrement attaché à vos opinions et à votre personne.

Monsieur votre concitoyen
Mercier

Ce 27. Mars.

На обороте: A Monsieur Monsieur Lambert de Bélán, Député de la Côte-d'or à l'Assemblée Nationale.

Mercier. Hotel St. Pierre, rue du faubourg St. Honoré.

Перевод

Я совершенно согласен с вами, сударь, не следует опасаться выражений «республика» и «республиканизм», но слова ведут человека, и у многих порядочных людей слово «республика» вызывает в памяти деятели, подобных Марию и Сулле, и они думают, что речь идет об уничтожении короля; следовательно, мы еще не продвинулись настолько вперед, чтобы пренебрегать некоторыми опасениями. Следует сообразовываться с невежеством некоторых людей и, коль скоро слово «монарх» освящено конституцией, нужно ждать, чтобы распространение просвещения заставило принять наименования наиболее справедливые, наиболее благоразумные, но которые еще пугают слишком многие умы; а потому я придерживаюсь мнения, что следует воздержаться от слова «республика», поскольку в подобных случаях перед нами тотчас же возникает история республиканских смут, и мы должны действовать с определенной умеренностью и благоразумием до ближайшего Национального конвента; тогда самые твердые умы не побоятся принять новые слова, которые вам обязаны своим происхождением, ибо вы были первым, кто их применил для изложения своих превосходных мыслей, но самая прекрасная музыка ничего не значит для плохих ушей; так излечим же слух наших дорогих соотечественников.

Ваш проект декрета относительно перенесения заседаний Национального собрания достоин прекрасных дней отечества, но я предрекаю, что исполнительная власть содрогнется от такого соседства и будет постоянно ему противиться.

Соблаговолите принять мою благодарность и почтение и мои заверения в самом искреннем уважении к вашим мнениям и вам самому.

Ваш согражданин

Мерсье

27 марта

На обороте: Милостивому государю г-ну Ламбер де Белану, депутату Кот-д'Ор в Национальном собрании.

Мерсье, гостиница Сен-Пьер, улица Фобур Сент-Оноре.

ЖАН ФРАНСУА ДЮСИС

Б. де Сен-Пьеру

Жан Франсуа Дюсис (Ducis, 1733—1816) — французский поэт и драматург, особенно известный своими переводами-переделками некоторых трагедий Шекспира. Осуществленные Дюсисом адаптации «Гамлета» (1769), «Ромео и Джульетты» (1772), «Короля Лира» (1783), «Макбета» (1784) и «Отелло» (1792) составили эпоху в усвоении творчества Шекспира французской литературой и театром.¹

Вскоре после своих первых литературных успехов Дюсис был избран во Французскую Академию (1779), а с момента создания Национального института (1795) стал его членом по разряду «Литература и изящные искусства».²

Почти одновременно с Дюсисом членом Института (но по разряду моральных и политических наук) был назначен знаменитый автор «Этюдов о природе» Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (Saint-Pierre, 1737—1814). Именно тогда и началось сближение писателей, перешедшее затем в тесную дружбу, которая продолжалась до самой смерти Б. де Сен-Пьера.³ Этому способствовало также и то, что оба они в числе других выдающихся деятелей французской культуры вплоть до 1802 года проживали в Лувре (впрочем, Дюсис значительную часть года проводил в Версале, в скромном жилище на улице Сатори, которое он называл своей «Фиваидой»)⁴.

Публикуемое письмо Дюсиса к Бернардену де Сен-Пьеру помечено 4 термидора VIII года, т. е. 23 июля 1800 года. Это письмо было вызвано стремлением Дюсиса содействовать успешному исходу судебного процесса г-жи де Ларив, их общей с Б. де Сен-Пьером знакомой. Г-жа де Ларив — жена известного драматического актера Жана Модюи, выступавшего под именем Де Ларива (De La Rive, 1747—1827) на многих французских сценах.⁵ По свидетельству Ф.-Ж. Тальма, Ларив владел в Париже «изящным домиком» на улице Гро-Кайу.⁶ Об этом доме и упоминает Дюсис в приведенной им копии его письма к президенту Парижского апелляцион-

¹ J. J. Jusserand. Shakespeare en France sous l'ancien régime. Paris, 1898, p. 333—352.

² О жизни и творчестве Ж.-Ф. Дюсиса см.: O. Leroy. Études sur la personne et les écrits de J.-F. Ducis. Paris, 1836.

³ L. Aimé Martin. Mémoire sur la vie et les ouvrages de J.-H. Bernardin de Saint-Pierre. Paris, 1826, p. 385—398; A. Barine. Bernardin de Saint-Pierre. Paris, 1891, p. 174.

⁴ Mme Woillez. Notice sur J.-F. Ducis. Oeuvres de J. F. Ducis, Paris, 1839, p. III. Ср. также: M. Souriau. Népomucène Lemercier et ses correspondants. Paris, 1908, p. 163—164.

⁵ A. Jullien. Histoire du costume au théâtre. Paris, 1880, p. 260—276; J.-J. Olivier. Voltaire et les comédiens. Interprètes de son théâtre. Paris, 1900, p. 290—299.

⁶ Ф. Ж. Тальма. Мемуары. М.—Л. «Academia», 1931, стр. 141.

ного суда, члену Французской Академии Анри-Кардену-Жан-Батисту Д'Агессо (D'Aguesseau, 1746—1826). Кроме того, в письме названы глава второй секции апелляционного суда Жан-Батист Трейяр (Treillard, Treillard, 1742—1810) и брат Дюсиса, член того же суда, Жорж Дюсис.⁷ Что же касается «гражданина Майи, бывшего представителя народа», то это, по всей вероятности, Антуан Анн Александр Мари Габриэль Жозеф Франсуа Майи де Шаторено (Mailly de Châteaugenaud, 1742—1819), депутат Генеральных штатов и Конвента, некоторое время являвшийся, между прочим, секретарем «фернейского патриарха».⁸

Заключительная часть письма имеет более личный характер. В ней упоминается вторая жена Дюсиса — Мари Мадлен, вдова известного архитектора Мари Жозефа Пейра (Peure, 1730—1780), и ее сын от первого брака, тоже архитектор Антуан-Мари Пейр (1770—1843),⁹ близкий друг Дюсиса, драматург и поэт Непомюсен Лемерсье (Le Mercier, 1771—1840),¹⁰ а также его знакомая г-жа де Вануаз (Vannoise), урожд. Парсеваль-Дешен.¹¹ Как и во многих других письмах Дюсиса, здесь присутствует скрытая жалоба на испытываемые им материальные затруднения и обычное для него сравнение себя и Бернардене де Сен-Пьера с отшельниками.¹² (Отсюда полухуливное обращение: «Преподобный отец Павел» и имя Антоний, которым он себя называет, — несомненный намек на дружбу св. Антония и первого христианского отшельника Павла).

Лишь одна фраза этой части письма представляет собой в сущности политическое высказывание. «Воитель-громовежку», в котором Дюсис видит «ангела мира», — это конечно Наполеон Бонапарт, тогда первый консул Французской Республики. Очевидно, подобно многим своим современникам, Дюсис в это время все еще верил в то, что Наполеон действительно стремится вернуть «истерзанную революционной анархией» Францию на путь «спокойствия» и «внутреннего мира».¹³

Публикуется по автографу: Ленинградская Государственная Театральная библиотека им. А. В. Луначарского. II. 28.9.13 (Oeuvres de J.-F. Ducis, t. I, Paris, 1829).¹⁴

à Versailles le 4 Thermidor, an 8 de la Répub[lique]

Je viens de recevoir votre lettre, mon cher ami. Je viens d'écrire à Mr Daguesseau sur-le-champ. J'ai mis moi-même dans l'instant ma

⁷ M. Sougiau, op. cit., p. 165. — Об организации суда в период Консульства и Империи см.: F. Ponteil. Napoléon 1-er et l'organisation autoritaire de la France. Paris, 1956, p. 49—52.

⁸ Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire, t. 2, Paris, s. a., p. 478.

⁹ Ср.: M. Sougiau, op. cit., p. 161.

¹⁰ В XVIII—начале XIX века написание этой фамилии постоянно колеблется. Дюсис пишет то Lemercier, то просто Mercier (например, в письме к нему от 11 сентября 1807 года — M. Sougiau, op. cit., p. 173). Но речь идет именно о Непомюсене Лемерсье.

¹¹ О ней см.: Lettres de madame de Rémusat, 1804—1814, t. I, Paris, 1881, p. 113, 343—344.

¹² Ср. письмо Дюсиса к Б. де Сен-Пьеру, напечатанное в «Mélanges publiés par la Société des bibliophiles français» (Paris, 1827, p. 4). См. также: Lettres de Jean-François Ducis. Paris, 1879, p. 137, 163, 164, 174, 182.

¹³ Lettres de Jean-François Ducis, p. 144.

¹⁴ Упоминание о данном автографе Дюсиса содержится в статье Ю. А. Нелидова «Ленинградская Театральная библиотека им. А. В. Луначарского» — «Театральное наследие», сб. I, Л., 1934, стр. 38. Там же воспроизведена одна из страниц этого письма.

lettre à la poste. En voici la copie. Vous verrés si j'ai bien rempli votre intention et celle de madame La Rive.

Citoyen Président,

Je suis prié instamment par madame De la Rive, épouse de l'acteur célèbre de ce nom, femme infiniment estimable, et dont je suis l'ami depuis très longtemps, de vous demander une grâce importante et qu'elle désire vivement. C'est que vous ayés la bonté, dans la distribution des causes, de faire appeler à la première ou à la troisième section l'affaire qu'elle a gagnée en première instance contre le Citoyen Mailly, ancien représentant du Peuple, et acquéreur de sa maison du gros caillou.

Le Citoyen Mailly, sa partie adverse, est lié par d'anciens rapports et par une amitié particulière avec le Citoyen Treillard, vice-président de la seconde section. Madame de la Rive ne demande que justice et à conserver légitimement ce qui lui appartient, pour corriger, s'il se peut, la triste situation où la révolution et sa santé déplorable l'ont réduite. Et moi, Citoyen Président, je me flatte, qu'ayant eu l'honneur de vous avoir pour confrère à l'Académie française et sachant d'ailleurs que vous avés parlé de moi avec quelque intérêt à mon frère, qui se glorifie de siéger dans un tribunal suprême dont vous êtes le digne chef à tant de titres, je me flatte, dis-je, que vous voudrés bien accorder à Madame De la Rive la grâce que je sollicite pour elle et que je regarderai avec bien de la reconnoissance comme faite à moi-même.

Agréés, je vous prie, Citoyen Président, l'assurance de l'ancien respect que je vous ai voué depuis si longtemps et qui vous est dû partout et sous tous les régimes.

Signé: — Ducis —

de l'institut national à Versailles,

le 4 Thermidor, an 8 de la République. Rue Satory n° 25.

Vous voyés, mon cher ami, que cette lettre arrivera à temps pour que la cause de Madame de la Rive soit distribuée et envoyée, comme elle le souhaite, à la première ou à la troisième section du tribunal d'appel.

Rien n'empêchera, mon cher ami, que mon frère ne lui rende les services qui dépendront de lui auprès des juges de ces deux sections.

Je désire bien, que notre aimable amie gagne encor sa cause au tribunal d'appel. Présentés-lui, je vous prie, mes respects et mon attachement, quand vous aurés l'honneur de la voir. Chargés vous aussi de la même commission auprès de Monsieur et de Madame de Kénens.

On va donc, Révérend père Paul, nous donner bientôt un acompte à l'Institut. Dieu soit loué! Je crois comme vous et comme tout bon hermite, au doux corbeau de la Providence. Je serai à Paris peut-être

le huit de ce mois, dans la matinée; mais très sûrement le 9, car je me suis engagé positivement à dîner ce jour-là chez Madame de Vanoise avec Mercier qui viendra me prendre au Louvre dans mon cabinet. Je suis bien aise, père Paul, que vous ayés causé dans le petit jardin avec ma bonne femme qui est aussi une très bonne mère. Je suis charmé que son fils ait été honoré d'une commission de confiance, qu'il s'en soit bien acquitté, et que les ordres le retiennent à Dijon en bonne santé! Je vois notre ange de Paix dans notre foudre de guerre. Si vous voyés ma paisible compagne, dittes-lui que je [me] porte bien et que je l'embrasserai bientôt avec plaisir.

Antonius Paulum ex toto corde amplectitur.

Ducis.

На обороте: Au Citoyen Bernardin de Saint-Pierre, membre de l'Institut national, au Palais de Sciences et arts. Quarré du Louvre, à Paris.

Перевод

Версаль, 4 термидора, 8 год Республики.

Я получил ваше письмо, мой дорогой друг, и тотчас же написал г-ну Дагессо. Я сам отнес письмо на почту. Вот его копия. Вы увидите, хорошо ли я выполнил ваше желание и желание г-жи Ларив.

Гражданин президент,

Г-жа де Ларив, супруга знаменитого актера, носящего то же имя, женщина, достойная всяческого уважения, другом которой я издавна являюсь, настоятельно просила меня ходатайствовать перед вами об этом одолжении. Это одолжение состоит в том, чтобы при рассмотрении дел вы согласились обжаловать в первой или третьей секции дело, которое она выиграла в первой инстанции у гражданина Майи, бывшего представителя народа, купившего ее дом на улице Гро-Кайу. Гражданин Майи, противная сторона, связан давними отношениями и личной дружбой с гражданином Трейаром, вице-президентом второй секции. Г-жа де Ларив просит лишь о справедливости и пытается сохранить законным образом то, что ей принадлежит, дабы поправить, если возможно, то печальное положение, в которое ее ввергли революция и плохое здоровье. Я же, будучи вашим собратом по Французской Академии и зная, кроме того, что вы сочувственно отзывались обо мне в разговоре с моим братом, который гордится тем, что состоит членом вер-

ховного суда, возглавляемого по праву и с таким достоинством вами, я льщу себе надеждой, что вы соблаговолите оказать г-же де Ларив милость, которой я добиваюсь для нее и которую я буду с великой признательностью рассматривать как милость, оказанную мне самому!

Примите, прошу вас, гражданин президент, уверение в неизменном уважении, которое я с давних пор к вам питаю и которое вам подобает всегда и при любом режиме.

Подпись: Дюсис, член Национального института, Версаль, 4 термидора, 8 год Республики. Улица Сатори, № 25.

Вы видите, мой дорогой друг, это письмо придет вовремя и дело г-жи де Ларив будет рассмотрено и передано, как она сама того желает, в первую или третью секцию апелляционного суда.

Ничто также, дорогой друг, не помешает моему брату сделать все от него зависящее и найти поддержку у судей обеих секций. Я очень хочу, чтобы наша милая приятельница выиграла дело в апелляционном суде. Прошу вас засвидетельствовать ей мое почтение и преданность, когда будете иметь честь ее увидеть. Соблаговолите принять на себя такое же поручение по отношению к г-ну и г-же де Кенан.

Слава богу, преподобный отец Павел, скоро нам наконец выдадут часть нашего жалованья в Институте. Подобно вам и всякому истинному отшельнику, я верю в милостивого ворона Провидения. В Париже я буду, возможно, только 8-го числа этого месяца, утром; но скорее всего — 9-го, ибо я принял приглашение на обед к г-же де Вануаз, равно как и Мерсье, который зайдет за мной в мой кабинет в Лувре. Мне очень приятно, отец Павел, что вы беседовали в садике с моей милой женой, которая к тому же превосходная мать. Я рад, что ее сыну была оказана честь доверия в столь важном деле, что он с ним успешно справился и что приказания удерживают его в Дижоне в добром здравьи. В нашем воителе-громовержце я вижу ангела мира. Если вы увидите мою мирную подругу, скажите ей, что я себя хорошо чувствую и что вскоре с удовольствием ее обниму.

Antonius Paulum ex toto corde amplectitur.¹⁵

Дюсис.

На обороте: Гражданину Бернардену де Сен-Пьеру, члену Национального института, во Дворце наук и искусств. Квадратный двор Лувра, в Париже.

¹⁵ Антоний сердечно обнимает Павла (лат.).

ЖАК АНРИ БЕРНАРДЕН ДЕ СЕН-ПЬЕР

Детервилю

9 фрюктидора XI года, которым помечено публикуемое письмо соответствует 27 августа 1803 года. Упомянутое в письме четырехтомное издание нового завета вышло в 1793 году и было посвящено Национальному собранию.¹ Разрозненный комплект библии в 27 выпусках, о котором пишет Бернарден де Сен-Пьер (Saint-Pierre, 1737—1814),² является частью нового издания библии в двенадцати томах (ветхий завет — тт. I—VIII, новый завет — тт. IX—XI).³ К XII (справочному) тому был приложен перечень подписчиков, в числе которых значится издатель и книгопродавец Детервиль. Судя по проспекту библии, выпуски 1—21, полученные Сен-Пьером, соответствовали томам I—VI и половине X тома. В комплекте отсутствовали VII, VIII, вторая половина X, XI, XII тома; последние два тома к тому времени еще не вышли в свет. Детервиль, у которого была приобретена упоминаемая в письме библия, опубликовал некоторые произведения Сен-Пьера после смерти его прежнего издателя П.-Ф. Дидо (Didot, 1732—1793). В 1804 г. Детервиль выпустил пятое издание «Этюд о природе»; в 1816 г. он осуществил очередное переиздание «Поля и Виргинии».

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, лл. 76, 77 об.

Je prie Monsieur Détérville de se donner la peine de passer chez moi, une de ces matinées avant onze heures pour régler nos échanges. Je viens de recevoir mes quatre volumes du nouveau testament qu'il a fait cartonner, mais dans la livraison qui m'a été faite de sa⁴ bible il manque les tomes 7 et 8. Le prospectus de l'édition complète porte 27 cahiers et je n'en ai reçu que 21. Suivant sa lettre même il ne m'est pas possible de traiter pour un ouvrage imparfait.

Je prie donc Monsieur Détérville de m'envoyer un de ses commis, à son défaut, pour arranger nos comptes définitivement. Le porteur n'y entend rien.

¹ Le Nouveau testament en latin et en français. Paris, 1793.

² О Бернардене де Сен-Пьере и его русских отношениях см.: «Литературное наследство», т. 33—34, 1939, стр. 74—104.

³ La Sainte bible contenant l'ancien et le nouveau testament. Traduit en français sur la vulgate. Paris, 1789—1804.

⁴ Исправлено из ма.

J'ai l'honneur de lui souhaiter le bonjour

De Saint Pierre

Paris ce 9 fructidor an 11

На конверте: А Monsieur Déterville, Libraire à Paris.

Перевод

Я прошу г-на Детервиля дать себе труд зайти ко мне в ближайшие дни утром до 11 часов, чтобы уладить наши дела. Я только что получил мои четыре тома нового завета, отданные им в переплет; в комплекте его библии, сделанном для меня, не хватает седьмого и восьмого томов. Проспект полного издания содержит двадцать семь выпусков, а я из них, согласно его же письму, получил только двадцать один. Договариваться же относительно незавершенной работы невозможно.

Поэтому я прошу г-на Детервиля, в случае, если он сам не может прийти, прислать ко мне кого-нибудь из его приказчиков, чтобы окончательно привести в порядок наши счета. Рассыльный в этом ничего не смыслит.

Имею честь его приветствовать.

Дс Сен-Пьер

Париж, 9 фрюктидора XI года.

На конверте: Г-ну Детервилю, издателю в Париже.

Lorsqu'un homme de lettres a été forcé
par les circonstances descendre jusqu'à ses
livres, il n'y a plus pour lui de salut
que dans une place de bibliothécaire.
L'Institut national va nommer le sien, et
Lebrun doit avoir de l'influence dans
l'Institut. je m'adresse donc directement et
franchement à lui; je réclame sa bienveillance,
et je demande sa voix. je ne suis peut-être
pas tout-à-fait indigne d'Être un Conservateur
de livres; mais il y en a peu qui se
passeraient avec autant de plaisir et autant
de soin que les Odes du Pindare français.

Les Ventes.

Parry
P

ЭВАРИСТ ДЕЗИРЕ ДЕ ФОРЖ ДЕ ПАРНИ

П.-Д.-Э. Лебрёну

Публикуемое письмо Эвариста Дезира де Форжа де Парни (De Forges de Parny, 1753—1814) написано в годы французской революции и адресовано одному из крупнейших поэтов революционной эпохи Понсу Дени Экушару Лебрёну, прозванному Пиндаром (Lebrun-Pindare, 1729—1807).¹ С момента основания в ноябре 1795 года Национального института Франции Лебрён был его членом по разряду литературы и изящных искусств.² Отсюда обращенная к нему просьба Парни, к этому времени потерявшего все свое состояние и настойчиво домогавшегося какого-нибудь места.³ Письмо помечено, по обычной манере Парни, лишь 1 вантоза, без указания года.⁴ По-видимому, оно было написано 1 вантоза IV года — 20 февраля 1796 года, т. е. незадолго до того, как была замещена должность библиотекаря Национального института. Впрочем, хлопоты Парни и возможное покровительство Лебрёна ни к чему не привели: библиотекарем Национального института был назначен Лассю, а его помощником Фейе.⁵

Публикуется по автографу: ЛОИИ, карт. 371, № 30.

Lorsqu'un homme de lettres a été forcé par les circonstances de vendre jusqu'à ses livres, il n'y a plus pour lui de salut que dans une place de bibliothécaire. L'Institut national va nommer le sien, et Le Brun doit avoir de l'influence dans l'Institut. Je m'adresse donc directement et franchement à lui, je réclame sa bienveillance et je demande sa voix. Je ne suis peut-être pas tout-à-fait indigne de devenir Conser-

¹ Б. В. Томашевский. Пушкин и французская революционная ода (Экушар Лебрён). «Известия Академии наук СССР». Отделение литературы и языка, 1940, № 2, стр. 25—55.

² P.-D. Lebrun. Oeuvres, t. I, Paris, 1811, p. XXXVI—XXXVII.

³ P.-F. Tissot. Notice biographique et littéraire sur la vie et les ouvrages d'Evariste Parny. Paris, 1827, стр. XL.

⁴ В качестве адреса в письме указан Лувр, где Лебрён наряду с другими деятелями французского искусства и науки проживал согласно особому постановлению Комиссии по народному просвещению.

⁵ Franqueville. Le premier siècle de l'Institut de France, t. II, Paris, 1896, p. 374.

vateur de livres, mais il y en a peu que je conserverai avec autant de plaisir et autant de soin que les Odes du Pindare français.

Parny

le 1-er Ventôse.

На обороте: Au Citoyen Le Brun, au Louvre.

Перевод

Когда обстоятельства принудили литератора продать все вплоть до своих книг, его может спасти лишь место библиотекаря. Такая вакансия имеется в Национальном институте, а Лебрен пользуется в институте немалым влиянием. Поэтому я смело обращаюсь непосредственно к нему, рассчитывая на его благосклонность, и прошу его голоса. Быть может, я не совсем не достоин стать хранителем книг, но среди них я лишь немногие буду хранить с таким удовольствием и тщанием, как «Оды» французского Пиндара.

Парни

1 вантоза.

На обороте: Гражданину Лебрену, в Лувре.

П.-Ф. Тиссо

Настоящее письмо написано в годы Империи, когда Парни, признанный поэт и член Французской Академии (с 1803 г.), состоял на службе в Налоговом управлении (Bureaux des droits réunis). Непосредственным начальником Парни был его друг Пьер Франсуа Тиссо (Tissot, 1768—1854), переводчик и знаток античности, впоследствии преемник Делиля по кафедре латинской поэзии. Высоко ценя поэтический талант Парни, Тиссо постоянно обращался к нему за разного рода советами.⁶ Публикуемое письмо представляет собой ответ на одно такое обращение Тиссо. В дате письма («понедельник, 17 августа») не проставлен год. Письмо, однако, может быть датировано 1807 г. на том основании, что в годы службы Тиссо в Налоговом управлении (1806—1810) на 17 августа понедельник приходился только в 1807 г.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, Р. I, оп. 41, № 32.

Lundi 17 août

Daphné me jette un fruit, *et* court dans le verger, s'y cache; mais etc.

Je n'aime pas cet *et* — il semble tenir la phrase; elle se relève ensuite; mais on ne se relève qu'après une chute.

⁶ С. А. Sainte-Beuve. Portraits contemporains, t. III. Paris. 1847. p. 156.

Je préfère:

Daphné me jette un fruit, court, et dans le verger se cache; mais etc.

Parny

На конверте: A Monsieur Tissot, Sous-chef dans les bureaux des Droits réunis. Rue Ste Avoye.

Перевод

Понедельник, 17 августа

Мне Дафна плод бросает и в сад бежит, там прячется, но и т. д.

Мне не нравится это и — из-за него фраза словно спотыкается; затем она вновь встает на ноги, но на ноги встают лишь после падения.

Я предпочитаю:

Мне Дафна плод бросает, бежит и прячется в саду, но и т. д.

Парни

На конверте: Г-ну Тиссо, помощнику начальника Налогового управления, улица Сент-Авуа.

САЛОМОН ГЕСНЕР

В.-Г. Беккеру

Вильгельм Готлиб Беккер (Becker, 1753—1813) — писатель и искусствовед, с 1782 года профессор морали и истории в Дворянской академии (Ritterakademie) в Дрездене; с 1795 года — инспектор галереи античных памятников и нумизматического кабинета в Дрездене; в 1805 году ему было поручено заведование ценностями дрезденского музея «Grüne Gewölbe».¹

Переписка между швейцарским поэтом и художником Саломоном Геснером (Geßner 1730—1788) и В.-Г. Беккером завязалась в связи с тем, что старший сын Геснера Ганс Конрад (1764—1826) поступил в 1784 году в Дворянскую академию в Дрездене, где Беккер стал его учителем.

Саломон Геснер, завоевавший к этому времени европейскую известность, внимательно следил за успехами сына, который обладал большими способностями в области живописи и графики,² и был очень благодарен Беккеру за заботу об ученике. В том, что Ганс Конрад Геснер блестяще окончил академию (1786) и стал мастером швейцарского пейзажа, несомненно была немалая заслуга Беккера.

Публикуемое письмо является также одним из документов, свидетельствующих о том, насколько широк был круг выдающихся современников, с которыми общался и переписывался В.-Г. Беккер.

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, л. 25.

Zürich d[en] 7. August. 1784

Mein Herr.

Herr von Brügggen und Herr von Mayer haben mir ihre Briefe übergeben, die mich von neuem ihrer mir so schätzbaren Freundschaft versichern; aber was könnte mich derselben mehr versichern, als die Gewogenheit, mit der sie meinen Sohn beehren. Er schreibt es mir, mit den warmesten Empfindungen von Hochachtung und Ergebenheit, die er für sie hat. Ich kan ihnen meinen Dank nicht ausdrücken; was könnten sie einem zärtlichen Vater größeres thun, als durch ihren Umgang und Rath, so vieles zur Ausbildung eines Soh-

¹ Allgemeine deutsche Biographie, Bd. II, Leipzig, 1875, S. 228—229.

² Geßners Werke. Hrsg. v. Adolf Frey. Berlin und Stuttgart, o. J., S. X—XII, XXXIV—XXXVI (Deutsche National-Litteratur. Hrsg. v. J. Kürschner, Bd., 41. Abt. 1); Recueil des lettres de la famille de Salomon Gessner, vol. I, Paris, 1801.

nes beytragen, von deßen Talenten und Denkarth er sich nicht wenig versprechen darf. Setzen sie fort, ihn aufzumuntern; er hat sich, zwar nicht ohne Anlage ein schweres Fach gewählt. Laßen sie ihn in seiner Ansträngung, in der Kunst groß zuwerden nicht erschlaffen. Es fordert unendlich vieles dahin zugelangen. Würde er blos mittelmäßig bleiben, so würde es mir die größte Kränkung seyn. Doch sein eigens Feüer, und die Aufmunterung von Freünden, die er hochachtet wie sie, laßen mich alles hoffen. Fahren sie fort, theürester Freüand, ihm ihren Umgang zugönnen und darmit ewig den zuverpflichten, der mit allen Empfindungen von Hochachtung u[nd] Freündschaft immer seyn wird

Ihr ergebenste gehorsamster Diener

S. Geßner.

На обороте: Herr Professor Becker in Dresden.

Перевод

Цюрих, 7 августа 1784 г.

Милостивый государь,

Г-н фон Брюгген и г-н фон Мейер передали мне ваши письма, снова подтверждающие вашу столь для меня ценную дружбу. Но что может подтвердить ее более, чем то расположение, которым вы почтили моего сына. Он пишет мне об этом с самыми теплыми чувствами уважения и преданности, какие он питает к вам. Я не в силах выразить вам мою благодарность. Что более приятное вы могли бы сделать для любящего отца, как не вашим общением и советами так способствовать образованию сына, на таланты и образ мыслей которого отец возлагает немалые надежды. Продолжайте поддерживать в нем бодрость; он избрал себе, правда, не без предрасположения, трудное дело. Не давайте ослабевать его стремлению стать великим в искусстве. Чтобы этого достигнуть, требуется бесконечно многое. Если он останется только посредственностью, это будет для меня величайшим огорчением. Однако его собственный пыл и поддержка друзей, которых он высоко чтит так же, как вас, позволяют мне надеяться на все. Продолжайте же, дорогой друг, милостиво уделять ему время и тем самым навечно обязывать того, кто с чувством всяческого почтения и дружбы всегда останется

вашим преданнейшим и покорнейшим слугой

S. Gesner

На обороте: Господину профессору Беккеру в Дрездене.

ФРИДРИХ ГОТЛИБ КЛОПШТОК

Ф. фон Вельспергу

Письмо написано в период важных событий в жизни Клопштока. Его планы создания культурного центра в Германии, своего рода сообщества писателей и ученых, не встречали поддержки ни у короля Пруссии Фридриха II, ни у датского короля Фредерика V.

В конце 60-х годов XVIII века австрийский посол в Копенгагене граф Филипп фон Вельсперг (Wellsperg) посоветовал Клопштоку, жившему в это время (до 1770 года) в Копенгагене, обратиться со своими предложениями к венскому двору, используя то обстоятельство, что план создания Академии наук, заказанный Марией Терезией иезуиту Геллю, был отвергнут. Весной 1768 года Вельсперг, отправляясь в Вену, взял с собой проект Клопштока вместе с его драмой «Битва Арминия» («Hermanns Schlacht»), посвященной Иосифу II.¹ В связи с этим между поэтом и Вельспергом завязалась переписка.² Судя по содержанию публикуемого письма, можно предположить, что оно является одним из писем Клопштока к Вельспергу, фамилия которого в соответствии с несколько шутивным тоном письма, могла быть сокращена до «Wells».

Известно также, что в середине 1769 года Клопшток хлопотал об открытии в Вене общедоступной галереи произведений изобразительного искусства, а в следующем году сам намеревался посетить Вену, чтобы помочь осуществлению этого плана, отклоненного, как и предыдущие проекты.³ Упоминание в публикуемом письме о «деле» («die Sache») и о «записке относительно домов», вероятно, связано с этим планом или каким-нибудь его более поздним вариантом. Важно отметить также, что слово «Sache» Клопшток употребляет в письмах этого времени именно в связи со своими планами.⁴ Для их осуществления Клопшток и Вельсперг могли прибегнуть к помощи единственного племянника поэта — Ганса Альбрехта Димпфеля (Dimpfel, 1748—1810), о котором известно, что он сделал «за границей блестящую карьеру».⁵

¹ F. M u n c k e r, Friedrich Gottlieb Klopstock. Geschichte seines Lebens und seiner Schriften. 2-e Aufl., Berlin, 1900, S. 412—413.

² A. S a c h s e, Klopstock. Eine Auswahl aus Werken, Briefen und Berichten. Berlin, 1956, S. 384—385.

³ F. M u n c k e r, op. cit., S. 419.

⁴ K. S c h m i d t, Klopstock und seine Freunde, Bd. II. Halberstadt, 1810, S. 210—211, 222, 262 (письма к матери); A. S a c h s e, op. cit., S. 385.

⁵ J. M. L a r p e n b e r g, Briefe von und an Klopstock. Braunschweig, 1867, S. 447. — На то, что письмо адресовано в Вену, косвенно указывает также упоминание имени Леопольда I, императора Священной Римской империи германской нации (1640—1705).

Часть письма, касающаяся описания Велльспергом дороги в Вандсбек, относится, по-видимому, к копенгагенским встречам Клопштока и Велльсперга с поэтом и переводчиком Маттиасом Клаудиусом (1740—1815), который в начале 70-х годов жил в Вандсбеке.

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. А. Вакселя, № 1432.

Hamburg den 7ten Sept[ember] 71.⁶

Wohlgebohrner Herr! !

Insonders — — — — — wer heißt Ihnen denn mir solche Titulaturbriefe zu schreiben? Ich verbitte mir, mein liber Wells (Wohlgebohrner Herr) künftigt dergleichen Vermengungen. Ich danke Ihnen, daß Sie die Sache ausgerichtet haben. Sie haben doch meinen zweyten Brief, worin der Zettel die Häuser betreffend, lag, bekommen? Wenn Sie ihn bekommen haben; so haben Sie dem H[errn] Geh[eimen] R[ate] Th. gewiß schon davon gesagt. Ist es nicht geschehen; so thun Sie's auch, damit die Sache einigermaaßen eingeleitet sey, wenn mein Neveu künftigen Dienstag zu dem H[errn] Geh[eimen] R[ate] geht. Er soll es denn wagen, wie Sie es, ich weiß nicht, aus was für Ursachen, haben wollen, nämlich thun, als wenn er gerade zu mit der Thür ins Haus fiele. — — Ew. Wohlgebohren erinnern sich doch auch, mit welcher Umständlichkeit Sie mir den Weg nach Wandsbek beschrieben? Mein Wohlgebohren dient hier auf mit folgender Nachricht, nämlich daß oben bemeldeter schwere Weg mir die offenbarste Landstraße war, die ich jemals bereiset habe, und daß ich dermaßen über Ihre Wegbeschreibung lachte, daß es meinem Wohlgebohren mehr als einmal würde ins Maul geregnet haben, wenn ich nicht der weisen Einsicht des Kaisers Leopold gefolgt wäre, und das Maul zugehalten hätte, womit denn Verharre versteht sich ganz gehors[amst] ergebenst

Klopstock

Перевод

Гамбург, 7 сентября 1771 г.⁷

Милостивый государь! !

В частности, — — — — — кто велит вам употреблять в письмах ко мне такое множество титулов? Я запрещаю, мой дорогой Велльс (милостивый государь), впредь подобные преувеличения. Я благодарен вам за то, что вы выполнили дело. Вы получили мое второе письмо, в котором лежала записка относительно домов? Если вы его получили, то, наверное, уже сказали об этом господину тайному советнику Т. Если этого не произошло, то сделайте и это, чтобы дело в некоторой степени было начато, когда мой племянник отпра-

⁶ На письме другой рукой сделана помета: «beantwortet] den 15ten».

⁷ На письме другой рукой сделана помета: «отвечено 15-го».

Handwritten text at the top left, possibly a name or address.

Handwritten text at the top right, possibly a date or location: "Zamb. Am 30 März - 79"

Es ist mir sehr Freude gemacht, l. H. von Dir zu hören
für die Güte der Deiner Meinung. Ich würde gerne
weiter hören. Ich würde mich sehr freuen, wenn ich
deine Meinung zu dem, was ich dir geschrieben habe,
erfahren könnte.

Was die Sache betrifft, auf die ich dich geschrieben habe,
so würde ich mich sehr freuen, wenn ich von dir
erfahren könnte, wie es dir gefällt. Ich würde mich
sehr freuen, wenn ich von dir erfahren könnte,
ob du meine Meinung zu dem, was ich dir geschrieben
habe, billigst. Ich würde mich sehr freuen, wenn ich
von dir erfahren könnte, ob du meine Meinung zu dem,
was ich dir geschrieben habe, billigst.

Dein
Kloster

Handwritten signature or name at the bottom left.

Handwritten signature or name at the bottom right.

Письмо Ф.-Г. Клопштока к И.-Ф. Рейхардту. 30 марта 1779 г.

вится в будущий вторник к господину тайному советнику. Он должен на это решиться, как вы того желаете, — не знаю, по каким причинам, — а именно действовать напрямик, очертя голову. — — Ваша милость, должно быть, еще помнит, с какой обстоятельностью вы описывали мне дорогу в Вандсбек? Моя милость отвечает на это следующим сообщением, а именно, что вышеупомянутый трудный путь был для меня самой ясной проселочной дорогой из всех, по каким я когда-либо ездил, и что меня так рассмешило ваше описание ее, что моей милости не один раз попала бы в рот дождевая вода, если бы я не последовал мудрому обычаю императора Леопольда и не закрыл бы рот, с чем и остаюсь, несомненно, целиком вам преданным

Клопшток

И.-Ф. Рейхардту

Композитор Иоганн Фридрих Рейхардт (Reichardt, 1752—1814), позднее капельмейстер придворного театра Фридриха II, познакомился с Клопштоком летом 1774 года во время своего посещения Гамбурга.⁸ Вскоре молодой композитор увлекся поэзией Клопштока и создал музыку ко многим его одам.⁹

Клопшток живо интересовался творчеством Рейхардта и, как свидетельствует публикуемое письмо, между ними имела место дружеская переписка. Особенно интересной была попытка Рейхардта положить на музыку часть знаменитой «Мессиады». Хотя о судьбе этой смелой работы композитора ничего не известно,¹⁰ в его музыкальном наследстве имеются произведения, темы которых близки темам поэмы Клопштока (например, оратория для двух хоров «Воскресение» — «Auferstehungs-Oratorium», 1785).

Клопшток следил также и за песенным творчеством Рейхардта, подготовившего в конце 70-х годов сборник песен, которые написаны в соответствии с традициями немецкого народного пения. — «Веселые песни для немцев» («Frohe Lieder für deutsche Männer», 1781), а также сборник детских песен («Lieder für Kinder», 1781—1782).

В переписке с Рейхардтом Клопшток касался также просьбы Леопольда, князя (позднее герцога) Ангальт-Дессауского (1758—1817), предлагавшего поэту в 1779 году посетить Дессау и помочь в проведении некоторых культурных реформ. Свой отказ Клопшток мотивировал плохим состоянием здоровья.¹¹

Особенностью публикуемого письма является «новая орфография» (die neue Rechtsschreibung), незадолго до этого предложенная Клопштоком. В 1779 году вышло в свет первое издание его работы, посвященной этому вопросу, — «Письма о языке и поэзии» («Fragmente über Sprache und Dicht-

⁸ H.-M. Schletterer, J.-F. Reichardt, sein Leben und seine Werke, Bd. I, Augsburg, 1865, S. 157—158.

⁹ Ср., например: J.-F. Reichardt, Oden und Lieder von Klopstock, Stollberg, Claudius, Hölty, Goethe, Bürger, Voß, Sprickmann, Herder, Berlin, 1779—1781.

¹⁰ H.-M. Schletterer, op. cit., S. 165 (сноска).

¹¹ F. Muncker, op. cit., S. 475; J.-M. Lappenberg, op. cit., S. 516—517.

kunst»), а через год поэт издал в новой орфографии «Мессиаду», но издание поэмы обошлось очень дорого и имело небольшой тираж.¹²

Проект реформы орфографии был очень несовершенен и подвергся резкой критике со стороны многих современников поэта (Лессинга, Гедера, Бюргера). Вскоре и сам автор от него отказался.¹³

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. А. Вакселя, № 1433.

Hamb[urg] den 30ten März — 79

Es hat mir jil Freude gemacht, I[ieber] R[eichardt] was Si mir fon dem Fürsten fon Dessau schreiben. Ich wärde Im selbst darüber schreiben. Ich fürchte nur, daß ich mir das Fernügen den Fürsten zu sen wärde fersagen müßen.

Nach Irer Komposition aus dem Mess[ias] ferlangt mich ser. Freilich möcht ich si fon Inen zuerst, und wider, und wider singen hören; aber doch dis mir nicht anget; so machen Si mir di Freude, si mir zu schikken. — Sagen Si mir, mein I[ieber], warum Si di Lider, di Si komponirt herausgäben wollen, scherzhaft nennen?

Umarmen Si Ire Frau auf das freundschaftlichste fon mir
der Irige Klopstock

Перевод

Гамбург, 30 марта 1779 г.

Меня очень порадовало, дорогой Рейхардт, все то, что вы пишете мне о князе Дессауском. Я напишу об этом ему самому. Боюсь только, что мне придется отказать себе в удовольствии видеть князя.

Ваша композиция из „Мессиады“ очень меня интересуе. Правда, я желал бы услышать ее прежде всего из ваших уст, и не один раз. Однако это не мое дело. Так будьте же настолько добры, чтобы прислать ее мне. — Скажите мне, дорогой мой, почему написанные вами песни, которые вы предполагаете издать, вы называете шутливыми?

Обнимите свою супругу самым дружеским образом от моего имени.

Ваш Клопшток

¹² Klopstocks Werke. Hrsg. v. R. Hamel, Tl. I, Berlin und Stuttgart, o. J., S. CLXXXV—CLXXXVI (Deutsche National-Litteratur. Hrsg. v. J. Kürschner, Bd. 46, Abt. 1). — Нами обнаружен один из так называемых «формуляров» Клопштока, датированный 30 июля 1781 года и адресованный «мадемуазель Эверсман» (?). Из его содержания явствует, что партия книг, к которой был приложен документ, включала в себя и это неудачное издание «Мессиады» (ЛОИИ, карт. 408, № 12).

¹³ F. M u n c k e r, op. cit., S. 481.

ИОГАНН ИОАХИМ ВИНКЕЛЬМАН

Вальтеру

С книгоиздателем Вальтером в Дрездене И.-И. Винкельман (Winckelmann, 1717—1768) был связан деловыми отношениями. Оба упомянутые в письме сочинения Винкельмана: «Новейшие открытия в Геркулануме»¹ и «О способности восприятия прекрасного в искусстве»² вышли в свет в издательстве Вальтера, так же как и его основной, принесший ему европейскую славу, труд «История искусства древности».³

В публикуемом письме Винкельман справляется относительно заказанных им книг Шультенса, не приводя их заглавия, но указывая, что Шультенс — автор комментариев к двум ветхозаветным книгам.⁴

Шультенс (1686—1750) славился главным образом как языковед-арабист. Он первый стал широко привлекать арабский язык для понимания древнееврейского, и большинство его трудов посвящены грамматическим и языковым вопросам. Именно такого рода работы Шультенса Винкельман, очевидно, и желал получить через Вальтера, так как Винкельман и в Риме не оставлял своих занятий арабским и древнееврейским.

В конце письма Винкельман просит передать привет И.-М. Франке, проживающему в Нётнице, именин графа фон Бюнау, недалеко от Дрездена. В 1748 году при своем поступлении в качестве библиотекаря к графу Бюнау Винкельман застал в Нётнице Франке, бывшего там старшим библиотекарем. После отъезда Винкельмана в Италию в 1755 году Франке оставался преимущественным его корреспондентом по ту сторону Альп. В предисловии к «Истории искусства древности» Винкельман счел долгом с благодарностью упомянуть о Франке.

¹ Johann Winckelmanns Nachrichten von den neuesten herculanischen Entdeckungen. Dresden, bei Walther, 1764.

² Abhandlung von der Fähigkeit der Empfindung des Schönen in der Kunst, und dem Unterrichte in derselben. An den Freiherrn v. Berg. Dresden, bei Walther, 1763.

³ Geschichte der Kunst des Althertums. Dresden, 1764.

⁴ Albert Schultens. Liber Jobi cum nova versione ad hebraeum fontem et commentario perpetuo, vol. I—II, Leiden, 1737; Proverbia Salomonis. Versionem integram ad fontem hebraeum expressit atque commentarium adjecit A. Schultens. Leiden, 1748 (см.: Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Hrsg. v. A. Hauck, Bd. 17, Leipzig, 1906).

Отвлекаясь от деловой стороны письма, Винкельман сообщает своему издателю и о том, что мнение, которое у него создается о людях, зависит от их восприимчивости к прекрасному. Его возмущает равнодушие к искусству некоторых английских путешественников, в том числе лорда Балтимора, о котором подробно можно узнать из других его писем: «Ему все на свете надоело, виллу Боргезе мы осмотрели за полчаса часа... Я из сил выбился с ним, так что не согласен ехать с ним даже в Неаполь»; «Ему... ничто не понравилось, кроме разве что собора св. Петра и ватиканского Аполлона... Он настолько стал мне несносен, что я высказал ему свое мнение и никогда больше не пойду к нему. У него 30 тысяч фунтов стерлингов дохода в год, но он не умеет ими пользоваться»; «Моего лорда я, после двух недель, бросил-таки, потому что он мне стал невыносим. Он один из тех зверски несчастных англичан, которым опротивело все на свете. Это человек 40 лет»; «Приехав в Рим, лорд Балтимор редко выходил из своей комнаты: он занимался дистилляцией и изготовлял ящик за ящиком плохо понятых снадобий».⁵

Эти сведения о Балтиморе почерпнуты из писем Винкельмана к швейцарцу Леонару Устери (Usteri, 1741—1789; историк и языковед). Своим швейцарским друзьям Винкельман писал много и чрезвычайно откровенно.⁶

В этом отношении стоит сравнить публикуемое письмо к Вальтеру с написанным в тот же день письмом к Устери. Некоторые выражения в них буквально совпадают, что и вообще встречается в обширной корреспонденции Винкельмана; неназванные в письме к Вальтеру англичане здесь названы поименно: «Я отложил свою поездку в Неаполь, потому что двое англичан — герцог Гордон вместе со своим братом лордом Гордон и милорд Хоуп — просили меня показать им Рим, каждому в отдельности. Они распределили между собой дни недели, и я взял это на себя больше в угоду кардиналу, чем по своей склонности. Но спустя две недели я объявил им, что отказываюсь, потому что ни у кого из них нет вкуса и восприимчивости прекрасного. Первый из них не подавал никаких признаков жизни в коляске, когда я ему толковал в самых изысканных выражениях и с возвышенной образностью о красотах древних произведений.⁷ Зато отныне я дал обет не служить ни единому человеку в этом случае, кроме тех, кто мне нравится и достоин того».⁸

Таким человеком для Винкельмана был лифляндец Берг, которого он в публикуемом письме рекомендует и Вальтеру и Франке; в письме к Бергу из Рима от 22 марта 1763 года Винкельман пишет: «Я сообщил о вашем приезде советнику коммерции и королевскому книготорговцу в Дрездене г-ну Вальтеру, и любители и знатоки искусства там будут стремиться увидеть любезного лифляндца. Вспомните там вашего друга (т. е. Винкельмана, — А. Е.) и пройдите, полмили за Дрезденом, в Нётниц, место моего долгого уединения, — там здание знаменитой и ценной библиотеки покойного графа фон Бюнау. Библиотекарь (т. е. Франке, — А. Е.) извещен относительно вас и покажет вам очень много редкостей».⁹ Берг удостоился восторженного посвящения ему статьи «О способности восприятия прекрасного в искусстве».

⁵ Winckelmann's Briefe. Hrsg. v. Fr. Förster, Bd. II, Berlin, 1824, S. 155, 161, 341.

⁶ Winckelmann's Briefe an seine züricher Freunde. Hrsg. v. Hugo Blümner. Freiburg i. B. und Tübingen, 1881.

⁷ Повторено Винкельманом в его трактате «О способности восприятия прекрасного в искусстве».

⁸ Winckelmann's Briefe, Bd. II, S. 271.

⁹ Ibid., S. 176.

Переписка между Винкельманом и Бергом продолжалась до самой смерти Винкельмана; последнее письмо Берга уже не застало его в живых. Письма Винкельмана были с разрешения Берга изданы Фойгтом, брат которого был гувернером в семье Бергов.¹⁰

Как лифляндец, Берг был русским подданным, и некоторые сведения о нем можно почерпнуть из русских источников. Фридрих Рейнгольд Берг родился в 1736 году, был владельцем имения в 245 душ. В 1764 году он женился, дослужился до тайного советника, был председателем гофгерихта, т. е. высшего суда в Лифляндии. Умер в 1809 году.¹¹

Для характеристики личности Берга важно его письмо Винкельману, написанное зимой 1763 года, показывающее и настроения остзейского дворянства в первый год царствования Екатерины II и раннее распространение сентименталистских веяний: идеал Берга — сельская жизнь, вдали от двора, посвященная самообразованию.¹²

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 23.

Rom den 18 Merz 1763

Hochedelgebohrner, Hochzuehrender Herr Comercien-Rath

Ich meldete in meinem vorigen Schreiben vor vierzehn Tagen, daß mich eine Beschäftigung mit z[wei] Englischen Herren zurückgehalten, meine Reise nach Neapel zu thun. Jezo melde das ich unmittelbar nach den Osterfeiertagen dahin gehen werde, weil ich gemeldeten Herren den Haendel aufgekündigt, so wie ich einen andern Englisch Lord Baltimore kurz vorher machte, weil Leute von diesem Schlage das Schöne nicht empfinden können, auch nicht wollen. Ich habe daher ein Gelübde gemacht, niemandem weiter um Geld zu dienen, u[nd] nur denen die mir gefallen u[nd] es verdienen, unter welchen ein liebenswürdiger junger Liefländer, der Baron von Berg ist, welcher auf seiner Rückreise von Paris Ihnen in Dresden seinen Besuch machen wird. Es ist diejenige Person, welcher ich ein Sendschreiben von der Fähigkeit das Schöne in der Kunst zu empfinden gerichtet habe, u[nd] es vielleicht bald zum Drucke einsenden werde.

Von dem Sendschreiben über die Hercul[anischen] Entd[eckungen] habe ich noch keine Nachricht, welches mir gleichwol auf meiner Reise fast unentbehr[lich] seyn würde. Ich habe noch keine Antwort von Ihnen auf die verlangten Bücher des Schultens erhalt[en]: es sind dieselbe dessen Commentarius in Jobum u[nd] ein anderer Comment[arius] in Proverbia Salomonis.

Hr. Franken bitte ich herz[lich] zu grüßen u[nd] ihm meinen geliebten von Berg zu empfehlen, welcher ihm zu Nötniz seinen Besuch

¹⁰ J. Winkelmann's Briefe an einen Freund in Liefland. Hrsg. v. J. Voigt. Coburg. 1784.

¹¹ А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 50.

¹² Winkelmann's Briefe, Bd. II, S. 139.

machen wird. Ich bin mit immer wahrender Hochachtung u[nd]
Freundschaft

E[uer] Hochedelgebohrnen

gehorsamster Diener
Winckelmann.

На обороте: A Monsieur Monsieur Walther Conseiller de Commerce &c Libraire de S. M. le Roi de Pologne & Elect[eur] de Saxe a Dresde.

Перевод

Рим, 18 марта 1763 г.

Высокоблагородный, высокочтимый господин коммерции советник!

В моем прошлом письме, назад тому две недели, я сообщал, что занятия с двумя английскими господами удержали меня от поездки в Неаполь. Теперь я сообщаю, что я туда отправляюсь сразу же после праздника пасхи, потому что я отказался иметь дело с вышеупомянутыми господами, так же, как я поступил незадолго перед эгим с другим английским лордом — Балтимором, потому что люди такого склада не могут воспринимать прекрасное, да и не хотят. Поэтому я дал обет в дальнейшем никому не служить за деньги, а только тем, кто мне нравится и того заслуживает, к числу каковых относится один любезный молодой лифляндец, барон фон Берг, который посетит вас в Дрездене на обратном пути из Парижа. Это то лицо, которому я посвятил сочинение о способности воспринимать прекрасное в искусстве, и скоро, вероятно, я отошлю его для напечатания.

О сочинении относительно открытий в Геркулануме у меня все еще нет никаких известий, между тем оно было бы мне крайне нужно для моей поездки. Вы до сих пор мне ничего не ответили насчет желательных для меня книг Шультенса, — это те самые, чей комментарий к книге Иова и другой комментарий к книге притч Соломона.

Передайте мой сердечный привет г-ну Франке и порекомендуйте ему моего любимого фон Берга, который посетит его в Нётнице.

С постоянным почтением и дружбой вашего высокоблагородия покорнейший слуга

Винкельман

На обороте: Милостивому государю г-ну Вальтеру, советнику коммерции и книгоиздателю е. в. короля польского и курфюрста саксонского в Дрездене.

КРИСТОФ МАРТИН ВИЛАНД

Ф. Шульце

Сведений о Фердинанде Шульце, корреспонденте Виланда 1785—1786 годов, почти не сохранилось. Только в словаре Гамбергера и Мейселя «Ученая Германия» упоминается Иоганн Эрнст Фердинанд Шульце (Schulze) — сын Иоганна Людвига Шульце, доктор древней истории в Галле, родившийся там же (без указания года); в словаре упоминается его латинское сочинение «Токсикология древних» («*Toxicologia veterum*», 1788).¹ Что касается Иоганна Людвига Шульце (ум. 1799), то он был с 1765 года профессором греческого и восточных языков, а с 1769 года профессором теологии в университете в Галле.²

Дополнительные сведения о Ф. Шульце содержатся в публикуемых письмах Виланда. Судя по ним, Шульце в 1785—1786 годах был еще студентом университета в Галле. Ему принадлежит вольный перевод «Метаморфоз» Овидия, опубликованный анонимно двумя изданиями в 1785 и 1786 годах.³ Поэма «Атениада» («*Atheniade*»), о которой Шульце писал Виланду, в печати не известна.

Очевидно, сохранились все (четыре) письма Виланда к Шульце, которые и публикуются ниже. Что касается писем Шульце к Виланду, то их сохранилось только три;⁴ в действительности же их было больше, насколько можно судить по содержанию писем Виланда.

По-видимому, впервые Шульце обратился к Виланду в 1784 году, когда прислал ему отрывки своего перевода «Метаморфоз» Овидия. В августовском номере «Немецкого Меркурия» за этот год были опубликованы два отрывка этого перевода:⁵ «Превращение Дафны в лавр» (из кн. I) и

¹ Das gelehrte Teutschland, oder Lexikon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller. Anfangen von Georg Christoph Hamberger. Fortgesetzt von Johann Georg Meusel, Bd. VII. Lembo, 1798, S. 377.

² Ibid., S. 379—381; см. также: Wilhelm Schrader. Geschichte der Friedrichs-Universität zu Halle, Tl. I. Berlin, 1894, S. 276, 393—394.

³ В ГПБ имеется второе издание: Ovids Verwandlungen. Fünfzehn Bücher. Frey übersetzt von Ferdinand ***, 2-te Aufl., 1786. В «Bibliotheca scriptorum classicorum» (Abt. II, 8-e Aufl., Leipzig, 1882, S. 457) В. Энгельмана (Engelmann) имя переводчика указано неточно: J. E. Schulz.

⁴ Не опубликованы. Хранятся в Саксонской библиотеке (Sächsische Landesbibliothek) в Дрездене. Благодаря любезности главного редактора академического издания сочинений Виланда д-ра Г.-В. Зейферта (ГДР), которому приносим свою благодарность, мы имели возможность ознакомиться с фотокопиями этих писем.

⁵ Proben einer neuen Übersetzung der Ovidischen Verwandlungen. Neunte Erzählung des ersten Buchs. Daphnens Verwandlung in einen Lorberbaum. Zweytes Buch. Erste Erzählung. Phäeton. «Der Teutsche Merkur», 1784, III. Vierteljahr, August, S. 157—171.

«Фаэтон» (из кн. II). Публикация была подписана инициалами «F. S.» и не сопровождалась никакими примечаниями.

После этого Шульце писал Виланду (возможно, несколько раз), прося его дать отзыв о переводе, а также поместить в «Немецком Меркурии» объявление об издании перевода отдельной книгой. Ответом на настоячивые просьбы Шульце является первое из публикуемых писем, посвященное обстоятельной критике публиковавшихся в «Немецком Меркурии» отрывков перевода (показательно, что Виланд писал свое письмо три дня)

Виланд критиковал перевод исключительно с точки зрения языка и версификации.⁶ Вопрос соответствия перевода оригиналу он оставил в стороне, уделяя все внимание его музыкальности. Такая требовательность к поэтической форме была характерна для Виланда, и он высказывал ее неоднократно в своих статьях в «Немецком Меркурии» в 70—80-х годах. Более того, требуя от поэта «высказательности к самому себе, терпения при отделке, стремления к прекрасной простоте, живого и теплого стиля, правильного языка, легкой и благозвучной версификации»,⁷ Виланд выдвигал на первое место вопросы поэтической формы перед вопросами содержания;⁸ это отразилось и в его письме к Шульце.

Историко-литературный интерес, который представляет письмо Виланда, заключается не в критике давно забытого перевода Шульце, но в суждениях Виланда по поводу немецкого гекзаметра. Вопрос о возможности создания немецкого гекзаметра, его целесообразности, конкретных его формах и т. д. был одним из наиболее острых вопросов, возбуждавших литературную полемику в Германии XVIII века.⁹ Что касается Виланда, то его взгляды на гекзаметр колебались в разные периоды.¹⁰ В поздние годы своей жизни он считал гекзаметр «самым тяжелым и искусственным размером в нашем языке, столь негибким по сравнению с греческим».¹¹

Однако, отказавшись от гекзаметра в собственной поэтической практике, Виланд проявлял известную терпимость к применению гекзаметра, особенно в переводах. При этом как в письме к Шульце, так и в своих критических статьях он призывал поэтов строить гекзаметр по образцу Вергилия, которого почитал наиболее совершенным из латинских поэтов.¹²

В отдельных замечаниях по поводу гекзаметра обнаруживается близость некоторых мнений Виланда в этом вопросе к воззрениям Иоганна Генриха Фосса (Voss, 1751—1826) — известного немецкого переводчика «Илиады» и «Одиссеи». Отношения Виланда с Фоссом были сложны и

⁶ О взглядах Виланда на язык поэзии см.: Ernst Richter. Wielands sprachliche Ansichten im «Teutschen Merkur». «Zeitschrift für deutsche Philologie», Stuttgart, 1933, Bd. LVIII, Hf. 3—4, S. 271—279 (II. Die deutsche Dichtersprache); Werner Bock. Die ästhetischen Anschauungen Wielands. Berlin, 1921, S. 56—71 (II, 2. Die Ästhetik der Dichtkunst: a) Abgrenzung, b) Sprache, c) Stil, d) Vortrag).

⁷ Epilog des Herausgebers zu den vorstehenden Gedichten. «Der Deutsche Merkur», 1773, Bd. I, Jenner, S. 33.

⁸ E. Richter, op. cit., S. 274.

⁹ В. Жирмунский. Введение в метрику. Теория стиха. Изд. «Academia», Л., 1925, стр. 225—228, 232—235; A. Heusler. Deutsche Versgeschichte, Bd. III. Berlin und Leipzig, 1929, S. 245—254.

¹⁰ A. Heusler, op. cit., S. 253.

¹¹ Einige Anmerkungen des Herausgebers zu vorstehender Probe der Borussias. «Der neue Teutsche Merkur», 1792, Stück 8, August, S. 430. См. также: Anmerkungen des Herausgebers über die vorstehende Probe einer Übersetzung des Lukrez. Ibid., Stück 9, September, S. 22—44.

¹² Beysatz des Herausgebers zu Proben einer neuen Übersetzung der Aeneis. «Der neue Teutsche Merkur», 1791, Stück 6, Junius, S. 180.

противоречивы.¹³ Однако переводы Фосса Виланд оценивал положительно.

Публикуя в 1779 г. четырнадцатую песню фоссовского перевода «Одиссеи», Виланд писал, что этот перевод воспроизводит «не только дух и силу выражения Гомера, но также, в той мере, в какой немецкий гекзаметр способен приблизиться к гомеровскому, и благородное, свободное и мужественное течение его стиха и музыки его песни».¹⁴ Это не помешало, однако, Виланду впоследствии критиковать Фосса, когда тот стремился более приблизить свой перевод к оригиналу, погрешая против правильности немецкого языка.¹⁵

Как и Фосс, Виланд в письме к Шульце считает недостатком совпадение слова со стопой и требует «l'enjambement», понимая под ним переход слова из одной стопы в другую, что создавало ритмическое разнообразие стиха.¹⁶

Далее Виланд предостерегает Шульце от окончания гекзаметра адоническим стихом (— — — — —) после предшествующего спондея или трохея (хорей). Это место в письме Виланда представляется несколько неясным, поскольку такая форма двух последних стоп (— — — —) обычна в гекзаметре и, как правило, не варьируется. По-видимому, Виланд имел в виду случай, когда последние две стопы образовывали обособленное речевое единство — колон, предполагающий предшествующую цезуру. При предшествующем хорее цезура получалась женской. Такая женская цезура после четвертой стопы широко употреблялась латинскими, а затем и немецкими гекзаметристами. Но Фосс выступал убежденным ее противником.¹⁷ Таким образом, Виланд и в этом вопросе следовал за Фоссом.

В своем письме Виланд упоминает также Дениса и Штольберга. Михаэль Денис (Denis, 1729—1800) — немецкий поэт, последователь Клопштока и библиограф. Особенной популярностью пользовался его перевод Оссиана (1768—1769) гекзаметром в манере Клопштока.

Что касается Штольберга (Stolberg), то, по-видимому, имеется в виду младший и более известный из двух братьев-поэтов Христиана (1748—1821) и Фридриха Леопольда (1750—1819). Ф.-Л. Штольберг¹⁸ писал гекзаметром оригинальные произведения (элегии, гимны), а также перевел этим размером «Илиаду»; перевод был опубликован Фоссом в 1778 году.

В заключение письма Виланд, отвечая на настойчивые просьбы Шульце, обещал ему поместить в «Немецком Меркурии» объявление о выходе в свет отдельным изданием его перевода «Метаморфоз». Действительно, в августовском номере журнала за 1785 год, публикуя отрывок нового вольного перевода из «Метаморфоз» Овидия,¹⁹ Виланд напомнил читателям в предисловии об отрывках перевода Шульце, публиковавшихся год назад, а в заключение писал: «Что касается упомянутого выше гекзаметрического перевода, то я надеюсь, что никто из знатоков не станет со мной спорить, если

¹³ Wilhelm Herbst. Johann Heinrich Voss, Bde I, II (Abt. 1, 2). Leipzig, 1872—1876 (Wieland — по указателю).

¹⁴ «Der Teutsche Merkur», 1779, I. Vierteljahr, Februar, S. 117.

¹⁵ Fortsetzung der Briefe über die Vossische Übersetzung Homers. «Der neue Teutsche Merkur». 1795, Stück 12, December, S. 400—436.

¹⁶ Ср. точку зрения Фосса: J. Minor. Neuhochochdeutsche Metrik. 2-e Aufl., Strassburg, 1902, S. 154—155. — Судя по письму к Шульце, Виланд, однако, считал, что Фосс сам недостаточно следует этому правилу.

¹⁷ J. Minor, op. cit., S. 285—286; A. Heusler, op. cit., S. 261.

¹⁸ О нем см.: Theodor Mengel. Der Graf Friedrich-Leopold Stolberg und seine Zeitgenossen, Bde I—II, Gotha, 1862.

¹⁹ Von einer neuen Uebersetzung der Ovidischen Verwandlungen, Verwandlung der Jo in eine Kuh. «Der Teutsche Merkur», 1785, III. Vierteljahr, August, S. 186—192. — Перевод сделан вольным рифмованным стихом. Имя переводчика не указано.

я скажу, что, по моему мнению, автор отрывков, которые печатались в „Меркурии“, обнаружил несомненное призвание к переводу „Метаморфоз“ Овидия овидиевым стихом, что в них, мне кажется, передан дух Овидия, его живость, сверкающая легкость и приятная версификация, и, если автор не откажется от труда окончательной отделки, я ожидаю, что талант этого переводчика создаст нечто превосходное и совершенное.

Я надеюсь также, что любители нашей литературы с удовольствием воспримут известие о том, что этот перевод „Метаморфоз“ Овидия, отпечатанный in 8°, будет продаваться в день св. Михаила 1785 года в лучших книжных лавках всех больших городов по цене 16 грошей».

Письма публикуются по автографам: ГПБ, общее собрание иностранных автографов, Wieland.

1

Es ist hohe Zeit, mein lieber jüngerer Bruder in Apollo, daß ich eine unfreywillige Unhöflichkeit wo möglich wieder gut mache, wegen welcher ich ²⁰ einmal, wenn Sie irgend ein guter Zufall durch Weimar führt, mich mündlich bey Ihnen wo nicht zu *entsündigen*, doch wenigstens meine Schuld um vieles zu erleichtern hoffe. Ich sage Ihnen inzwischen die reine Wahrheit, wenn ich Sie versichere, daß wenn (außer meinen nähern Freunden) alle Personen, die mich mit Briefen beehren und einer Antwort werth sind, auch strenge genug über ihr Recht halten wollten, um mir nicht halbe u[nd] ganze Jahre Frist zu geben, meine ganze Existenz von der Briefpost verschlungen werden würde.

Ich schmeichelte mir, Sie würden die Einrückung Ihrer Übersetzung] aus dem Ovid für einen Beweis aufnehmen, daß ich glaubte, Sie könnten, ohne eine Empfehlung von dem Herausgeber (die oft mehr nachtheilig als vortheilhaft ist) durch ihre eigene Schönheit eine solche öffentliche Ausstellung zu Einladung der Liebhaber, und zu Einholung des Urtheils der Kenner, aushalten. Dieser letztern werden zusehends immer weniger, weil die Plätze der Abgehenden meistens ledig bleiben, und unsere meisten Gelehrten, die sich seit 10 bis 15 Jahren in das Schriftsteller-Chor mischen, nicht einmal correcte Prose zu schreiben wissen, oder nur die ersten Elemente der Prosodie auf Schulen ergriffen haben, geschweige daß sie wissen sollten was das sagen will

Grajis ingenium, Grajis dedit ore rotundo
Musa loqui.

Auch Ihnen, mein Herr, hat die Muse dieses unter uns so seltnen ore rotundo loqui gegeben, und Sie haben Ursache ihr für diese Gabe desto dankbarer zu seyn, je gewisser es ist, daß unter allen Schönheiten eines Gedichts, vermöge der Natur der Sache, oder wenigstens nach dem Urtheil u[nd] Gefühl derer, für welche man eigentlich Gedichte macht, *schöne Sprache* und *schöne Versification* die oberste Stelle einnehmen. Ihre Versification, in den bekanntgemachten Proben

²⁰ Далее зачеркнуто: mich.

der Übersetzung] der Metamorph[osen] scheint mir ein entschiedenes Talent zu beweisen; sie ist, meistens und im ganzen genommen, angenehm, numerôs, fließend, und hat viel von der Ovidischen Leichtigkeit. Eben darum, und weil ich sehe, daß es in Ihrer Gewalt ist, es hierin zur Vollkommenheit zu bringen, wünschte ich, daß Sie noch strenger gegen sich selbst seyn, noch mehr Fleiß auf den schönsten Perioden-Bau, den Sie sich nur immer idealisieren können, verwenden²¹ (hierin wird *Virgil* immer das vollkommenste Muster bleiben) und sich selbst nicht einmal solche Dispensationen von den Gesetzen des Wohlklangs, wovon man sogar bey *Denis* u[nd] *Vossen* Beyspiele finden mag, erlauben möchten. Um mich hierüber verständlicher zu machen, will ich einige Verse anführen, die ich (wenn Sie mir erlauben wollen Ihr *Aristarch* zu seyn) noch einmal, mit *Horaz* zu reden, auf den Amboß bringen würde. Dergleichen sind z. B.

1) Nein, der Erzeugte von *Zeus*, dem *Claros* u[nd] *Tenedos*, und die *Fluren Patarens* und *Delphos* gehorchen —

Dieses *und die* mag wohl in horazischen Sermonen, oder in Griechisch-Lyrischen Metris hingehen: aber in so schönen Hexametern, wie den ihrigen, in einer Art von epischem Gedichte wie die *Metamorphosen* sind, macht ein solcher Vers eine dem Ohre u[nd] Auge unleidliche Dissonanz. Lieber setze ich:

dem *Claros* und *Tenedos*, *Delphi*,
und die *Fluren Patarens* gehorchen —

(Man soll ohnehin nicht *Delphos*, sondern *Delphi* sagen).

2) Dessen^a Pfeil dem^b mörderischen^c Bogen^e Amors nur weicht.

Verse dieser Art sind in *Stollberg*, *Voß* u. s. w. häufig genug; aber nicht desto besser, wie Ihnen durch die Skansion sogleich in die Augen fallen wird. In den vier ersten *Schritten* (wie ich statt *Füße* lieber sagen möchte) kommen gleich *drey* vor, deren jeder aus einem ganzen Worte besteht, da doch das in einander Greiffen der Worte (*l'enjambement*) eine der grôsten Schönheiten des Hexameters ist —

Arma vi||rumque ca||no, Tro||jae qui || primus | ab oris
Itali||am fa||to profu||gus La||vinaque | venit etc.

Ich weiß wohl, daß die Teutsche Sprache zu dieser Art von Sylben-Tanz nicht so geschickt ist als die Römische u[nd] Griechische: und eben darum habe ich die Hexameter längst aufgegeben: aber wenn man welche machen will, so muß man sie, soviel nur immer möglich ist, nach *Virgils* Muster machen. Sie werden übrigens schon selbst bemerkt haben, daß uns in diesem Stücke *der Artikel* zu statten kommt, welcher allezeit als die erste Sylbe des Wortes zu dem er gehört — betrachtet werden kann: daher kommt es, daß z. B. der Vers

²¹ Далее зачеркнуто: und.

Singe mir || Muse, den || Mann, der || aus den || Bergen von | Persis
Muthig her||vorgieng, dem || dräuenden || Stolz der Ty||rannen ent||gegen,

ungefähr eben den Effect aufs Ohr macht wie *Arma virumque* ρρ, nur daß der Schritt | vörgieng, dem | unerträglich ist, weil gieng, das doch offenbar lang ist, als eine kurze Sylbe gebraucht wird — könnte man, ohne gegen eine andre Regel des Geschmackes zu sündigen. sagen,

der sich den Bergen von Persis
Muthig ent||stürzte, dem || dräuenden || Stolz etc.

so wäre dem Verse und *dem Ohre des Hörers* (denn bloß fürs Ohr macht man Verse) auf einmal geholfen.

Insonderheit warne ich ein für allemal vor dem Schluß eines Hexameters durch einen sogenannten *Adonischen Vers*, wenn ein Spondeus oder Trochaeus vorhergeht, wie z. B.

dessen Pfeil dem || mördrischẽ | Bögẽ || ãhrẽm Vẽrfõlgẽr,
Ãmõrs nũr wẽichẽt || wẽlchẽm diẽ Liẽbẽ

gleich dem verfolgten

3) *Wild*, das auf freyem Gefilde der Wuth des Jägers entrinnet,

nach der Grammatik muß es dem *Wilde*, nicht dem Wild heißen, und weil das nächste Wort wieder mit einem d anfängt, so ist diese Härte dem Ohr unertäglich.

4) *fl õ h s õ* | Dafne vor ihrem Verfolger p

Dieses *floh* so hat für mein Ohr etwas sehr widriges; sollten nicht noch mehrere Menschenohren so organisiert seyn? Zwey einsilbige, zusammen *reimende* Wörter *unmittelbar aufeinander folgend*, machen immer diesen widrigen Effect, sonderlich] wenn sie als Spondeen gebraucht werden, als *dã sãh, flõh sõ*.

5) *gẽ* | stũt aũf dẽn | ãngẽ | hẽurẽn | Wãllfisch

Drey Spondeen oder Trochäen hinter einander kommen ja auch wohl im Homer vor, aber sind immer dem Ohre widrig; hier haben Sie vielleicht einen imitativen Ausdruck im Sinn gehabt, u[nd] die Größe des Wallfisches gleichsam *dem Ohre mahlen wollen*, und wenn dies ist, so verdient der Vers vielmehr Lob als Tadel.

6) *Hõrẽ* mĩch, | dũ dẽssẽn | Stral p

in *dẽssẽn* ist die erste Sylbe immer *lang*, u[nd] kan nie für kurz gebraucht werden.

7) Sohn, ein | thõrichtẽr | Wunsch! Doch, || darf ich ihn || wõhl dĩr
vẽr | sagen?

Dĩr ist *nie* kurz. Die meisten Hexametristen fehlen unzählichmal, indem sie beynahe alle einsylbige Wörter bald lang bald kurz brauchen, je nachdem es ihnen bequem ist. Bey vielen, welche indifferent

sind, mag dies angehen; aber die meisten sind an sich selbst entweder lang oder kurz. — In obgem Verse ist auch die Zusammenkunft von 7 einsylbigen Wörtern dem Ohre unangenehm.

Sed ohe! jam satis est. An Versen von der *höchsten Schönheit* sind beyde Stücke so reich, daß ich versichert bin, Sie werden, wenn Sie mit der äussersten Strenge gegen sich selbst, sich auch nicht die kleinste Licenz oder Härte erlauben, durch Ihren Ovid allen Hexametristen die palmam abgewinnen. Von dieser *höchstschönen Art* sind z. B.

(Käum schwieg sie) als zitternd ein Schauer die Glieder durchirrte,
Rinde den schwellenden Busen umschloß, in Zweige die Locken
und der flüchtige Fuß in träge Wurzeln sich kehrte.

Schade daß diese 3 Verse durch anfangs *lang* gebrauchte sie, woran kein feines Ohr sich gewöhnen kann, etwas von ihrer Exemplarischen Schönheit verlieren!

Ich habe nur *Kleinigkeiten* gerügt, weil ich nichts wichtigres zu sagen habe. Die Übersetzung an sich, hat soviel ich nach diesen Proben urtheilen kann, alle Vorzüge einer guten Übersetzung, und würde (was die Hauptsache ist) ein treffliches Original seyn, wenn sie nicht Übersetzung wäre. Nur noch ein Wort in Rücksicht auf die Sprache. *Erzeugter, erzeugte*, statt Natus, nata, so häufig es *Voss* gebraucht, will mir (vielleicht nur weil ich schon zu alt bin um mich an ungewöhnte Töne zu gewöhnen) nicht gefallen. Ich würde um alles in der Welt nicht *Erzeuger* für Vater, *Gebährerin* für Mutter, oder *Erzeugter* für Sohn in einem Gedichte sagen. Sondiren Sie hierüber Ihr *eigenes Leisestes* Gefühl, und thun Sie dann was es Ihnen sagt. Wir haben den Genius in uns, der uns in allen Fällen, wo wirs nötig haben, warnt oder *berathet*: wir hören nur nicht immer auf seine Stimme, die freylich sehr leise ist.

Ihr Verlangen, die Ankündigung Ihrer Übersetzung betreffend, soll im nächsten Merkur erfüllt werden. Und nun, mein Wehrtester Herr, lassen Sie Sich, wie wohl ich Sie noch nicht persönlich kenne, von ganzem Herzen umarmen, und zürnen Sie nicht länger

Ihrem aufrichtig ergebenen Freund und Diener.

Wieland.

Weimar den 8ten, 9ten u[nd] 10ten August 1785.

На конверте: An Herrn Ferdinand Schultze, Studierenden in Halle. Bey T. Hrn. D. u. Prof. Schultze abzulegen. Franco.²²

Перевод

Давно уже пора мне, мой дорогой меньшей брат в Аполлоне, загладить, сколько возможно, свою невольную невежли-

²² Далее зачеркнуто: Leipzig.

вость, относительно которой, я надеюсь, что, когда счастливый случай приведет вас как-нибудь в Веймар, я смогу в личном общении с вами если не *искупить свой грех*, то по меньшей мере значительно уменьшить свою вину. Впрочем, я скажу вам чистую правду, когда заверю вас в том, что, если бы все лица (кроме моих ближайших друзей), оказывающие мне честь своими письмами и достойные ответа, хотели бы так же строго настаивать на своих правах и не давали мне полугодового или годового срока, все мое существование было бы поглощено почтой.

Я льстил себя надеждой, что вы воспримете опубликование вашего перевода из Овидия как доказательство моей уверенности в том, что вы и без рекомендации издателя (которая зачастую скорее вредит, чем помогает), благодаря только собственным красотам могли бы быть с успехом выставлены на всеобщее обозрение для привлечения любителей и достойной встречи суждений знатоков. Число этих последних уменьшается на глазах, так как места ушедших остаются по большей части вакантными, а большинство наших ученых, те, кто уже 10—15 лет как пробрался в писательский хор, не умеют даже писать правильной прозой или схватили в школе лишь первые начатки просодии, не говоря уже о том, что они должны были бы знать, что это значит:

Grajis ingenium, Grajis dedit ore rotundo
Musa loqui.²³

Вас же, сударь, муза одарила этим столь редким меж нами *ore rotundo loqui*, и вы имеете причину быть тем более благодарным ей за этот дар, чем очевиднее, что среди всех красот стихотворения, в силу природы самого предмета или по крайней мере согласно суждению и ощущению тех, для которых собственно и пишут стихи, самое высокое место занимают *прекрасный язык и прекрасная версификация*. Ваша версификация в ставших известными образцах перевода «Метаморфоз» свидетельствует, мне кажется, о выдающемся таланте; она по большей части и в целом приятна, ритмична, плавна, и ей во многом присуща легкость Овидия. Именно поэтому и так как я вижу, что в ваших возможностях достичь совершенства в этом направлении, я желал бы, чтобы вы еще строже отнеслись к самому себе и приложили больше старания для наилучшего построения периодов, какое вы себе только можете представить в идеале (в этом отношении *Вергилий* всегда останется несовершенным образцом), и не позволяли бы себе никогда отступ-

²³ Муза дала грекам дарование, научила их говорить красноречиво (лат.; Horat., Ars poetica, 323—324).

ления от законов благозвучия, примеры чего можно найти даже у *Дениса* и *Фосса*. Для того, чтобы было понятнее, что я имею в виду, я приведу некоторые стихи, которые я (если вы позволите мне быть вашим Аристархом) еще раз, говоря словами Горация, положил бы на наковальню.²⁴ Таковы, например:

- 1) Nein, der Erzeugte von Zevs, dem Claros und Tenedos, und die Fluren Patarens und Delphos gehorchen.²⁵

Это *und die* вполне могло бы быть сносным в «Сатирах» Горация или в греческом лирическом метре, но в столь красивых гекзаметрах, как ваши, и в такого рода эпических стихах, как «Метаморфозы», подобный стих представляет собою нестерпимый диссонанс для уха и для глаза. Я бы поставил:

dem Claros und Tenedos, Delphi,
und die Fluren Patarens gehorchen

(следует говорить не *Delphos*, но *Delphi*).

- 2) Dessen ^a || Pfeil dem || mörd^brischen || Bögen ^c || Amors nur weicht.²⁶

Стихи такого рода довольно часто встречаются у Штольберга, Фосса и т. д., но от этого не делаются лучше, как это сразу обнаружится при скандировании. В первых четырех *шагах* (как я охотнее назвал бы их вместо *стоп*) сразу же встречаются *три*, состоящие из целого слова, в то время, как одна из главных красот гекзаметра состоит в захвате одного слова другим (*l'enjambement*):

Arma vi^rumque ca||no, Tro||jae qui || primus || ab oris
Itali||am fa'to profu||gus La||vinaque | veni^t etc.²⁷

Я конечно знаю, что немецкий язык не так приспособлен для подобной пляски слогов, как римский или греческий, и именно поэтому я давно отказался от гекзаметра; но если уже братья за него, нужно делать его насколько возможно по образцу Вергилия. Впрочем, вы, вероятно, уже сами заметили, что в этом отношении нам приходит на помощь *артикуль*: его всегда можно рассматривать как первый слог слова, к которому он принадлежит. Отсюда проистекает то, что, например, стихи:

²⁴ Ср.: Horat., Ars poetica, 441.

²⁵ Нет, произведенный на свет Зевсом, которому повинуются Клар и Тенед, и поля Патарейские, и Дельфос (нем.; Ovids Verwandlungen, I, 318—319; номера строк указаны по переводу Шульце).

²⁶ Чья стрела уступает лишь убийственному луку Амура (нем.; Vergw., I, 321).

²⁷ Пою битвы и мужа, который первый с побережья Трои прибыл, гонимый судьбою, в Италию к Лавинскому [берегу] (лат.; Vergilius, Aeneis, I, 1—2).

Singe mir || Muse, den || Mann, der || aus den|| Bergen von ||Persis
Muthig her||vorgieng, dem || dräuenden || Stolz der Ty||rannen ent||gegen²⁸ —
производят примерно то же впечатление на ухо, что и агма vi-
gumque и т. д., только вот шаг |vörgieng, dēml невыносим, ибо
gieng — явно долгий слог, употреблен как краткий, тогда как
можно было бы, не погрешая против правил хорошего вкуса,
сказать:

der sich den Bergen von Persis
Muthig ent||stürzte, dem || dräuenden || Stolz²⁹ и т. д.

В таком случае было бы лучше и для стиха и для ушей слуша-
телей (ибо стихи создаются только для ушей).

Особенно нужно раз и навсегда предостеречь от оканчива-
ния гекзаметра так называемым адоническим стихом, когда
предшествует спондей или трохей, как например:

dessen Pfeil dem || mördrischē | Bögēn || ihrēm Vërfölgër,
Ämörs nür wëichët || wëlchēm dīe Līebē³⁰

gleich dem verfolgten
3) Wild, das auf freyem Gefilde der Wuth des Jägers entrinnet.³¹

Согласно грамматике нужно говорить dem Wilde, а не dem
Wild, а так как следующее слово опять начинается с d, то такая
жесткость невыносима для уха.

4) flōh sō | Dafne vor ihrem Verfolger³² и т. д.

В этом floh so есть для моего слуха что-то отвратительное:
не так ли устроены еще многие людские уши? Два однослож-
ных рифмующихся слова, следующие непосредственно друг за
другом, всегда производят такое отвратительное впечатление,
особенно когда они употребляются как спондеи, как dā säh,
flōh sō.

5) gē | stüzt aüf dēn | üngē | hëurēn | Wällfisch.³³

Три спондея или трохея друг за другом встречаются, правда,
у Гомера, но они всегда неприятны для уха; возможно, здесь

²⁸ Воспой мне, муза, человека, который смело выступил с персидских
гор навстречу грозной гордыне тиранов (нем.).

²⁹ Который смело ринулся с персидских гор навстречу грозной гордыне
(нем.).

³⁰ Что стрела уступает лишь убийственному луку Амура... Своим
преследователем, которому любовь (нем.; Verw., I, 321, 332).

³¹ Подобно преследуемой дичи, которая убегает на простор от ярости
охотника (нем.; Verw., I, 328—329).

³² Так бежала Дафна перед своим преследователем (нем.; Verw., I,
332).

³³ Опираясь на огромного кита (нем.; Verw., II, 7).

вы намеревались прибегнуть к звукописи, чтобы величина кита была как бы *ощутима на слух*, и если это так, то этот стих заслуживает скорее похвалы, нежели порицания.

6) Hörē mīch, | dū dēssēn | Stral³⁴ и т. д.

В dēssēn первый слог всегда *долгий* и никак не может употребляться в качестве краткого.

7) Sohn, ein | thōrichter | Wunsch! Doch, || darf ich ihn || wōhl dī
vēr | sagen?³⁵

Dīr *никогда* не бывает кратким. Большинство гекзаметристов погрешает бесчисленное множество раз в том, что они употребляют почти все односложные слова то как длинные, то как краткие, в зависимости от того, как это им удобно. Для многих слов, которые неопределенны, это вполне допустимо; но большинство из них будут сами по себе либо длинными, либо краткими. В приведенном выше стихе столкновение семи односложных слов также неприятно для уха.

Sed ohe! jam satis est.³⁶ Оба отрывка настолько изобилуют стихами *высшей красоты*, что, если вы, проявляя исключительную строгость к самому себе, не допустите ни малейшей вольности или шероховатости, то со своим Овидием вы завоюете пальму первенства среди гекзаметристов. К *высшим красотам* такого рода принадлежат, например:

(Kāum schwīeg sīe) als zitternd ein Schauer die Glieder durchirrte,
Rinde den schwellenden Busen umschloß, in Zweige die Locken
und der flüchtige Fuß in träge Wurzeln sich kehrte.³⁷

Жаль только, что образцовая красота этих трех стихов несколько теряет от употребления в начале sīe как *долгого* слога, с чем не может примириться ни одно тонкое ухо!

Я придирался лишь к *мелочам*, потому что не имел сказать ничего более существенного. Сам по себе перевод, сколько могу судить по этим образцам, имеет все достоинства хорошего перевода и стал бы (что самое главное) отличным оригинальным произведением, если бы только не был переводом. Еще одно замечание относительно языка. *Erzeugter, erzeugte*³⁸ вместо Natus, nata,³⁹ как бы часто их ни употреблял Фосс, мне не нравятся

³⁴ Слушай меня, ты, чей луч (нем.; Verw., II, 26).

³⁵ Сын, сумасбродная мечта! Но разве я могу тебе в этом отказать? (нем.; Verw., II, 37).

³⁶ Но ах! уже хватит (лат.).

³⁷ Едва смолкла она, как ужас пронизал ее трепещущие члены, кора объяла вздымающуюся грудь, кудри обратились в ветви, а быстрая нога в ленивые корни (нем.; Verw., I, 336—338).

³⁸ Произведенный, произведенная на свет (нем.).

³⁹ Рожденный, рожденная (лат.).

(быть может, я уже слишком стар, чтобы привыкать к непривычным звучаниям). Ни за что на свете я не сказал бы в стихотворении *Erzeuger* для отца, *Gebährerin* для матери, *Erzeugter*⁴⁰ для сына. Обратитесь в этом случае к вашему собственному тончайшему чувству, а затем делайте то, что оно вам подскажет. Мы все имеем в себе гения, который во всех случаях, когда это нам нужно, *остерегает* нас или *помогает* нам советом; но только мы не всегда прислушиваемся к его голосу, который, правда, слишком тих.

Ваше настойчивое желание относительно объявления о вашем переводе будет выполнено в ближайшем «Меркурии». Итак, мой достойнейший государь, разрешите, хотя я и не знаком с вами лично, обнять вас от всего сердца и не сердитесь больше

на вашего искренне преданного друга и слугу

Виланда.

Веймар, 8, 9 и 10 августа 1785 г.

На конверте: Г-ну Фердинанду Шульце, студенту в Галле. Оставить у господина почетного доктора и профессора Шульце. Франкировано.⁴¹

В неопубликованном письме (от 18 августа 1785 года)⁴² Шульце в подобострастных и льстивых выражениях благодарил Виланда за его ответ и критику перевода, однако указывал: «К сожалению, я никак не мог воспользоваться улучшениями, потому что двенадцать первых листов уже были отпечатаны. Но если бы ваше благородие были столь снисходительны, чтобы просмотреть еще раз мой труд, и сообразовали бы сообщить мне свои замечания, вы бы оказали мне тем самым такую новую услугу, за которую самая моя живейшая благодарность была бы недостаточной».

В действительности же Шульце, по-видимому, не придавал особого значения замечаниям Виланда: во втором издании своего перевода (1786) он оставил без изменения почти все места, на которые указывал ему Виланд.⁴³ Но он расточал комплименты для того, чтобы склонить Виланда отрецензировать его перевод, рассчитывая на то, что поддержка маститого писателя обеспечит успех его книге. Он заканчивал свое письмо: «Несомненно, ваше благородие так добры, что вы выполните мою, правда, несколько смелую просьбу: отрецензировать мой перевод... Можно ли рассчитывать, что рецензия, на которую я смею притязать лишь благодаря дружбе, будет помещена во „Всеобщей литературной газете“? Или, если бы я смел надеяться, что вы будете столь добры ко мне, что, может быть, сопроводите уведомление о моей книге в „Меркурии“ рекомендацией и именем, кто мог бы быть более счастлив, более благодарен за это, чем ваш искреннейший почитатель Фердинанд Шульце».

⁴⁰ Производитель — роженица — произведенный (нем.).

⁴¹ Далее зачеркнуто: Лейпциг.

⁴² См. выше, стр. 167, примеч. 4.

⁴³ Исключение составляет строка 332 первой главы, которая здесь начинается: «*Flohe Dafne...*» (ср. четвертое замечание Виланда в предыдущем письме).

Виланд ответил на это письмо только 3 октября. Он отказался от написания рецензии для «Всеобщей литературной газеты», ссылаясь на «особые обстоятельства», объяснить которые он не пожелал. Обстоятельства же эти заключались в следующем.

В 1784 году Христиан Готфрид Шютц (Schütz, 1747—1832) — филолог, профессор поэзии и красноречия в Иене,⁴⁴ совместно с Виландом и Ф.-Ю. Бертухом⁴⁵ задумал основать научно-критическую газету. К сотрудничеству в газете Виланд привлек профессора философии К.-Л. Рейнгольда,⁴⁶ который сотрудничал уже в «Немецком Меркурии». Шютц, ставший редактором газеты, поручил Рейнгольду написание двух рецензий, но когда рецензии были представлены, раскритиковал их, высказав при этом замечания по поводу метода рецензирования, принятого в «Немецком Меркурии». Виланд, ранее одобривший обе рецензии, узнав об отзыве Шютца, вспыхнул и в письме к Бертуху от 7 декабря 1784 года категорически отказался от сотрудничества во «Всеобщей литературной газете», которая начала выходить с 1785 года без его участия.⁴⁷

В своем письме Виланд просил Шульце перевести для «Немецкого Меркурия» «Герониды» Овидия. Эта его просьба, по-видимому, не была выполнена. Отрывки из «Героид» появились лишь в «Новом немецком Меркурии» в 1794 году,⁴⁸ переводчиком был К.-В. Альвардт (Ahlwardt).

2

Ich gehe ungern daran, mein liebenswürdiger Freund, Ihnen zu sagen, daß besondere Umstände, die weder Ihnen noch der Welt interessant seyn können, von Anfang der Entstehung der All[gemeinen] Litteratur-Zeitung an, mich in den Fall gesetzt haben, auf keine andere Art an selbiger Antheil⁴⁹ nehmen zu können, als durch den aufrichtigen Beyfall, den ich diesem würl. schätzbaren Institut gebe. Ihr Wunsch kann also nicht erfüllt werden. Aber wenn ich Ihnen dafür einen andern Rath geben darf, so schreiben Sie an Hrn. Proff[essor] Schütz in Jena, schicken Ihm ein Ex[emplar] Ihres Ovids, und bitten ihn um eine von ihm selbst gemachte Recension desselben. Er ist ein ächter Kritikus, und wird Ihnen gewiß Gerechtigkeit wiederfahren lassen.

⁴⁴ О нем см.: F. K. Ju. Schütz. Christian Gottfried Schütz. Darstellung seines Lebens, Charakters und Verdienstes; nebst einer Auswahl aus seinem litterarischen Briefwechsel mit den berühmtesten Gelehrten und Dichtern seiner Zeit, Bde I—II. Halle, 1835. — Вышедшие тома включают переписку Шютца. Третий том, в котором предполагалось поместить биографию Шютца, не вышел. В издании опубликованы четыре письма Виланда к Шютцу (Bd. II, S. 529—535).

⁴⁵ О Бертухе см. ниже, стр. 187.

⁴⁶ Подробнее о Рейнгольде см. ниже, стр. 208.

⁴⁷ Этому эпизоду посвящена работа: Hans Wahl. Wieland und die Allgemeine Literatur-Zeitung. «Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft», Weimar, Bd. XIX, 1933, S. 167—202. В работе приведены письма Виланда к Бертуху и Шютца к Рейнгольду (письмо Виланда от 7 декабря 1784 года — стр. 170—173).

⁴⁸ Ovids zehnte Heroide. «Der neue Teutsche Merkur», 1794, Stück 11, November, S. 310—320.

⁴⁹ Далее зачеркнуто: zu.

Wie wenn Sie es zur Abwechslung auch mit einem paar der schönsten *Heroiden* Ihres Dichters, für den T[*eutschen*] *Mercur*, der nicht undankbar seyn wird, versuchen? Verzeyhen Sie daß ich zu eben der Zeit, da ich Ihnen etwas abschlage, Ihrer Gefälligkeit etwas zu muthe — Sie können es damit halten, wie Ihre *Minerva* oder *Muse* es für gut findet. Das einzige was ich Ihnen zumuthen möchte ist immer zu lieben

Ihren aufrichtigen Freund u[*nd*] Diener

Wieland.

Weimar den 3ten Octob[er] 1785.

На конверте: An Herrn Ferdinand Schulze, Gelerhrten in Halle. Fr[anck] Naumburg [?].⁵⁰ Bey Tit. H. D. u. Professor Schulze abzugeben.

Перевод

Мне весьма тягостно сообщать вам, мой любезный друг, что особые обстоятельства, которые не могут представлять интереса ни для вас, ни для света, поставили меня с начала основания «Всеобщей литературной газеты» в такое положение, что я не могу никаким иным образом участвовать в ней, кроме как искренним одобрением, с которым я отношусь к этому, поистине, ценному предприятию. Таким образом, ваше желание не может быть исполнено. Но, если мне позволено дать вам совет, напишите господину профессору Шютцу в Йену, пошлите ему один экземпляр вашего Овидия и попросите его, чтобы он дал собственную рецензию на него. Он — настоящий критик и, конечно, воздаст вам по справедливости.

А что, если вам для разнообразия попытаться перевести пару лучших «Геронид» вашего поэта для «Немецкого Меркурия», который не останется неблагодарным? Извините меня за то, что в то же время, как я вам в чем-то отказываю, я еще жду чего-то от вашей любезности. Вы можете отнестись к этому так, как почтет за лучшее ваша *Минерва* или *муза*. Единственное, чего бы мне хотелось ждать от вас, это, чтобы вы всегда любили

вашего искреннего друга и слугу

Виланда.

Веймар, 3 октября 1785 г.

На конверте: Г-ну Фердинанду Шульце, ученому в Галле. Франкировано Наумбург [?].⁵¹ Отдать у господина почетного доктора и профессора Шульце.

⁵⁰ Первоначально было: Leipzig.

⁵¹ Первоначально было: Leipzig.

Ответное письмо Шульце не сохранилось. Как видно из публикуемого ниже письма Виланда, 19 ноября 1785 года Шульце послал ему набросок своей поэмы «Атениада». Судя по адресу на конверте письма Виланда, Ф. Шульце в это время проживал уже не у своего отца И.-Л. Шульце, а у Филиппа Фридриха Теодора Мекеля (Mekel, 1756—1803) — профессора университета в Галле, преподававшего хирургию и акушерство.⁵²

3

Mein Wehrtester Herr u[nd] Freund,
Ihre mir unterm 19ten vorigen Monats überschickte Skizze eines großen Gedichtes, der Stadt der Minerva, wie es scheint, zu Ehren, ist mir als ein Zeichen Ihres Vertrauens angenehm gewesen, und hat mich durch die Kühnheit u[nd] Größe des Gedankens überrascht. Wohl Ihnen, daß Sie eine Seele haben, die über solchen Entwürfen brütet! — Aber noch haben Sie mir zu wenig von Ihrem Vorhaben gesagt, als daß ich mir eine deutliche Vorstellung davon machen könnte. Ich sehe wohl den *Inhalt*, aber ich sehe keinen *Plan*, und begreiffe nicht, qua arte Sie alle diese so manchfaltigen Szenen u[nd] Gemähde aus so ganz verschiedenen Zeiten in Ein Ganzes bringen wollen, wofern es nicht vermittelt eines Traumgesichtes, worin Ihnen das Alles nach u[nd] nach dargestellt würde, geschehen soll. Wenn es Ihnen demnach beliebt, so eröffnen Sie mir vertraulich und so viel als pro informationi hinlängl[ich] ist, wie Sie alle diese Dinge, welche à peu près das Interessanteste aus der Fabelzeit, Heldenzeit u[nd] Historischen Zeit der Griechen,⁵³ Ihre Religion, Staatsverfassung, merkwürdigste Epochen u[nd] Personen, Künste u[nd] Sitten in sich begreifen, zu arrangieren gedenken. Denn eine glückliche *Composition* ist in allen größern Gedichten, ein sehr wesentliches Stük. Bis ich hierüber näher belehrt bin, kann ich Ihnen nichts weiter sagen, als daß ich mit sehr vieler Theilnehmung und Achtung bleiben werde

Ihr ergebenster Diener

W.

Weimar den 28sten Decemb[er] 1785

На конверте: An Herrn Ferdinand Schulze im Hause des Hrn. Professor Mekel zu Halle in Sachsen. Franco.⁵⁴

Перевод

Мой достойнейший государь и друг,
Присланный вами от 19-го числа прошлого месяца набросок большой поэмы, по-видимому, в честь города Минервы,⁵⁵ был

⁵² См. о нем: Wilhelm Schrader, Geschichte der Friedrichs-Universität zu Halle, Tl. I. Berlin, 1894, S. 401—402. — Интересно отметить, что Мекель в качестве акушера дважды приглашался в Петербург.

⁵³ Далее зачеркнуто: aus.

⁵⁴ Далее зачеркнуто: Leipzig.

⁵⁵ Т. е. Афин.

мне приятен как знак вашего доверия и поразил меня смелостью и величием мысли. Благо вам, что вы обладаете душой, которая вынашивает подобные планы. Но вы слишком мало сказали мне о своем замысле, чтобы я мог составить о нем ясное представление. Мне, конечно, ясно содержание, но не план, и я не понимаю, *qua arte*⁵⁶ вы сведете в одно целое все эти столь многообразные сцены и картины из таких совершенно различных времен, если только не сделать это с помощью сновидения, в котором все это будет являться вам одно за другим. А потому, если вам угодно, поведайте мне откровенно и в той мере, в какой этого достаточно *pro informationi*,⁵⁷ как вы полагаете аранжировать все эти вещи, которые заключают в себе *à peu près*⁵⁸ самое интересное из мифического, героического и исторического времени греков, их религии, государственного устройства, достопримечательнейших эпох и личностей, искусств и нравов. Потому что удачная композиция — весьма важная вещь для всякой большой поэмы. Пока я не ознакомлюсь с этим ближе, я не смогу сказать ничего, кроме того, что, сохраняя к вам большое участие и внимание, я остаюсь вашим покорнейшим слугой

В.

Веймар, 28 декабря 1785 г.

На конверте: Г-ну Фердинанду Шульце в доме господина профессора Мекеля в Галле, Саксония. Франкировано.⁵⁹

На приведенное письмо Виланда Шульце ответил 2 января 1786 года. Он благодарил за внимание и посылал первые части своей поэмы, которые считал уже законченными, и обещал выслать продолжение, как только он сочтет его законченным. Так как Виланд не отвечал, Шульце 21 января послал ему новое письмо, в котором просил Виланда сообщить ему свое суждение об «Атениаде». С этим письмом он послал также первые листы второго издания перевода «Метаморфоз».

Дальнейшие письма Шульце не известны. Однако, как видно из последнего публикуемого письма Виланда, Шульце продолжал ему писать: он прислал второе издание своего перевода «Метаморфоз», сообщил, что едет в Страсбург, и несомненно с все большей настойчивостью просил ответа.

Виланд ответил только в конце августа 1786 года. В отзыве об «Атениаде» проявилось присущее Виланду стремление к исчерпывающему ознакомлению с источниками; так он работал сам при создании произведений на античные темы, того же он требовал и от Шульце.⁶⁰ Следует также

⁵⁶ Каким образом (лат.).

⁵⁷ Для сведения (лат.).

⁵⁸ Почти (франц.).

⁵⁹ Далее зачеркнуто: Лейпциг.

⁶⁰ Отношение Виланда к античной Греции, отразившееся в его многочисленных произведениях, подробно рассматривается в докторской диссертации: Otto Vantel. Christoph Martin Wieland und die griechische Antike. Tübingen, 1952 (машинопись).

отметить, что затронутый в письме вопрос о том, способствовала ли комедия Аристофана «Облака» осуждению и смерти Сократа, особо интересовал Виланда, и впоследствии он посвятил ему специальную статью.⁶¹

4

Ich kann es mir nur allzuwohl vorstellen, Mein Wehrtester Herr, wie unangenehm Ihnen mein langes Stillschweigen seyn mußte. Ich bin oft mit mir selbst darüber unzufrieden, und weiß mir doch zuletzt nicht anders zu helfen. Es geht meinen ältesten und liebsten Freunden nicht besser; kurz, ich kann nicht viel Briefe schreiben, und, da ich gleichwohl unaufhörlich in den Fall gesetzt werde, entweder Antworten zu geben, oder in die Verdammnis der Unhöflichkeit, Unfreundlichkeit, Arroganz, u[nd] wie alle diese garstigen Laster heissen, zu fallen: so ist es schon lange dahin mit mir gekommen, daß die Posttage meine Dies nefasti und die Briefträger für mich nichts viel besseres sind, als was einem abergläubischen Römer ein unglückweisagender Vogel war. Sie glauben nicht wie leid es mir ist, daß ich dies nicht ändern kann; aber ohne eine gänzliche Umschaffung meiner ganzen innern u[nd] äußern Verfassung wird es schwehrl[ich] jemals anders werden können.

Zu dem allem kommt noch der leidige Umstand, daß wir einander von Person unbekannt sind. Dies ist ein großer Mangel zwischen Personen die sich geneigt finden einander hold zu seyn; aber ein noch größerer, wenn noch ein beträchtlicher Unterschied von Jahren hinzukommt, und der jüngere den ältern gern zu seinem Aristarch machen möchte. Eine einzige Stunde mündlichen Umgangs würde so vieles berichtigen, und so schnell mit einander ins Klare setzen; jezt hat es ein jeder unter uns nur mit einem Phantom oder betrüglischen Ideale zu thun, und dabey schwebt man immer im Dunkeln und in der Gefahr sich zu irren. Z. B. Ihre *Atheniade* ist ein edler, kühner und neuer Gedanke, und ein solches Werk verdient alle mögliche Aufmunterung — und doch ist etwas, sey es Ihr guter oder böser Dämon, das mich zurückhalt. Ich glaube zu sehen, daß sie mit Athen und seinen Weisen noch nicht bekannt genug, daß Sie in den Geist u[nd] Charakter und das ganze locale und individuelle der Athenienser noch nicht genug eingedrungen sind — daher, dünkt mich, bald eine gewisse Trockenheit, bald ein falsches Kolorit — daher gewisse historische Unrichtigkeiten, und Beybehaltung alter

⁶¹ Versuch über die Frage: ob und wie fern Aristophanes gegen den Vorwurf, den Sokrates in den Wolken persönlich mißhandelt zu haben, gerechtfertigt, oder entschuldigt werden könne? «Attisches Museum», 1799, Bd. III, Hf. 1, S. 57—100. Годом раньше Виланд опубликовал свой перевод «Облаков» (Die Wolken des Aristophanes, «Attisches Museum», 1798, Bd. II, Hf. 2, S. 49—174). Об отношении Виланда к Аристофану см.: O. B a n t e l, op. cit., S. 98—125 (Kap. 6. Wielands Verhältnis zu Aristophanes).

Irthümer, die ⁶² längst aus der Gelehrten Republik verbannt sind oder seyn sollten: als z. B. daß Aristophanes Schuld an Sokrates Tode gehabt, u[nd] dergl[eichen]— etc. etc. Und doch diesem allem ungeachtet, verstehen Sie vielleicht viel Griechisch, und haben mehr gelesen als ich selbst— was kann ich wissen, da ich Sie nicht kenne?

Sie schreiben mir, Sie gingen nach Strasburg. Warum fällt Ihnen doch nicht ein, Ihren Weg über Weimar zu nehmen? Können Sie nicht? Oder wollen sie nicht? Wenn Sie so viel Werth auf meine Freundschaft setzen, sollte es Ihnen wenigstens eingefallen, daß einer der nächsten u[nd] besten Wege von Halle nach Strasburg über Weimar geht. Mündlich könnten wir einander in einem halben Tage mehr sagen, als in 20 Jahren durch Briefe zwischen uns ausgemacht werden wird.

Für das überschickte Ex[emplar] der 2-ten Auflage Ihres Ovids danke ich Ihnen verbindlichst. Ihr Verleger hätte zu so einem schönen, und hauptsächlich für Damen und Liebhaber bestimmten Werke wohl schöner Pappier nehmen können. Ich finde Ihre Übersetzung sehr gut und schön, ihre Versification fast immer leicht, fließend, angenehm dem Ohre schmeichelnd, und den Gegenständen angemessen— wiewohl noch hier und da, oft ⁶³ ohne Mühe, manches zu verbessern übrig ist. Denn ein Dichter, der nach der Ehre dieses Namens ringet, darf sich selber nichts verzeyhen. Doch genug, lieber Herr u[nd] Freund, um Ihnen zu zeigen, ⁶⁴ wie wenig ich zu dem Aristarchischen Amte taue. Niemand urtheilt so ungern als ich; denn nichts ist schwächer als urtheilen, richtig nehmlich, nam male, non moror.— Können Sie, wie gesagt, Ihre Marschroute so einrichten, daß sie über Weimar geht, so werden Sie mir durch Ihren Besuch eine wahre Freude machen, u[nd] dann will ich mich mit Vergnügen über alles was Sie von mir wissen wollen, expectoriren. Inzwischen glauben Sie— was Sie weder sehen noch betasten noch begreifen können— daß ich alles widrigen Scheins ungeachtet, aus dem was ich von Ihnen gelesen habe, eine sehr vorzügliche Meynung von Ihren Fähigkeiten habe, und, wenn Sie es nur mit meinen Briefen nicht genau nehmen wollen, auf jede andre mir mögliche Art zu beweisen wünsche, daß ich Sie hochschätze und für die geneigten Gesinnungen, die Sie mir in Ihren Briefen zeigen, dankbar bin.

Ihre ergebenster D[iener]

W.

Weimar den 31. August 1786.

На конверте: An Herrn Ferdinand Schultze bey Tit. Herrn D. u. Professor Schultze in Halle.

⁶² Далее зачеркнуто: von.

⁶³ Далее зачеркнуто: mit.

⁶⁴ Далее зачеркнуто: daß.

Перевод

Я слишком хорошо могу себе представить, мой достойнейший государь, как вам должно было быть неприятно мое длительное молчание. Я сам часто бываю из-за этого недоволен собою и все же не знаю, как пособить делу. Моим старейшим и любимейшим друзьям приходится не лучше; короче говоря, я не могу писать много писем, а так как я при всем том постоянно оказываюсь перед выбором, либо писать ответы, либо впасть в грех невежливости, недружелюбия, заносчивости и как еще называются все эти мерзкие пороки, то уже давным-давно стало так, что почтовые дни — это мои *Dies nefasti*,⁶⁵ а письмоноscopy для меня почти то же самое, что злоеящая птица для суеверного римлянина. Вы не поверите, как мне прискорбно, что я никак не могу этого изменить, но вряд ли когда-либо что-нибудь можно будет переменить без полного преобразования всего моего внутреннего и внешнего устройства.

К этому нужно еще добавить досадное обстоятельство, что мы лично не знакомы друг с другом. Это большой недостаток в отношениях между лицами, которые склонны сблизиться друг с другом, и он еще усугубляется, если к нему добавить значительную разницу в годах и то, что младший охотно сделал бы старшего своим Аристархом. Один единственный час личного общения многое бы исправил и быстро привел все в ясность; теперь же каждому из нас приходится иметь дело с призраком или обманчивым идеалом, всегда притом витая впотьмах и рискуя ошибиться. Например, ваша «Атениада» — благородный, смелый и оригинальный замысел, произведение, заслуживающее всяческого поощрения, — и тем не менее что-то меня удерживает, будь то ваш злой или добрый демон. Мне представляется, что вы еще недостаточно знакомы с Афинами и их обычаями, что вы еще недостаточно проникли в дух и характер и во все *locale* и *individuelle*⁶⁶ афинянина. Отсюда, мне кажется, происходит то определенная сухость, то неверный колорит, отсюда и некоторые неправильности в области истории и сохранение старых заблуждений, которые или давно уже изгнаны из ученой республики или должны быть изгнаны, как например то, что Аристофан был повинен в смерти Сократа, и т. п. — etc. etc. И все же, несмотря на это, вы, по-видимому, хорошо разбираетесь в греческом и больше читали, чем я сам, — но что я могу знать, если я с вами не знаком?

Вы пишете мне, что поедете в Страсбург. Почему же вам не приходит в голову направить свой путь через Веймар? Вы

⁶⁵ Здесь: Тяжелые дни (лат.).

⁶⁶ Местное и индивидуальное (франц.).

не можете? Или вы не хотите? Если вы так цените мою дружбу, вам должно было бы по крайней мере прийти на ум, что один из ближайших и лучших путей из Галле в Страсбург проходит через Веймар. За полдня мы могли бы сказать друг другу устно больше, чем это сделала бы переписка в течение 20 лет.

Покорнейше вас благодарю за присланный мне экземпляр второго издания вашего Овидия. Ваш издатель вполне мог бы конечно взять лучшую бумагу для такого прекрасного произведения, предназначенного главным образом для дам и любителей. Я считаю ваш перевод очень хорошим и красивым, вашу версификацию — почти всегда легкой, плавной, ласкающей слух и сообразной предмету, хотя то здесь, то там, можно было бы иное исправить, часто без особого труда. Ибо поэт, который добивается чести этого имени, не смеет ничего прощать себе самому. Но довольно, любезный государь и друг, чтобы показать вам, как мало я пригоден для должности Аристарха. Никто не судит так неохотно, как я, ибо нет ничего более трудного, чем судить, справедливо, разумеется, *nam male, non potest*.⁶⁷ — Если вы можете, как я уже говорил, так направить свой маршрут, чтобы он прошел через Веймар, то вы доставите мне своим визитом истинную радость, и тогда я с удовольствием открою вам свою душу по поводу всего, что вы захотите от меня узнать. Между тем поверьте, — хотя вы не можете этого ни видеть, ни ощутить, ни понять, — что, несмотря на все внешнее неприятное, я вынес из всего, что читал у вас, очень лестное мнение о ваших способностях. И, если вам это не стало достаточно ясно из моих писем, я хотел бы показать любым другим возможным способом, что я вас высоко ценю и благодарен вам за благосклонное отношение, которое вы выказали мне в своих письмах.

Ваш покорный слуга В.

Веймар, 31 августа 1786 г.

На конверте: Г-ну Фердинанду Шульце у господина почетного доктора и профессора Шульце в Галле.

Г.-И. Гешену

Георг Иоахим Гешен (Götschen, 1752—1828) — известный издатель и книгопродавец.⁶⁸ В 1785 году Гешен переехал из Дессау, — где он служил с 1783 года фактором в организованной там в 1781 году «Книготорговле

⁶⁷ Что касается дурных (неверных) суждений, то это меня не интересует (*лат.*).

⁶⁸ О нем см.: Viscount Goschen. The Life and Times of Georg Joachim Goschen, Publisher and Printer of Leipzig, 1752—1828, vol. I—II. London, 1903 (имеется немецкий перевод — Leipzig, 1905).

ученых» («Buchhandlung der Gelehrten»), одним из организаторов которого был Виланд, — в Лейпциг с намерением основать здесь собственную фирму. Стремясь обеспечить себе клиентуру и завязать сношения с известными немецкими писателями, он в том же году отправился в Веймар для «охоты на авторов» («author-hunt»), как назвал эту поездку его внук.

Виланд не пожелал встречаться с Гешеном,⁶⁹ так как не хотел нарушать свои деловые связи с книготорговой и издательской фирмой Вейдманна и ее главой Ф.-Э. Райхом.⁷⁰ Однако через Ф.-Ю. Бертуха Гешену удалось уговорить Виланда передать его фирме на комиссию продажу «Немецкого Меркурия».

Фридрих Юстин Бертух (Bertuch, 1747—1822) — немецкий писатель и переводчик, пользовался влиянием при герцогском дворе в Веймаре, где он занимал пост личного секретаря герцога и ведал его денежными делами. В 1785 году Бертух получил чин легиационного советника.⁷¹ Когда Виланд в 1773 году основал «Немецкий Меркурий», он привлек Бертуха в качестве соиздателя. При этом сотрудничестве Виланд определял идейное направление и литературное содержание журнала, тогда как Бертух, имевший широкие связи в издательских и книготорговых кругах, занимался деловой стороной издания.

В октябре 1785 года был заключен контракт между Виландом и Бертухом, с одной стороны, и Гешеном, с другой, о передаче последнему на комиссию 800 комплектов «Немецкого Меркурия» за 1786 год.⁷² Согласно контракту, Гешен получал каждый комплект по цене $1\frac{2}{3}$ талера (при подписной цене — 3 талера) с обязательством уплатить 300 талеров во время пасхальной ярмарки 1786 года (эту выплату упоминает в письме Виланд), по одной четверти суммы, вырученной от продажи журнала, в Иванов день (24 июня) и в день св. Михаила (8 ноября) и остаток — во время пасхальной ярмарки 1787 года.⁷³

Как видно из публикуемого письма, Виланд ко времени его написания не был еще лично знаком с Гешеном. Их первая встреча произошла после пасхальной ярмарки 1786 года, когда Гешен приехал в Веймар. Во время свидания Виланд в ответ на просьбы Гешена передать ему издание его произведений сказал, что сможет сделать это только после смерти Райха.⁷⁴ Действительно, с конца 1787 года (Райх умер 3 декабря этого года) Гешен стал издателем произведений Виланда, а в 1792 году Виланд передал ему право на издание собрания своих сочинений.⁷⁵

⁶⁹ Ibid., vol. II, p. 90.

⁷⁰ Karl Buchner. Wieland und die Weidmannsche Buchhandlung. Zur Geschichte deutscher Literatur und deutschen Buchhandels. Berlin, 1871.

⁷¹ О нем см.: Wilhelm Feldmann. Friedrich Justin Bertuch. Ein Beitrag zur Geschichte der Goethezeit. Saarbrücken, 1902.

⁷² Переписка Бертуха и Гешена по поводу контракта и сам контракт хранятся в музее Виланда в Веймаре; см.: Bernhard Seuffert. Prolegomena zu einer Wieland-Ausgabe, IX, Berlin, 1941, Nachlese 2092 a, 2092 b, 2097a. (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Nr. 15).

⁷³ Karl Buchner. Wieland und Georg Joachim Göschen. Stuttgart, 1874, S. 6—7.

⁷⁴ Об этой встрече см.: V. Goschen, op. cit., vol. I, p. 138—140; J. G. Gruber. C. M. Wielands Leben, Tl. IV. Leipzig, 1828, S. 12—14. — Бухнер ошибочно относил эту первую встречу к апрелю 1785 года (см.: K. Buchner. Wieland und G. J. Göschen, S. 4).

⁷⁵ О дальнейших отношениях Виланда со своим издателем Гешеном см. в названной книге Бухнера.

Из документов, связанных с отношениями Виланда и Гешена, нами обнаружен собственноручно написанный Виландом переводный вексель от 10 апреля 1796 года, обязующий Гешена уплатить в течение пяти недель 300 рейхсталеров Якобу Элькану (Elkan) — кредитору Виланда.⁷⁶

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. А. Вакселя, № 2882.

Hochedelgebohrner Hochgeehrtester Herr,

Ein hiesiger Handelsmann, der die bevorstehende Leipz[iger] Messe bezieht, hat bey mir angefragt, ob ich daselbst etwas Geld zu beziehen hätte, und solchenfalls ihm mit einer Anweisung, die er mir hier bezahlen würde, dienen wollte. Da nun, vermöge des zwischen Ew. Hochedelgeb[ohrner] u[nd] mir u[nd] meinem associé Hr[n]. L[egations] R[ath] Bertuch, als Herausgeber des T[eutschen] Merkurs errichteten Contracts, in bevorstehender Messe die erste Termin-Zahlung für besagten T[eutschen] Merkur 1786 fällig ist, so nehme mir die Freyheit, Ew. Hhgbh. zu ersuchen, mir zu melden auf welche Woche, oder welchen Tag des Maymonats ich in der Assignation die Zahlung der pro 1sten Termin fälling 300 rthl. stellen könne und solle; indem ich hierin nicht gerne etwas, das Ihrer Convenienz entgegen wäre, verfügen möchte.

Daß die Zahlungen jedesmal immediate an mich oder meine Assignation geschehen werden, sind Sie vermuthl[ich] von Hr[n]. L[egations] R[ath] Bertuch bereits berichtet worden. Sollte es nicht geschehen seyn, so wird derselbe, bey seiner in der Messe erfolgenden Zusammenkunft mit Ew. Hhgbh. Ihnen solches zu bekräftigen nicht ermangeln. Ich sehe einer Gelegenheit, dero persönliche Bekantschaft zu machen, mit Verlangen entgegen, und habe die Ehre inzwischen mit sehr vorzüglicher Hochschätzung zu seyn

Ew. Hochedelgebohren ergebenster Diener

Wieland,
f. Sachs. Hofrath.

Weimar den 17-ten April 1786.

Перевод

Высокоблагородный, высокочтимый государь,

Один здешний купец, отправляющийся на предстоящую Лейпцигскую ярмарку, осведомлялся у меня, не должен ли я получить там какие-либо деньги и не могу ли я в таком случае дать ему переводный вексель, который бы он мне здесь оплатил. Поскольку, согласно контракту, заключенному между вашим высокоблагородием и мною и моим компаньоном господином легационным советником Бертухом, как издателями «Немецкого Меркурия», во время предстоящей ярмарки исполняется первый

⁷⁶ Хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (карт. 408, № 13). Об Элькане см.: К. В u c h n e r. Wieland und G. J. Göschen, S. 15.

срок выплаты за упомянутый «Немецкий Меркурий» за 1786 год, то я беру на себя смелость просить ваше высокоблагородие сообщить мне, какой неделей или каким днем мая месяца должен я обозначить в ассигновке выплату причитающихся за первый срок 300 рейхсталеров; покамест я не хотел бы предпринимать в этой связи чего-либо, что бы противоречило вашему удобству.

О том, что выплаты должны производиться каждый раз непосредственно мне или по моей ассигновке, вы уже, вероятно, извещены господином легационным советником Бертухом. Если же этого не случилось, то он не преминет вам это подтвердить при следующем свидании с вашим высокоблагородием во время ярмарки. Я с нетерпением ожидаю возможности лично познакомиться с вами, а пока имею честь оставаться с искренним почтением

вашего высокоблагородия преданнейшим слугой

Виланд,

саксонский надворный советник.

Веймар, 17 апреля 1786 г.

В.-Г. Беккеру

О В.-Г. Беккере см. выше, стр. 155. Как писатель Беккер получил известность главным образом благодаря издававшимся им литературным альманахам: «Альманах для общего увеселения» («Taschenbuch für geselligen Vergnüßen», 1791—1814), «Отдохновение» («Erholungen», 1796—1810), «Описания» («Darstellungen», 1798—1799) и др.

Виланд был знаком с Беккером с 1770-х годов. Сохранилось письмо Беккера к Виланду от 13 ноября 1779 года из Базеля, в котором сообщалось о путешествии Гете и Карла Августа по Швейцарии.⁷⁷

Публикуемое письмо Виланда является ответом на неизвестное письмо Беккера, с которым последний прислал ему в дар первый и второй томики (Bändchen) «Описаний», как можно судить по упомянутому Виландом произведениям: путевым очеркам «Путешествие в Париж» и «Путешествие в Альпах» и философской повести «Вопрос совести».⁷⁸

Последняя была посвящена этической проблеме согласования требований сердца и разума. Автор заключал ее выводом: «... несомненно остается истиной, что безусловное следование влечению нашего сердца весьма пагубно как для нашего покоя, так и для истинного выполнения нами своего долга и что мы, даже при самых лучших намерениях, не можем достаточно хладнокровно и осмотрительно разобраться в наших побуждениях и правах, равно как и в средствах и путях, которые мы избираем».⁷⁹

⁷⁷ Хранится в Дрезденской библиотеке; отрывок, касающийся Гете, опубликован в издании: «Goethe-Jahrbuch», Bd. I, Frankfurt a/M., 1880, S. 315; Bd. IV, 1883, S. 317.

⁷⁸ Darstellungen von W. G. Becker, Bde. I—II, Leipzig, 1798 («Die Reise nach Paris», Bd. I, S. 3—103; «Die Alpenreise», Bd. II, S. 3—87; «Gewissensfrage», Bd. I, S. 223—276).

⁷⁹ Ibid., Bd. I, S. 276.

В своей повести Беккер, как это отмечал в письме Виланд, затрагивал вопрос о противоречии между эмоциональным влечением человека и пониманием добродетели в кантовском ее толковании, согласно которому эмоция полностью исключалась из оснований нравственного долга. Для Виланда, несмотря на его близость к Канту в признании приоритета долга над чувством, был, однако, неприемлем кантовский ригоризм и абстрактное понимание долга. Виланд считал, что само осознание приоритета долга над чувством и ценности добродетельного деяния является всегда некоей формой блаженства.⁸⁰

По-видимому, Виланд не осуществил своего намерения посвятить этому вопросу специальную работу. Однако он касался его во втором издании романа «Агатон» («Agathon», 1798), а также в своем позднейшем сочинении — романе в письмах «Кратес и Гиппархия» («Krates und Hipparchia», 1804, письма 18, 22, 23).

Публикуемое письмо написано в Османштедте (Osmanstädt) — деревне близ Веймара, где находилось именно Виланда, приобретенное им в 1797 году; здесь он жил до 1803 года.

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, л.л. 59, 60 об.

Wohlgebohrner, Hochgeschätztester Herr Professor,
Empfangen Sie meinen lebhaftesten Dank für die verbindliche Zuschrift, womit Sie mich zu beehren, und für das angenehme Geschenk Ihrer Darstellungen, welches Sie derselben beyzufügen, die Güte gehabt haben.

Ich bin gänzlich Ihrer Meinung, daß wir an erzählenden und darstellenden Aufsätzen dieser Art keinen Überfluß haben, und ich setze nach meinen wahren Gefühl hinzu: daß wir solcher Darstellungen wie Ihre *Reise nach Paris*, die *Alpenreise*, die *Gewissensfrage*, ρ. nie zuviel erhalten können.

Die letztere stellt ein Problem auf, das wir noch nicht rein genug aufgelöset zu seyn scheint. Die Sache ist äußerst zart und einer vollkommenen Ausgleichung der Forderung des Herzens mit dem strengen kantischen Imperatif der reinen Vernunft schwerlich fähig. Vielleicht finde ich zwischen andern Arbeiten, die mich beschäftigen, so viel Zeit, um einen Versuch zu machen, wie weit ich, nach meiner Vorstellungsart, mit diesen Frage kommen kann. Ich erbitte mir die Fortsetzung Ihres wohlwollenden Andenkens, und habe die Ehre mit ausgezeichneter Hochachtung zu seyn, Ew. Wohlgebohren

gehorsamster u[nd] ergebenster Diener
Wieland.

Oßmanstädt den 3-n Novemb[er] 1798
An Hrn. Prof[essor] Becker in Dresden.

На обороте: An Herrn Professor Becker in Dresden. Frey.

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Cornelis Schravésande. Betrachtungen über pädagogische und ethische Tendenzen in Wielands Werken. Haarlem, 1933 (II. Tugend; VII. Ethische Erziehung als Selbsterziehung; insbesondere стр. 64—67, 161—162).

Wissenschaften
Hochschätzlichen Herrn Professor.

Erfangen Sie meine herzlichste Dank für die verbindliche Antwort, womit Sie
auf die Bescheid, und für die angenehme Geschenk Ihre Vorstellungen, welche die
Anfallten begünstigen, die Güte gefast haben.

Ich bin gänzlich Ihrer Meinung, daß wir an vorstehenden und vorstellenden Umständen
dieser Art keinen Überflüssig haben, und ich habe mich meinen wahren Gefühl hinge:
ich wie solcher Vorstellungen wie Ihre Karte nach Paris, die Abhandlung, die Ge-
wissenstheorie, die zuvörderst gefallen können.

Die letzten stellt ein Problem auf, das mir noch nicht ein wenig ungelöst zu sein
scheint. Die Karte ist äußerst gut mit einer vollkommenen Ausführung der Zeichnung
des Ganzen mit dem Feingebilde kunstigen Instrumente in einem Verhältnisse sehr schön.
Vollständig sind die zwischen anderen Arbeiten, die mich beschäftigen, soviel Zeit, um eine
Vorlauf zu machen, wie weit ich, auf meine Vorstellungen, mit dieser Sache umgehen
Ich würde mir die Befolgung Ihrer vorstehenden Andeutung, und habe die Ihnen mit
unbegrenzter Hochachtung zu sagen, Ich. Wissenschaften

Ormanstadt den 3. Novemb. 1798.

gezeichnet von dem
Herrn
Wissenschaften

die Herr Prof. Becker in Göttingen

Письмо К.-М. Виланда к В.-Г. Беккеру. 3 ноября 1798 г.

Перевод

Благородный, высокочтимый господин профессор,

Примите мою живейшую благодарность за любезное послание, которым вы были добры меня почтить, и за приятный дар ваших «Описаний», который вы к нему присовокупили.

Я вполне разделяю ваше мнение, что у нас нет избытка повествовательных и описательных сочинений такого рода, и я могу прибавить к этому, что, по моему глубокому убеждению, мы никогда не будем иметь слишком много таких произведений, как ваши «Путешествие в Париж», «Путешествие в Альпах», «Вопрос совести» и пр.

Последнее выдвигает проблему, которую мы, по-видимому, до сих пор еще не вполне разрешили. Предмет этот почти неуловим и мало годится для приведения в полное соответствие требований сердца со строгим кантовским императивом чистого разума. Может быть, мне удастся наряду с прочими работами, которыми я занимаюсь, найти время, достаточное для того, чтобы попытаться выяснить, в какой мере я могу, по собственному своему разумению, решить этот вопрос.

Я прошу, чтобы вы продолжали уделять мне ваше благосклонное внимание, и имею честь оставаться с глубочайшим уважением вашего благородия

покорнейшим и преданнейшим слугой
Виланд.

Османштедт, 3 ноября 1798 г.

Господину профессору Беккеру в Дрездене

На обороте: Господину профессору Беккеру в Дрездене.
Бесплатно.

Запись в альбом

Листок с публикуемой записью вырван из альбома и хранится вместе с другими автографами Виланда (письмами к Шульце). Судя по содержанию записи, владелица альбома была актрисой; однако отсутствие каких-либо дополнительных данных не дает возможности установить ее имя.

Публикуется по автографу: ГПБ, общее собрание иностранных автографов, Wieland.

Kunst und Natur sind im Grund eben dasselbe unter verschiedener Ansicht und Benennung: die Natur ist die höchste, göttlichste Kunst, die Kunst des Menschen, die Natur, wie sie sich seinen äussern Sinnen darstellt und von seinen innern aufgefaßt wird, vom Ideal verklärt und mit ihm in Eins verschmolzen.

Der Talentvollen Besitzerin dieses der Erinnerung an Ihre Freunde gewidmeten Denkbuchs, einer Meisterin der Mimischen Kunst, die in Ihren Darstellungen Obiges so vollständig rechtfertigt, und Wahrheit mit Schönheit und Grazie in so hohem Grade zu vereinigen weiß, empfiehlt sich zu wohlwollendem Andenken

C. M. Wieland

Weimar am 31sten Januar 1810

Перевод

Искусство и природа — это в сущности одно и то же, взятое с разных точек зрения и под разными названиями; природа — высочайшее божественное искусство, искусство человека — природа, как она представляется его внешним чувствам и постигается его душой, проясненная идеалом и слитая с ним воедино.

Благосклонной памяти талантливой обладательницы этого посвященного воспоминанию о ее друзьях альбома, мастерицы мимического искусства, которая своими выступлениями полностью оправдывает сказанное выше и умеет в такой высокой степени соединять правду с красотой и грацией, препоручает себя

К.-М. Виланд

Веймар, 31 января 1810 г.

Из обнаруженных в ленинградских архивохранилищах материалов, связанных с Виландом, в настоящую публикацию не включены:

1. Записка к кондитеру Рене Франсуа Гулону (Goullon) от 28 декабря 1803 года (ЛОИИ, карт. 408, № 13).⁸¹
2. Расписка в получении 30 талеров из герцогской земской кассы 14 марта 1812 года, Веймар (ЛОИИ, карт. 408, № 13).
3. Письмо к Христиану Готфриду Шютцу (Schütz) от 3 августа 1812 г., Иена (ЦГИАЛ, ф. 1562, оп. 1, № 24).⁸²
4. Записка к барону фон Будбергу о предстоящей встрече, без даты (ИРЛИ, библиотека, шифр: 1940и/1162; вклеена в книгу: J.-G. Gruber. Christoph Martin Wieland, Tl. II, Leipzig und Altenburg, 1816).
5. Записка к неизвестному лицу с приглашением, без даты (ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 23).
6. Письмо Иоганна Даниэля Архенгольца (Archenholz) к Виланду от 28 сентября 1787 г., Гамбург (ЛОИИ, карт. 413, № 3).

⁸¹ B. Seuffert. Prolegomena zu einer Wieland-Ausgabe, IX, Berlin, 1941, Nr 4735 (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse, Nr. 15).

⁸² Опубликовано в кн.: Fr.-K.-Ju. Schütz. Christian Gottfried Schütz. Darstellung seines Lebens, Charakters und Verdienstes; nebst einer Auswahl aus seinem litterarischen Briefwechsel mit den berühmtesten Gelehrten und Dichtern seiner Zeit, Bd. II. Halle, 1835, S. 531—533.

ГОТТФРИД АВГУСТ БЮРГЕР

К.-М. Виланду

Публикуемое письмо является ответом Бюргера на письмо Виланда к нему от 22 февраля 1777 года,¹ с которым Виланд переслал свою новую поэму «Знатный Герон» («Geron, der Adelich», 1777), напечатанную в «Немецком Меркурии».² Ответ Бюргера задержался в связи с тем, что с конца февраля до конца марта он гостил в Ганновере у своего друга Генриха Христиана Бойе³ и только 2 апреля вернулся домой в Вельмерсхаузен,⁴ где жил с 1775 года, и застал письмо Виланда.

Для правильного понимания письма Бюргера необходимо иметь в виду следующее. С 1770 года Бюргер в течение многих лет занимался переводом «Илиады» Гомера. Первоначально он считал, что гомеровский эпос следует переводить прозой, и еще в 1769 году посвятил доказательству этого тезиса свое сочинение (Probeschrift) «Нечто о немецком переводе Гомера» («Etwas ueber eine deutsche Uebersetzung des Homers»),⁵ написанное при вступлении в «Немецкое общество» в Геттингене. Однако уже в 1771 году Бюргер опубликовал два отрывка своего перевода «Илиады», сделанного пятистопным нерифмованным ямбом.⁶ В предпосланных переводу «Мыслях об особенностях немецкого перевода Гомера» («Gedanken über die Beschaffenheit einer deutschen Uebersetzung des Homer») он доказывал необходимость архаизации языка при переводе и применения пятистопного ямба как «единственно настоящего, истинного, естественного, героического размера нашего языка».⁷ Это предисловие было полемически направлено против Клопштока и его последователей, разработывавших немецкий гекзаметр.

¹ Briefe von und an Gottfried August Bürger. Ein Beitrag zur Literaturgeschichte seiner Zeit. Aus dem Nachlasse Bürger's und anderen, meist handschriftlichen Quellen herausgegeben von Adolf Strodtmann, Bd. II. Berlin, 1874, S. 30—31.

² «Der Teutsche Merkur», 1777, I. Vierteljahr, Jänner, S. 3—16; Februar, S. 105—129; Erläuterungen — S. 129—142.

³ Wolfgang von Wurzbach. Gottfried August Bürger. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1900, S. 131.

⁴ См. письмо Бюргера к Бойе от 3 апреля 1777 года. Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. II, S. 57.

⁵ Приведено: August Kluckhohn. Beiträge zur deutschen Litteraturgeschichte des 18. Jahrhunderts. «Archiv für Litteraturgeschichte», 1883, Bd. XII, Hf. 1, S. 70—83.

⁶ «Deutsche Bibliothek der schönen Wissenschaften», 1771, Bd. VI, Stück 21, S. 1—41.

⁷ Цит. по: W. von Wurzbach, op. cit., S. 49.

К защите своей позиции Бюргер вернулся в 1776 году, когда публикуя перевод пятой песни «Илиады»,⁸ он обратился в прологе к немецкой публике с вопросом: удовлетворяет ли ее такой Гомер? Виланд, Гете и их сторонники поддержали Бюргера в «Немецком Меркурии»,⁹ в котором Бюргер в том же году поместил статью, направленную против защитников гекзаметра.¹⁰

С Бюргером спорили, но самым серьезным возражением ему явилось опубликование в ноябре 1776 года двадцатой песни «Илиады» в гекзаметрическом переводе Ф.-Л. Штольберга (о нем см. выше, стр. 169).¹¹ По этому поводу Бюргер обратился к Штольбергу с стихотворным посланием, написанным пятистопным ямбом и озаглавленным *Δαιμονίε* (то же греческое выражение Бюргер употребил в публикуемом письме по адресу Виланда), в котором говорил:

... angesichts der Ritter unsers Volks
Und ihrer losen Knappen, schreitest du
Zu Trutz, mit Wehr und Waffen in mein Feld,
Und wirfst den Fehdehandschuh vor mich hin.¹²

Штольберг отбечал стихами, написанными гекзаметром.

Впоследствии, в 1781 году, Бюргер начал новый перевод «Илиады» гекзаметром, но и этот перевод не был им завершен.¹³

«Знатный Герон» Виланда — стихотворная повесть из легендарных времен короля Артура не имела, конечно, никакого отношения к гомеровскому эпосу.¹⁴ Но это произведение показало, что Виланд в совершенстве владеет той самой поэтической формой (ранее им почти не употреблявшейся), которой стремился овладеть Бюргер в своем первом переводе «Илиады»: пятистопным ямбом с использованием архаизованной лексики и слога.¹⁵ Этим и было вызвано противопоставление Виланда и Штольберга в письме Бюргера (Штольберг «только вторгся в мое поле», т. е. «Илиаду», а Виланд «врывается в самые сокровенные тайники», т. е. использует ту же поэтическую форму) и восхищение «поэтическим гардеробом» Виланда, который сравнивается с гардеробом графа Генриха фон Брюля (Brühl, 1700—1763), всесильного министра Августа III (короля польского и курфюрста саксонского), одного из богатейших людей Германии XVIII века.

⁸ «Deutsches Museum», 1776, Stück 1, Jänner, S. 1—14.

⁹ Disseitige Antwort auf Bürgers Anfrage wegen Uebersetzung des Homers. «Der Teutsche Merkur», 1776, I. Vierteljahr, Februar, S. 193—194; см. также письмо Виланда к Бюргеру от 22 апреля 1776 г. — Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. I, S. 303—304.

¹⁰ Bürger an einen Freund über seine teutsche Ilias. «Der Teutsche Merkur», 1776, IV. Vierteljahr, October, S. 46—67.

¹¹ «Deutsches Museum», 1776, Stück 11, November, S. 957—982.

¹² Перед лицом рыцарей нашего народа и их ветреных оруженосцев ты на зло мне выезжаешь вооруженный на мое поле и бросаешь мне перчатку (нем.).

¹³ Подробнее о работе Бюргера над переводом «Илиады» см.: W. von W u r t z b a c h, op. cit., S. 46—52, 159—170, 204—206.

¹⁴ Об этом произведении см.: Georg R a n s o h o f f. Untersuchungen über Wielands «Geron». «Vierteljahrsschrift für Litteraturgeschichte», Bd. III, 1890, S. 530—541.

¹⁵ Friedrich S e n g l e. Wieland. Stuttgart, 1949, S. 348—349.

«Любовь ради любви» («*Liebe um Liebe*», 1776; впоследствии «*Gandelin, oder Liebe um Liebe*») — эпическое произведение Виланда, печатавшееся в «Немецком Меркурии» с мая по декабрь 1776 года. В письме от ноября этого года Бюргер спрашивал Виланда, когда он завершит «великолепную» «Любовь ради любви». ¹⁶

Вместе с письмом Бюргер послал Виланду свою бурлескную поэму «История принцессы Европы», которую он написал на мифологический сюжет похищения Европы Зевсом и опубликовал отдельным изданием в 1777 году в Геттингене, скрывшись под псевдонимом «магистр Иокозус Хилариус». ¹⁷

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 24.

W[öllmershausen] den 3ten April 1777.

Der Geist Homers, mein Theurester, war von mir gewichen und ich wuste nicht wohin? bis ich innen ward, daß er eine Excursion zu Ihnen gemacht und Ihnen *Geron* den *Adelichen* eingegeben hatte. Hätt' ich Sie nicht so lieb, wäre mein Wohlbehagen an diesem *Geron* nicht so groß, so müste ich Ihnen noch scheeler sehen, als Friz Stollbergen. Dieser streifte doch nur in mein Feld, aber Sie fallen mir gar in das Innerste meines Hauses, und entreißen mir aus dem Busen, was ich vor aller Räuberey versteckt und für mich allein zu behalten glaubte. *Δαίμονες!* — — — —

Aber sagen Sie mir, ist denn Ihres poetischen Reichthums gar kein Ende? Alle Tage, die Gott werden läßt, stolzieren Sie ja in einem neuen Feyer Kleide und jedes ist Ihr eignes. Die Garderobe des Grafen von Brül muß sich gegen Ihre poetische verstecken. Unsereiner sollte schier allen Mut verlieren, sich in seiner Armsee-lichkeit noch weiter zu produzieren.

Ich bin kürzlich über vier Wochen in Hannover gewesen, wo *Geron* die Aufnahme gefunden hat, die sein so überaus adeliches Wesen und Gebärde verdient. Auch Ihr *Liebe um Liebe* wird bewundert; aber mir noch um neun und neunzig Theile zu wenig. Hätte so was ein Franzos gesungen, so würden alle Himmel und aller Himmel Himmel von Jubelgeschrey wiederhallen. O Teutschland! Teutschland! — Aber es wird nicht immer so seyn. Es wird eine Zeit kommen, wo wir minder gelehrt, aber desto weiser seyn werden. Ist es doch schon jezt so sehr viel anders, als es vor zehn Jahren war.

¹⁶ Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. I, S. 369.

¹⁷ Полное название издания: Neue weltliche hochteutsche Reime enthaltend die ebentheyerliche doch wahrhaftige Historiam von der wunderschönen Durchlaughtigen Kaiserlichen Prinzessin Europa und einem uralten heydnischen Gözen Jupiter item Zeus genannt, als welcher sich nicht entblödet, unter dem Larve eines unvernünftigen Stieres an höchstgedachter Prinzessin ein crimen raptus, zu teutsch: Jungferabraub auszuüben. Also gesezet und an das Licht gestellt durch M. Jocosum Hilarium, Poet. caes. laur., 1777.

Für Ihren adelichen Ritter übersendet Ihnen mein Freund M. Jocosus Hilarius einen kleinen muthwilligen Foot Page, dessen Schwänke gern ein bischen belächelt seyn möchten. Auch läßt der Magister einen Schattenriß von Sich beyfügen, welcher, wie die physiognomischen Herrn und Damen in Hannover sagen, ihm nich' unähnlich seyn soll. Er bittet, hübsch was rühmliches in diesem Profil zu finden.

De super nobile officium Domini Judicis implorando.

Bürger

Darf ich Sie bitten, die beygelegten Exemplare von der *Europa* nach den Adressen an die Behörden abgeben zu lassen? Ein Schattenriß ist noch für *Göthen*.

Перевод

Вельмерсхаузен, 3 апреля 1777 г.

Дух Гомера, дражайший мой, отступил от меня, и я не знал куда, пока не увидел, что он отправился к вам и внушил вам «Знатного Герона». Если бы вы не были так дороги мне, а мое удовольствие от этого Герона не было столь велико, я бы стал на вас коситься еще хуже, чем на Фрица Штольберга. Этот хоть только вторгся в мое поле, вы же врываетесь в самые сокровенные тайники моего дома и отторгаете от моей груди то, что я рассчитывал утаить от всех грабителей и сохранить для себя одного. *Даймоиё!*¹⁸

Но скажите же мне, неужто нет предела вашему поэтическому богатству? Каждый божий день вы щеголяете в новом праздничном наряде, и все они ваши собственные. Гардероб графа фон Брюля — ничто по сравнению с вашим поэтическим гардеробом. А у нашего брата, верно, совсем пропадет охота что-либо еще творить в своем ничтожестве.

Недавно я с месяц пробыл в Ганновере, где «Герону» был оказан прием, какого заслуживают его исключительное благородство и внешность. Ваша «Любовь ради любви» также вызывает восхищение, но, по-моему, на девяносто девять сотых меньшее, чем она заслуживает. Если бы такое спел француз, то крики восторга огласили бы все небеса и все небеса небес. О Германия! Германия! — Но не вечно же так будет. Придет время, когда мы станем менее учеными, да зато более мудрыми. Уже теперь многое изменилось по сравнению с тем, что было десять лет назад.

¹⁸ Поразительный вы человек (греч.).

Для вашего знатного рыцаря мой друг магистр Иокозус Хилариус посылает вам маленького, резвого Foot page,¹⁹ над шутками которого можно немного посмеяться. Также прилагает магистр свой силуэт, который, по утверждению физиогномических господ и дам Ганновера, не лишен сходства с ним. Он очень вас просит отыскать в этом профиле что-нибудь заслуживающее одобрения.

De super nobile officium Domini Judicis implorando.²⁰

Бюргер

Смею ли я вас просить передать прилагаемые экземпляры «Европы» властям по указанным адресам? Один силуэт еще для Гете.

В.-Г. Беккеру

Адресат В.-Г. Беккер (о нем см. выше, стр. 155) устанавливается на основании упоминания в письме его произведения «Пригожая булочница». Этот шванк был опубликован, за подписью «В*г», в 1781 году в «Немецком музее»,²¹ журнале, издававшемся в Лейпциге другом Бюргера Генрихом Христианом Бойе (Boie, 1744—1806).²² Немецкие исследователи высказывали различные предположения по поводу автора «Пригожей булочницы»; в частности, назывался даже Бюргер.²³ Вальтеру Хофштеттеру удалось на основании обнаруженного неопубликованного письма Бойе к И.-Г. Фоссу от 25 февраля 1781 года установить, что автором шванка являлся Беккер.²⁴ Из двух Беккеров, сотрудничавших в «Немецком музее», — Вильгельма Готлиба и Готхельфа Вильгельма Руперта (ум. 1823),²⁵ — автором «Пригожей булочницы» Хофштеттер считал последнего. Однако из публикуемого письма Бюргера видно, что его адресатом, а следовательно, и автором «Пригожей булочницы» был Вильгельм Готлиб Беккер. Так, в своем письме Бюргер говорит о путешествии адресата по Швейцарии. Действительно, В.-Г. Беккер во время своих зарубежных странствий в 1778—1782 годах большую часть времени провел в Швейцарии. Под предстоящей пасхальной ярмаркой, во время которой Бюргер рассчитывал встретиться с адресатом, несомненно имеется в виду известная ежегодная весенняя ярмарка в Лейпциге, куда Беккер вернулся после зарубежной поездки.

¹⁹ Пажа (англ.).

²⁰ В остальном, взывая к благородному долгу господина судьи, остаюсь (лат.).

²¹ Die schöne Bäckerin. Eine Legende. «Deutsches Museum», 1781, Bd. I, Stück 2, Februar, S. 154—175.

²² См. о нем: Karl Weinhold. Heinrich Christian Boie. Beitrag zur Geschichte der deutschen Literatur im achtzehnten Jahrhundert Halle, 1868.

²³ Различные атрибуции этого шванка перечислены в работе: W. Hofstaetter. Das Deutsche Museum (1776—1788) und das Neue Deutsche Museum (1789—1791). Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Zeitschriften im 18. Jahrhundert. Leipzig, 1908, S. 231 f.

²⁴ Ibid.

²⁵ О последнем см.: K Goedeke. Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung, Bd. V, 2-e Aufl., Dresden, 1893, S. 514.

Кроме того, о дружеских отношениях между двумя писателями свидетельствует сохранившееся письмо В.-Г. Беккера к Бюргеру от 18 сентября 1782 года.²⁶ Наконец в коллекции, в которой хранится настоящее письмо, имеется много писем к В.-Г. Беккеру (в том числе Виланда, Гердера, Шиллера, Ф. Вольфа и Геснера, публикующиеся в настоящем издании), т. е. владелец ее, очевидно, приобрел часть архива В.-Г. Беккера. Напротив, никаких писем к Г.-В.-Р. Беккеру в коллекции нет.

Публикуемое письмо написано в Аппенроде, имени, которое Бюргер арендовал в 1780—1784 годах. Он пишет о намерении совершить летом 1782 года поездку в Швейцарию.²⁷ Это ему рекомендовали и его друзья Л.-Ф.-Г. Гекинг (Goekingk, 1748—1828) и Бойе.²⁸ Однако осуществить свое намерение ему не удалось.²⁹

Вместе с письмом Бюргер посылал очередной выпуск «Геттингенского альманаха муз» («Göttinger Musenalmanch») на 1782 год.³⁰ В этом альманахе были помещены три поэтические произведения Бюргера: «Новозеландская боевая песнь» («Neuseeländisches Schlachtlied», S. 23—25), «Дочь таубенгайнского пастора» («Des Pfarrers Tochter von Taubenhain», S. 114—124) и «Госпожа Шнипс» («Frau Schnips», S. 146—155). Бюргер редактировал «Геттингенский альманах муз» с 1778 по 1794 год (с этим связан его упрек адресату в том, что тот передал «Пригожую булочницу» не в его альманах, а в «Немецкий музей» Бойе). Издавался альманах упоминаемым в письме издателем и книготорговцем Иоанном Христианом Дитрихом (Dietrich, ум. 1880), который находился в дружеских отношениях с Бюргером.³¹

В конце письма Бюргер упоминает о своем замысле издания сказок «Тысячи и одной ночи» в немецком пересказе. Об этом издании Бюргер объявлял еще в мае 1781 года и работал уже над ним около года. Однако одновременно Фосс объявил о своем намерении перевести французский перевод Галлана (Galland) «Тысячи и одной ночи», и это обстоятельство заставило Бюргера отложить выпуск первого тома своего издания, а впоследствии совсем отказаться от него.³²

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, лл. 71—72 об.

Appenrode d[en] 26. Sept[ember] 1781.

Mit welchen Posten, mein liebster Bruder, soll ich auf Ihren so überaus gütigen Brief vom 26. Jun. d. J. antworten? Wie sehr kränkt es mich, daß ich nur einen Augenblick den Wahn bei Ihnen

²⁶ Briefe von und an G. A. Bürger, Bd. III, S. 92—93.

²⁷ См. также письмо Бюргера к Гекингу от 6 августа 1781 года — «Vierteljahrsschrift für Litteraturgeschichte», 1890, Bd. III, Hf. 2, S. 435—436.

²⁸ См. письма к Бюргеру Гекинга от 31 июля и Бойе от 6 августа 1781 года — Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. III, S. 47, 52.

²⁹ W. von Wurzbach, op. cit., S. 179.

³⁰ Этот альманах издавался в августе 1781 года; см. письмо И.-Х. Дитриха к Бюргеру от 6 августа и Бюргера к Дитриху от 9 августа 1781 года — Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. III, S. 48—50.

³¹ См. их переписку: Gottfried August Bürger und Johann Christian Dietrich. Leipzig, 1910. Это очень редкое издание, выпущенное тиражом в 59 экземпляров для мюнхенского общества библиофилов, имеется в ГПБ.

³² W. von Wurzbach, op. cit., S. 213—214.

veranlaßen konte, daß ich Sie nicht von ganzem Herzen hochschätze und liebte! Verkannt, mein Lieber, habe ich Sie nie; wie wol ich gern gestehe, daß ich Sie sonst nicht so gekannt habe, als ich nun Sie zu kennen mir schmeichle. Doch alles Vergangene bleibt dahinten; auf dem noch übrigen Wege durchs Leben, den wir zu wandeln haben, wollen wir uns nicht wieder fahren lassen.

Herzlich freue ich mich auf künftige Ostermesse; da ich Sie, wenn Gott will, zu umarmen gedenke. Da sollen Sie mir recht viel von Ihrer Reise erzählen. Wenn mir kein unvorgesehenes Hindernis dazwischen komt, so wende ich den nächsten Sommer zu einer ähnlichen Ausflucht an, um nur die Elasticität des Leibes und Geistes wieder zu holen, die ich verloren habe.

Etwas habe ich denn doch wieder gedichtet, wie Sie aus dem hierneben Ihnen zukommenden Alm[anach] ersehen werden. Es haben mich aber dazu mehr äußere Umstände, als innere Neigung angetrieben. Denn mein alter guter Freund Dietrich warf mirs beinahe im bösen vor, daß ich nichts mehr von mir im Alm[anach] gäbe. Es ist doch sonderbar, daß man sich so ändern kann. Möglich ist es allerdings, daß eine Schweizerreise mich ganz wieder umstimmt.

Ihre schöne Bäckerin, mein Lieber, hätten Sie hübsch mir verehren sollen. Aber Sie waren wol damals böse auf mich, als Sie sie Boien schenkten. Ich hoffe, Sie sollen nie wieder böse auf mich werden; am aller wenigsten dann, wenn eine Reise zu Ihnen mich ganz von der grämlichen Laune geheilt haben wird, in welche mich die bisherigen Schicksale meines Lebens versetzt haben.

Schreiben Sie mir doch recht oft, mein Lieber, wenn Sie anders Zeit und Lust dazu haben. Auf sehr viel Briefe von mir aber müssen Sie, wenigstens unter meinen jezigen Umständen, nicht rechnen. Denn wiewol es mir keinesweges an Lust fehlet, so raubet mir doch ein Wust von unangenehmen und zum Theil sehr nichtswürdigen Geschäften, welche mir die dura necessitas auflegt, die Zeit zu den weit angenehmern. Doch ich will mich bemühen, Sie wenigstens durch Receptisse von meinem guten Willen zu versichern.

Von meiner 1001 Nacht hat mit dieser Michaels Messe der 2-te Theil noch nicht erscheinen können. Ich hoffe aber, daß künftigen Winter die Hindernisse, die mich bisher fesselten, wegfallen werden. Ach, ich hätte wol noch manches Project, ungleich mehr wehrt, als dieses, wenn — das fatale *wenn* nicht so mächtig über die Menschenkinder tyrannisirte. Wer doch so ein Paar Jährchen in einer stillen verborgenen Schweizerhütte, abgeschieden von allen Sorgen des Lebens zubringen konnte.

Leben Sie wohl und behalten Sie mich lieb Ihren getreuen

G. A. Bürger

Перевод

Аппенроде, 27 сентября 1781 г.

С какой почтой, милейший собрат, должен я отвечать на ваше столь необычайно любезное письмо от 26 июня сего года? Как мне больно, что я на мгновение подал вам повод для ложного мнения, будто я вас не ценю и не люблю от всего сердца! Несправедливым к вам, мой милый, я никогда не был, хотя охотно признаю, что никогда не знал вас так, как, льщу себя надеждой, знаю теперь. Но все прошедшее остается позади; на оставшемся жизненном пути, который нам предстоит пройти, мы уже никогда больше не покинем друг друга.

Сердечно радуюсь предстоящей пасхальной ярмарке, где я вас, если бог даст, рассчитываю обнять. Там вы сможете мне немало рассказать о вашем путешествии. Если тем временем не возникнет какого-либо непредвиденного препятствия, то следующим летом я постараюсь совершить такую же поездку, чтобы вновь обрести упругость тела и духа, которую я уже утратил.

Кое-что я все-таки опять сочинил, как вы увидите из посылаемого при сем альманаха. К этому, однако, меня побудили скорее внешние обстоятельства, нежели внутренняя склонность. Дело в том, что мой старый добрый друг Дитрих в сердцах упрекнул меня за то, что я уже больше не даю в альманахах ничего своего. Удивительно, однако, что можно так меняться. Во всяком случае надеюсь, что путешествие в Швейцарию совершенно изменит мое настроение.

Вам, мой дорогой, конечно, следовало бы поднести мне вашу пригожую булочницу. Но вы тогда, видно, сердились на меня, ибо подарили ее Бойе. Я надеюсь, что вы никогда больше не станете сердиться на меня, а тем менее тогда, когда поездка к вам вполне исцелит меня от угрюмости, в которую меня до сих пор повергали превратности моей судьбы.

Пишите же мне почаще, мой дорогой, если только вы будете на то иметь время и охоту. Однако вы не должны рассчитывать на частые письма от меня, по крайней мере при моих нынешних обстоятельствах. Ибо, хотя у меня ни в коей мере нет недостатка в желании, однако куча весьма неприятных и отчасти гнусных дел, которые мне подносит *dura necessitas*,³³ похищает у меня время, которое можно было бы употребить на значительно более приятные дела. Но я постараюсь обеспечить вас по крайней мере посредством *Reserpisse*³⁴ моей доброй воли.

³³ Суровая необходимость (лат.).

³⁴ Расписок (франц.).

2-я часть моей «Тысячи и одной ночи» не сможет на этот раз появиться к ярмарке в день св. Михаила. Однако я надеюсь, что в следующую зиму препятствия, сковывающие меня до сих пор, отпадут. Ах, у меня было бы еще много проектов несравненно более ценных, чем этот, если бы роковое если бы не господствовало столь тиранически над родом людским. Но кто же мог бы так вот провести пару годков в тихой, скрытой от взоров швейцарской хижине, удаленной от житейских забот.

Прощайте и любите меня вашего преданного

Г. А. Бюргера.

Фридерике Брун

Фридерика София Христина Брун (Brun, урожденная Мюнтер, Münster, 1765—1835) — немецко-датская писательница — поэтесса и автор путевых очерков,³⁵ познакомилась с Бюргером в 1782 году, когда она, 17-летней девушкой, отправившись с отцом из Копенгагена в поездку по Германии, посетила Геттинген. Посещение Геттингена было, по-видимому, связано с пребыванием там старшего брата Фридерики Фридриха Христиана Карла Генриха Мюнтера (1761—1830) — студента Геттингенского университета в 1781—1783 годах, изучавшего там философию и богословие; впоследствии он стал профессором богословия Копенгагенского университета, а потом епископом; занимался также археологией и востоковедением. Как видно из публикуемого письма Бюргера, поэт подружился с молодым богословом в годы учения того в Геттингене (Геттинген расположен неподалеку от Аппенроде, где жил Бюргер).

Знакомство с Бюргером Фридерика Мюнтер отметила в своем путевом дневнике: «Там я завязала знакомство, о котором давно мечтала, с амтманом Бюргером, открытым, прекрасным человеком. Он читал нам свой перевод „Макбета“».³⁶ Очевидно, этот дневник и упоминается в письме Бюргера; он был издан в конце 1782 года для узкого круга друзей Фридерики.³⁷

Письмо не датировано. Судя по содержанию, оно написано весной. Упоминанием поездки Бюргера в Гамбург, совершенной им зимой 1782—1783 года,³⁸ время написания письма уточняется: весна 1783 года.

³⁵ Ей посвящены две диссертации: L. Vobé *Friderikke Brun og hendes Kreds hiemme og ude*. Kopenhagen, 1910; Rosa Olbrich. *Die deutsch-dänische Dichterin Friderike Brun, ein Beitrag zur empfindsam-klassizistischen Stilperiode*. Breslau, 1932. — Константин Брун, за которого она вышла замуж в 1783 году, в прошлом был датским консулом в Петербурге; супруги Брун после женитьбы поехали в Петербург, где Фридерика была представлена Екатерине II (см.: L. Vobé. *Aus Friderike Bruns Tagebuch*. «Deutsche Rundschau», Bd. CXXIII, 1905, S. 231—232).

³⁶ Цит. по: R. Olbrich, *op. cit.*, S. 13. — Бюргер назван здесь амтманом (уездным судьей); эту должность поэт занимал с 1772 по 1784 год.

³⁷ F. Münster. *Tagebuch meiner ersten Reise*. Kopenhagen, 1782.

³⁸ См. письма Доретты Бюргер к Г. Леонгардту от 25 декабря 1782 года,

Поездка в Копенгаген, которую Бюргер предполагал осуществить летом 1783 года, очевидно, не состоялась. Новая встреча Бюргера с Фридерикой Брун произошла только летом 1789 года, когда она, вместе с сопровождавшим ее Иенсом Баггесном (см. ниже, стр. 214), останавливалась на несколько дней в Геттингене по пути на курорт Пирмонт. Фридерика Брун наша поэтэ «одиноким, покинутым и забытым» и приглашала его приехать в ее имени под Копенгагеном.³⁹

Памятью об этой встрече остались стихотворение Бюргера «Госпоже Б., урожденной М.» («An Madame B., geb. M.», 1789) и его письмо к ней от 29 октября 1789 года.⁴⁰ Больше они не встречались.

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 24.

Wenn diese Worte so gut ungelesen bleiben, als das ungedruckt geblieben ist, was ich einst in ein gewisses Tagebuch schrieb, so thäte ich wohl besser meine Pfeife Taback und Tasse Thee in Ruhe zu genießen. Sie sehen hierauf, liebste beste Friederike, daß wir eben Taback rauchen und Thee trinken und ich melde Ihnen diese interessante Nachricht um keiner andern Ursache willen, als weil sie mir hier auf diesem Blatte zu einigen Zeilen Stof giebt, die ich sonst gewiß und wahrhaftig nicht herzuschaffen wüste. Denn glauben Sie nur, so herrlicher Geistesgaben wir von Gottes Gnaden uns auch rühmen, und so sehr Sie es auch verdienen, daß alle diese Geistesgaben sich in Aufruhr sezen, Ihnen etwas gescheidtes zu sagen, so liegen sie doch eben diesen Abend in einem so bleiernen Schlafe begraben, daß ich platterdings nichts weiter vorzubringen weiß, als: Herr Friedrich Münster aus Copenhagen, ein Jüngling großer Hofnungen und ich Gottfried August Bürger, Verfasser vieler Reime, trinken jezt in Appenrode Thee und rauchen Taback. — Das war denn doch fürs erste wenigstens ein Eingang. Wenn man sonst den erst hat, so pflegt es mit dem Fortgange keine Noth zu haben. Aber bei mir würde das jezt doch nicht zutreffen, wenn mich nicht Ihr liebes vor mir liegendes Tagebuch an den warmen herzlichen Dank erinnerte, den ich Ihnen dafür herzuschreiben habe. Mit innigem Vergnügen habe ich es in voriger Nacht, da der gute Friz schon zu Bette war, durchgelesen, und jene schönen göttingischen Stunden, so viel es nur irgend möglich war, von neuem gelebt. Ich dachte zwar schon längst, es ließe mich gleichgültig was auch noch gutes von mir gesagt, oder gedruckt würde; allein ich rechnete nicht auf das, was eine so gute liebe Seele von mir sagen

Л.-Ф.-Г. Гекинга к Бюргеру от 7 марта 1783 года и Бистера к Бюргеру от 22 марта 1783 года — Briefe von und an G.-A. Bürger, Bd. III, S. 106, 110, 111.

³⁹ «Deutsche Rundschau», Bd. CXXIII, 1905, S. 232; см. также отрывок из воспоминаний Фридерики Брун о том, как Бюргер читал ей свои стихи, когда они во время загородной прогулки были застигнуты дождем и укрылись в руинах (см.: L. V o b é. Findlinge aus dänischen Privatarhiven. «Euphorion», Bd. XV, 1908, S. 52—53).

⁴⁰ «Euphorion», Bd. XV. 1908, S. 53.

кönnte. Und wenn irgend seit langer Zeit meinem Herzen etwas geschmeichelt hat, so ist es dieses gewesen.

Wenn ich vor einigen Wochen eben so gut im Sommer zu Hamburg gewesen wäre, als ich es in den rauhesten Tagen dieses Winters war, so hätte ich gewiß einen Absprung zu Ihnen auf Copenhagen gemacht. O wie hätte ich mich dieses Wiedersehens freuen wollen, und das um so mehr, da ich hätte hoffen dürfen, ebenfals gern von Ihnen, und den lieben Ihrigen aufgenommen zu werden. Ich hoffe es aber zu dem Gotte der Freundschaft, er werde mir diese Wonne noch ein andermal gewähren, ehe der Tod das Überrestchen von Farbe in meinem Gesichte noch vollends ausbleicht.

Leben Sie wohl, beste, und empfehlen Sie mich Ihren vortrefflichen Eltern.

Bürger

Перевод

Если эти слова останутся так же непрочитанными, как осталось ненапечатанным то, что я однажды написал в известном дневнике, то я конечно поступил бы лучше, наслаждаясь в покое своей трубкой табаку и чашкой чая. Отсюда вы видите, любезнейшая и милейшая Фридерика, что мы сейчас как раз курим табак и пьем чай, и я сообщаю вам это интересное известие не по какой иной причине, как потому, что оно дает мне здесь, на этом листе, материал для нескольких строчек, которые иначе я бы конечно и в самом деле не смог бы сочинить. Ибо поверьте мне, сколь великолепными духовными дарами мы ни славились бы по милости божьей и как бы вы к тому же ни заслуживали того, чтобы мы привели все эти духовные дары в движение и сказали вам что-либо путное, они, однако, в этот вечер покоятся в таком свинцовом сне, что я решительно не могу ничего извлечь из себя, кроме как: господин Фридрих Мюнтер из Копенгагена, юноша, подающий большие надежды, и я. Готфрид Август Бюргер, автор многих стихов, пьем сейчас в Аппенроде чай и курим табак. — Это было, во-первых, по крайней мере вступлением. Ведь когда оно уже имеется, то обычно за продолжением дело не станет. Но со мною этого сейчас не произошло бы, если бы ваш милый, лежащий передо мной дневник не напоминал мне о теплой сердечной благодарности, которую я должен написать вам за это. Прошлой ночью, когда добрый Фриц был уже в постели, я с искренним удовольствием перечел его и снова пережил, насколько это было возможно, те прекрасные часы в Геттингене. Правда, я уже давно думал, что останусь равнодушным, что бы обо мне ни говорили или печатали хорошего; я только не рассчитывал на то, что может сказать

обо мне такая добрая, милая душа. И если за долгое время что-либо польстило моему сердцу, так это было именно теперь.

Если бы мне пришлось провести несколько недель в Гамбурге летом, как я провел там самые суровые дни этой зимы, я бы конечно совершил прыжок к вам в Копенгаген. О, как бы я был рад этому свиданию, тем более что я бы смел тогда надеяться на то, что меня милостиво примут как вы, так и ваши милые близкие. Я все же надеюсь на бога дружбы, что он доставит мне еще раз это блаженство, прежде чем смерть окончательно выбелит остатки румянца на моем лице.

Прощайте любезнейшая, кланяйтесь вашим превосходным родителям.

Бюргер

ИОГАНН ГОТФРИД ГЕРДЕР И КАРОЛИНА ГЕРДЕР

К.-М. Виланду

Публикуемое письмо не датировано. На последней странице рукой неизвестного (не Виланда) сделана помета: «Von Herder und dessen Frau, 1783» («От Гердера и его жены, 1783»). Однако год здесь указан ошибочно: судя по содержанию письма, оно могло быть написано только в начале 1785 года.¹

В 1784 году вышла в свет первая часть основного философского труда Гердера — философского обзора развития природы и человеческого общества — «Идеи о философии истории человечества» («Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit», 1784—1791). 10 июля 1784 года Х.-Г. Шютц (о нем см. выше, стр. 179) обратился к Канту с просьбой написать рецензию на книгу Гердера для «Всеобщей литературной газеты» («Allgemeine Litteratur-Zeitung»), которая должна была начать выходить в Иене с 1785 года.² Кант относился к работе своего бывшего ученика резко отрицательно и полемизировал с ним в своей статье «Идея мировой истории с космополитической точки зрения» («Idee zu einer allgemeinen Geschichte in Weltbürgerlicher Absicht»)³.

¹ На это указал нам д-р Г.-В. Зейферт (ГДР).

² Robert T. Clark, Herder, his Life and Thought. Berkeley and Los Angeles, 1955, p. 316—317.

³ «Berliner Monatschrift», 1784, November. — Мы не имеем здесь возможности останавливаться на существовании философских расхождений Гердера и Канта и полемике между ними. Этот вопрос рассматривается во всех основных работах о Гердере; кроме того, имеется специальная литература об отношениях Гердера и Канта. Работы до 1916 года по этому вопросу перечислены в книге: Karl Goedeke, Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung, Bd. IV, Abt. 1, 3-e Aufl., Dresden, 1916, S. 711—712. Основные работы этого периода: Anna Tumarikin, Herder und Kant. Bern, 1896; H. Meyer-Benfey, Herder und Kant. Halle, 1904. В первой работе (стр. 1—4) дается критический обзор предшествующей литературы вопроса. Из новейших работ следует назвать: Theodor Litt, Kant und Herder als Deuter der geistigen Welt. Leipzig, 1930; Heinrich Springmann, Herders Lehre vom Naturschönen in Hinblick auf seinen Kampf gegen die Aesthetik Kants. Jena 1930; Irmelin Grabowsky, Herders Metakritik und Kants Kritik der reinen Vernunft. Dortmund, 1934. Попытка освещения полемике Канта—Гердера с марксистской точки зрения сделана в статье Пауля Реймана «Гердер — переловой боец гуманизма» (Paul Reimann, Über realistische Kunstauffassung.

Рецензия Канта на первую часть «Идей» была опубликована анонимно в № 4 «Всеобщей литературной газеты» (6 января 1785 года). Однако, несмотря на отсутствие подписи, всем было ясно, кто является ее автором. Кант утверждал, что гердеровская философия истории не заслуживает названия философии в строгом смысле слова, и почти полностью отрицал научные достоинства книги.

Когда Гердер искал среди своих знакомых и друзей человека, который мог бы ответить Канту, ему на помощь пришел Виланд. Последний уговорил близкого ему К.-Л. Рейнгольда⁴ сделать это в «Немецком Меркурии». Статья Рейнгольда была напечатана в февральской книжке журнала за 1785 год; имя автора не было указано, он был назван «пастор***».⁵

Публикуемое письмо, как видно из его содержания, написано после того, как Гердер ознакомился со статьей Рейнгольда в корректуре, которую он возвращал Виланду при письме. Письмо представляет интерес не только тем, что в нем отражено отношение Гердера к рецензии Канта; об этом отношении было уже известно раньше по другим письмам писателя.⁶ На основании данного письма можно также установить долю участия Гердера в статье Рейнгольда. Действительно, Рейнгольд учел замечания и пожелания Гердера: стр. 159—161 статьи в сущности являются изложением мыслей Гердера, высказанных в письме; из статьи была устранена фраза, против которой Гердер возражал; наконец, Рейнгольд заключил статью рассуждением о значении метафизики (стр. 173—174), сходным с тем, что имеется в письме Гердера.

На это письмо Виланд отвечал Гердеру: «Я вновь дышу свободно. Любезнейший Гердер, с тех пор, как имею вашу собственную руку и подпись в залог того, что вы не совсем недовольны известной рецензией.⁷ В столь короткий срок нельзя было достать другой. Но вам пристало более смотреть на доброе намерение и любовь, нежели на самое даяние. Я непрерывно читаю вашу книгу и, дойдя до конца, вновь принимаюсь за нее с начала; но чем больше я читаю ее, тем меньше я способен ее рецензировать. Для меня это было бы (как я вчера сказал вашей супруге) все равно, что рецензировать саму природу».⁸

Berlin, 1949, S. 159—192). См. также вступительную статью В. М. Жирмунского к изданию: И.-Г. Гердер. Избранные сочинения. М.—Л., 1959. стр. XVIII—XIX.

⁴ Карл Леонард Рейнгольд (Reinhold, 1758—1823) — немецкий философ, популяризатор кантовской философии. В 1785 году Рейнгольд, однако, был еще мало знаком с «Критикой чистого разума» (1781). Основным вышедшим к тому времени сочинением Канта, Виланд познакомился с Рейнгольдом в 1784 году, когда последний приехал в Веймар и привлек его к сотрудничеству в «Немецком Меркурии». В 1785 году Рейнгольд стал зятем Виланда. Биографию Рейнгольда и письма к нему Виланда см.: Robert Keil. Wieland und Reinhold. Original-Mittheilungen, als Beiträge zur Geschichte des deutschen Geisteslebens. Leipzig—Berlin, 1885.

⁵ Schreiben des Pfarrers zu *** an den H. des T. M. Über eine Recension von Herders Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. «Der Teutsche Merkur», 1785. 1. Vierteljahr, Februar, S. 148—174.

⁶ Р. Гайм. Гердер, его жизнь и сочинения. Перевел с немецкого В. Н. Неведомский, т. II, М., 1888, стр. 263—266.

⁷ Виланд имеет в виду статью Рейнгольда.

⁸ Ausgewählte Briefe von C.-M. Wieland an verschiedene Freunde, in den Jahren 1751 bis 1810 geschrieben, und nach der Zeitfolge geordnet. Bd. III. Zürich, 1815, S. 439—350.

Следует отметить, что в дальнейшем Гердер сохранил глубокое уважение к Рейнгольду. В письме к И.-В.-Л. Глейму от 22 августа 1785 года он писал: «Вообще Рейнгольд достойный человек, не только в науке, но и по своему уму и житейской мудрости. Все это весьма счастливо уживается в нем».⁹

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 24.

Ich danke Ihnen, bester W[ieland] u[nd] Ihrem Hrn. Pfarrer aufs verbindlichste, Ihnen für die Veranlaßung u[nd] Mittheilung, diesem für die *freundschaftliche* u[nd] *ernste* Bearbeitung des zurückkommenden Werkleins. Die Rec[ension] kommt durch dasselbe in ein Licht der Aufmerksamkeit, die sie schwerlich verdiente; aber freilich welche Schaaren von Lastthieren im lesenden Publicum giebts nicht, die derselben ein hohes Vivat zugerufen haben mögen, wovon ja die Beispiele auch unter uns auf 2. Beinen *in aufgerichteter Gestalt* u[nd] mit hellem mercantilischen Kopfe umherwandeln.

Da ich nun als Verf[asser] über den Gesichtspunkt, den andre bei meinem Buch nehmen, über die Gewichte des Werths oder Unwerths, den sie auf die Waage legen, eigentl[ich] gar nicht zu urtheilen habe: so bleibt nur zwischen dem Rec[ensenten] u[nd] meinem Vertheidiger nichts zu sagen übrig, als daß dieser durchaus in meinen Sinn eingegangen u[nd] wie mich dünkt, die schiefe geheime Bosheit des Ersten mit einer Gründlichkeit u[nd] bescheidenen Wahrheitliebe in ein Licht gestellt hat das Jedermann in die Augen leuchten muß. Was er über die Metaphysik gesagt hat, ist vortreffl[ich] u[nd] äußerst wahr; nur wünschte ich nicht, daß er mein Buch derselben so scharf entgegen stellte. Es giebt eine Menge Menschen, die da behaupten, daß es Dtschl. an nichts weiter als an — Metaphysik, an ächter, gründlicher Metaphysik fehle. Ich liebe u[nd] lobe diese Wissenschaft herzl[ich] wo aber von Philos[ophie] *der Gesch[ichte]* allein die Rede war, konnten durchaus keine Entwickl[ung] a priori (gesetzt, daß sie wie Kant u[nd] Consorten wollen, auch die einzige wahre Philos[ophie] wäre) aufgebracht werden. Wer glaubt, daß es keine Philos[ophie] über facta gebe: der scheidet sich von mir, für ihn ist das Buch nicht geschrieben. In Geschichte muß von Gesch[ichte] die Rede seyn — hier *müßte* ich also die Metaphys[ik] von mir ablehnen — ich wünschte, daß H[err] R[einhold] dies nur mit Einem Wort rügte: denn es ist die Hauptverdrehung des Gesichtspunkts, die alles ändert. Nun müssen meine Entwicklungen u[nd] Beweise nur analogisch, ihre Gewißheit nur historisch oder moralisch seyn etc. Eine Metaphysik der Geschichte hat nur der, bei dem alle Geschichte als schon vergangen daliegt. So ein Mann ist nun wohl H[err] Prof[essor] Kant, so wohl in seiner Weltbürgeridee, als in seiner reinen Vern[unft] aber ich nicht.

⁹ Von und an Herder. Ungedruckte Briefe aus Herders Nachlaß. Hrsg. v. H. Düntzer und F.-G. von Herder, Bd. I. Leipzig, 1861, S. 112.

Ich würde Ihnen, lieber W. u. Frau Hr.
 Herrin auf's herzlichste, Ihnen für die vor-
 ausgesetzte u. Mittheilung, die ich für die fortwäh-
rende u. große Bearbeitung der ganz in's öffentliche
Verständ. von Hr. Kant Briefwechsel in neuer
ausg. d. 1. u. 2. Bände, die Sie schon seit mehreren Jahren
 unter der Hand von Christophen im Londoner Publicum
 nicht weiß, die der selben ein solches Privat zugethan
 haben mögen, davon zu die Beispiele auch unter uns
 auf 2. Seiten in ausgewählter Gestalt u. mit allem
 unentgeltlichen Wohlwollen zu überreichen.

Sie ist mir als Kunstwerk der Geisteskunst, die
 auch bei meinem Briefe stehen, aber die Gewichte des Werts
 oder Nutzens, die Sie auf die Waage legen, rechtlich-
 zar nicht zu überschätzen kann: so steht mir gewiss dem
 Hr. u. meinem Verdienste zu sagen übrig, als
 daß dieser Verdienst in meinem Sinn zuzurechnen u.
 mir nicht steht, die besten deutschen Briefe der ersten u. zweiten
 mit einer gründlichen u. besondern Aufmerksamkeit in mir

Письмо Н.-Г. и К. Гердер к К.-М. Виланду. Начало 1785 г.
 Первая страница.

Ich wünschte also *auch nur mit Einem Wort* etwa berührt, welche Unschicklichkeit es sei, bei einem Buch was von lauter factis, dem Titel nach handeln kann, auf *alle diese facta gar keine Rücksicht* zu nehmen u[nd] zu thun, als ob sie nicht da wären.

Darf ich endlich bitten, daß auf dem 5. Blatt S. 6 «u[nd] nun greift er an die orthodoxe Sturmglöcke» ganz wegblieben u[nd] dieser ganze Punkt mehr im Schatten gehalten würde. Die boshafte Lobeserhebung des Rec[ensenten] möge sich aus seiner Gegend entschuldigen oder erklären, da er nicht in Dtschl. lebt; ich habe es¹⁰ immer gefunden, daß bei Vertheidigungen über Orthodöxie u[nd] Jungfrauschafft es heiße: *semper aliquid haeret! Verdacht* ist in solchen Dingen das Ärgste. Hier haben Erz-Orthodoxen das Buch gelesen u[nd] es als sehr theol[ogisches] bejauchzet, ich befürchte, daß ich dem Hrn. Rec[ensenten] im folgenden Theil nur zu orthodox seyn werde.

Sonst wußte ich in That nichts auszusetzen oder zu ändern. Vielleicht fällt Hrn. R[einhold] hinten noch ein Gedanke zum Schluß bei, der etwas Allgem[eines] beträfe, damit der Aufsatz sich nicht wiederlegend schloße u[nd] der Leser über das Ganze einen Eindruck davon trüge. *Veritas et candor* dünkt mich, sind im Ganzen der Schrift unverkennbar.

Nochmals also meinen verbundensten, besten Dank an Sie beide u[nd] meine Empfehlungen an den ganzen curculum der Ihren. Ich wünschte, Hrn. R[einhold] auf irgend eine Weise bezeugen zu können, wie sehr mich seine edle Gutmüthigkeit erfreue u[nd] verbinde.

H.

Приписка Каролины Гердер:

Auch ich danke Ihnen u[nd] Ihrem treflichen R[einhold] für das Schreiben. Er hat nach meiner geringen Einsicht als *ein Mann* geschrieben, u[nd] er kann allen Recens[enten] zum Vorbild dienen. Mir hat es gar wohlgethan wenn er durch des¹¹ Recensenten eigne Worte aber boshafsten Sinn, den Verfasser der Idee ins Licht setzt, u[nd] es ist uns keine von den Feinheiten entkommen die im Schreiben sind u[nd] uns gestern einen guten Abend machten. Mündl[ich] läßt sich besser davon reden wenns nur nicht gar zu übel Wetter wäre! — Gott grüße Sie alle liebe Freunde.

Перевод

Я самым искренним образом благодарю вас, любезнейший Виланд, и вашего господина пастора, вас — за побуждение и известие, его — за дружескую и серьёзную обработку возвращае-

¹⁰ Далее зачеркнуто: aber.

¹¹ Далее зачеркнуто: Verfassers.

мого сочиненьца. Благодаря последнему рецензия [Канта] привлечет внимание, чего она едва ли заслуживает; но, право же, разве среди читающей публики не найдется множества выючных скотов, которые встретили бы ее громким ура и образчики которых бродят же и среди нас на двух ногах, в вертикальном положении, со светлыми меркантильными головами.

Не мне, как автору, судить о точке зрения других относительно моей книги и о тяжести ее достоинств или недостатков, которую они кладут на весы; поэтому мне не остается ничего сказать о рецензенте и о моем защитнике, кроме того, что последний вполне проникся моим замыслом и, как мне кажется, благодаря своей основательности и скромной любви к правде, выставил на свет подозрительную, тайную злобу первого, что должно теперь бросаться каждому в глаза. То, что он говорит о метафизике, превосходно и совершенно верно; я только не хотел бы, чтобы он так резко противопоставлял ей мою книгу. Есть множество людей, утверждающих, что Германии не хватает только метафизики, подлинной, основательной метафизики. Я от всего сердца люблю и хвалю эту науку; но там, где речь идет только о философии и истории, там никак нельзя вводить какое-то развитие а priori (даже если предположить, что оно, как хотят Кант и его соратники, единственная истинная философия). Тот, кто считает, что не может быть никакой философии относительно *facta*,¹² да отыдет от меня, эта книга написана не для него. В истории речь должна идти об истории — здесь я должен, таким образом, отклонить от себя метафизику, — я хотел бы, чтобы г-н Рейнгольд, хотя бы одним словом осудил это, так как в этом заключается основное искажение точки зрения, которое все меняет. Так, мои построения и доказательства должны иметь значение лишь аналогии, а их достоверность — лишь исторический или моральный характер и т. д. Метафизикой истории владеет только тот, перед которым вся история представляется как уже прошедшая. Таким человеком конечно является господин профессор Кант как в своей космополитической идее, так и в своем чистом разуме, но не я.

Я хотел бы также, чтобы *хоть одним словом* коснулись того, что не годится при разборе книги, которая, как можно судить по самому ее заглавию, имеет дело лишь с ясными *factis*, не обращать никакого внимания на все эти *facta* и поступать так, словно бы их и не было.

Смею ли я, наконец, просить, чтобы в листе 5 на стр. 6 слова: «и тогда он ударяет в ортодоксальный набат» были совсем устранены и весь этот пункт был оставлен больше в тени.

¹² Фактов (лат.).

Злобное восхваление рецензента можно извинить или объяснить его местопребыванием, поскольку он не живет в Германии; я всегда обнаруживал, что при защите ортодоксии или девственности так уж получается: *semper aliquid haeret!*¹³ Подозрение в таких вещах — это самое скверное. Здесь архиортодоксы читали книгу и восторгались ею как очень теологической; я опасаясь, что для господина рецензента я буду в следующей части слишком ортодоксальным.

Впрочем, на самом деле я не мог ничего устранить или изменить. Может быть, г-ну Рейнгольду придет в голову поместить в конце мысль, которая бы касалась чего-то общего, чтобы его статья не завершалась возражением и читатель вынес бы впечатление о целом. Как мне кажется, в целом сочинению нельзя отказать в *veritas et candor*.¹⁴

Еще раз моя искренняя, глубокая благодарность вам обоим и приветы всему вашему *circulum*.¹⁵ Я хотел бы каким-либо образом засвидетельствовать г-ну Рейнгольду, как сильно меня радует и обязывает его благородная добросердечность.

Г.

Приписка Каролины Гердер:

Я тоже благодарю вас и вашего превосходного г-на Рейнгольда за сочинение. По моему скромному разумению, он написал его как *настоящий человек*, и он может служить образцом всем рецензентам. Мне особенно понравилось, когда он, используя собственные слова рецензента, имеющие, однако, злой смысл, освещает идею автора, и от нас не ускользнула ни одна из тонкостей, которые имеются в сочинении и доставили нам вчера хороший вечер. Об этом лучше бы побеседовать устно, если бы только не была такая плохая погода! — Да благословит бог всех вас, дорогие друзья.

Фридерике Брун

Фридерика Брун (о ней см. выше, стр. 202) познакомилась с Гердерами в 1782 году, когда, совершая с отцом первую поездку по Германии, она посетила Веймар.¹⁶ За год до этого с Гердерами познакомился брат Фридерики Фридрих Мюнтер (о нем см. выше, стр. 202), завязавший переписку с ними.¹⁷ В 1783 году Ф. Мюнтер переслал Гердерам дневник

¹³ Всегда что-нибудь остается (*лат.*).

¹⁴ Истине и искренности (*лат.*).

¹⁵ Кругу (*лат.*).

¹⁶ Rosa Olbrich. Die deutsch-dänische Dichterin Friderike Brun, ein Beitrag zur empfindsam-klassizistischen Stilperiode. Breslau, 1932, S. 13.

¹⁷ Aus dem Briefwechsel Friedrich Münters. Europäische Beziehungen eines dänischen Gelehrten. 1780—1830, Tl. I, Kopenhagen und Leipzig, 1944, S. 389—403 (7 писем Фридриха Мюнтера 1781—1791 годов и 2 письма

Фридерика о ее поездке в Германию, изданный небольшим числом экземпляров для друзей¹⁸ (этот дневник упоминается в публикуемом письме Г.-А. Бюргера к Фридерике Брун; см. выше, стр. 203—204).

Фридерика Брун снова встретила с Гердерами в 1795 году во время нового посещения Веймара. В ее дневнике этого года сохранилось интересное портретное описание Гердера: «Гердер был среднего роста, хорошо сложен и немного склонен к полноте, хотя никогда не был полным. Брюнет. Черты его лица отличались благороднейшей правильностью. Лоб и брови придавали ему выражение, которое итальянец называет *ascigliato*;¹⁹ у него это представляло смесь какой-то гордости и напряженного внимания. Карие небольшие глаза выражали глубокий ум и мягкую нежность. У него был тихий, глубокий и приятный голос, и он произносил слова с исключительной правильностью. Тонкий, почти прямой нос, рот и двойной подбородок в профиль немного отступали назад. Но как изящен был его рот с мягко сложенными губами. Он держался с большим достоинством и ходил тихо и степенно. Тихим и степенным было все его существо, полное сдержанного огня — и тем не менее открытое. По природе он был, пожалуй, резким и часто страстным, однако спокойная, я бы сказала, томная грация смягчала такое расположение духа, оставая аттической пчеле лишь жало остроумия. Больше всего он ненавидел все, что сколько-нибудь напоминало хвастовство и всякую заносчивость. Лучше всего он раскрывался в самом узком кругу, особенно по вечерам, подобно ночной фиалке или мирабеле, и источал высокие мысли и нежные чувства».²⁰

В 1796 году Гердер хлопотал о напечатании стихотворений Ф. Брун в «Альманахе муз» Шиллера.²¹ После смерти Гердера Ф. Брун оказала его жене содействие в подготовке издания его сочинений.²²

В публикуемом письме Каролины Гердер упоминается болезнь ее мужа. Гердер действительно тяжело болел зимой 1791—1792 года. Начал он болеть в декабре, затем к старым болям в печени и геморроидальным приступам присоединилась подагра, причинявшая ему сильные страдания. Только весной он почувствовал себя лучше и смог в мае отправиться на три месяца в Ахен для пользования паровыми ваннами, которые ему помогли.²³

Гердер с помощью жены подготовил четвертый сборник «Разбросанных листков» («*Zerstreute Blätter*»), изданный в апреле 1792 года.²⁴ «Разбросанные листки» — сборники, составлявшиеся Гердером из своих старых и новых произведений: стихотворений, переводов и подражаний, статей по различным вопросам литературы, искусства, истории и философии; с 1785 по 1797 год он выпустил шесть таких сборников. В четвертом сборнике были помещены главным образом переводы из восточных поэтов и

Каролины Гердер 1805 и 1808 годов); L. Bobé. Findlinge aus dänischen Privatarchiven. «*Euphorien*», Bd. XV, 1908, S. 54—58 (4 письма Гердера 1782—1788 годов).

¹⁸ F. Münter. Tagebuch meiner ersten Reise. Kopenhagen, 1782; см. письмо Ф. Мюнтера к Каролине Гердер от 13 января 1783 года. — Aus dem Briefwechsel Friedrich Münters. Tl. I, S. 393—394.

¹⁹ Насупившийся, нахмуренный (итал.).

²⁰ L. Bobé. Aus Friderike Bruns Tagebuch. «*Deutsche Rundschau*». Bd. CXXIII, 1905, S. 244.

²¹ Otto Güntter. Von und an Schiller. В книге: Marbacher Schillerbuch. Stuttgart und Berlin, 1905, S. 335.

²² M.-K. von Herder. Erinnerungen aus dem Leben J.-G. von Herder, Tl. III. Stuttgart und Tübingen, 1830, S. 243.

²³ Р. Гайм, ук. соч., т. II, стр. 472.

²⁴ *Zerstreute Blätter* von J.-G. Herder. Vierte Sammlung. Gotha, 1792.

статьи о восточных литературах и культуре. Особое место занимала здесь индийская культура, стихотворные переводы древних индийских афоризмов и стихотворений: «Мысли некоторых браминов» («Gedanken einiger Bramapen»), «Письма о восточной драме» («Briefe über ein morgenländisches Drama») — о «Саконтале», переведенной в 1791 году на немецкий язык другом Гердера, немецким просветителем Георгом Форстером; преимущественно Индии была посвящена статья «О памятниках первобытного мира» («Ueber Denkmale der Vorwelt»). «Гердер, живя позади веймарской кирки, сделал для возбуждения интереса к индийской литературе все, что можно было сделать без знания местного языка и без непосредственного знакомства с литературными памятниками. Он начал возделывать в Германии ту почву, на которой были посеяны плодотворные семена сочинением Фридриха Шлегеля „О языке и мудрости индийцев“ и на которой расцвела рюккертская „Мудрость брамина“».²⁵

Именно поэтому Гердер считал, что его книга может побудить Фридриха Мюнтера издать свою индийскую рукопись. Сведения об этой рукописи имеются в письме Гердера к Мюнтеру от 28 февраля 1788 года: «Вы говорили мне об индийской мифологии, которую нашли на итальянском языке и намерены перевести немецкими ямбами».²⁶

В письме упоминаются Баггесены и Эггерс. Иенс Баггесен (Baggesen, 1764—1826) — датско-немецкий поэт, близко знакомый с Фридерикой Брун; в 1789 году он сопровождал ее во время поездки в Пирмонт (см. выше, стр. 203). В 1790 году Баггесен с женой посетил Веймар.²⁷

Христиан Ульрих Детлев Эггерс (Eggers, 1758—1813) — датский государственный деятель, экономист и юрист, последователь французских энциклопедистов. Помогал министру А.-П. Бернсторфу провести освобождение крестьян от крепостной зависимости и другие реформы. Гердер интересовался мнением Эггерса о четвертой части его «Идей о философии истории человечества», которая вышла в свет в конце октября 1791 года. Пятая часть «Идей» не была им написана.

«Великий Кофта» («Groß-Cophtha», 1792), упоминаемый Каролиной Гердер, — комедия Гете об известном авантюристе и чарошее — шарлатане Калиостро; сюжетом послужила шумевшая в канун французской революции афера с ожерельем французской королевы, в которой был замешан Калиостро.

Печатается по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 24.

Weimar d[en] 13. Mai 1792.

Hier, meine Theuerste, übersendet Ihnen mein Mann, den 4 Th[eil]-der zerstr[eu]ten Blätter, mit dem liebevollsten Andenken, u[nd] wünscht, daß Sie hier u[nd] da Blümchen für sich finden u[nd] pflücken mögen. Diese Blätter zu sammeln, war diesen Winter ein großer Trost in unserm Leiden. Seit Anfang Februars war mein Mann sehr schmerzhaft krank, u[nd] einige Tage sehr gefährlich an Gicht, mit andern Uebeln vergesellschaftet; u[nd] seit dieser Zeit kann er sich nicht mehr gerade aufrichten. Alles ist schon versucht worden. Die wiederkehrende allbelebende Sonne u[nd] Aachener Bad ist noch unsere Hoff-

²⁵ Р. Гайм, ук. соч., т. II, стр. 487.

²⁶ «Euphorion», Bd. XV, 1908, S. 55.

²⁷ О Баггесене см.: К. Тиандер. Датско-русские исследования, вып. I. СПб., 1912.

nung. Geben Sie uns Ihren Segen dahin, liebe Seele. Den lieben verehrtesten Eltern sagen Sie unsre unwandelbare Freundschaft u[nd] dem Bruder Fritz tausend Gutes.

Gedenken Sie unsrer in Liebe, Ihr guten Menschen! Grüßen Sie alles was Ihnen angehört u[nd] lieb ist. Die lieben Baggensens [sic!] vergessen Sie nicht.

Geniessen Sie vor allem *Gesundheit* u[nd] *Zufriedenheit* so wird das andre alles zufallen. Adieu lieber Engel! Küssen Sie ihre Kleinen für mich, u[nd] Gott sei mit Ihnen!

Ihre treue C. Herder

Weimar den 12. Mai 1792.

Wieland ist mit den Seinigen wohl. Auch Goethe. Haben Sie seinen Gros Cophtha gelesen? Was sagt der Bruder dazu? ist es nicht eine herrliche Darstellung aller Cophtha's — u[nd] eine Warnung der Getäuschten.

Приписка Гердера:

Von mir auch wenigstens ein paar Worte zu guter Erinnerung: viel Grüße an die Eltern u[nd] Bruder, der mich so ganz vergeßen hat, u[nd] wer sonst mein in Gutem gedenket. Ein mehreres kann ich diesmal nicht schreiben; nehmen Sie mein Buch statt eines Briefes an, u[nd] Ihrem H[errn] Bruder, Friedrich Münter, möge es eine Erinnerung seyn, daß er sein Indisches Mscr. fein bald herausgiebt. Leben Sie aufs beste wohl, holde liebe glückliche Seele.

H.

Hat Eggers den 4. Th[eil] der Ideen gelesen? Ich möchte vorzüglich gern wissen, was er davon hält, u[nd] was er in den fünften wünschet. Ich bitte mich ihm, unbekannter Weise, aufs beste zu empfehlen.

Перевод

Веймар, 13 мая 1792 г.

Вот, моя дражайшая, посылает вам мой муж четвертую часть «Разбросанных листков» вместе с полной любви дарственной надписью, и он хотел бы, чтобы вы могли кое-где найти и сорвать для себя цветочек. Собираение этих листков нынешней зимой было большим утешением в наших страданиях. С начала февраля мой муж тяжело страдал, и несколько дней очень опасно, от подагры, соединенной с другими недугами; и с этого времени он так и не может окончательно оправиться. Испробовано уже все. Надеемся еще только на возвращающееся всеоживляющее солнце и ахенские воды. Дайте нам свое благословение, дорогая душа. Засвидетельствуйте дорогим, почтенней-

шим родителям нашу неизменную дружбу, а брату Фрицу передайте пожелания всего хорошего.

Вспоминайте о нас с любовью, добрые люди! Кланяйтесь всем, кто вам близок и вами любим. Не забудьте и дорогих Баггесенов.

Желаю вам прежде всего наслаждаться здоровьем и довольством, остальное приложится. Прощайте, милый ангел! Поцелуйте за меня ваших милых малышей, и да будет с вами бог!

Верная вам К. Гердер

Веймар, 12 мая 1792 г.

Виланд со своими живет хорошо. Гете тоже. Читали ли вы его «Великий Кофта»? Что говорит об этом брат? Не правда ли это великолепное изображение всех Кофта и предостережение обманутым.

Приписка И.-Г. Гердера:

Примите и от меня хотя бы несколько слов на добрую память; много поклонов родителям и брату, который меня совсем уж забыл, и тем, кто все-таки поминает меня добром. Больше в этот раз я написать не могу; примите книгу вместо письма, и пусть она послужит напоминанием вашему брату Фридриху Мюнтеру, чтобы он поскорее издал свою индийскую рукопись. Оставайтесь в добром здравии, милая, дорогая, счастливая душа.

Г.

Читал ли Эггерс четвертую часть «Идей»? Я бы очень хотел знать, как он к ним относится и чего бы он желал в пятой. Прошу засвидетельствовать ему, хотя мы и не знакомы. мое глубокое почтение.

В.-Г. Беккере

О В.-Г. Беккере см. выше, стр. 155. Как можно судить по публикуемому письму, Беккер обратился к Гердеру за советом по поводу подготовлявшегося им издания «Аугустеум» (см. ниже, стр. 228). На письме не указан год, имеется только число и месяц: 5 сентября. Однако можно полагать, что оно было написано в 1803 году, когда после лечения на курорте Эгер Гердер провел около четырех недель в Дрездене (вторая половина августа—первая половина сентября; Гердер вернулся в Веймар 18 сентября).²⁸ Здесь он осматривал достопримечательности города, посещал библиотеку и музеи и несомненно должен был встречаться с Беккером. В пользу предположения, что письмо написано в Дрездене, говорит отсут-

²⁸ Maria Karolina von Herder, geb. Flachsland. Erinnerungen aus dem Leben Johann Gottfrieds von Herder. Hrsg. durch J. G. Müller, Tl. III. Stuttgart und Tübingen, 1830, S. 226—234. — Гердер умер ровно через три месяца после возвращения в Веймар — 18 декабря 1803 года.

стве в адресе названия города, показывающее, что отправитель и адресат находились в одном городе, а также обещание Гердера вскоре посетить Аугустеум — античную коллекцию курфюрста саксонского.

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, лл. 53, 54 об.

Da der Titel Ihrer Hefte, bester H[err] Professor, kurz, angenehm, bedeutend seyn muß, so halte ich

Augusteum

etwa mit der Exposition

Abbildung (Darstellung) u[nd] Erläuterung einiger
Denkmale der Kurfürstl[ichen] Antiken Samml[ung]

für das simpelste u[nd] zweckmäßigste. Er begreift zugleich die Geschichte der Sammlung, hält den Namen der Kurfürsten bescheiden in sich, u[nd] ist nicht anmassend. Die Analogie andrer Namen macht ihn zum natürlichsten, wie man dünkt, indem er die Sache selbst ausdrückt, auch giebt er einem kurzen, schönen Prolog Raum, u[nd] enthält ihn selbst in der Knospe. Er ist allen cultiv[ierten] Sprachen geläufig. Doch dies alles salvo meliori. Das beste Lebewohl u[nd] vielen Dank für die Sorgfalt u[nd] Liebe, die Sie auf mich wenden. Ich besuche Ihr *Augusteum* bald.

Herder

5t. Spt.

На обороте: Hrn. Prof[essor] Becker Hochedelgeb[ohrner]

Перевод

Поскольку заглавие вашего издания, любезнейший господин профессор, должно быть кратким, приятным и значительным, то я считаю, что «Аугустеум» со следующим пояснением: «Изображение (описание) и объяснение некоторых памятников из античной коллекции курфюрста» — было бы наиболее простым и целесообразным. Оно и охватывает историю собрания и скромно содержит в себе имя курфюрста, и не вызывающе. Аналогия с другими названиями делает его, как мне кажется, наиболее естественным; выражая самое существо дела, оно в то же время оставляет место для краткого красивого пролога, который содержится в нем в зародыше. Оно не чуждо всем культурным языкам. Но все это salvo meliori.²⁹ Прощайте и очень благодарю вас за заботу и любовь, с которыми вы ко мне относитесь. Скоро я посету «Аугустеум».

Гердер

5 сентября

На обороте: Его высокоблагородию господину профессору Беккеру.

²⁹ Здесь: За неимением лучшего (лат.).

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

А.-Ф. Эзеру

Адресат устанавливается на основании содержания письма и записи почтовых отправлений в расходной книге Гете.¹

Адам Фридрих Эзер (Oeser, 1717—1799) — немецкий художник. В 1764 году был назначен директором Академии рисования, живописи и архитектуры в Лейпциге. По своим эстетическим воззрениям Эзер — сторонник Винкельмана, защитник классицизма и противник барокко. Эзер оказал большое влияние на молодого Гете, который учился у него рисованию в 1766—1768 годах и часто посещал дом художника. Дружеские отношения между учителем и учеником сохранились и в последующие годы и стали особенно близкими после переезда Гете в Веймар. Во время посещений Лейпцига Гете встречался с Эзером, а последний часто приезжал в Веймар, где писал декорации для придворного любительского театра и работал над скульптурными украшениями Тифуртского парка. При веймарском дворе Эзер считался авторитетом в вопросах искусства. Гете характеризовал его: «Человек с большим вкусом и умом и спокойной мудростью художника и светского человека».² После смерти Эзера Гете почтил его память в «Прописях» 1800 года.³

Публикуемое письмо является, по-видимому, следующим после письма Гете к Эзеру от 1 октября 1781 года:⁴ начальные строки свидетельствуют о том, что Гете долгое время не отвечал художнику. 20 февраля 1782 года Гете произвел, как он писал Бюргеру, «генеральную ревизию своей задолженности по письмам»⁵ и написал (или продиктовал) по крайней мере еще три письма: Г.-А. Бюргеру, М. Залому и И.-Г.-И. Брейткопфу.

Упомянутая в письме статуя несомненно та, о которой Гете писал Эзеру в предыдущем письме: «Так как я послезавтра, 3-го, непременно должен опять уехать отсюда (из Веймара, — Ю. Л.), прошу вас списаться по поводу отсылаемой статуи с господином советником Бертухом, которому я дал подробные указания. По вашему уведомлению он вышлет в должное время в Лейпциг возницу и обеспечит необходимое».⁶ Об этой статуе Гете,

¹ Goethes Werke, Abt. IV, Bd. V, Weimar, 1889, S. 393 (под 21 февраля 1782 года помечено: «Oeser, Leipzig»).

² Письмо к К.-Л. Кнебелю от 21 ноября 1782 года — Goethes Werke, Abt. IV, Bd. VI, 1890, S. 98.

³ Об Эзере и Гете см.: Alphons Dürr, Adam Friedrich Oeser. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1879, S. 101—133 (VIII. Oeser und Goethe); Otto Jahn, Goethe und Oeser. В кн.: Otto Jahn, Biographische Aufsätze. Leipzig, 1866, S. 353—372.

⁴ Goethes Werke, Abt. IV, Bd. V, S. 197—198.

⁵ Ibid., S. 264.

⁶ Ibid., S. 197.

очевидно, договорился с Эзером во время пребывания в Лейпциге с 22 по 30 сентября 1781 года.

Что касается памятника, о котором пишет Гете, то, возможно, речь идет о надгробии над могилой мертворожденной принцессы (10 сентября 1781 года), дочери веймарского герцога Карла Августа. Гете был распорядителем на ее похоронах 13 сентября 1781 года;⁷ погребение состоялось в веймарской кирхе. По поводу этого памятника Гете беседовал 25 февраля 1782 года с Гердером⁸ как придворным проповедником при веймарском дворе и главным суперинтендентом (духовное лицо, стоящее во главе церковного округа).

Далее Гете пишет о занятиях в рисовальной школе. Эта школа была основана в 1775 году, в год поселения Гете в Веймаре, и он принимал непосредственное участие в ее деятельности.⁹ В октябре 1781 года, находясь в Иене, Гете слушал лекции известного анатома Юстуса Христиана Лодера (Loder, 1753—1832) и с 7 ноября 1781 по 16 января 1782 года сам читал лекции по анатомии в рисовальной школе. 5 и 6 января занятия в школе проводил Лодер, прибывший в Веймар.¹⁰ Упомянутое в письме возвращение веймарского герцога относится к 4 января 1782 года; в Эйзенах Карл Август ездил в декабре 1781 года на охоту.¹¹

Письмо заканчивается просьбой Гете прислать для Карла Августа «обещанного маленького Эльсхеймера». Герцог питал особое пристрастие к картинам немецкого живописца XVII века Адама Эльсхеймера (Elsheimer, Elzheimer, 1574—1620). И.-Г. Мерк специально разыскивал их для веймарской герцогской коллекции.¹² В феврале 1781 года Гете достал во Франкфурте две картины Эльсхеймера и подарил их Карлу Августу, сопроводив подарок четверостишием.¹³

Упомянуемому в письме картину Эзер действительно вскоре продал Карлу Августу. Это была миниатюра, написанная маслом на меди; Эзер вмонтировал ее в собственную картину. По этому поводу Карл Август писал Мерку 24 апреля 1782 года: «Эзер уступил мне „Усекновение главы Иоанна“, написанное Эльсхеймером. Это, вероятно, та, которую гравировал Гоуд, потому что каждая линия в ней совпадает, и она того же размера, что и гравюра. К Эзеру она попала от одного офицера, который стянул ее во время грабежа. Она вставлена в доску, на которой Эзер написал Гоуда, гравирующего эту картиночку».¹⁴

Письмо написано посторонней рукой (возможно, слуги Гете Ф. Зейделя, как многие письма этого периода), только подпись и дата — автограф Гете.

Публикуется по рукописи: ГПБ, собрание П. К. Сухгелена, карт. 24.

⁷ Heinrich Düntzer. Goethe und Karl August. Studien zu Goethes Leben. 2-e Aufl., Leipzig, 1888, S. 151.

⁸ Goethe's Tagebuch aus den Jahren 1776—1782. Mitgeteilt von Robert Keil. Leipzig, 1785, S. 259.

⁹ G.-T. Stichling. Goethe und die freie Zeichenschule zu Weimar. «Weimarische Beiträge zur Literatur und Kunst». Weimar, 1865, S. 33—49.

¹⁰ Goethe's Tagebuch. ... S. 252.

¹¹ H. Düntzer, op. cit., S. 156—158.

¹² Johann Heinrich Mercks Briefe an die Herzogin-Mutter Anna Amalia und an den Herzog Carl August von Sachsen-Weimar. Hrsg. v. H. G. Gräf. Leipzig, 1911, S. 24, 26—28, 76, 124.

¹³ Briefwechsel des Herzogs-Grossherzogs Carl August mit Goethe. Hrsg. v. H. Wahl, Bd. I, Berlin, 1915, S. 25. — Об этом подарке см. письмо Карла Августа к Мерку от 20 февраля 1781 года — Briefe an und von Johann Heinrich Merck. Hrsg. v. Dr. K. Wagner. Darmstadt, 1838, S. 180.

¹⁴ Briefe an Johann Heinrich Merck von Goethe, Herder, Wieland und andern bedeutenden Zeitgenossen. Hrsg. v. Dr. K. Wagner. Darmstadt, 1835,

Ich habe Ihnen schon auf verschiedene Briefe nicht geantwortet und für verschiedene Bemühungen keinen Dank gesagt, nehmen Sie also was ich Ihnen schuldig bin auf einmal, und schreiben es auf Rechnung vieler Geschäfte und Zerstreungen, wenn ich bisher nicht richtig inne gehalten habe. Daß ich von weither und von jenen Dingen anfangs, die Sie vielleicht schon vergessen haben, so sichere ich Sie zuerst, daß mir der von Ihnen gütig besorgte Ring viele Vergnügen gemacht hat. Die Fassung ist so schön, und der Buchstabe so zierlich eingeschnitten, daß er die gewöhnlichen Arbeiten dieser Art weit übertrifft.

Die Statue kam zwar nicht zur rechten Zeit, doch immer zu grossem Vergnügen an, sie hat ihren bestimmten Platz in dem Türmen [?] ¹⁵ erhalten und wir erwarten mit Sehnsucht das Frühjahr um ihr längere Stunden der Betrachtung widmen zu können, als es die gegenwärtige rauhe Zeit nicht erlaubt.

Das Grabmal war schon angefangen als das Modell mit Ihren Anmerkungen zurückkam. Ihre Idee ist freilich um ein grosses Theil geistiger als die unsere, vielleicht ist es aber auch für die unsere Schade, hinter einem Altar begraben zu werden. Sie ruhe in Frieden!

Die Kleidung um die Buste durchlauchter Herzoginn soll auch nach Ihren Gedanken geändert werden, leyder! sind nicht alle Künstler stark in Erfindung, auch selten geübt in Empfindung des Schicklichen, welches wir Geschmack nennen.

Da ich Ihre Briefe nicht alle gleich vorfinde, so zeichne ich nur die Stellen aus, die mir im Gedächtniß geblieben sind. Wahrscheinlich habe ich Ihnen noch für mehreres zu danken.

Wir haben uns auf unserer kleinen Zeichenschule diesen Winter befleissigt den menschlichen Knochenbau kennen zu lernen, anatomisch durchzugehen und durchzuzichnen; ich spühre sehr viele Vortheile hievon, besonders zeichnen sich die Fähigkeiten der Schüler bey einer solchen Arbeit aus.

Wie sehr hoffe ich, im nächsten Frühjahr Ihnen mein lieber Professor unsere Arbeiten vorlegen zu können!

Den überschickten Stuhl hat unser gnädigster Herr, als er diesen Winter von Eisenach zurückkam, vor seinem Camin angetroffen; Er bekennt Sich deswegen und wegen mehrerer Gefälligkeiten als Ihr Schuldner. Sollten Sie nicht bald diese Verbindlichkeit durch den kleinen versprochenen Elsheimer vermehren können?

Ich empfehle mich Ihnen bestens und wünsche bald zu hören, daß Sie sich mit den Ihrigen vollkommen wohl befinden.

Weimar d[en] 20ten Febr[uar] 1782.

Goethe

S. 328. — Генрик Гоуд (Goudt) — голландский живописец и гравёр начала XVII века.

¹⁵ Первоначально было: Kirchen.

Перевод

Я вам не ответил на различные письма и не поблагодарил за различные хлопоты, поэтому получите, что я вам должен, все сразу, а если окажется, что я все еще не расплатился, отнесите остаток на счет множества занятий и развлечений. Поскольку я начну издали и с таких вещей, о которых вы, возможно, уже забыли, то я сперва заверяю вас, что кольцо, которое вы так любезно прислали, доставило много удовольствия. Оправа так красива, а буква вырезана так изящно, что оно далеко превосходит обычные изделия такого рода.

Статуя прибыла, правда, не к назначенному сроку, но тем не менее к большому удовольствию; она заняла предназначенное ей место в башенке [?],¹⁶ и мы с нетерпением ожидаем весны, чтобы посвятить ее созерцанию более продолжительное время, чем это позволяет нынешняя суровая пора.

Надгробный памятник был уже начат, когда возвратилась модель с вашими замечаниями. В вашем замысле, конечно, значительно больше духовности, чем в нашем, но все-таки жаль, что наш теперь погребен под алтарем. Да почитет он в мире!

Одеяние на бюсте сиятельной герцогини должно быть, согласно вашему замыслу, изменено, а жаль! Ведь не все художники сильны в вымысле, даже те из них, что наиболее изощрились в чувстве приличия, которое мы именуем вкусом.

Так как я не сразу нахожу все ваши письма, то я выделяю только те места, которые сохранились в моей памяти. Возможно, я должен поблагодарить вас еще за многое.

Этой зимой в нашей маленькой рисовальной школе мы усердно изучали строение человеческих костей, проходили анатомически и зарисовывали; я вижу в этом большую пользу: при такой работе особенно выявляются способности учеников.

Как бы мне хотелось показать ближайшей весной наши работы вам, дорогой господин профессор.

Наш все милостивейший государь нашел присланный стул перед своим камином, когда он прибыл этой зимой из Эйзенаха; он считает себя вашим должником как за это, так и за многие другие услуги. Не следует ли вам еще больше обязать его присылкой обещанного маленького Эльсхеймера?

Свидетельствую вам мое почтение и надеюсь вскоре услышать, что вы и ваши близкие находитесь в полном здравии.

Веймар, 20 февраля 1782 г.

Гете

¹⁶ Было: церкви.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

В.-Г. Беккеру

Адресат устанавливается на основании содержания письма и записи в рабочем календаре Шиллера.¹ О В.-Г. Беккере см. выше (стр. 155). Шиллер был знаком с Беккером в молодости, когда он жил в Дрездене в 1785—1787 годах.² Публикуемое письмо является ответом на письмо Беккера из Дрездена от 28 октября 1801 года,³ полученное Шиллером 2 ноября.⁴

Шиллер встречался с Беккером во время пребывания в Дрездене с 1 по 15 сентября 1801 года в гостях у своего друга Кернера (до этого Шиллер провел три недели в загородном доме Кернера в Лошвице). Беккер несомненно сопровождал Шиллера, когда последний осматривал дрезденскую коллекцию памятников античного искусства.⁵ Однако в своем письме Беккер выражал сожаление, что обстоятельства помешали ему уделить Шиллеру достаточное время и внимание. Далее Беккер писал:

«Высокое достоинство ваших великолепных произведений, которое я вполне способен оценить и которое слишком признано всеми, чтобы оно

¹ Schillers Calender. Nach dem im Jahre 1865 erschienenen Text ergänzt und bearbeitet von Dr. Ernst Müller. Stuttgart, 1893, S. 115.—В графе отправленных корреспонденций под 5 ноября 1801 года значится: «Becker in Dresden».

² J. Minor. Schiller. Sein Leben und seine Werke, Bd. II. Berlin, 1890, S. 430.—Сведения о переписке Шиллера и Беккера см.: Schillers Calender, S. 221. Помимо публикуемого, известны три письма Шиллера к Беккеру—от 17 мая 1786 года, 18 марта 1802 и 2 мая 1803 года (Schillers Briefe. Herausgegeben und mit Anmerkungen versehen von Fritz Jonas, Bd. I. Stuttgart—Leipzig—Berlin—Wien, o. J., S. 305; Bd. VI. S. 370; Bd. VII, S. 37—38). Одиннадцать писем Беккера к Шиллеру за 1801—1804 годы опубликованы: Briefe an Schiller. Hrsg. v. L. Ulrich. Stuttgart, 1877, S. 501—502, 512—513; Marbacher Schillerbuch. Hrsg. v. O. Günther, II, Stuttgart und Berlin, 1907, S. 343—344, 355, 362—366, 368—371, 377—378, 381; Carl Künzels «Schilleriana». Briefe an Schiller und Schillers Familienmitglieder nach den Abschriften im Besitz des Wiener Goethe-Vereins. Hrsg. v. E. Castle. Wien, 1955, S. 95—97.

³ Carl Künzels «Schilleriana», S. 95—96; Marbacher Schillerbuch, II S. 343—344.

⁴ Schillers Calender, S. 114.

⁵ [K. Wolzogen]. Schillers Leben verfaßt aus Erinnerungen der Familie, seinen eignen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Körner, Tl. II. Stuttgart und Tübingen, 1830, S. 224.

Herrn
Herrn

Ich habe die Ehre mit einem so liebhaften
Gebüß meiner Verbindlichkeit gegen Ihre
gütigen Anträge zu danken, daß ich jed. G.
lagens, mich Ihnen dafür dankbar
zu zeigen, mit demwillingkeit ergehen
wird. Ihnen die also mit Zusage
hild darauf, daß ich mich auch künftige
Jahre und zu nächster Jahr, mit einem,
was mich ein geringe Beitrag zu Ihrer
Sammlung anfallen, wird. Ich meine
fortgesetzte Anteil an derselben kann ich
sicherlich nicht gut sagen. Ich will
mich jetzt größer und unklüßlicher
Vermehrungen beschaffen, die zu Neben-

могло когда-нибудь пасть, ибо в вас живет благородный гений искусства, не подверженный смерти; это их высокое достоинство часто возбуждало во мне желание получить из рога изобилия этого прекрасного гения несколько цветков для моего альманаха, дабы тем самым украсить его и придать ему ценность.

Я уже обращался к вам с такой просьбой много лет назад, но тогда вам самому нужно было обеспечивать альманах, о чем я тогда еще не знал. Теперь же, видя, что вы одаряете другие альманахи, я набрался смелости просить вас о вкладе в мою книжку. При этом, однако, я не имею в виду подарка: определите сами необходимое вознаграждение, я с радостью вручу его вам» и т. д.

Беккер хотел привлечь Шиллера к сотрудничеству в издававшемся им ежегодно с 1791 по 1814 год «Альманахе для общего увеселения» («Taschenbuch für geselliges Vergnügen»). Начиная с 1802 года Шиллер действительно посылал Беккеру свои стихотворения. В «Альманахе для общего увеселения» на 1803 год были напечатаны: «Античные статуи в Париже» («Die Antiken zu Paris»), «Желание» («Sehnsucht»), «Миг» («Die Gunst des Augenblicks»), «Наследному принцу Веймарскому» («Dem Erbprinzen von Weimar»); на 1804 год: «Пуншевая песня для севера» («Punschlied. Im Norden zu singen») на 1805 год: «Альпийский стрелок» («Der Alpenjäger»).

«Большие и обширные предприятия», о которых упоминает Шиллер, это, по-видимому, работа над возникшим еще в 1799 году замыслом трагедии «Уорбек»,⁶ а также обдумывание плана «Мессинской невесты», которая занимала Шиллера еще во время пребывания в Лошвице.⁷ Кроме того, в конце октября—начале ноября 1801 года Шиллер принялся за переложку комедии Гоцци «Турандот».⁸

В своем письме Шиллер ссылается также на свои отношения с издателем Котта. Иоганн Фридрих Котта (Cotta, 1764—1832) — праправнук основателя издательской и книготорговой фирмы Котта, существовавшей в Тюбингене с середины XVII века; при его управлении фирма стала одной из наиболее значительных в Германии. И.-Ф. Котта был постоянным издателем произведений Шиллера; в 1795 году они вместе основали журнал «Ногеп».⁹ «Календарь», упоминаемый Шиллером, это ежегодный «Альманах для дам» («Taschenbuch für Damen»), который Котта выпускал с 1798 по 1822 и затем с 1828 по 1830 год; начиная с книжки 1801 года в альманахе постоянно печатались произведения Шиллера, продолжавшие появляться и после смерти поэта (до 1809 и в 1812 году).

5 ноября, в день написания публикуемого письма, Шиллер получил письмо Котта от 27 октября, в котором последний замечал: «Что же

⁶ «С „Уорбеком“ все идет... вполне сносно, и мне не придется поступиться искусством, чтобы удовлетворить симпатии публики. Чем серьезнее я работаю над этой вещью, тем больше вижу трудностей, но и интерес к работе тоже возрастает», — писал Шиллер Г. Кернеру 5 октября 1801 года (И.-Х.-Ф. Шиллер. Собрание сочинений, т. VIII, Гослитиздат, М.—Л., 1950, стр. 803).

⁷ Schillers Leben verfaßt aus Erinnerungen der Familie..., Tl. II, S. 224.

⁸ «... Я принялся за осуществление одного старого замысла — за обработку для театра сказки Гоцци „Турандот“, — писал он Г. Кернеру 2 ноября 1801 года (И.-Х.-Ф. Шиллер. Собрание сочинений, т. VIII, стр. 806).

⁹ Об отношениях поэта с издателем см.: Briefwechsel zwischen Schiller und Cotta. Hrsg. v. W. Vollmer. Stuttgart, 1876.

касается ваших поэтических побочных трудов (Neben-Arbeiten),¹⁰ то я надеюсь, что моему Дамскому альманаху всегда будет оказано предпочтение. Вы меня знаете, и потому я вполне могу вам сказать, что такое мое положение составляет часть моего счастья. К тому же это желательно и необходимо в интересах нас обоих, в равной степени».¹¹

Впоследствии, в январе 1805 года, Шиллер писал своему издателю: «Все, что выходит из-под моего пера, будь то большие или малые вещи, принадлежит вам, за исключением кое-какой мелочишки для Беккера в Дрездене, которому я, возможно, еще должен буду дать что-нибудь в ответ на прежние одолжения».¹²

«Альманах муз» («Musenalmanach»), на который ссылается Шиллер, издавался им в течение пяти лет (1796—1800).¹³ Кроме того, в разные периоды жизни Шиллер издавал альманахи и журналы (ср. конец письма): «Вюртембергский литературный репертуар» («Württembergisches Repertorium der Litteratur», 1782), «Рейнская Талия» и «Талия» («Rheinische Thalia», «Thalia», 1786—1791), «Новая Талия» («Neue Thalia», 1792—1794), «Оры» («Noren», 1795—1798).

Жалобы Шиллера на сомнительное здоровье не были простой отговоркой. После перенесенного им в начале 1791 года крупозного воспаления легких, сопровождавшегося тяжелыми осложнениями, он никогда не бывал вполне здоров; заболевание постоянно прогрессировало и через 14 лет привело к смерти.¹⁴

Судя по ответному письму Беккера,¹⁵ с настоящим письмом Шиллер послал ему «Календарь на 1802 год» («Kalender auf das Jahr 1802»), вышедший в свет в Берлине в октябре 1801 года, в котором была впервые опубликована «Орлеанская дева».

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, лл. 16—17.

Wohlgebohrner Herr, Hochgeehrtester Herr Professor,

Ich habe Dresden mit einem so lebhaften Gefühl meiner Verbindlichkeit gegen Ihre gütige Aufnahme verlassen, daß ich jede Gelegenheit, mich Ihnen dafür dankbar zu zeigen mit Bereitwilligkeit ergreifen werde. Rechnen Sie also mit Zuverlässigkeit darauf, daß ich mich aufs künftige Jahr und zu rechter Zeit, mit einem, wärs auch nur geringen Beitrag zu Ihrer Sammlung einstellen werde. Für einen fortgesetzten Antheil an derselben kann ich freilich nicht gut sagen.

¹⁰ Характерно, что Шиллер употребил то же слово в письме к Беккеру.

¹¹ Briefwechsel zwischen Schiller und Cotta, S. 438.

¹² Ibid., S. 549.

¹³ Этому альманаху посвящена диссертация: W. Schwerdtfeger. Die litterarhistorische Bedeutung der Schillerschen Musenalmanache. Leipzig—Reudnitz, 1899.

¹⁴ W. H. Veil. Schillers Krankheit. Eine Studie über das Krankheitsgeschehen in Schillers Leben und über den natürlichen Todesausgang. Naumburg, 1945.

¹⁵ Carl Künzels «Schilleriana», S. 96—97.—Письмо датировано здесь 6 ноября 1801 года, но эта дата представляется сомнительной, если учесть, что письмо Шиллера было написано 5 ноября; к тому же ответное письмо Беккера было получено поэтом только 16 ноября (Schillers Kalender, S. 115).

theils weil mich jezt größere und weitläufigere Unternehmungen beschäftigen, die zu Nebenarbeiten wenig Raum geben, theils weil mein Verleger Herr Cotta in Tübingen, mit dem ich in sehr freundschaftlichen Verhältnißen stehe, das wenige was ich etwa an Kleinigkeiten producieren mag, für seinen Calender im Voraus in Beschlag genommen hat.

Ich habe, um mich durch kleine Arbeiten künftig nicht mehr zu zerstreuen, meinen Musen Almanach, und mit demselben eine beträchtliche jährliche Revenüe aufgeopfert. Wenn man älter wird und sich noch dazu, wie ich, von zweifelhafter Gesundheit fühlt, so sucht man sich auf wenigen Arbeiten zu concentrieren, um darinn das Mögliche zu leisten. So ergeht mirs jetzt mit dem dramatischen Fach; je mehr man sich theilt, desto mehr schwächt man sich, und ich möchte gern noch einen guten Strich Wegs darinn zurück legen.

Kann ich Ihnen noch einige Theilnehmer an Ihrer Sammlung, aus meiner Bekanntschaft verschaffen, so werd ich es mit Vergnügen thun; aber das gute ist leider immer schwer zu finden, und mit dem mittelmäßigen würde Ihnen nicht gedient seyn. Da ich selbst, zu verschiedenen Zeiten, an der Spitze eines periodischen Werks gestanden so kann ich aus Erfahrung sprechen, wie unfruchtbar die guten und wie ergiebig die schlechten Federn sind, und was es einem armen Herausgeber kostet, das Eine herbei zu bringen und das Andere, das sich zudrängt, sich vom Leibe zu halten.

Lassen Sie mich Ihrer freundschaftlichen Gewogenheit aufs beste empfohlen seyn, und seien meiner aufrichtigen Achtung versichert.

Schiller

Weimar 5. Nov[ember] 1801.

Перевод

Благородный господин, высокочтимый господин профессор. Я покинул Дрезден, столь живо чувствуя себя обязанным за ваш любезный прием, что охотно готов воспользоваться любой возможностью выразить вам свою благодарность. Вы можете быть уверены, что в будущем году я появлюсь в вашем сборнике, и притом вовремя, с каким-нибудь, хотя бы небольшим вкладом. Правда, за постоянное участие в нем я не могу поручиться, отчасти потому, что я занят сейчас большими и обширными предприятиями, которые мало оставляют места для побочных трудов, отчасти потому, что мой издатель г-н Котта в Тюбингене, с которым я поддерживаю весьма дружеские отношения, уже заранее конфисковал для своего календаря все те немногие мелочи, которые я смогу произвести.

Для того чтобы впредь мне не отвлекаться на мелкие работы, я пожертвовал своим «Альманахом муз» и вместе с ним

значительным годовым доходом. Когда становишься старше и к тому же, когда имеешь, как я, сомнительное здоровье, стараешься сосредоточиться на немногих работах, чтобы там сделать все, что можно. Так обстоит у меня сейчас дело на драматическом поприще; чем больше разбрасываешься, тем больше себя ослабляешь, а мне хотелось бы кое-что сделать в этой области.

Если я смогу привлечь для вашего сборника каких-либо участников из числа своих знакомых, я сделаю это с удовольствием; но хорошее, к сожалению, всегда трудно найти, а посредственным я бы не принес вам пользы. Поскольку я сам в разное время возглавлял периодические издания, то могу сказать по собственному опыту, как бесплодны хорошие перья и как изобильны плохие и скольких трудов стоит бедному издателю привлечь одно и избавиться от другого, которое назойливо лезет само.

Разрешите мне надеяться на вашу дружескую благосклонность и будьте уверены в моем искреннем уважении.

Шиллер

Веймар, 5 ноября 1801 г.

ФРИДРИХ АВГУСТ ВОЛЬФ

В.-Г. Беккеру

Адресат устанавливается на основании упоминания в письме издания «Аугустеум»,¹ составителем которого был В.-Г. Беккер (о нем см. выше, стр. 155). Главные труды Беккера, кроме «Аугустеума»: «О костюме на памятниках», затем издание рисунков Гольбейна на найденном им в Базеле экземпляре «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского, наконец, «Двести редких средневековых монет» (1813).

Фридрих Вольф отвечал на запрос Беккера относительно названий различного рода античной одежды, требовавшихся при описании статуй. Вольф указывает, что он дает справки без помощи книг, так как болезнь не позволяет ему заходить в неотопляемые библиотечные помещения. Под рукой у него лишь список этимологического словаря Ориона, подаренный ему французским филологом Ларше (Larcher, 1726—1812), переводчиком Геродота и романа Харитона «Херей и Каллироя». Ларше снял копию с одной из парижских рукописей Ориона — грамматика V в. н. э., родом египтянина, который преподавал в Александрии и в Константинополе и составил этимологический словарь, из которого сохранились извлечения.²

«Книгами богат и Дрезден», — замечает Вольф своему дрезденскому адресату, тем самым подчеркивая, что, несмотря на эти книжные богатства, тот все же обратился к нему. Вольф опирается на свою богатую эрудицию, но память порой изменяет ему, например, при ссылке на «Нового Орфея», как он называет изданные Готфридом Германом (Hermann, 1772—1848; филолог метрико-грамматического направления) орфические поэмы,³ где

¹ Augusteum. Dresdens antike Denkmäler enthaltend. Hrsg. v. W.-G. Becker, Bd. I. Leipzig, 1804; Bd. II, 1808. Одновременно и на французском языке: Augusteum ou Description des Monumens antiques qui se trouvent à Dresde, par G.-G. Becker, t. I, à Leipzig, 1804. Название «Аугустеум» объясняется тем, что дрезденские коллекции были собраны четырьмя курфюрстами и королями, носившими имя «Август».

² Первое издание словаря Ориона было осуществлено учеником Вольфа Штурцем: Orionis Thebani Etymologicon ex Museo Frid. Aug. Wolfii primum edidit, annotationes Pet. Henr. Larcher, ejusdem Wolfii nonnullas et suas indicesque locupletissimos adjecit Fridericus Guilelmus Sturzius. Lipsiae, 1820.

³ Orphica cum notis H. Stephani, A.-Chr. Eschenbuchii, J.-M. Gesneri, Th. Tyrwhitti, recensuit Godofredus Hermannus. Lipsiae, 1805.

в примечании к стиху 314 (310) «Аргонавтики» (стр. 69—70) Герман разбирает не грамматическую форму слова «непелос», как это утверждает Вольф, а дает реальный комментарий, вместе с тем исключая это слово из данного стиха и предлагая свою конъектуру.

Почти все приводимые Вольфом примеры почерпнуты из Гомера, как это и естественно для филолога, сосредоточившего свои силы преимущественно на нем. При этом без внимания остается как возможность изменения содержания названий античного костюма за почти тысячелетний период от архаической гомеровской эпохи до позднеэллинистических и римских статуй, так и возможная условность этих одеяний в зависимости от произвола художника. За исключением ссылки на одну статую, описанную итальянским археологом Эннио Квирино Висконти (Visconti, 1751—1818),⁴ Вольф не касается памятников изобразительных искусств, минуя и воспроизведения, данные в том же «Аугустеуме» Беккера, изданном Г.-И. Гешеном, с которым Вольф состоял в деловой переписке.⁵

Справки Вольфа носят языковой и филологический характер. Преобладание словесного над зрительным характерно для подхода Вольфа к искусству, и как раз это отличало его от веймарского круга любителей искусства. Обращает на себя внимание отсутствие в данном письме упоминаний, хотя бы полемических, о том, что говорит Винкельман об античном костюме в своей, в ту пору классической, «Истории искусств» (в частности, о непелосе — § 24, гл. 1, кн. 6; о хламиде — § 34, гл. 1, кн. 6; § 7, гл. 3, кн. 6). Между тем в том же 1805 году, к началу которого относится публикуемое письмо Вольфа, ему пришлось, по предложению Гете, принять участие в сборнике, посвященном Винкельману, «Винкельман и его век». 1805 год был для Вольфа последним законченным академическим годом его деятельности в университете, которому он посвятил четверть века, занимая с 1783 года должность профессора философии, педагогики и красноречия. Усилия его были, однако, направлены на отстаивание значительности классической филологии, как самодовлеющей дисциплины. Выпущенные им в 1795 году «Prolegomena ad Homerum» («Предисловие к Гомеру») явились этапом в развитии филологического анализа и критической мысли не только в области классической филологии: возникший с тех пор «гомеровский вопрос» способствовал изучению явления эпоса вообще и его отношений к фольклору.⁶ Несмотря на громкую известность своей книги, Вольф не замыкался в кабинетных занятиях, его преподавание славилось и за пределами Галле. Все это делало Вольфа «филологическим диктатором»: «среди ученых он появлялся как некий король», — пишет о нем современник, слушавший его лекции в начале 1806 года.⁷ Такое положение Вольфа

⁴ По поручению Климента XIV, а затем его преемника Пия VI Висконти изучал античные скульптуры Ватиканского музея; отсюда название его труда «Il Museo Pio-Clementino» (семь томов, 1782—1807).

⁵ F.-A. Wolf. Ein Leben in Briefen. Ergänzungsband, I, hrsg. v. R. Sellheim, Halle, 1956.

⁶ Ф. Ф. Соколов. Гомеровский вопрос. «Журнал Министерства народного просвещения», 1868, № 11, стр. 360—442; № 12, стр. 834—886; Ф. Ф. Соколов. Труды. СПб., 1910, стр. 1—148; Б. В. Казанский. Нынешнее состояние гомеровского вопроса. «Классическая филология», Изд. ЛГУ, Л., 1959, стр. 3—23.

⁷ Varnhagen von Ense. Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, Tl. I. Leipzig, 1843, S. 362.

я свойства его характера сказываются и в данном письме: он авторитетно аттестует других филологов, местами в его шутовстве сквозит легкое раздражение, особенно в конце письма, где речь идет об атрибутах Асклепия. Змей-Кнеф (Knephschlange) в связи с Асклепием у греков не упоминается. Это было божество египетского происхождения, со времен Шамполиона отождествлявшееся с египетским богом Хнум, что теперь отвергается. Вольф имеет в виду текст Беккера, поясняющий таблицу XVI (статуя Асклепия) на стр. 97—100 его труда «Аугустеум», частью не соглашаясь с ним, частью повторяя его: «Змею, обвиняющуюся вокруг сучковатой палки Асклепия, обычно возводят к египетским змеям. Первоначально змею считали вещим существом, знающим потайные силы земли. ... она доставляла ему [Асклепию] средства для лечения больных: однажды, когда он размышлял о врачевании, она принесла ему целебную травку во рту» и т. д. Во французском издании «Аугустеума» говорится еще определеннее: «Это — египетская змея, известная под названием „эсмун“» (стр. 99—100). Возражения Вольфа здесь напоминают его замечание по адресу Гердера и Хр. Гейне, утверждавших свой приоритет по гомеровскому вопросу: «С подобными представлениями пускай отправляются туда, где можно играть темными чувствами и возбуждать духовный зуд».⁸

Летний семестр 1806 года Вольф еще имел возможность закончить, но осенью, вскоре после битвы под Иеной, город был занят французами и университет закрыт. Вольф, который любил преподавание едва ли не больше, чем писательство, тяжело переживал свое вынужденное бездействие — «otia gallica», по его выражению. Он переезжает в Берлин, где с 1807 года издает журнал «Museum der Alterthumswissenschaft», первый выпуск которого он открыл статьей «Darstellung der Alterthumswissenschaft»,⁹ посвященной, как и весь журнал, Гете. В этом же году Вольф получил из недавно основанного университета в Харькове приглашение занять кафедру латинского языка.¹⁰ Вольф еще и до того, начиная с 1802 года, проявлял интерес к русским делам: в переписке с Буссе, своим бывшим учеником, проживавшим в Петербурге, Вольф спрашивал о положении просвещения в России, о материальной стороне жизни и работы и стоит ли изучать русский язык.¹¹ Теперь, при неопределенности положения в Германии, возможность переселения в Россию привлекала Вольфа: «... он все еще приходил в восторг от мысли пожить вблизи Томи, подле Одессы и среди памятников босфорского царства, отвратить

⁸ «Intelligenzblatt der Allgemeinen Literatur-Zeitung», 1795, 24 Oktober.

⁹ Русский перевод: Что такое классическая филология? I. Фр. Авг. Вольфа. Очерк науки древности. Перевод с немецкого И. Помяловского. СПб., 1877. В предисловии указывается, что А.-Ф. фон Видерт помогал «в понимании и передаче немецкого текста» (стр. III). Видерт переводил и с русского на немецкий; ему принадлежит первый перевод гоголевского «Ревизора»; см.: М. П. Алексеев. Первый немецкий перевод «Ревизора». В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1954, стр. 206 и сл.

¹⁰ D-r Georg Schmid. Fr. A. Wolf, der Philologe, und die Universität Charkow. Nach bisher ungedruckten Dokumenten. «Russische Revue. Monatschrift für die Kunde Russlands». Hrsg. v. Carl Röttger, VIII Jahrgang, St. Petersburg, 1879, S. 289—328.

¹¹ Ср. также его письмо от 5 января 1808 года. — Б. Ф. Бурзи. Неизданное письмо Фр.-Авг. Вольфа. «Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине», т. XVIII, 1900, стр. 14, 10.

вина с греческих островов».¹² Вольф писал, что для него много значило бы жить в таких местах, где ни слова не услышишь о тех гнусных людях, которые раньше его окружали (намек на сплетни, распущенные в Галле относительно его якобы угодливого поведения во время французской оккупации). Все же он колебался и задерживал свой ответ на приглашение Харьковского университета. Между тем Германии нежелательно было его терять. «Вы хотите перенести Аттику на родину Анахарсиса, — писал ему в феврале 1808 года Иоганн Мюллер, возглавлявший учебное дело в Вестфалии, — но чувство родины и привязанность к Галле должны перевесить званые обеды (Diners) у русских вельмож и собольи шубы».¹³ В Галле, во вновь открытый после Тильзитского мира университет Вольф, однако, уже не вернулся, но отказался и от мысли уехать в Россию: он остался в Берлине и заключением его гомеровских изысканий явилось его пяти-томное издание Гомера, законченное в 1807 году.

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, лл. 75—76 об.

Halle, d[en] 23 Jan[uar] 1805.

Wohlgeborner Herr, Hochzuehrender Herr Hofrath,

Euer Wohlgeborenen Zuschrift, voll gütiger, nur allzugütiger, Gesinnung gegen mich hat mir große Freude gemacht, besonders als Vorschmack mündlicher Unterredung, welcher niemand begieriger als ich entgegenseht: möchte sie mich nur nicht in Unpäßlichkeit getroffen haben, die meine Antwort so lange verzögern mußte.

Mir ist von *irgend* einem Unterschiede zwischen πέπλος u[nd] πέπλον nichts bekannt u[nd] ich halte ihn für blos erdichtet. Überall ist πέπλον nicht nachzuweisen; wohl πέπλα im Plur[al], was aber so anzusehen ist wie σῖτα, δεσμά von σῖτος etc. ein Sprung in eine fremde Flexion. Nur unrichtig beurtheilte Stellen im Homer haben einige Wenige auf einen, jedoch blos grammatisch[en], Unterschied geleitet: von diesem Irrthum ist auch der sonst genaue Sprachkenner Hermann im Anfang zu seinem neuen Orpheus nicht frei. Kurz, ganz gleichbedeutend sind beide Geschlechter des Worts im Plur[al], im Sing[ular] aber kommt ledigl[ich] πέπλος vor. *Möglich* ist es gleichwohl, daß in der Kindheit der Sprache auch πέπλον üblich[ich] war, wen man aus dem alten Latein, peplum, schließen will. — Vollkommen recht scheint Ihnen der Peplus eine *bestimmte* Gattung von *weitem Ober-Gewand*. Es ist ungereimt, den Mantel so weit zu machen, daß man alle vornehmthuenden Ignoranzen

¹² Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля. Харьков, 1868, стр. 35 (русский перевод из пятого тома издания: Bühla u. Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen. Leipzig, 1854).

¹³ W. Körte. Leben und Studien F.-A. Wolf's, des Philologen, Th. II. Essen, 1833, S. 20.

darunter verstecken kann, u[nd] sogar das oppositum, einen kleinen, engen Peplus, von dem auch mir kein sterbend Wort bekannt ist. Der Pepl[us] war *lang, weit* u[nd] *faltreich*, wie das männl[iche] φᾶρος, das man abwirft, wenn man expedit agiren muß, wie Ulyss[es] Il[ias] B. Ein kurzes, bis an die Knie reichendes, Gewand ist eben der kriegerische χιτών, mit dem sich Pallas in der Ilias rüstet, weil man im weitem Staatskleid nicht in die Schlachten geht. Die Etymol[ogie] übrigens ist zu nichts nütz, zumal da sie höchst unsicher ist. — Die alten Grammatiker hatten mehrere um kein Haar unwahrscheinlichere oder wahrscheinlichere.

Wenn Sie ferner den P[eplus] auch weiß nennen, so fehlt es freil[ich] nicht an Beweisen; in deßen gehen mir Dichterstellen durch den Kopf, wo auch πορφύρεοι πέπλοι vorkommen. Auch der Agraffen περοναί erwähnen die Dichter zuweilen was ich erwähne, weil der p[eplus] *umgeworfen* wurde, nicht durch *Einkriechen*, induendo, angezogen, wie der χιτών. Übrigens ist die Kleidungsart nicht so ganz auf die Frauen eingeschränkt daß nicht auch zuweilen Männer mit P[eplus] vorkämen wie mit der *Chlamys*, ein Name, den zuerst Sappho brauchte. Besonders ist ein Peplus Bacchi berümt aus einem Kunstwerk: cf. Visconti Pio Cl., III, p. 51.

Was den panathen[aischen] p[eplus] betrifft, so kann dieser nicht über hom[erische] Zeitalter zurückgehen, sofern Giganten darauf waren was eine offenbar nachhomerische Fabel ist. Doch vielleicht faße ich diese Frage nicht ganz — ob der gewöhnl[iche] P[eplus] der Athene von dem attischen seinen Namen erhalten. So weit ich sie aber faße, müßte ich sie mit Nein beantworten: der attische war ein Donarium; dies konnte man unmögl[ich] als ordinäre Bekleidung der Göttin ansehen; nach den Gewändern sterbl[icher] edler Weiber durch die Phantasie gebildet. Endl[ich] da in Il[ias] Ζ ein peplus als Donarium in die trojan[ische] Burg gebracht wird, darf man auch nicht an *solche* Stickerreien gedenken, wie beim nachher panath[enaischen] p[eplus], sonst müßte davon ein Wort gefallen seyn: durchaus aber an Stickerei-Arbeit, wie Sie gründl[ich] bemerken, nicht an Würken. Hier meine ganze Weisheit, was sich ohne Bücher geben lies: den mein Katharrh erlaubt mir den Weg in die kalten Bücher-zimmer noch nicht, u[nd] an Büchern hat ja auch Dresden ein Reichthum.

Wegen Ἀσκληπιός fällt mir grade ein Etymologicum ineditum *Orionis*, womit vor etlichen Jahren Larcher mich beschenkte, in die Hände. Sogl[eich] sehe ich nach, finde aber, was auch wol nicht neu ist: Ἀσκλη[πιός] ὁ τὰ σκληρὰ ἔπεια ποίω, neml[ich] α als intrusivum davor. Das ἔπειος im Wort

stehe, ist gewis keinem Zweifel unterworfen — das Vordertheil aber scheint nicht auszumitteln. Spaßhaft ist es mir, die Räthsel in das allgemeine Räthsel-Land, nach Aegypten-zu schicken. Die Knephschlange hat auch mir nie zu Kopf gewollt, hingegen ist es sehr wahrscheinl[ich], daß die Schlange ein alt Symbol war, das auf Gesundheit Bezug hatte, oder als ein Erd-thier auf Ausmittlung von Kräutern. Aber erlauben Sie mir das Geständnis: ich habe die hin u[nd] her wankenden Vermuthungen in einem Felde, wo so viel möglich ist, u[nd] wo man nicht beweisen kann, daß das was man muthmaßt, vor andern Ideen als einzig-annehmbar vorzuziehen ist.

Ihr vortrefl[iches] Augusteum hat gewis nicht viele so aufmerksame Leser, als ich mich zu seyn rühme. Von izt an wünschte ich daher, die Stücke aus Ihren, oder, wenn Sie es so einrichten wollen, aus Götschens Händen gleich frisch zu erhalten, mit der Anzeige, an wen aus der Casse der Univers[itäts] Bibl[iothek] ich den Beitrag auf der Stelle übermachen soll.

Mit wahrer Hochachtung beharre ich

Ihr ganz ergeb[ener] D[iener]

Wolf

Перевод

Галле, 23 января 1805 г.

Благородный господин, высокочтимый господин надворный советник!

Письмо вашего благородия, преисполненное милостивого, незаслуженно милостивого расположения ко мне, было для меня большой радостью, в особенности как предвкушение устной беседы, чего никто не жаждет более меня, лишь бы только она не застала меня в том недомогании, которое вызвало такое промедление с моим ответом.

Мне ничего *не известно* относительно разницы между πέπλος и πέπλον, и я считаю ее просто вымыслом. Нигде нельзя доказать форму πέπλον, хотя, правда, во множественном числе — πέπλα, что, однако, надо рассматривать, так же как σῖτα, δεσμά от σῖτος и т. д., как скачок в другое склонение.¹⁴ Лишь неверно поняты места в Гомере были кое-кем возве-

¹⁴ Беккер, очевидно, спрашивал Вольфа, имеется ли, кроме слова πέπλος (пеплос) мужского рода, еще и слово πέπλον среднего рода и в чем между ними разница по значению. Вольф указывает, что во множественном числе действительно встречается форма πέπλα среднего рода, так же как и σῖτα, δεσμά от существительных мужского рода σῖτος (хлеб) и δεσμός (связь, узы).

дены к какому-то, впрочем, только грамматическому, различию; от этого заблуждения не свободен даже Герман, вообще отличный знаток языка, в начале своего нового Орфея. Коротко говоря, оба рода этого слова совершенно равнозначащи во множественном числе, а в единственном числе встречается исключительно πέπλος. Правда, *возможно*, что в младенчестве языка была в употреблении и форма πέπλον, если угодно заключать по древнелатинскому *perlum*.¹⁵ Вы совершенно правы, считая пеплос *определенным* видом *широкой верхней одежды*. Нелепо делать это одеяние настолько широким, чтобы под ним можно было скрывать любое невежественное важничание, но также нелепо и *oppositum*,¹⁶ т. е. небольшой, узкий пеплос, о котором и мне не известно ни единого слова. Пеплос был *длинным, широким, со многими складками*, как мужской φᾶρος,¹⁷ который сбрасывают с себя, когда бывает нужно действовать налегке, как Улиссу во второй песне «Илиады».¹⁸ Короткая, доходящая до колен одежда, — это военный χιτών, в который облачается Паллада в «Илиаде»,¹⁹ потому что в битву не ходят в парадном платье. Впрочем, этимология здесь ни при чем, тем более, что она в высшей степени недостоверна. У древних грамматиков было немало разных [этимологий], ни на волос более правдоподобных или неправдоподобных.

Если вы далее называете пеплос также и белым, то, пожалуй, не будет недостатка в доказательствах; в том числе приходят мне в голову места из поэтов, где встречаются и πορφύρεοι πέπλοι.²⁰ Точно так же упоминают поэты иногда и пряжки — περωναί, о чем я упоминаю, потому что пеплос *носили в накидку*, а не *одевали через голову*, induendo, как χιτών.²¹ Впрочем, этот вид одежды не был так исключительно приурочен к женщинам, чтобы не попадались иной раз и мужчины в пеплосе, так же как и в *хламиде* — название, впервые употребленное Сафо.²² Особенно знаменит по одному

¹⁵ У римлян это слово, взятое с греческого, встречалось и в мужском роде — *perlus*, но чаще в среднем — *perlum*.

¹⁶ Противоположное (лат.).

¹⁷ Плащ, верхняя одежда.

¹⁸ Во второй песне «Илиады», стих 183, слова φᾶρος нет, вместо него χλαῖνα (вид плаща).

¹⁹ «Илиада», V, 736. Н. И. Гнедич переводит χιτών словом «броня». Что хитон иногда означает у Гомера перенцирь, объясняет Винкельман в своей «Истории искусств», кн. 6, § 11.

²⁰ Пурпурные пеплосы.

²¹ Одевая, как хитон.

²² Сафо, фрагмент 66 (21):

... ἔλθοντ ἐξ ὀράνω πορφύριαν περθέμενον χλάμιν

(Hiller-Crusius. Anthologia lyrica. Lipsiae, 1907, S. 202).

произведению искусства *replus Vaschi*; ср.: Visconti. Pio-Clementino, III, p. 51.²³

Что касается панафинейского пеплоса, то он не может относиться к гомеровской эпохе, поскольку на нем были гиганты, что явно послегомеровская басня. Но, быть может, я не вполне охватываю этот вопрос: получил ли обыкновенный пеплос Афины свое название от аттического пеплоса. Но, насколько я охватываю, я бы ответил на него отрицательно: аттический пеплос был *donarium*,²⁴ его невозможно считать обычным одеянием богини; ее обыкновенный пеплос — одежда божеств, созданная фантазией по образцу одежд смертных знатных женщин. Наконец, так как в «Илиаде», песнь VI, пеплос приносится как *donarium* в троянский замок,²⁵ то нельзя представлять себе такие вышивки, как на последующем панафинейском пеплосе, иначе нужно было бы проронить об этом хоть словечко. Вообще же, как вы основательно замечаете, [здесь] вышивание, а не тканье. Вот и вся моя премудрость, все, что можно сделать без книг, потому что мой катар не позволяет мне заходить в холодные книжные помещения, впрочем, книгами богат и Дрезден.

Насчет Асклепия у меня есть под рукой *Etymologicum ineditum Orionis*,²⁶ подаренный мне Ларше несколько лет тому назад. Я сейчас же навел справку, но нашел то, что вовсе не ново: Ἀσκλη[ῆ]τος ὁ τῶν σκληρῶν ἵππων ποιῶν,²⁷ т. е. что *a* впереди является *intrusivum*.²⁸ Что ἵπιος входит в состав слова, не подлежит, конечно, сомнению, но передняя часть не поддается истолкованию.²⁹ Возводить все загадочное к загадочной вообще стране Египту, я считаю пустой забавой.

Перевод

... с неба сходит, покрыв плеч белизну алой хламидою

(Алкей и Сафо. Перевод В. Иванов. М., 1914, стр. XXIII).

²³ Вольф имеет в виду следующее место у Висконти: «Возможно, наподобие плаща (*pallio*), окутывающего эту статую. . . и на статуэтке Вакха в руке Фавна был величественный покров (*amantato*), которому Плиний дал название *palla*, что равносильно названию „*replus*“, — так по-гречески обозначали любой широкий плащ или покрывало, хотя впоследствии, в более узком смысле, это же самое название прилагали к двум различным видам женской одежды» (Il Museo Pio Clementino. Illustrato e descritto de Ennio Quirino Visconti, vol. III, Milano, 1819, tavola XC, *Vacco barbato*).

²⁴ Дар, приношение (*лат.*).

²⁵ «Илиада», VI, 269 и сл., 288 и сл.

²⁶ Неизданный этимологический словарь Ориона (*лат.*).

²⁷ Асклепий, делающий твердое мягким.

²⁸ Вторгшейся, приставленной (*лат.*).

²⁹ Иначе говоря, Вольф разлагает имя Асклепия так: *a-σκλη-ῆτιος* (ἵπιος — мягкий, целебный).

Змей-Кнеф и у меня тоже никогда не укладывался в голове; напротив, очень вероятно, что змея была древним символом, имеющим отношение к здоровью, или же в качестве наземного животного служила для отыскания целебных трав. Но разрешите мне сделать признание: я ненавижу шаткие предположения в той области, где возможно столь многое и где нельзя доказать, что предполагаемое следует предпочесть другим идеям, как единственно приемлемое.

Ваш превосходный «Аугустеум» имеет, конечно, не много таких внимательных читателей, каким, могу похвастаться, являюсь я. Начиная с этого времени мне хотелось бы поэтому без задержки получать выпуски от вас или, если вы так устроите, от Гешена с указанием, на чье имя я должен тотчас же пересылать взносы из кассы университетской библиотеки.

С подлинным почтением пребываю я ваш совершенно преданный слуга

Вольф

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ ГОФМАН

А. Кюнелю

Публикуемое письмо относится к наиболее тяжелому периоду жизни Гофмана; «этот ужасный период 1806—7—8 годов», — писал он впоследствии.¹ Войска Наполеона, вступившие в конце ноября 1806 года в Варшаву, распустили прусскую администрацию, и Гофман, который служил здесь с 1804 года в чине советника, остался без места. Он отправил свою семью к родным жены в Познань, а сам после перенесенной тяжелой болезни поехал в Берлин, куда прибыл 18 июня 1807 года.²

Расчеты Гофмана на продажу здесь своих рисунков, которые он привез из Варшавы, и на получение заказов на портретные работы не оправдались. Также не удалось ему найти издателя для своих музыкальных произведений. А на получение места чиновника не приходилось рассчитывать. Без места, без семьи, без денег Гофман влачил в Берлине полуголодное существование. Из Познани он получил известие о смерти его единственной дочери и о тяжелой болезни жены.

В конце августа Гофман дал объявление во «Всеобщих имперских известиях» («Allgemeine Reichs-Anzeiger»), предлагая любому театру свои услуги в качестве музыкального директора.³ Однако на это объявление не последовало никаких предложений.

В это время варшавский друг Гофмана (впоследствии его первый биограф) Юлий Эдуард Хитциг (Hitzig, 1780—1849), находясь в Лейпциге, предложил владельцу музыкального издательства «Bureau de Musique» Амброзию Кюнелю (Kühnel, 1770—1813) написанный Гофманом квинтет с арфой C-moll. Узнав об этом по возвращении Хитцига в Берлин

¹ E.-T.-A. Hoffmann. Dichtungen und Schriften sowie Briefe und Tagebücher. Gesamtausgabe in 15 Bänden, Bd. XV. Weimar, 1924, S. 156.

² Об этом, так называемом «втором» пребывании Гофмана в Берлине (1807—1808; первое — 1798—1800) см.: Walther Harich. E.-T.-A. Hoffmann. Das Leben eines Künstlers, Bd. I. Berlin, o. J., S. 96—103; Jean-F.-A. Ricci. E.-T.-A. Hoffmann. L'homme et l'oeuvre. Paris, 1947, p. 140—143.

³ Приводится в книге: E.-T.-A. Hoffmann. Dichtungen und Schriften, Bd. XIV, S. 235. Музыкальный директор (Muzik-Direktor) выполнял обязанности дирижера и театрального композитора.

Гофман 27 октября обратился сам к Кюнелю с письмом, к которому приложил перечень своих музыкальных произведений, предлагая ему приобрести их для издания.⁴

Однако Кюнель не только не приобрел их, но даже не пожелал с ними ознакомиться и в ответном письме предложил Гофману место корректора в своем издательстве с вознаграждением 14 рейхсталеров при ежедневной 9-часовой работе с 8 до 12 и с 2 до 7 часов.

В письме от 14 ноября Гофман в очень осторожных выражениях писал, что не может согласиться на это предложение, так как предлагаемое вознаграждение чрезвычайно низко, а 9-часовая работа не оставит ему времени для творчества; он не отказывался совсем, но просил об увеличении платы. Далее он писал о том, что имеет надежду на место музыкального директора в Люцерне или Бамберге, и в конце снова просил разрешить ему прислать свои произведения.⁵

Публикуемое письмо Гофмана к Кюнелю является третьим и, по-видимому, последним. Насколько можно судить по нему, Кюнель в письме от 26 ноября, которое упоминает Гофман, предлагал ему место уже не корректора, а продавца, возможно, с более высокой оплатой.⁶ Однако Гофман колебался ответить согласием (хотя в то же время не решался окончательно порвать с Кюнелем), все еще рассчитывая получить место театрального директора. Действительно, он вскоре получил такое предложение из Бамберга, куда переехал в 1808 году.

Упоминаемый в письме Иоганн Фридрих Рохлиц (Rochlitz, 1769—1842) — поэт и музыкальный критик, основавший в 1798 году в Лейпциге «Всеобщую музыкальную газету» («Allgemeine musikalische Zeitung»); в этой газете он ставил своей целью объединить музыку с литературой. Рохлиц сам писал музыкальные новеллы, послужившие примером для Гофмана. Последний обратился к нему по совету Кюнеля, переданному через Хитцига, и с письмом к Кюнелю от 27 октября посылал другое письмо для передачи Рохлицу.⁷ Впоследствии Рохлиц опубликовал в своей газете новеллу «Кавалер Глюк» («Ritter Gluck»), положившую начало литературной известности Гофмана.⁸

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, № 1260.

Berlin den 12 Decbr: 1807.

Mit jedem Tage hoffte ich etwas entscheidendes über mein künftiges Fortkommen zu erfahren und Ihnen dann eine bestimmte Erklärung abgeben zu können, allein vergebens; um so weniger darf ich aber jetzt zögern Ihr gütiges Schreiben vom 26. Novbr. d. J. zu beantworten als ich sonst in den Verdacht gerathen könnte Ihren wohlwollenden Anträgen nicht die gebührende Aufmerksamkeit zu schenken. — Eigentliche Handlungskentniße besitze ich zwar nicht, inde-

⁴ Ibid., S. 237—240.

⁵ Ibid., S. 240—242.

⁶ В. Харих, которому, очевидно, было известно это письмо Кюнеля, указывает, что он предлагал 20 рейхсталеров (W. Harich, op. cit. Bd. I, S. 100).

⁷ Это письмо не известно.

⁸ «Allgemeine musikalische Zeitung», 1809, 15 Februar, № 20.

ßen erlernt ein *preußischer Geschäftsmann* so etwas wohl bald und daß ich dieses war muß Ihnen auch schon für meine Treue und Redlichkeit bürgen. — Ich rechne fertig und das Buchführen ist mir deshalb nicht fremd, weil die Verwaltung der Depositorien in preußischen Collegien es ebenfalls erfordert, daß ich im Briefstyl geübt bin und eine gute Hand schreibe zeigt Ihnen meine Correspondenz. — Ende dieses Monaths könnte ich mich bestimmt erklären, vorläufig schlage Ich Ihnen vor mir bloß in Leipzig freye Station zu geben, wofür ich Correcturen und andere kleinere Arbeiten in Ihrer Handlung übernehmen und so Ihnen gewiß sehr nützlich seyn würde. — Noch immer waren Sie nicht so gütig, mir nur ein Wort darüber zu sagen, ob ich Ihnen etwas von meiner Composition schicken soll; selbst beurtheilen können Sie ja dann ob der Verlag meiner Musik vortheilhaft seyn würde oder nicht. Hr. p. Rochlitz hat sich über eine kleine von mir ihm zugeschickte Arbeit sehr günstig erklärt und mir versprochen meinen Compositionen in der Musik[alischen] Zeit[ung] den Ruf zu verschaffen den sie verdienen. Dringendst bitte ich Sie mir hierüber etwas zu sagen denn sie können es leicht denken wie es mir auch in merkantilischer Hinsicht in dieser magern Zeit daran gelegen seyn muß für meine Werke einen honetten Verleger, wie Sie es gewiß sind, zu finden. Versuchen Sie es mit einem jungen Künstler, vielleicht schlägt es beßer an als man wohl denken möchte — so war es ja schon oft der Fall.

Ihr ergebenster Hoffmann

На обороте: Herrn A. Kühnel, Director des Bureau de Musique in Leipzig. Fr[anko] 3 Gr[oschen].

Перевод

Берлин, 12 декабря 1807 г.

Каждый день я надеялся узнать что-нибудь окончательное относительно моей дальнейшей участи и получить тогда возможность сообщить вам нечто определенное, но тщетно. Тем менее смею я теперь медлить с ответом на ваше любезное письмо от 26 ноября сего года, поскольку иначе я могу навлечь на себя подозрение в том, что не уделяю вашим благосклонным предложениям надлежащего внимания. — Я не обладаю, правда, настоящими знаниями в торговых делах, однако *прусское должностное лицо* довольно скоро изучит подобные вещи, а то, что я был таковым, уже должно вам служить ручательством за мою верность и честность. — Я хорошо считаю, и поэтому мне не чуждо ведение счетных книг, так как этого также требует

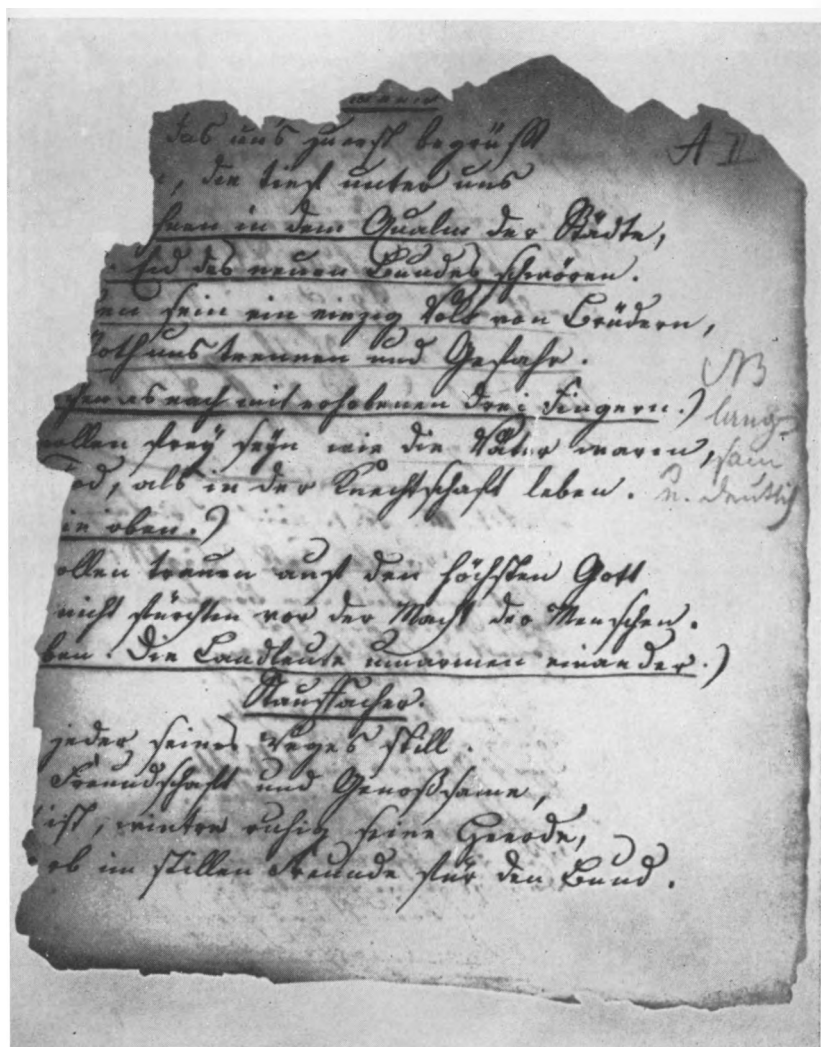
управление депозиторием в прусских коллегиях; то, что я владею письменным слогом и пишу хорошим почерком, показывают вам мои письма. — Окончательно я мог бы вам сказать в конце месяца, а пока что я предлагаю вам предоставить мне только бесплатное местожительство в Лейпциге, за что я мог бы взять на себя корректуры и другие небольшие работы, имеющиеся в вашем деле, и таким образом был бы, наверное, весьма вам полезным. — Вы все еще не были столь добры, чтобы хоть одним словом сообщить, следует ли мне послать вам что-либо из моих композиций; вы сами смогли бы тогда судить, выгодно ли издание моей музыки или нет. Г-н Рохлицц высказался очень благосклонно относительно одного небольшого произведения, которое я ему посылал, и обещал мне создать в «Музыкальной газете» такую репутацию моим композициям, какой они заслуживают.

Настоятельнейшим образом прошу вас сказать мне что-либо об этом, так как вы сами легко можете понять, насколько мне должно быть важным также и с меркантильной точки зрения найти в это скудное время такого благородного издателя для своих сочинений, каким несомненно вы являетесь. Попробуйте-ка с молодым художником, может быть, это удастся лучше, чем можно было бы ожидать, — так бывало нередко.

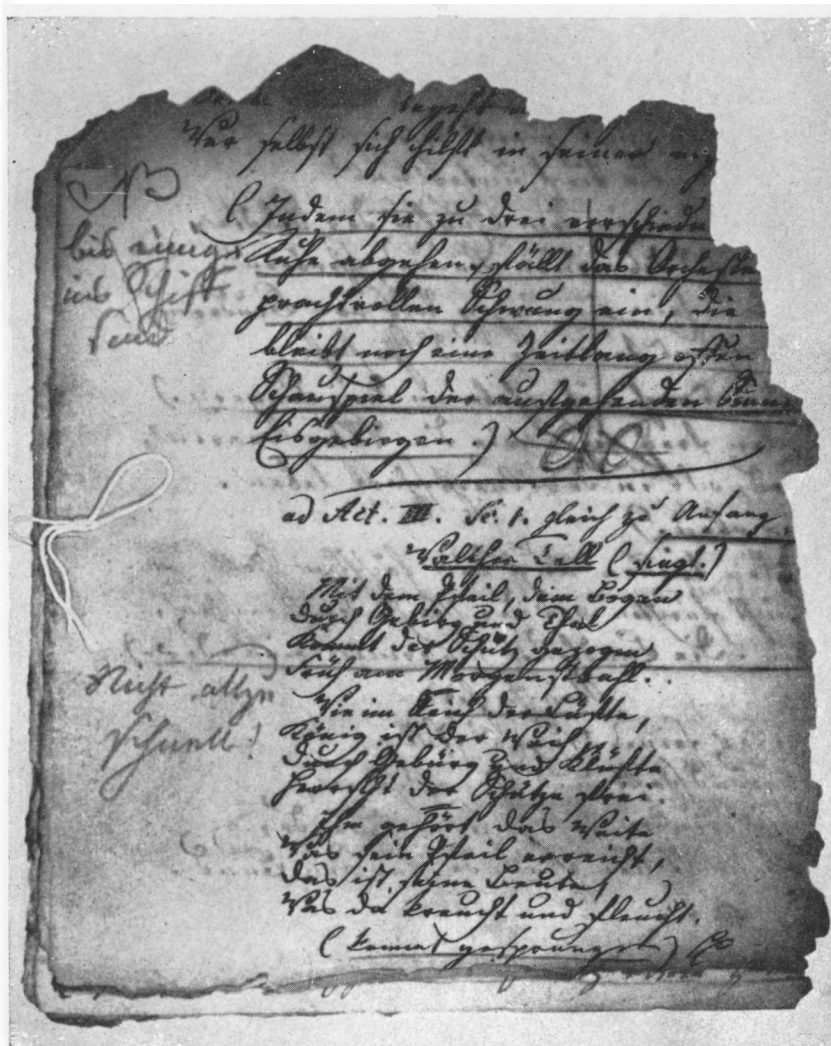
Совершенно вам преданный Гофман

На обороте: Г-ну А. Кюнелю, директору Музыкального бюро в Лейпциге. Франкировано 3 гроша.

Страница театральной рукописи «Вильгельма Телля»
с собственноручными пометами Ф. Шиллера.

Страница театральной рукописи «Вильгельма Телля» собственноручными пометами Ф. Шиллера (оборотная сторона).

ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ

М.-Л.-Э. Моро де Сен-Мери

Публикуемое письмо Ж. де Сталь относится ко времени ее первого итальянского путешествия.¹ Впервые Ж. де Сталь посетила Италию в 1804—1805 годах. Путь ее лежал через Милан, Парму, Болонью в Рим, где она почти безвыездно жила с февраля по июнь 1805 года. В начале июня она снова едет в Милан. Целью этой поездки была аудиенция у Наполеона, которой Ж. де Сталь настойчиво добивалась в надежде, что он наконец вернет ей два миллиона франков — государственный долг Франции ее поездку Жаку Неккеру.

Пребывание Наполеона в Милане было связано с его коронацией, состоявшейся 26 мая 1805 года. Ж. де Сталь знала о предстоящей коронации еще в самом начале своего путешествия: в письмах к Винченцо Монти от 5 и 7 февраля 1805 года она осведомлялась о том, когда Наполеон должен прибыть в Милан и сколько времени он там пробудет.² Наполеон находился в Милане с 9 мая, но Ж. де Сталь, страшась «коронаций и мамелюков», несмотря на увещания друзей (М. де Монморанси, Бонштенга, Б. Констан), всячески оттягивала свою поездку.³ В Милан она приехала в первых числах июня, т. е. за несколько дней до отъезда Наполеона. Обещанная ей аудиенция не состоялась. Однако ей все же удалось встретиться там с рядом официальных лиц, в частности с государственным секретарем Гюгом Барнаром Маре, герцогом де Бассано (Maret, duc de Bassano, 1763—1835). На это указывает публикуемое письмо, адресованное ею генералу Медериду Луи Эли Моро де Сен-Мери⁴ (Mogean de Saint-Méry, 1750—1819), видному политическому и государственному деятелю эпохи Империи, с 1802 по 1806 год наместнику Наполеона в Парме, Пьяченце и Гуасталле. Ж. де Сталь познакомилась с ним во время своего недолгого пребывания в Парме проездом в Рим.⁵ Этим и объясняется визит, нанесенный ей Моро де Сен-Мери, и ее стремление безотлагательно нанести ему ответный визит. Впрочем, эта ее встреча, равно как и все другие, не привела ни к каким положительным результатам. Наполеон, ненавидевший и одновременно боявшийся непокорной «владелицы Коппе», отказался вернуть ей долг. В конце июня 1805 года она уже была в Швейцарии.⁶

Публикуется по автографу: ЛОИИ, карт. 371, № 9.

¹ P. Dejob. M-me de Staël et l'Italie. Paris, 1890.

² P. Gautier. M-me de Staël et Napoléon. Paris, 1903, p. 172.

³ Sismondi. Epistolario, t. I. Firenze, 1933, p. 72—76.

⁴ На письме другой рукой сделаны пометы: «Vendredi 7 Juin 1805» («пятница, 7 июня 1805 г.»); «18 Prairial. 13» («18 прериала XIII г.»).

⁵ P. Gautier, op. cit., p. 170—171; см. также: Blenerhasset. Frau von Staël, ihre Freunde und ihre Bedeutung in Politik und Literatur, Bd. III. Berlin, 1889, S. 107.

⁶ Briefe von und an A.-W. Schlegel. Tl. I. Zürich—Leipzig—Wien, 1930, S. 193; C-tesse Jean de Pange. Auguste-Guillaume Schlegel et M-me de Staël. Paris, 1938, p. 135—145.

J'ai été désolée de ne m'être pas trouvée chez moi hier au soir. j'étais chez M-r Maret — soyez assez bon Monsieur pour me recevoir chez vous ce matin à 3 h[еures] — je m'y rendrai si vous ne me faites rien dire de contraire.

Vous connaissez ma haute considération pour vous.

N. Stael de H.

Milan — Vendredi

Casa Marinoni, Str. St. Prospero.

На обороте: A Monsieur Monsieur Moreau de Saint-Méry. Administrateur Général des États de Parme. Rue S. Andrea, Maison Padulli.

Перевод

Я весьма опечалена, что вчера вечером меня не оказалось дома, я была у г-на Маре. — Соболаговолите, сударь, принять меня сегодня в 3 часа; я буду у вас, разумеется, в том случае, если не последует отрицательного ответа.

Вам известно, сколь высоко я вас уважаю.

Неккер Сталь де Гольштейн

Милан, пятница

В доме Маринони, улица Сан-Просперо

На обороте: Милостивому государю г-ну Моро де Сен-Мери, верховному правителю Пармского государства, улица Сант-Андреа, в доме Падулли.

Ривьеру

Сразу же после падения Наполеона Жермена де Сталь возобновила хлопоты о возвращении ей двух миллионов франков, особенно необходимых ей теперь в связи с предстоящим замужеством дочери Альбертины. К началу 1815 года вопрос был уже решен, но с возвращением Наполеона все совершенно изменилось, и Ж. де Сталь вынуждена была спешно выехать в Коппе.⁷ В сентябре 1815 года, не возвращаясь в Париж, Ж. де Сталь вместе с дочерью, Д. Рокка и А.-В. Шлегелем снова отправилась в Италию. Миновав Милан и Геную, они остановились в Пизе. Между тем сын писательницы Огюст де Сталь и герцог Виктор де Бройль (De Broglie, 1785—1870) в Париже продолжали прерванные событиями Ста дней переговоры с королевским казначейством.⁸ Успешному исходу этих переговоров способствовал генеральный секретарь, ведавший ликви-

⁷ Sismondi. Epistolario t. II, Firenze, 1935, p. 121.

⁸ V. de Broglie. Souvenirs, t. I, Paris, 1886, p. 336—337.

дащей долгов короли и принцев крови, рикетмейстер Ривьер.⁹ В январе 1816 года О. де Сталь и В. де Бройль выехали из Парижа в Италию. Через месяц они были в Пизе, а 15 февраля в Ливорно состоялось гражданское бракосочетание В. де Бройля и А. де Сталь.¹⁰ Возвратившись из Ливорно, Ж. де Сталь поспешила написать благодарственное письмо Ривьеру. Несколько дней спустя она выехала во Флоренцию. На это указывает двойной обратный адрес публикуемого письма.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, собрание А. С. Меншикова, ф. 397, № 10.

J'ai su par mon fils Monsieur combien vous aviez été aimable pour lui dans la discussion de nos affaires, mais je n'ai pu m'empêcher de le blâmer de ce qu'il avait cru vous témoigner sa reconnaissance en vous imposant mes ouvrages, je vous demande la permission d'apporter à Madame de Rivière d'Italie un ouvrage d'art un peu plus fait pour plaire généralement — je souhaite de me rattacher de toutes les manières à votre souvenir comme vous êtes gravé dans le mien.

J'ai l'honneur d'être Monsieur v[otre] t[rès] h[umble] et t[rès] o[bligée] s[ervante].

Necker B[ar]onne de Staël Holstein

Pise, ce 17 février 1816 — à Florence.

На обороте: Monsieur Monsieur Riviere, maître des Requêtes etc. etc., n° 18, Rue du Mont-Blanc, Paris, France.

Перевод

От моего сына, сударь, я узнала, сколь любезны вы были по отношению к нему при обсуждении наших дел, но я не могу не выразить ему своего неудовольствия в связи с тем, что ему вздумалось в знак признательности навязывать вам мои сочинения. Я прошу у вас разрешения привезти г-же де Ривьер из Италии какое-нибудь произведение искусства, в несколько большей степени предназначенное для того, чтобы вызывать всеобщее восхищение, — мне всячески хотелось бы остаться в вашей памяти, подобно тому, как вы навсегда запечатлены в моей.

Честь имею, сударь, быть вашей покорнейшей и весьма вам обязанной слугой.

Неккер, баронесса де Сталь-Гольштейн

Пиза, 17 февраля 1816 г., во Флоренцию.

На обороте: Милостивому государю г-ну Ривьеру, рикетмейстеру и т. д. и т. д., улица Монблан, 18, Париж, Франция.

⁹ «Moniteur universel», 1815, 27 août; 1816, 1 janvier et 20 mai.

¹⁰ Souvenirs et correspondance tirés des papiers de Madame Récamier, t. I, Paris, 1859, p. 298—299.

ПЬЕР ЛЕБРЕН

Л. Арно

Публикуемое письмо драматурга и поэта Пьера Антуана Лебрена (Lebrun, 1785—1873) написано в связи с постановкой на сцене Французского театра (21 октября 1823 года) трагедии «Педро Португальский» Люсьена Эмиля Арно (Agnault, 1787—1863).

Трагедия Арно явилась примечательным событием французской литературно-театральной жизни начала 1820-х годов. Это была классическая трагедия, обновленная в духе новых эстетических идей, трагедия в манере Шиллера, как отмечал в своей рецензии критик «*Moniteur universel*»,¹ типичный образец переходного — от классического к романтическому — жанра.²

Современная пресса единодушно отмечала успех «Педро Португальского» у парижского зрителя.³ Этот успех был особенно очевиден еще и потому, что почти одновременно в «Одеоне» состоялось первое представление трагедии Ф. Дидо «Королева Португалии», написанной на тот же самый сюжет, что и «Педро Португальский», но, в отличие от него, во всех отношениях традиционной. Трагедия Дидо была встречена с полным равнодушием и вскоре исчезла из театрального репертуара.

Близкий друг Л. Арно и его отца, известного драматурга и поэта Антуана Венсана Арно (1766—1834), Лебрен был несомненно хорошо знаком с трагедией «Педро Португальский», хотя и не смог присутствовать на ее премьере.⁴ Один из создателей наряду с К. Делавинем, А. Гиро и А. Суме «национальной трагедии», Лебрен, естественно, высоко оценил новое сочинение Арно, в котором он видел продолжателя начатого им дела. Недаром критика называла «Педро Португальского» трагедией наподобие «Марин Стюарт», наиболее значительного и знаменитого произведения П. Лебрена.⁵

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 36.

¹ «*Moniteur universel*», 1823, 22 octobre.

² Б. Г. Реизов. Французская романтическая драма. «Театр», 1939, № 10, стр. 61—64.

³ «*Journal des débats*», 1823, 24 octobre.

⁴ Это произошло из-за болезни друга Лебрена Ж.-В. Обернона (Aubernon) — политического деятеля и публициста либерального направления; см.: E.-J. Delécluze. *Journal*. Paris, 1948, p. 307—308; R. Vasschet. E.-J. Delécluze témoin de son temps. Paris, 1942, p. 93—94, 101.

⁵ C. A. Sainte-Beuve. *Portraits contemporains*, t. II. Paris, 1847, p. 115—150; Edm. Eggl. *Schiller et le romantisme français*, t. I. Paris, 1927, p. 499—530.

Mon cher Lucien, le bruit de votre triomphe m'est venu jusqu'au près du lit de mon cher malade. Je ne doutais pas d'un pareil succès, et pourtant j'en suis heureux comme si j'avais pu le mettre un moment en doute. Et je n'ai point été là pour en partager la joie et pour mêler mes applaudissements à ceux du public! Si l'état dangereux où est encore Aubernon et les soins que je lui donne n'avaient absorbé en moi toute autre pensée, j'aurais éprouvé un regret bien vif de n'avoir point assisté hier à la brillante représentation dont tout le monde parle aujourd'hui. Je m'en pourrai dédommager bientôt, je l'espère, en attendant il faut que je me contente de vous envoyer mes félicitations. Parmi toutes celles que vous recevez de vos amis, il n'en est point de plus vive et de plus sincère. Vous savez sans que je vous le dise, quelle part mon amitié prend à vos succès. Adieu, mon cher ami. Je félicite votre père. Il doit être bien heureux, car il aime votre gloire plus que la sienne.

Lebrun

На письме другой рукой сделана помета: à Mr Lucien Arnault après la représentation de Pierre de Portugal. Cette lettre est de Mr Lebrun auteur de Marie Stuart.

Перевод

Мой дорогой Люсьен, слух о вашем триумфе дошел до меня в то время, как я находился у постели моего дорогого больного. Я не сомневался в подобном успехе, и все же я радуюсь ему так, словно хоть на мгновение мог в нем усомниться. А между тем, меня не было там, в зале, чтобы разделить с вами радость успеха и присоединить мои рукоплескания к рукоплесканиям публики! Если бы тяжелое состояние, в котором попрежнему находится Обернон, и заботы о нем не поглощали все мои мысли, я был бы очень огорчен, что не присутствовал вчера на блистательном представлении, о котором сегодня говорят все. Надеюсь, вскоре я смогу возместить потерянное, а пока я должен ограничиться поздравлениями. Среди поздравлений, которые вы получаете от ваших друзей, нет более сердечного и искреннего. Мне не приходится говорить вам, с какой симпатией я отношусь к вашим успехам. Прощайте, мой дорогой друг. Поздравляю вашего отца. Он должен быть очень счастлив, ведь ваша слава ему приятнее собственной.

Лебрен

На письме другой рукой сделана помета: Г-ну Люсьену Арно после представления «Педро Португальского». Это письмо принадлежит г-ну Леброну, автору «Марии Стюарт».

ВИКТОР ЖОЗЕФ ДЕ ЖУИ

Л. Арно

Вскоре после того, как трагедия Люсьена Арно «Педро Португальский» была впервые представлена на сцене Французского театра,¹ вышло в свет ее отдельное издание (в «Bibliographie de la France» зарегистрировано 1 ноября 1823 года). Издание открывалось посвящением Виктору Жозефу Этьену, писавшему под именем Жуи (Жоу. 1764—1846), автору «Пустынников», «Весталки», «Типпо-Саиба», «Велизария» и «Суллы». «Друг мой, — писал в посвящении Арно, — мой новый успех на поприще, где вы одержали не одну победу, это также и ваш успех. Вы были вдохновителем моих первых поэтических опытов, вы направляли меня и поддерживали во время изгнания моего отца. Ему я посвящал первое свое сочинение,² вам почтительно посвящаю второе».³

Публикуемое письмо Жуи, таким образом, явилось ответом на посвящение ему трагедии «Педро Португальский». Письмо было написано до того, как Жуи получил трагедию Арно. Однако он был несомненно знаком с ней, и восторженный тон его письма к Арно свидетельствует не только о личной благодарности, но и о его ссущественном отношении к жанру «национальной трагедии», который складывался в это время.

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 37.

Mon ami, je n'ai pas encore reçu votre tragédie de *Pierre de Portugal*; quelle que soit mon impatience de la lire je suis pourtant décidé à ne pas l'envoyer prendre chez votre libraire; mais j'apprends que vous me l'avez dédiée et je ne veux pas attendre pour vous remercier d'une chose qui me fait tant de plaisir, que l'exemplaire de votre ouvrage me soit parvenu. Vous voilà lancé sur le Parnasse, mon cher Lucien, vos deux premiers pas vous ont approché des

¹ См. выше, стр. 244.

² Речь идет о трагедии «Регул» («Régulus», 1819). В действительности первым произведением Л. Арно была трагедия «Пертинакс» («Pertinax», 1818), обычно приписываемая его отцу.

³ L. Arnault. *Pierre de Portugal*. Paris, 1823, p. I. — Помимо посвящения, трагедии Арно было предпослано также любопытное предисловие, в котором с большой отчетливостью формулировалась точка зрения драматурга на «национальную трагедию» и обосновывалась его позиция в литературно-эстетической полемике начала 1820-х годов.

maitres de la scène et quelle avance qu'ils aient sur nous vous êtes d'âge et de force à pouvoir espérer de les joindre. J'avais deviné les succès que vous avez obtenus, et je vous prédís ceux qui vous attendent.

L'amitié qui me lie à vous et à votre illustre père me dispense de vous dire combien je suis heureux de votre bonheur.

Jouy

Paris 5 9bre 1823

На письме другой рукой сделана помета: à Mr Lucien Arnault après la 1-ere représentation de Pierre de Portugal.

Перевод

Друг мой! Я еще не получил вашей трагедии «Педро Португальский»; хотя я с нетерпением ожидаю возможности ее прочесть, я решил, однако, не посылать за ней к вашему издателю; я узнал, что вы мне ее посвятили, и, не дожидаясь ее получения, хочу поблагодарить вас за то, что вы доставили мне такое удовольствие. Итак, вы вступили на Парнас, мой дорогой Люсьен, ваши первые шаги приблизили вас к корифеям сцены, и, каково бы ни было их превосходство над нами, ваш возраст и способности позволяют вам надеяться, что впоследствии вы к ним присоединитесь. Я предвидел успех, которого вы достигли, и я предсказываю вам успехи, которые вас ожидают. Дружба, связывающая меня с вами и с вашим знаменитым отцом, освобождает меня от необходимости говорить вам, сколь я радуюсь вашему счастью.

Жун

Париж, 5 ноября 1823 г.

На письме другой рукой сделана помета: Г-ну Люсьену Арно после первого представления «Педро Португальского».

БЕНЖАМЕН КОНСТАН

Ж.-Б.-Б. ван Прату

Выдающийся знаток книги, Жозеф Базиль Бернар ван Праët (van Praët, 1754—1837) с 1796 года был хранителем отдела печатных изданий парижской Национальной (Королевской) библиотеки. Ван Праët в немалой степени способствовал обогащению книжного фонда библиотеки. Вместе с тем он постоянно приходил на помощь французским и иностранным ученым и писателям, снабжая их книгами и всякого рода библиографическими справками.¹ Этому в основном посвящена его переписка с Ж. де Сталь,² Стендалем,³ А. де Виньи⁴ и др.

Письмо Б. Констана, свидетельствующее о том, что он уже и раньше, до 1826 года, был знаком с ван Праëтом, написано в связи с работой Констана над историко-философским сочинением «О религии» (5 томов, 1824—1831; последние два тома вышли посмертно).⁵

Приступая в 1826 году к изучению материалов для четвертого тома своей книги, Б. Констан обратился, в частности, к истории скандинавских народов. Этим и объясняется просьба, которая содержится в его письме к ван Праëту. Сочинение, о котором говорится в письме, это знаменитая «История Дании» швейцарского ученого П.-А. Мале (Mallet, 1730—1807) и «Введение» к ней, состоящее из двух частей: собственно «Введения в историю Дании» и «Памятников поэзии и мифологии кельтов». В первой трети XIX века «История Дании» Мале, к тому времени неоднократно переизданная и переведенная на ряд европейских языков,⁷ пользовалась широкой известностью и служила едва ли не главным источником разнообразных сведений о Скандинавии, ее истории, быте и культуре.

¹ J.-M. Quérard. La France littéraire, t. VII. Paris, 1835, p. 328; Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale, t. I. Paris, 1897, p. XVII—XVIII.

² P.-M. Bondois. Madame de Staël et van Praët. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1922, p. 489—491.

³ G. Charlier. Stendhal et les van Praët. Ibid., p. 492.

⁴ A. de Vigny. Correspondance. Première série. Paris, 1933, p. 316—317, 328.

⁵ J.-M. Quérard, op. cit., t. II, 1828, p. 276.

⁶ Introduction à l'histoire du Danemark où l'on traite de la religion, des lois, des moeurs et des usages des anciens Danois. Copenhague, 1755; Monuments de la mythologie et de la poésie des Celtes et particulièrement des anciens Scandinaves. Copenhague, 1756; Histoire du Danemark, vol. I—III, Copenhague, 1758—1777.

⁷ Вскоре после выхода «Истории» Мале в свет она была переведена на русский язык: Малетова История датская, переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым, 4 тома, СПб., 1777—1786.

Очевидно, ван Праët исполнил просьбу Констанана. В главе «О богах в жреческих религиях» четвертого тома трактата «О религии» содержится множество ссылок на «Введение» и на «Памятники», прежде всего на «Эдду».

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 36.

Monsieur

Je viens encore une fois me prévaloir de votre obligeance et vous demander, de la Bibliothèque Royale où surement cet ouvrage se trouve, «L'Histoire du Danemarck» avec l'introduction et l'Essai ou traité sur la mythologie celtique.

En agréant tous mes remerciemens, veuillez recevoir aussi l'hommage de ma haute considération.

B. Constant

Paris, ce 9 9bre 1826
rue d'Anjou S[ain]t-Hon[oré] n° 15.

На обороте: A Monsieur Monsieur Van Praët, Conservateur de la Bibliothèque du Roi. Rue Neuve des petits champs, n° 12.

Перевод

Сударь,

Еще раз пользуюсь вашей любезностью и обращаюсь к вам с просьбой предоставить мне из Королевской библиотеки, где это сочинение несомненно имеется, «Историю Дании» с введением и очерком, или трактатом о кельтской мифологии.

Соблаговолите принять мою благодарность, а также уверение в моем высоком уважении.

Б. Констан

Париж, 9 ноября 1826 года
Улица Анжу Сент-Оноре, № 15

На обороте: Милостивому государю г-ну ван Праët, хранителю Королевской библиотеки, улица Нёв де пти шан, № 12.

АМАБЛЬ ТАСТЮ

Л.-Э. Одо

В начале 1829 года Луи Эташ Одо (Audot, 1783—1870) предпринял иллюстрированное издание баллад Шиллера «Фридолин» и «Бой с драконом». Рисунки к этому изданию были выполнены художником Ф.-А.-М. Ретцшем (Retzsch, 1779—1857). Перевод баллад принадлежал писательнице Элизе Войар (Voïart, 1786—1866),¹ автору романов «Ардуенская дева» («Vierge d'Ardouenne», 1820) и «Женщина, или шесть любовных историй» («La Femme, ou les Six amours», 1827—1828).

Элиза Войар приходилась мачехой французской поэтессе Сабине Казимир Амабль Тастю (Tastu, 1798—1885). По-видимому, будучи хорошо знакома с Л.-Э. Одо, А. Тастю вызвалась послать ему, от имени Э. Войар, один из сделанных ею переводов. Особенностью переводов была их эквилинеарность. Находя такой способ перевода удачным и обращая на это внимание Одо, А. Тастю обнаруживала глубокое понимание тенденций, наметившихся во французской переводческой мысли во второй половине 1820-х годов и с большой отчетливостью проявившихся в полемике вокруг переводов произведений Шиллера.

Почти для всех ранних переводов Шиллера на французский язык (М. Бера, Б.-Ж. Масо, Э. Дешана, К. Жордана, Л. Галевы) было характерно лишь общее соответствие подлиннику при полном безразличии к нюансам и деталям. Это были скорее подражания, чем переводы в собственном смысле слова. Только к концу 1820-х годов начинают появляться более точные переводы, к которым прежде всего относятся оба названных перевода Э. Войар.² Свое понимание нового способа стихотворного перевода Э. Войар изложила в предисловии к переводу баллады «Фридолин», где отмечалось, что «буквальный и точный перевод дает более правильное

¹ Первая баллада появилась в апреле 1829 года: *Fridolin. Huit dessins de Retzsch avec une traduction littérale et vers par vers de la ballade de Schiller, intitulée «Fridolin, oder der Gang nach dem Eisenhammer», par Mme Elise Voïart, auteur de «Six amours».* Audot, Paris, 1829; вторая — в конце мая того же года: *Le Dragon de l'île de Rhodes. Seize dessins de Retzsch avec une traduction littérale et vers par vers de la ballade de Schiller, intitulée «Der Kampf mit dem Drachen», par Mme Elise Voïart, auteur de «Six amours».* Audot, Paris, 1829.

² E. Eggl. *Schiller et le romantisme français*, t. II. Paris, 1927 (part. III, ch. II).

представление об иностранном поэте, нежели самый изящный его пересказ».³

Это стремление к точности получило поддержку и одобрение во французских романтических кругах. «Две баллады Шиллера „Фридолин“ и „Бой с драконом“, переведенные буквально и стих в стих, — писал в январе 1830 года анонимный критик журнала «Nouvelle revue germanique», — представляет собой замечательное явление в истории наших вкусов и творческих исканий. Еще несколько лет тому назад было трудно найти издателя, который взялся бы опубликовать сочинения такого рода. . . Отныне надо следовать лишь этому методу, и желательно, чтобы другие стихотворения немецких поэтов дошли до французского читателя тем же новым путем».⁴

Поскольку письмо А. Тастю не датировано, невозможно с точностью установить, о какой именно балладе Шиллера идет речь. По всей вероятности, А. Тастю имела в виду первую из них — балладу «Фридолин»; в противном случае ее замечание о характере перевода было бы едва ли оправдано. Поэтому настоящее письмо, очевидно, относится к началу (январь—март) 1829 года.

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 38.

Je souhaite un amical bonjour à Monsieur Audot et lui envoie, de la part de ma belle mère, la traduction de la ballade de Schiller dont je crois qu'il sera content. Je pense que cette manière de traduire, ligne pour vers, est heureuse en ce qu'elle donne bien le mouvement de l'original. Je profite de cette occasion pour renouveler à Monsieur Audot, au nom de mon mari et au mien, les assurances d'une sincère amitié.

Amable Tastu

Jeudi

На обороте: Monsieur Monsieur Audot Libraire.

Перевод

Дружески приветствую г-на Одо и посылаю ему, по поручению моей мачехи, перевод баллады Шиллера, которым, надеюсь, он останется доволен. Думаю, что этот способ переводить — строчка на каждый стих — удачен в том отношении, что он правильно передает ритм подлинника. Я пользуюсь случаем, чтобы вновь обратиться к г-ну Одо от имени моего мужа и от моего собственного имени с уверениями в искренности наших к нему дружеских чувств.

Амабль Тастю

Четверг

На обороте: Милостивому государю г-ну Одо, издателю.

³ Fridolin, p. 8.

⁴ Цит. по: E. Egli, op. cit., t. II, p. 42.

АЛЬФОНС ДЕ ЛАМАРТИН

В.-Ж. де Жуи

11 ноября 1824 года Альфонс де Ламартин (Lamartine, 1790—1869) сообщил неперменному секретарю Французской Академии Ф. Ренуару о том, что он выдвигает свою кандидатуру на место, освободившееся после смерти Пьера Луи Лакретеля.¹ Поэт почти не сомневался в успехе. Однако, несмотря на тщательное соблюдение им всех связанных с выборами формальностей и заверения ряда академиков, он все же не получил необходимого числа голосов. К немалому возмущению парижских литературных кругов, победу одержал Ж. Дроз, посредственный романист и второстепенный философ.

Поражение Ламартина явилось прежде всего результатом интриг против него группы академиков, участников так называемого «Общества вилки» (Оже, Пикар, Дюваль и др.).² Известную роль в этом сыграла также его позиция в общественно-литературных спорах начала 1820-х годов: ультрароялист и романтик, Ламартин, естественно, не вызывал особых симпатий у академиков, находившихся на либеральных и классических позициях. Убеденным либералом и классиком, голосовавшим против Ламартина, был, в частности, Виктор Жозеф де Жуи, член Французской Академии с 1815 года, адресат публикуемого письма.

Письмо относится к концу октября 1829 года.³ В это время Ламартин вновь готовился к выборам в Академию, где незадолго до того освободилось место Пьера Антуана Дарю. На этот раз, несмотря на появление в «сонме бессмертных» значительного числа романтиков, Ламартин испытывал всяческие сомнения относительно возможного исхода выборов. Именно поэтому он, вопреки увещаниям родных и друзей, оставался до конца предвыборной кампании в своем замке Сен-Пуэн и воздержался от обязательных визитов академиком, ограничившись традиционными письмами ко многим из них, в том числе и к Жуи.

Выборы состоялись 5 ноября 1829 года. 19 голосами против 14 Альфонс де Ламартин был избран членом Французской Академии.⁴

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. А. Вакселя, оп. 1, № 1499.

¹ А.-М.-Р. de L u r p é. Les travaux et les jours d'Alphonse de Lamartine. Paris, 1948, p. 113—116.

² Об этом писал Стендаль в статье, напечатанной в январском номере журнала «London Magazine» за 1825 год; см.: Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, изд. «Правда», М., 1959, стр. 200—201.

³ Согласно почтовому штемпелю письмо может быть датировано 23 или 24 октября.

⁴ А. R o u x e l. Chroniques des élections à l'Académie Française (1634—1841). Paris, 1886, p. 259—262.

Monsieur,

J'ai eu l'honneur en 1824 de vous rendre mes devoirs et de solliciter votre suffrage pour une place à l'académie; vous ne me promîtes point Votre vote, mais je trouvai en Vous ce que j'attendais d'un homme de Votre talent et de Votre caractère, franchise, accueil aimable et paroles bienveillantes. Je viens aujourd'hui sous des auspices peut-être plus heureux Vous présentez la même requête; quelques différences de sentiments politiques ne m'ont jamais empêché d'admirer en Vous et l'homme honorable et l'auteur de tant d'ouvrages si justement appréciés. J'aime à me flatter, Monsieur, que je trouverai en Vous les mêmes dispositions à juger favorablement les titres bien inférieurs que j'ai à présenter aux suffrages de Vos collègues. Ce serait pour moi un vif plaisir d'être admis à des rapports habituels avec l'hermite et le poète qui m'ont si souvent charmé et à joindre de la reconnaissance à mes sentiments d'admiration, d'estime et de la haute considération.

Alph[onse] de Lamartine

На обороте: A Monsieur monsieur de Jouy, membre de l'Académie Française.

Перевод

Сударь,

В 1824 году я имел честь засвидетельствовать вам свое почтение и просить вашего голоса при выборах в Академию. Вы отнюдь не обещали мне тогда своего голоса, но я нашел в вас то, что ожидал найти в человеке вашего таланта и вашего нрава: откровенность, любезный прием и благожелательные слова. Теперь, быть может, в более счастливый час, я вновь обращаюсь к вам с той же просьбой. Некоторые расхождения в политических взглядах никогда не мешали мне восхищаться вами — достойным человеком и автором многих сочинений, столь заслуженно оцененных. Лишь себя надеждой, сударь, что и на сей раз вы благосклонно отнесетесь к более чем скромным заслугам, которые я отдаю на суд ваших коллег. Для меня было бы большим удовольствием получить возможность постоянного общения с пустынноиком и поэтом, которым я столь часто восторгался, и присовокупить мою признательность к чувствам восхищения и глубочайшего уважения.

Альфонс де Ламартин

На обороте: Милостивому государю г-ну Жуи, члену Французской Академии.

АЛЬФРЕД ДЕ ВИНЬИ

А. Дешану

Антони (Антуан) Франсуа Мари Дешан (Deschamps, 1800—1869) вошел в историю французского романтизма как лирический поэт и переводчик Данте. Сделанный им стихотворный перевод двадцати песен «Божественной комедии» явился одним из важных событий литературной жизни 1820-х годов.¹

Альфреда де Виньи с А. Дешаном, равно как и с его братом — поэтом и критиком Эмилем Дешаном, в течение многих лет связывала тесная дружба.² Виньи постоянно интересовался деятельностью Дешана. При его содействии было осуществлено, в частности, издание перевода «Божественной комедии». В письме, адресованном издателю У. Канелю, он сообщал, что «великолепный» перевод Данте, которому уготован «самый блестящий и заслуженный успех», частично завершен, и советовал ему немедленно вступить в переговоры с А. Дешаном.³

Еще до того, как перевод был опубликован, Антони Дешан читал его в различных парижских салонах, где он был встречен с большим сочувствием. Однако наряду с похвалами там высказывались и критические суждения. Некоторые из них вскоре проникли в печать. Так, «Globe», приводя «неизданный фрагмент» из перевода, отмечал его недостаточную точность, а также выражал сожаление, что перевод был сделан традиционным александрийским стихом.⁴ Несмотря на свою близость к редакции «Globe», Виньи не разделял ее точки зрения и восхищался переводом Дешана. Об этом свидетельствует публикуемое письмо, написанное несколько дней спустя после появления перевода «Божественной комедии» в свет (в «Bibliographie de la France» зарегистрирован 26 декабря 1829 года; «Journal des débats» сообщал, что книга должна выйти 17 декабря 1829 года).⁵ Восторженное отношение к переводу Дешана Альфред де Виньи сохранил и на протяжении последующих лет, неоднократно упоминая о нем в своих письмах и журнальных статьях.⁶

Публикуется по автографу: ЦГИАЛ, ф. 1562, оп. 1, № 27.

¹ A. C o u n s o n. Dante et les romantiques français. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1905, p. 377; J. M a r s a n. La Bataille romantique. 2-е éd., Paris, 1931, p. 219—241.

² E. D u p u y. Alfred de Vigny, ses amitiés, son rôle littéraire, t. I. Paris, 1910, ch. IV; А. М а з о н. Князь Элим. «Литературное наследство», т. 31—32, М., 1937, стр. 384—394.

³ A. d e V i g n y. Correspondance. Première série. 1816—1835. Paris, 1933, p. 207—208.

⁴ «Globe», 1829, 9 décembre.

⁵ «Journal des débats», 1829, 16 décembre.

⁶ A. d e V i g n y, op. cit., p. 253, 330—331.

je vous attends demain
mon cher Antoni, ne manquez pas de
venir avant quatre heures. j'ai une affaire
importante pour nous tous à vous
communiquer. — je n'ai plus qu'un livre
c'est votre ouvrage, c'est un beau, simple
et mâle ouvrage, déjà attaqué, il le
sera plus encore par la suite comme
devrait l'être l'œuvre d'un vrai poète, n'en
soyez pas agité et voyez bien que votre
tête à laquelle j'ad si bien la taffure rouge
de votre ouvrage portera aussi un tournez
comme le sien

Alexis de Vigny

22-462 1829

Je vous attends ce matin mon cher Antoni, ne manquez pas de venir avant quatre heures. J'ai une affaire importante pour nous tous à vous communiquer. — Je n'ai plus qu'un livre. C'est votre Dante, c'est un beau, simple et mâle ouvrage, déjà attaqué, il le sera plus encore par la suite comme devait l'être l'oeuvre d'un vrai poète, n'en soyez pas agité et croyez bien que votre tête à laquelle sied si bien la coiffure rouge de Dante portera aussi un laurier comme le sien.

Alfred de Vigny

22 — Xbre 1829

Перевод

Я жду вас сегодня утром, мой дорогой Антони, непременно приходите до четырех часов. Мне нужно сообщить вам об одном деле, которое важно для нас всех. Сейчас для меня существует лишь одна книга. Это ваш Данте. Это прекрасное, простое и мужественное произведение; на него уже нападают и в дальнейшем будут нападать еще больше, как и должно быть с творением истинного поэта. Не придавайте этому значения и твердо верьте в то, что ваша голова, которой так пристала красная шапка Данте, как и его голова, будет увенчана лавровым венком.

Альфред де Виньи

22 декабря 1829 г.

ВАЛЬТЕР СКОТТ

В.-Д. Нейперу

Демократическое движение, развившееся в Англии после окончания наполеоновских войн и вызванное тяжелыми экономическими потрясениями в стране, пережило в 1819 году новый подъем.¹ С особой силой оно вспыхнуло после избиения войсками 16 августа мирного митинга на поле Питерсфилд в Манчестере.² Известие о манчестерской резне всколыхнуло и промышленные (текстильные) районы Шотландии и Северной Англии. Ткачи Глазго, Пейсли, Карлейля собирали митинги, на которых требовали радикальной реформы избирательной системы и наказания членов манчестерского магистрата, спровоцировавших кровавые события. В ряде мест происходили столкновения участников митингов с полицией и войсками. Рабочие организовывали боевые отряды и проводили строевые учения.³

Митинги радикалов (как назывались сторонники реформы), стачечное движение среди рабочих вызвали беспокойство и противодействие господствующих классов. Осенью 1819 года по стране прокатилась волна антидемократических лоялистских митингов. Тори и виги объединились в борьбе против «гидры радикализма». В ряде графств Англии и Шотландии организовывались отряды йоменов — добровольческие полувоенные-полуполицейские части, комплектовавшиеся из фермеров и мелкой буржуазии. Эти отряды должны были помогать войскам в подавлении народных волнений.⁴

События 1819 года очень взволновали Вальтера Скотта. Его отношение к демократическому движению было резко враждебным, что вполне понятно, если учесть политический консерватизм шотландского романиста.

Зять и биограф Скотта Джон Локхарт писал об этом времени (Локхарт разделял политические взгляды Скотта, что, естественно, отразилось на освещении им событий): «К зиме 1819 года среди горняцкого населения Нортумберленда и ткачей западной Шотландии распространился тревожный дух неповиновения, и Скотту было особенно приятно обнаружить, что его собственные соседи в Гэлашильсе избежали этой заразы. Едва ли можно сомневаться, что такое исключение явилось главным образом следствием личного влияния и авторитета владельца Абботсфорда и шерифа Фореста (т. е.

¹ Это движение подробно рассматривается в монографии: Е. Б. Черняк. Демократическое движение в Англии. 1816—1820. Изд. АН СССР, М., 1957.

² Там же, стр. 201—214.

³ Там же, стр. 226—228.

⁴ Там же, стр. 210—211, 246.

Скотта. — Ю. Л.)... Успехи западных сторонников реформы постепенно заставили даже самых главных *вигов* этого округа приступить к организации конных и пеших добровольческих полков; а когда возникло общее подозрение, что Глаго и Пейсли поддерживают опасные сношения с непокорными шахтерами Нортумберленда, Скотт и его друзья, владельцы Торвудли и Гэла, решили воспользоваться духом верности жителей Эттрика и Тевнотдейла и предложили сперва набрать среди их ближайших соседей отряд метких стрелков, а затем (план, получивший полное поощрение) — большое соединение, легион или бригаду под названием „легион Боклю“. В ноябре и декабре 1819 года эти вопросы составляли главный предмет повседневных забот и занятий автора Айвенго...⁵

Публикуемое письмо дополняет имевшиеся ранее сведения о политической деятельности Скотта в конце 1819 года. Известные письма этого времени свидетельствуют о том, что он был чрезвычайно обеспокоен происходившими событиями. «Боюсь, что мое сообщение о положении вещей здесь не будет слишком приятным, — писал он 3 декабря своему сыну Вальтеру. — Глаго в ужасном состоянии. Радикалы намеревались захватить вооружение на тысячу человек, а также боеприпасы, высланные из Эдинбург-касла для добровольцев». ⁶ В том же месяце Скотт писал своему другу Д.-Б.-С. Морриту: «Кажется, сам дьявол, спущенный с цепи, неистовствует среди нас в поисках добычи. В самом деле, если бы наша местность не обладала своего рода силой самосохранения, которую, по-видимому, невозможно исчислить, я бы сказал, что мы на грани гражданской войны».⁷

Упоминание об организации добровольческого соединения для борьбы с радикалами встречается в письме Скотта к сыну Вальтеру от 17 декабря 1819 года «Торвудли, Гэла и я, — писал Скотт, — предложили набрать корпус под названием „Лояльные лесничие“ (Loyal Foresters) для действий где-нибудь южнее Форта» ⁸ А Вильяму Лэдлоу (Laidlaw) Скотт писал 20 декабря: «М-р Скотт Гэла согласен с моим мнением, что во время нынешнего кризиса нам следует прибегнуть к здравому смыслу и лояльности ниших классов, и мы решили сломить лед и первыми в южной Шотландии, насколько мне и вестно, призвать наших батраков и тех, на кого в силу обстоятельств распространяется наше влияние, восстать вместе с нами с оружием в руках и разделить нашу судьбу».⁹ И далее следовало изложение плана создания добровольческого корпуса йоменов.

Адресат публикуемого письма — Вильям Джон Нейпер (Napier, 1786—1834), капитан английского военного флота; в 1815 году он вышел в отставку и занялся овцеводством в Селькеркшире. Нейпер много занимался мелиорацией пастбищ и выведением новых пород овец и поль озался авторитетом среди фермеров, о чем упоминает Скотт в своем письме.¹⁰

Лорд Мельвиль, которому Скотт излагал свой план, — Роберт Сандерс Дандес виконт Мельвиль (Dundas, viscount Melville, 1771—1851) — английский государственный деятель, консерватор, с 1812 года в течение пятнадцати лет был первым лордом адмиралтейства. Занимал также ряд официальных постов в Шотландии: лорда-хранителя малой государственной печати (Lord Privy Seal), управляющего Шотландским банком и др. Рези-

⁵ [J.-G. Lockhart]. *Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, Bart.*, vol. IV. Edinburgh—London, 1837, p. 318—319.

⁶ *Ibid.*, p. 324.

⁷ *Familiar Letters of Sir Walter Scott*, vol. II. Edinburgh, 1894, p. 64.

⁸ *Memoirs of the Life of Sir Walter Scott*, vol. IV, p. 328.

⁹ *Ibid.*, p. 329.

¹⁰ О В.-Д. Нейпере см.: *Dictionary of National Biography*, vol. XL, London, 1894, p. 87—88.

Dear Sir

I have been thinking of the legal and possible disposition
of the lower classes in our neighbourhood at the present crisis
and have come to the resolution of offering to raise such a
company of 60 young fellows or thereabouts to be trained
as Musketeers. The thing seems to be extremely popular
among the people and we can easily make good use of it.
After communication with Lord Malvern I find he takes
the idea very much as it would put an extra and dispen-
sable force of a body and at the same time an efficient
disruption at the command of government for protection
of the frontier ^{and any other} part of the coast where the Black and
at Carlisle or in Northumberland where the gentry seem
all to have taken flight. My best advice we have shaped our
offer of service (of which I enclose a copy) as if to form a corps
of dismounted yeomanry which we trust will enable us to
seek allowances as well give the men pay upon the days
they are called out. For though it would be very desirable to
have as many young farmers & sons of a better description
as would make the non-commissioned officers & NCOs as well
but the expense of our proposal would be enormous the pen-
sioning which in my opinion would be far to exceed the
a very unpleasant & dangerous disturbance which is now
striving to break the neck of our British hold and to show
the better the idea that the higher classes dare not would
not entrust them with any share in the common defence.

Письмо В. Скотта к В.-Д. Нейперу. 28 декабря 1819 г.

Первая страница.

денция Мельвиля находилась в Шотландии, неподалеку от Эдинбурга; здесь его посещал Скотт.

В письме также упоминаются Джон Скотт Гэла (Scott of Gala), Хью Скотт Харден (Scott of Harden) и сын последнего Генри. Это — друзья и родственники Скотта, соседние с ним помещики. Джон Фергюссон (Fergusson), которому Скотт хотел предложить командование своим отрядом, — капитан военного флота; в прошлом сражался под командованием адмирала Нельсона.

Сохранилось другое письмо Скотта от 28 декабря 1819 года (дата публикуемого письма) из Эдинбурга, адресованное Джону Скотту Гэла,¹¹ которому шотландский писатель переслал публикуемое письмо для передачи капитану Нейперу. Приводим отрывки из этого письма.

«Дорогой Гэла, я писал вам вчера, чтобы сообщить, что наше предложение будет с благодарностью принято и мы получим название спешенных йоменов. Чтобы сберечь время, если это возможно, я посылаю вам два экземпляра исправленного предложения, один из которых прошу направить Эджерстону, другой — лорду Нейперу или Уайтбенку, как его заместителю, сообщив в обоих случаях, что копия передана губернатору соседнего графства. Я полагаю, что вопрос, к какому [графству] мы будем переданы, следует решить, исходя из того, наберет ли капитан Нейпер или кто-либо другой больше людей согласно этому плану. Если это так, то было бы весьма удобно образовать из всех один полк, а именно Селькеркширский полк. В том случае, если удастся набрать шесть отрядов, эскадрон кавалерии составит как раз соответствующую пропорцию конных. Лорд Мельвиль, видимо, поддерживает идею привлечения пастухов, и несомненно, что они составят лучший корпус такого рода..»

Я пишу несколько строк м-ру Нейперу, чтобы поставить его в известность о том, что мы намерены предпринять, и спросить его, согласен ли он всерьез присоединиться к нам. Я бы хотел видеть пять или шесть наших отрядов, и в этом случае он, естественно, станет подполковником..»

Название «Спешенные йомены» избрано для того, чтобы провести различие между нами и другими оплачиваемыми корпусами, которые предлагались и отвергались. Принятие корпуса оплачиваемых добровольцев могло бы оскорбить этих джентльменов, но спешенные йомены — *c'est un autre chose*.¹² Ясно, что для нас это то же самое, и таким образом мы получили средства для оплаты наших людей, ибо существо нашего плана состоит в том, чтобы брать тех, кто нуждается в оплате».

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. К. Сухтелена, карт. 40.

Dear Sir.

John Scott of Gala and I have been turning in our minds how to avail ourselves of the loyal and peaceable disposition of the lower classes in our neighbourhood at the present crisis and have come to the resolution of offering to raise each a company of 60 young fellows or thereabouts to be trained as Marksmen. The thing seems

¹¹ Это письмо не вошло в полное собрание писем Скотта (1932—1937); оно опубликовано в газетной заметке: Т. Craig-Brown. Sir Walter Scott on the Yeomanry. An Unpublished Letter. «The Scotsman», 1907. 23 December, p. 9. Фотокопия этой заметки получена нами благодаря любезности доцента Оксфордского университета г. Д.-С.-Г. Симмонса.

¹² Это другое дело (франц.).

to be extremely popular among the people and we can easily make good our offer. After communication with Lord Mellville I find he likes the idea very much as it would put an active and disposeable force of a trusty and at the same time an efficient description at the command of government for protection of the frontier and if augmented [?] putting down if necessary the Radicals at Carlisle or in Northumberland where the gentry seem all to have taken fright. By his advice we have shaped our offer of service (of which I enclose a copy) as if to form a corps of dismounted Yeomanry which we trust will entitle us to such allowances as will give the men pay upon the days they are calld out. For though it would be very desireable to have as many young farmers & lads of a better description as would make non-commissiond officers & lanceprisades yet the essence of our proposal consists in arming the peasantry which in my opinion would go far to break down a very unpleasing & dangerous distinction which is now drawn betwixt the rich & poor & which holds out to the latter the idea that the higher classes dare not & will not intrust them with any share in the common defence and of course inclining them to look upon their natural superiors as their enemies & the Radicals as their friends. To break this unhappy and most dangerous idea it would certainly be desireable that where the lower classes can be trusted and placed under officers of responsibility they should be calld to take the share of the danger. Our hill country is completely in this state and the men are besides adapted by nature to military service being hardy tractable and fond of exercise. Now it occurd to Mr Scott of Gala and myself that you with your natural and extensive influence among these hardy shepherds may be disposed to extend and patronize this scheme by raising two or three companies under proper captains and yourself taking as you are well entitled the rank of Lieutenant Colonel of the whole. Harden seems half inclined to raise a company and put Henry at the head of it but I fear he will not come to a resolution. Now if you will turn your mind to this Gala & I will be happy to be under your command — for myself I must leave the efficient command of my company to John Fergusson but I hope to get some staff-appointment which will enable me to accompany them on horseback as I know almost all the lads who will compose it. Our plan is to take only young active fellows for I reserve to myself the distinction of being the only disabled man in the corps and I really think they will stand every chance of being as useful and effective [a] body of men as irregulars of that sort can be renderd.

We have made our offer of being attachd either to Selkirkshire or Roxburghshire & sent copies of our offer of service to both Lieutenants. Because our men are levied partly from each county & if You and the upper part of Forest join with us we will prefer

servng in Selkirkshire. But if you should not find this convenient or if more companies of the same description are not raised within the county we would find it more convenient from our local situation to attach ourselves to Roxburghshire.

If the Buccleugh tenantry are to be raised which Lord M^[ellville] talks of there can be little doubt of your getting four troops or companies of 60 good fellows in each which with our two would make a very handsome corps of 360 men 400 with officers and supernumeraries.

As our funds will be scanty we propose to help them out by subscription & to use the utmost oeconomy. Their dress should be as plain as possible. Jacket and trowsers of dark green or gray Galashiels cloth which would help off wool and aid the manufactures of the county the bonnet with a short black or green feather & black belts & the men are equipd at two thirds of the usual expence.

But I have only time just now to trace the plan generally & I will be happy to subject estimates of expence &c to your consideration providing you think the plan promises utility & will put yourself at the head of it.

I beg kind respects to Mrs Napier and

am always Most truly yours

Walter Scott

Edinb[urgh] 28th December 1819

На обороте: The Hon[ora]ble Captain Napier, Thirlestane Castle, Selkirk.

Перевод

Милостивый государь,

Джон Скотт Гэла и я ломали головы над тем, как использовать лояльное и мирное поведение низших классов в нашем округе во время нынешнего кризиса, и решили, что каждый из нас наберет отряд численностью 60 молодых людей или около того, которых можно будет обучить стрелковому делу. Эта вещь, по-моему, встречает необычайное сочувствие среди народа, и мы легко сможем осуществить свое предложение. Связавшись с лордом Мельвилем, я выяснил, что ему очень нравится эта идея, так как она предоставила бы удобную действующую силу, состоящую из верных и в то же время умелых людей, в распоряжение правительства для защиты границы, а если ее увеличить, то и для подавления в случае необходимости радикалов в Карлейле или Нортгумберленде, где все местное дворянство, видимо, охвачено страхом. По его совету мы составили наше предложение услуг (копию которого я при-

лагаю); мы как бы образуем корпус спешенных йоменов, что, мы уверены, даст нам право на такое пособие, которое позволит платить людям в дни, когда они будут призваны. Ибо, хотя было бы весьма желательным набрать столько лучших молодых фермеров и парней, сколько нужно для назначения унтер-офицеров, тем не менее сущность нашего предложения состоит в том, чтобы вооружить крестьянство, могущее, по моему мнению, пойти на многое, чтобы уничтожить весьма неприятное и опасное различие, которое существует сейчас между богатыми и бедными и внушает последним мысль, что высшие классы не смеют доверять им и не доверят какую-либо долю в общественной обороне, и несомненно побуждает их смотреть на своих естественных начальников как на врагов, а на радикалов как на своих друзей. Чтобы рассеять эту злосчастную и опаснейшую мысль, было бы конечно желательным, чтобы там, где низшие классы заслуживают доверия и могут быть поставлены под начало ответственных офицеров, они были бы призваны разделить общую опасность. Наш горный край находится именно в таком положении и к тому же мужчины самой природой приспособлены к военной службе: они отважны, послушны и любят упражнения. Так вот, м-ру Скотту Гэла и мне пришло в голову, что при том естественном и широком влиянии, которым вы располагаете среди этих отважных пастухов, вы, возможно, захотите расширить этот план и оказать ему свое покровительство, сформировав два или три отряда под командованием подходящих капитанов и приняв на себя, поскольку вы вполне имеете на это право, звание подполковника всего соединения. Харден как будто склоняется к мысли набрать отряд и поставить во главе его Генри, но я боюсь что он не сможет решиться. Итак, если вы согласитесь на это, Гэла и я будем счастливы поступить в ваше распоряжение; что касается меня, то мне придется уступить действительное командование моим отрядом Джону Фергюссону, но я надеюсь получить какое-нибудь штабное назначение, которое позволит мне сопровождать их верхом, так как я знаю почти всех ребят, которые войдут туда. Согласно нашему плану набираться будут только молодые, крепкие парни, поскольку во всем соединении только я оставляю за собой право быть инвалидом, и я в самом деле считаю, что они в любом случае окажутся полезной и действенной силой, насколько это возможно для нерегулярных войск такого рода.

Мы предложили, чтобы нас придали к Селькеркширу или Роксброширу и послали копии нашего предложения услуг обоим губернаторам. Поскольку наши люди набираются частично в каждом графстве, то, если вы и верхняя часть Фореста присоединитесь к нам, мы предпочтем нести службу в Селькерк-

шире. Но если бы вы не сочли это удобным или если в этом графстве отрядов такого рода уже не набрать, мы считали бы, исходя из наших местных соображений, более удобным находиться в Роксброшире.

Если удастся привлечь арендаторов Боклю, о чем говорит лорд Мельвиль, то можно не сомневаться, что у вас будет четыре роты или отряда по 60 добрых молодцев в каждой, которые с двумя нашими составят весьма приличное соединение в 360 человек; 400 — с офицерами и сверхштатными людьми.

Так как наши денежные вклады будут скудны, мы предлагаем пополнить их с помощью подписки и соблюдать строжайшую экономию. Их одежда должна быть по возможности простой. Куртка и штаны из темно-зеленой или серой гэлашильской ткани, что даст толчок производству шерсти и поможет местной промышленности, шапочка с коротким черным или зеленым пером и черный пояс — и люди экипированы за две трети обычной стоимости.

Но сейчас я имею время наметить план лишь в общих чертах, и я был бы счастлив предоставить определение расходов и т. п. на ваше усмотрение, если только вы сочтете, что этот план обещает быть полезным, и согласитесь возглавить его осуществление.

Прошу передать мой поклон м-с Нейпер

и остаюсь искренне ваш

Вальтер Скотт

Эдинбург, 28 декабря 1819 г.

На обороте: Достопочтенному капитану Нейперу, Серлестен Касл. Селькерк.

ФЕНИМОР КУПЕР

П. А. и М. А. Голицыным

Джеймс Фенимор Купер (Cooper, 1798—1851) был одним из первых американских писателей, завоевавших в России прочную славу. Произведения Купера начали у нас переводить с середины 20-х годов. В «Прибавлении» к первому номеру журнала «Московский телеграф» за 1825 год читаем: «На русском языке еще не было ни одного перевода из нескольких романов Купера — американского сочинителя и соперника В. Скотта. Скоро выйдет в Москве лучший роман Купера — „Шпион“». ¹ Действительно, этот роман («The Spy», 1821) в переводе с французского И. Крупеникова вышел в Москве в трех частях в 1825 году, а за ним вскоре последовали в русских переводах и другие произведения американского писателя: «Пенитель морей», «Американский пуританин», «Пионеры», «Последний из могикан» и др.

К началу 30-х годов Купер являлся уже у нас одним из наиболее читаемых иностранных беллетристов и порою затмевал даже популярность В. Скотта. ² Полевой и Лажечников, Кюхельбекер, Вяземский и Пушкин, Лермонтов и Белинский и многие другие русские писатели и критики интересовались романами Купера и оставили о них отзывы в своих статьях, дневниках, письмах. ³ Со второй половины 20-х годов имя Купера часто мелькало и в русской периодической печати. «Московский телеграф», особенно популяризировавший у нас американского романиста, помещал также

¹ «Московский телеграф», 1825, № 1.

² О русских изданиях романов Купера и о неудовлетворительности их переводов, делавшихся в это время преимущественно с французских переводов, много писали и в русских журналах (см., например, «Московский телеграф», 1832, ч. 48, стр. 400—403, 553—554). «Романы Купера... переведены и на русский, к сожалению, не с подлинника и большею частью очень неуклюже или очень небрежно» — писала еще «Живописная русская библиотека» (1859, т. IV, № 29, стр. 227).

³ В. К. Кюхельбекер (Дневник. Л., 1929, стр. 175) в одном из ранних романов И. И. Лажечникова видел «очень близкое подражание манере Купера»; к типу романов Купера Н. А. Полевой относил даже «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина («Телескоп», 1831, ч. I, стр. 588; Н. К. Козмин. Очерки из истории русского романтизма. Н. А. Полевой... СПб., 1903, стр. 117—118); с другой стороны, некоторые из критиков не без оснований усматривали в романе самого Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем» отчетливые следы воздействия на него романов Купера, в особенности же «Шпиона» («Московский телеграф»,

в переводах статьи Ф. Купера об американской культуре и просвещении,⁴ следил за его путешествием по Европе и, наконец, извещал читателей о предполагавшейся поездке его в Россию.

В 1828 году в «Московском телеграфе» напечатана была следующая заметка: «Американский литератор Фенимор Купер в мае месяце хочет отправиться через Германию в Россию, побывать в Петербурге, Москве, Астрахани и Одессе. Один из корреспондентов „Одесского вестника“ видел Купера в Париже, и Купер сам говорил ему об этом. „Люблю русских и хочу видеть Россию“, — сказал Купер»⁵ Этот слух соответствовал действительности; такое путешествие и на самом деле задумано было Купером под конец его пребывания в Париже (здесь он прожил с июля 1826 по февраль 1828 года). Об этом, например, идет речь в «Воспоминаниях о Европе», изданных Купером десятилетие спустя. Еще в 1829 году, находясь во Флоренции, Купер сообщил в письме к Де-Кэ (J. E. De Kay), что он наметил себе такой маршрут для дальнейших странствований: «Копенгаген, Стокгольм, Петербург, Москва, Варшава, Берлин, Париж».⁶ Путешествие это не состоялось, но несомненно, что оно долго обдумывалось, и очень возможно, что в планы Купера первоначально входило посетить не только Петербург и Москву, но и южные города — Одессу и Астрахань, как об этом русских читателей своевременно оповестил «Московский телеграф» со слов остающегося нам неизвестным по имени «корреспондента „Одесского вестника“».

Поездка Ф. Купера в Россию была задумана им по целому ряду оснований, в числе которых на первом месте стояло конечно его желание видеть ту страну, историей и современным состоянием которой он особо интересовался в годы своей жизни в Европе. В своих «Европейских заметках американца» Купер недаром писал: «Америка связана в настоящий момент с Россией более практической и осязаемой близостью, чем с какой-либо другой европейской страной».⁷ Немалое значение для принятия решения отправиться в Россию могли для Купера иметь также и дружеские встречи и знакомства с русскими людьми, завязавшиеся у него в Париже и Флоренции, а также дошедшие до него слухи о популярности в России его произведений, то и дело появлявшихся в новых изданиях и переводах. В письмах Ф. Купера, в воспоминаниях о нем и других источниках неоднократно говорится о его русских знакомых; об

1834, ч. 55, стр. 170—171). П. А. Вяземский оставил очень интересное сопоставление Купера с В. Скоттом (Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым, кн. II, М., 1872, стр. 231—232). Купером увлекался Лермонтов, также сравнивал его с В. Скоттом и утверждал однажды, в разговоре с Белинским, что у Купера «больше глубины и художественной целостности» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 509; ср.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, Л., 1950, стр. 136—137). Восторженные оценки творчества Купера оставил также Белинский, сопоставивший его с Байроном и В. Скоттом и называвший его «дивным, могучим, великим художником» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. III, 1953, стр. 159).

⁴ Ф. Купер. Взгляд на состояние литературы и просвещения в Американских Соединенных Штатах. «Московский телеграф», 1829, ч. 28, стр. 387—417.

⁵ «Московский телеграф», 1828, ч. 20, стр. 259—260.

⁶ James Fenimore Cooper. Correspondence. Edited by his grandson J. F. Cooper, vol. I, Yale University Press, New Haven, 1922, p. 166.

⁷ Цит. по кн.: История американской литературы, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 183.

этих связях американского писателя мы узнаем также из его неопубликованных писем, хранящихся в ленинградских архивах.

Русские друзья и знакомцы Купера, по-видимому, были довольно многочисленны, хотя весь этот круг нам недостаточно известен. Одним из наиболее примечательных знакомств, состоявшихся в Париже в середине 20-х годов, было его знакомство с княгиней Прасковьей Андреевной Голицыной (урожд. Шуваловой) и ее семьей. П. А. Голицына (1770—1828) была старшей дочерью графа Андрея Петровича Шувалова, прозванного «учеником Вольтера» и заслужившего известность в качестве французского стихотворца, автора «Послания к Ниноне» и переводов Ломоносова на французский язык. Вместе с архивом отца она унаследовала от него также литературные интересы и склонность к французской культуре.⁸ Выйдя замуж за генерал-майора Михаила Андреевича Голицына, она стала хозяйкой блестящего петербургского салона конца XVIII века и пользовалась известностью как одна из самых образованных женщин придворно-аристократического круга. П. А. Голицына писала распространявшиеся в списках французские стихи и романы; один из ее романов двумя изданиями вышел в Петербурге («Mélise», 1814).⁹ По же ее хорошо знали Пушкин, Вяземский, А. Тургенев, свидетельствующие, что она не чуждалась также и русской литературы.¹⁰

П. А. Голицына жила большей частью в Париже, где выдала замуж обеих своих дочерей. В конце 20-х годов с нею жил здесь ее сын Михаил Михайлович Голицын вместе с женой Марией Аркадьевной, урожд. Суворовой, внучкой полководца, воспетой Пушкиным («Давно об ней вспоминаешь», 1823) и И. И. Козловым.¹¹

Парижский салон П. А. Голицыной был не менее блестящим, чем петербургский. В гостиную Голицыной на Rue de Verneuil, 19 собирались многие французские знаменитости литературного и артистического мира; здесь нередко можно было также встретить иностранных гостей. Среди

⁸ E. Dupré de Saint-Maure. Anthologie russe, Paris, 1823, p. XXI.

⁹ И. М. Долгорукий. Капище моего сердца или словарь псих тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1874, стр. 168; И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... Пгр., 1916, стр. 245, 352; Адам Чарторижский. Мемуары. Перевод с французского А. Дмитриевой, т. I, М., 1912, стр. 40; Ник. Книжник Н. Н. Голицын]. Словарь русских писательниц. «Русский архив», 1865, изд. 1-е, стб. 1163; М. Лонгинов. Там же, стб. 1727; Н. Н. Голицын. Биографический словарь русских писательниц. СПб., 1889, стр. 295—294.

¹⁰ П. А. Вяземский в статье «Мицкевич о Пушкине» рассказывает о П. А. Голицыной следующий характеризующий ее анекдот: «Одна умная женщина, княгиня Голицына, урожденная графиня Шувалова, известная в конце минувшего столетия своею любовью и французскими стихотворениями, царствовавшая в петербургских и заграничных салонах, сердечно привязалась к Татьяне (героине «Евгения Онегина», — М. А.). Однажды спросила она Пушкина: „Что думаете вы сделать с Татьяною? Умоляю вас, устройте хорошенько участь ее“. — „Будьте покойной, княгиня, — отвечал Пушкин, смеясь, — выдам замуж за генерал-адъютанта“. — „Вот и прекрасно, — сказала княгиня. — Благодарю“. Легко может быть, что эта шутка порешила судьбу Татьяны и поэмы» (П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1882, стр. 319).

¹¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, т. II, изд. 3-е. Гослитиздат, М.—Л., 1931, стр. 150—191.

них оказался и Ф. Купер. Приехав в Париж, он вскоре же сделался ее гостем. П. А. Голицына была усердной читательницей его романов (она знала их по французским переводам) и окружила его заботливым вниманием. Впоследствии Ф. Купер писал: «Не могу вспомнить никого более замечательного, чем княгиня Голицына в своем вечернем туалете, на костюмированном вечере, где ее несравненная красота затмевала весь цвет европейского общества. И несмотря на это, эта женщина была уже бабушкой».¹² Жена Купера, жившая также в Париже и бывавшая с ним у Голицыных, удивлялась этому в равной степени; она писала своей сестре: «Его [Купера] показывают, как льва, и княгини пишут ему нежные письма. Княгиня Голицына посылает ему их столько, что я готова была бы ревновать, если бы она не была бабушкой».¹³

В книге «Воспоминания о Европе» Купер рассказывает о П. А. Голицыной, что именно она доставила ему знакомство с В. Скоттом: «Княгиня... с которой я имею честь быть в дружеских отношениях, обещала дать мне возможность встретиться у нее с великим писателем, так как она решила во что бы то ни стало познакомиться с ним до того, как он покинет Париж». Там же Купер приводит свои беседы с В. Скоттом по поводу княгини Голицыной и замечает: «Княгиня сдержала свое слово, и после того, как ей удалось встретиться с ним [с В. Скоттом], она любезно дала ему мой [Купера] адрес».¹⁴ Дневник В. Скотта позволяет уточнить дату их первой встречи: приехав в Париж в ноябре 1826 года, В. Скотт тотчас же получил приглашение от княгини Голицыной; запись от 3 ноября 1826 года гласит: «Посетил княгиню Голицыну, а также американского писателя Ф. Купера»; в записи от 6 ноября того же года рассказано о вечере, проведенном у Голицыной, причем В. Скотт замечает: «Купер также был здесь, так что шотландский и американский львы совместно владели полем».¹⁵ По воспоминаниям Купера, В. Скотт однажды попросил его прочесть неразборчивые письма П. А. Голицыной: «...будучи другом этой дамы... вы часто получаете от нее записки, иначе вы не могли бы с такой легкостью разбирать ее каракули». «Она очень любезна с нами, и мы часто имеем возможность читать ее письма», — ответил ему Купер.¹⁶

Дочь Купера, Сю-ен-Аугуста, в своих «Кратких семейных воспоминаниях», адресуясь к внукам писателя, рассказывает в свою очередь: «Княгиня Голицына была пожилой женщиной, очень умной и большим другом ваших дедушки и бабушки, а также искусной сочинительницей маленьких посланий, полных эпистолярного красноречия (*eloquence du billet*), но написанных чрезвычайно неразборчиво. У нее была замужняя дочь и женатый сын, которые в это время жили в Париже. Ее невестка, княгиня Мария, была прелестной молодой дамой, доброй и нежной, хотя ее отцом был суровый старый герой, маршал Суворов, который, нуждаясь в отдыхе, снимал шпоры, когда укладывался в постель».¹⁷

¹² M. M. Gibb. *Le roman de Bas de Cuir. Etude sur Fenimore Cooper et son influence en France*. Paris, 1927, p. 111.

¹³ Mary E. Phillips. *James Fenimore Cooper*. New York, 1913, p. 194.

¹⁴ J. F. Cooper. *Recollections of Europe*. Paris, 1837, p. 182, 183.

¹⁵ *The Journal of Sir Walter Scott from the Original Manuscript*, vol. I. Edinburgh, 1890, p. 295, 299.

¹⁶ J. F. Cooper. *Recollections of Europe*, p. 187—188.

¹⁷ *Small Family Memoires by Susan F. Cooper (1883)*. В кн.: J. F. Cooper. *Correspondence*, vol. I, p. 65. — Утверждение автора, что Мария Аркадьевна Голицына была дочерью знаменитого полководца, ошибочно; в действительности она приходилась ему внучкой, будучи дочерью Аркадия Александровича Суворова-Рымникского, сына фельдмаршала (Российская родословная книга, ч. II. СПб., 1855, стр. 66).

В «Переписке» Ф. Купера напечатано три письма П. А. Голицыной к Ф. Куперу — из числа тех, вероятно, гораздо более многочисленных светских посланий, которые она, по отзыву дочери романиста, умела писать с таким искусством.¹⁸

Первое из этих писем не имеет даты; так как оно, по всей вероятности, является самым ранним из всех адресованных ею американскому писателю, то мы условно датируем его августом—сентябрем 1826 года, так как Купер находился в Париже с июля этого года. П. А. Голицына писала здесь:

«Так как мистер Купер в своей любезной записке подал мне надежду, что он окажет мне честь своим посещением в ближайшее время, я хотела бы узнать, может ли он располагать собою в будущую среду вечером, а узнав, что миссис Купер находится в Париже, я желала бы видеть и ее в числе своих гостей.

Если бы здоровье позволило мне выходить из дому, я бы давно уже навестила ее. Если среда неудобна для мистера и миссис Купер, я прошу их не отказать в любезности назвать любой день на этой неделе, потому что я всегда дома. Прошу их обоих принять уверения в моем совершенном почтении».¹⁹

Во втором из опубликованных писем, также без точной даты (1826), П. А. Голицына писала Куперу, что она была очень огорчена, узнав о его нездоровье, и продолжала:

«Как вы чувствуете себя сегодня? Я вчера тоже не могла присутствовать на спектакле, так как Комон²⁰ в 6 часов прибыл из России. Он сразу приехал ко мне, и мы провели весь вечер en famille.²¹ Спектакль был превосходный. В обеих пьесах участвовала мадам Марс, а ложа оставалась пустой. Думаю, что в понедельник смогу наверстать упущенное, и надеюсь, что вы посетите меня завтра? Миссис Купер сможет немного потанцевать под клавикуды. Говорят, она любит танцевать. Но это не бал, это день рождения моей дочери, и я представляю вам ее мужа.

В постскрипуме к этому письму стояли следующие строки:

«Я рада показать вам, что знаю английский язык. Кстати, не вы ли автор „Reedwood“? Я нашла эту книгу в каталоге букиниста под вашим именем, а когда я вижу в заголовке: „Американский роман Купера“, у меня замирает сердце.

Не привезете ли вы завтра с собою вашего племянника?»²²

Третье и последнее из опубликованных писем П. А. Голицыной к Куперу имеет точную дату — 21 июня [1827 года]. Оно свидетельствует, что к этому времени, — через десять месяцев после первого знакомства, — между писателем и семьей Голицыных установились вполне дружеские отношения. Вероятно, они виделись довольно часто; П. А. Голицына при-

¹⁸ Все три письма П. А. Голицыной написаны по-французски; в «Correspondence» Ф. Купера они опубликованы не в оригиналах, но в английском переводе; приводимые нами выдержки из этих писем сделаны по этому английскому переводу.

¹⁹ J. F. Cooper. Correspondence, vol. I, p. 109—110.

²⁰ Граф де Комон (Comte de Caumont), — Эдмунд Филиппович, как его называли в России, — впоследствии герцог Нонпар де Комон, маркиз де Лафорс. был женат (с 1817 года) на двоюродной сестре княгини Елизаветы Борисовны Куракиной, княжне Екатерине Михайловне Голицыной (1798—1858); она была католичкой и жила постоянно во Франции (см.: «Деятельный век». Исторический сборник, издаваемый князем Ф. А. Куракиным под редакцией В. Н. Смольянинова, т. I, М., 1903, стр. 171, 439). Упоминаемая ниже мадам Марс (Anne Françoise Mars, 1779—1847) — известная французская актриса, игравшая в Comédie Française.

²¹ Всей семьей (франц.).

²² J. F. Cooper. Correspondence, vol. I, p. 110.

нимала близкое участие во всех житейских делах писателя, поручала его заботам своего домашнего врача и т. д.

«Я передала доктору Долана, что вы будете здесь между тремя и четырьмя часами, — писала П. А. Голицына в этом письме, — и он ожидал вас до четверти пятого, когда ему пришлось отправиться к мисс Дювивье, которая больна и лежит в постели. В какой день вы хотели бы видеть его? и в котором часу? Он просил меня узнать у вас об этом и будет у вас точно в назначенный вами час. . . Надеюсь, что вы посетите нас завтра или в субботу в четыре часа и скажете, когда хотели бы навестить нас в Руане. Мой сын покидает нас во вторник, и поэтому у нас не будет до этого ни одного свободного дня. Целую миссис Купер, а также и вас, если она позволит. Слово „целую“ выскользнуло из-под моего пера потому, что я привыкла употреблять его в письмах к моим восьми детям, а переписывать это письмо у меня нет времени».²³

В архиве Голицыных сохранилось несколько неопубликованных автографов Ф. Купера, пополняющих историю его отношений к этой семье.

Публикуемое ниже письмо Купера (ИРЛИ, ф. 80, № 12), по-видимому, адресовано к Марье Аркадьевне Голицыной, так как именно она была обладательницей небольшой коллекции автографов и альбома с записями примечательных людей, с которыми ей пришлось встречаться во Франции и в Италии. На этом письме имеется помета: «Cooper l'Américain».

Princess,

Ever since you gave one reason to believe you were fond of collecting autographs, I have been endeavoring to find a specimen of hand-writing, that would be an offering worthy of your acceptance. — I was at the Capital of the United States, a few months ago, in company with the Prince of Musignano (Charles Bonaparte), who visited, as a matter of course, the tomb of Washington. Our beloved chief was interred on his own estate, which still continues in his family. The prince was given a bouquet, that was wrapt in some paper that the gardner pick'd up in the Green-House. This paper I found, on examination, to be a page from the Farming Journal of the Hero himself, in his own hand-writing. I made a prize of it, for is not only a specimen of his hand; but it furnishes a fine evidence of his method, even, in the most trifling things. — And yet I am not able to tell where it has fallen, in the confusion of my papers, but the instant I can lay my hand on it, I shall be proud to send it to you, as a proof that your wishes are commands

For Your Resp[ectful] Hum[ble] Ser[vant]

J. Fenimore Cooper

Fau[bourg] St. Ger[main] Rue St. Maur[ice]

Sunday 22 oct[ober]

Перевод

Княгиня,

С тех пор, как вы обнаружили интерес к собиранию автографов, я старался найти такой образец рукописи, который

²³ Ibid., p. 134—135.

был бы достоин быть принятым вами. Несколько месяцев тому назад я был в столице Соединенных Штатов вместе с князем Музиньяно (Шарлем Бонапартом), который, разумеется, посетил могилу Вашингтона. Наш любимый вождь похоронен в своем собственном поместье, которое до сих пор принадлежит его потомкам. Князю поднесен был букет, завернутый в какую-то бумагу, которую садовник взял в оранжерее. Рассмотрев эту бумагу, я обнаружил, что она является страницей из «Сельскохозяйственного дневника», написанной собственноручно самим героем. Я считаю это ценной находкой, так как она является не только образцом его почерка, но и служит также прекрасным доказательством его метода, применявшегося даже в самых незначительных вопросах. К сожалению, в настоящий момент я не знаю, куда заделался этот листок в беспорядочной массе моих бумаг, но как только я его найду, я буду счастлив послать его вам в доказательство того, что ваши желания равны приказаниям для вашего покорного слуги

Джеймса Фенимора Купера

Сен-Жерменское предместье, улица Сен-Морис
Воскресенье, 22 октября.

Приведенное письмо не имеет года, но его естественнее всего датировать тем временем, когда М. А. Голицына встречала Купера в Париже в доме своей матери, т. е. 1826—1827 годах. Упоминаемый в письме Шарль Бонапарт, князь Музиньяно (1803—1861), о посещении с которым могилы Георга Вашингтона рассказывает Купер, — это племянник Наполеона I, старший сын его брата Люсьена. Он родился в Париже, но вследствие разрыва своего отца с Наполеоном получил воспитание в Италии, пристрастившись там к научным занятиям естественной историей. В 1822 году он женился (в Брюсселе) на своей двоюродной сестре Зинаиде, дочери короля Иосифа, который под именем графа де Сюрвийе жил в Филадельфии, куда Шарль и отправился вместе с женой. Здесь он всецело отдался своей страсти к орнитологии и написал ряд важных трудов по описанию птиц Нового света, в том числе продолжение орнитологического труда Вильсона (1808), выпущенное Шарлем Бонапартом в Америке (см., например: *American Ornithology or the Natural History of Birds Inhabiting the United States not Given by Wilson, vol. I—IV, Philadelphia, 1825—1833; Ornithologia of the North America, New York, 1826*).

Посещение им совместно с Купером могилы Вашингтона относится к 1826 году, а в 1828 году Шарль Бонапарт окончательно покинул Америку и переселился в Италию к своему отцу князю Канино. Это еще более убеждает нас в том, что публикуемое письмо Купера не могло быть написано позже 1826 или 1827 года. Интересно оно также и тем, что свидетельствует лишний раз о том благоговении, которое Купер как истый американец, питал к Георгу Вашингтону, основателю американской независимости и первому президенту Соединенных Штатов. Г. Вашингтон, как известно, изображен в раннем историческом романе Купера «Шпион».

Что касается автографа Вашингтона, столь случайно найденного Купером, то мы не знаем, отыскался ли он в бумагах Купера и был ли затем

доставлен в коллекцию автографов М. А. Голицыной. В этом собрании он в настоящее время не находится. Однако в альбоме М. А. Голицыной, где сохранились автографы многих литературных деятелей, в том числе А. С. Пушкина (посвященное ей стихотворение «Давно об ней вспоминанье»), на одном листке с автографом Шатобриана находится также следующая запись Купера,²⁴ которую также следует датировать 1826 годом:

The poet, who would leave a lasting name behind him, must but be satisfied with embellishing nature: God alone can create it.

J. Fenimore Cooper

Перевод

Поэт, который хочет оставить по себе прочное имя, должен удовлетвориться лишь украшением природы: лишь один бог может создать ее.

Дж. Фенимор Купер

Д. И. Долгорукому

Кн. Дмитрий Иванович Долгорукий (1797—1867), сын поэта И. М. Долгорукого; в молодости сам писал стихи, был членом «Зеленой лампы», где встречался с Пушкиным; затем стал дипломатом и занимал различные должности в русских посольствах в Константинополе, Мадриде, Лондоне, Риме и других городах. С 1845 по 1854 годы Долгорукий был русским полномочным министром при персидском дворе.²⁵ Во время своей дипломатической деятельности Долгорукий часто встречался с американцами и имел среди них много друзей; среди последних был, например, В. Ирвинг, дававший ему для отзыва рукописи своих очерков из сборника «Альгамбра» задолго до его издания, и очень ценивший Долгорукого как критика (The Life and Letters of W. Irving, London 1862, vol. I, p. 521). В середине 20-х годов Долгорукий и сам собирался в Америку. «План поездки. — писал он из Парижа 3 августа 1826 г., — в Америку с каждым днем все больше привлекает меня, мне хочется увидеть новый свет, страну, где люди еще не единственные земные обитатели, и где остались еще великодушные львы и жаждающие крови тигры» («Русский архив», 1915, № 4, стр. 519), однако путешествие это не состоялось. В своих «Воспоминаниях о Европе», описывая прием в американском посольстве в Париже и упомянув бывшего при этом русского посла, Купер указывал на неизменную дружественность американско-русских политических взаимоотношений: «Полное понимание между нашим правительством и правительством России распространяется на их представителей, и независимо от того, является ли это результатом преднамеренной политики или нет, они расположены к нам более всех остальных дипломатов».²⁶ Тем же чувством проникнуто и приводимое письмо Купера, написанное им много лет спустя к одному из этих дипломатов.

²⁴ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 57, л. 9. Краткое указание на этот автограф Купера сделано было Д. П. Якубовичем в публикации трех писем В. Скотта (Звенья, сб. III—IV, Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 242).

²⁵ О нем см.: Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, т. I, ч. 3, СПб., 1907, стр. 145—146; «Русский архив», 1914, кн. I, вып. 4, стр. 479; кн. II, вып. 6—7, стр. 261 (письма его к отцу); Пушкин и Письма, под редакцией Б. Л. Модзалевского, т. I, ГИЗ, М.—Л., стр. 24, 197, 232, 380; Ф. Долгоруков. Долгорукие, ч. II, СПб., 1913, стр. 93, № 449.

²⁶ J. F. Cooper. Recollection of Europe, p. 107.

Помимо семейства Голицыных, с которым Купер познакомился в Париже (см. выше), он упоминает в письме также княгиню Волконскую. Это — Зинаида Александровна Волконская (1792—1862) — друг Пушкина, Мицкевича, Гоголя, Шевырева, Веневитинова и др. В феврале 1829 года она отправилась в Италию; ²⁷ ее встреча с Купером относится, по-видимому, к летним месяцам этого года.

Говоря о «благородном вмешательстве» Александра I в Гентский трактат, Купер имеет в виду события, завершившие так называемую вторую войну за независимость Соединенных Штатов (1812—1814). Борьба велась в сущности за то, чтобы заставить Англию признавать все неотвратимые логические следствия независимости своих бывших американских колоний. Эта двухлетняя и еще неравная борьба между могущественной Англией и слабой, только что народившейся американской республикой, окончилась в Генте не без некоторого давления русской дипломатии. Разногласия, возникшие между союзниками на Венском конгрессе, сделали английских делегатов в Генте более уступчивыми, и это привело, наконец, к заключению мирного договора.

Письмо написано близ города Куперстауна, основанного отцом писателя в 1788 году в штате Нью-Йорк на берегу озера Отсега. Otsego-Hall — название поместья Купера.²⁸

Публикуется по автографу: ГПБ, ф. 19, альбом Н. И. Андреева, л. 86—87 об.

Otsego Hall, Cooperstown
July 12th 1845

Sir,

I am asked to furnish a specimen of my hand-writing to a nobleman of the Russian family of Dolgoroucki. The compliment of making such a request would supply its apology, and the compliance might pass as a matter of course; but I shall profit by the occasion, to express to M. Dolgoroucki, and to all of his country, who may happen to read this note, the sense I entertain of the liberal and kind feeling that is so generally manifested in Europe, by Russians to Americans. My own introduction into European society was first owing to the attentions of Russians, for I had lived months at Paris, totally unknown and disregarded until I was recieved with polished liberality into a circle that included the names of various members of the family of Galitzin, whom I still remember with pleasure. Among the Galitzins I met various other Russians of breeding and intelligence, to most of whom I am indebted for acts of civility and kindness, recieved in a strange land.

But, on all occasions, did I find the Russians well disposed to us Americans. At Rome, I found the amiable and intelligent Princess Volkonski; also Prince Gagarin. Every where, indeed, that I went, and met with Russians, I met with friends; and I have reason

²⁷ «Русский архив», 1882, кн. III, № 5, стр. 77; Н. Баюсов. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II. СПб., 1889, стр. 302—303.

²⁸ Appleton's Cyclopaedia of American Biography, vol. I, New York, 1894, p. 725.

to believe that other Americans have experienced similar kindnesses from the same quarter. Ever since the noble interference of the just-minded Alexander, at the treaty of Ghent, Russia has proved herself the friend of America, and I am one of those who wish my nation to manifest a public preference to those who treat their country and countrymen, in and out of its own hemisphere, with liberality and justice.

I beg Prince Dolgoroucki to accept the assurances of my personal consideration and friendship.

J. Fenimore Cooper

A Mon[sieur] Mons[ieur] Prince Dolgoroucki à Constantinople.

На обороте: A Mons[ieur] Mons[ieur] le Prince Dolgoroucki à Constantinople.

Перевод

Отсего-Холл, Куперстаун
12 июля 1845 г.

Милостивый государь,

Меня попросили прислать свой автограф для дворянина из русской семьи Долгоруких. Такая лестная просьба уже содержит в себе извинение, и согласие само собой разумеется. Но я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить г-ну Долгорукому и всем его соотечественникам, которым случится прочитать это, чувство, которое я испытываю к щедрости и любезности, обычно высказываемой русскими в Европе по отношению к американцам.

Своим первым представлением в европейское общество я обязан вниманию русских, ибо в течение многих месяцев я жил в Париже, никому неизвестный и всеми пренебрегаемый, до тех пор, пока не был принят с утонченной любезностью в кружке, включавшем различных членов семьи Голицына, о которых я до сих пор вспоминаю с удовольствием. У Голицыных я встречался со многими другими образованными и прекрасно воспитанными русскими, большинству которых я обязан знаками любезности и доброты, которые были оказаны мне в чужой стране.

При всех обстоятельствах я убеждался в дружеском расположении русских к нам, американцам. В Риме я встретил любезную и образованную княгиню Волконскую, а также князя Гагарина. Встречаясь с русскими, я всякий раз находил в них друзей, и я имею основания полагать, что и другие американцы испытали с их стороны такую же любезность. Со времени благородного вмешательства справедливого Александра в Гентский

трактат Россия доказала свою дружбу по отношению к Америке, и я — один из тех, которые хотят, чтобы наш народ открыто оказал предпочтение тем, кто относится к нашей родине и соотечественникам (как на нашем полушарии, так и вне его) со щедростью и справедливостью.

Прошу князя Долгорукого принять уверения в моем личном почтении и дружбе

Дж. Фенимор Купер

На обороте: Г-ну Долгорукому в Константинополе.

В двухтомной «Переписке» Купера, изданной в 1922 году Йельским университетом, опубликовано, в переводе на английский язык с французского подлинника, но без пояснений, письмо Д. И. Долгорукого, являющееся, очевидно, ответом на вышеприведенное. Кроме того, здесь же напечатано последнее письмо Ф. Купера к Хайлорду Кларку, приятелю Купера, известному американскому журналисту,²⁹ имеющее ближайшее отношение к этому обмену любезными письмами между американским романистом и русским дипломатом. Из этого письма выясняется, что копия письма Долгорукого была послана Хайлорду Кларку по его просьбе, как любопытный документ для истории американо-русских дружественных отношений.

Приводим письма Д. И. Долгорукого к Ф. Куперу и Ф. Купера к Х. Кларку.³⁰

Тегеран, 16/28 марта 1846 г.

Милостивый государь,

Отдаленное новое назначение, которое я только что получил, помешало мне ответить на ваше обязательное письмо раньше.

Несмотря на все удовольствие, которое оно мне доставило, я должен признаться, что это письмо совершенно не достигло своей цели, ибо вместо того, чтобы пополнить число моих автографов, оно навеки останется в моем фамильном архиве, как драгоценное доказательство вашей любезности. Если мое личное восхищение может добавить что-либо к справедливой дани уважения, воздаваемой вашему большому и благородному таланту обоими полушариями, я по крайней мере оставляю за собой право уверить вас, что те чувства взаимного уважения, которые внушили друг другу две нации, будущее которых великолепно, принадлежит исключительно отношениям между Россией и Америкой.

²⁹ Люис Хайлорд Кларк (Lewis Haylord Clark, 1810—1873) был редактором известного журнала «The Knickerbocker Magazine», в котором печатались Ф. Купер, В. Ирвинг и другие выдающиеся американские писатели (см.: The Cambridge History of American Literature, vol. I. New York—Cambridge, 1946, p. 241; vol. II, p. 152, 167; vol. III, p. 310).

³⁰ J. F. Cooper. Correspondence, vol. II, 1922, p. 591—592, 590—591. — Перевод выполнен М. И. Беккер.

Милостивый государь, я буду счастлив, если смогу присоединить свое имя к именам тех из моих соотечественников, воспоминание о которых было вам приятно, и если смогу льстить себя надеждой, что впредь вы будете считать меня одним из своих искреннейших друзей.

Примите, милостивый государь, уверения в моем исключительном почтении

князь Долгорукий

На обороте: Г-ну Фенимору Куперу

Хайлорду Кларку

Холл. Куперстаун, 8 июля 1848 г.

Милостивый государь,

Я просил одну из моих дочерей перевести письмо князя Долгорукого и, согласно вашей просьбе, присоединяю к нему оригинал письма г-на Брауна.

Я чрезвычайно тронут любезностью, с которой вы столько хлопотали ради меня, и желал бы поблагодарить вас.

В свое время я получил несколько писем из Константинополя, но среди них не было ни одного, как это из Тегерана, которое я также помещу в свой фамильный архив вследствие его оригинальности и любезного способа выражения. Я всегда находил высший класс русских среди наиболее совершенных европейцев, и мне посчастливилось знать многих из них. В том, что я написал г-ну Долгорукому, я был совершенно искренен, и я скорее дам себе труд сделать одолжение русскому, чем любому другому, исключительно благодаря его национальности. По отношению ко мне лично англичане, французы, итальянцы и русские были равно любезны — все нации, исключая немцев, — но русский проявляет уважение к самому имени американца, чего не делает никто из европейцев, кроме разве швейцарца.

Глубокоуважающий вас

Дж. Фенимор Купер

На обороте: Г-ну Хайлорду Кларку

ШАРЛЬ НОДЬЕ

А.-Ф. Вильмену

Настоящее письмо Шарля Нодье (Nodier, 1780—1844) представляет собой ответ на предложение начать педагогическую деятельность, видимо, в Сорбонне. Адресат в письме не обозначен, но, по всей вероятности, это предложение исходило от историка Абеля Франсуа Вильмена (Villemain, 1790—1870), члена Национального института, бывшего в 1838 году вице-президентом королевского Университетского совета (в 1839 году он стал министром просвещения Франции).

Ближний друг Нодье, Вильмен не мог не знать о материальных затруднениях, которые тот постоянно испытывал. На это указывают некоторые адресованные Вильмену письма самого Нодье и его дочери Мари Менессье-Нодье.¹ Предложение Вильмена несомненно было вызвано стремлением поддержать писателя (в этой роли Вильмен выступал довольно часто²). Впрочем, оно стало возможным лишь благодаря широкой известности Нодье как выдающегося знатока французского языка, неутомимого лексикографа, историка французской литературы и литературного критика. К этому времени Нодье был автором ряда лингвистических сочинений,³ редактором и составителем разного рода словарей.⁴ Кроме того, его перу принадлежало большое количество историко-литературных и критических статей, напечатанных в «Journal des débats», «Quotidienne», «Annales de la littérature et des arts», «Revue de Paris».⁵

Несмотря на согласие Нодье, он, очевидно, так и не приступил к преподаванию. Во всяком случае, никаких сведений об этом не сохранилось.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, архив Н. С. Голицына, ф. 80, № 23.

Mon cher ami,

Je ne vous rendrai pas cette fois ce nom de *maître* que je vous dois bien

¹ C. A. Sainte-Beuve. Portraits contemporains, t. I. Paris, 1847, p. 466—494; G. Vauthier. Villemain. Paris, 1913, p. 164—165, 257—258.

² G. Vauthier, op. cit., p. 250, 273, 275.

³ Archéologue, ou Système universel et raisonné des langues. Prolégomènes. Paris, 1810; Examen critique des dictionnaires de la langue française... Paris, 1828.

⁴ Dictionnaire raisonné des onomatopées françaises... Paris, 1808; изд. 2-е, 1828; Dictionnaire de la langue écrite. Paris, 1813; Dictionnaire universel de la langue française (совместно с В. Верже). Paris, 1823, 1827, 1829, 1832.

⁵ M. Salomon. Charles Nodier et le groupe romantique. Paris, 1908; J. L. L. L. Bibliographie critique des oeuvres de Charles Nodier. Paris, 1923.

plus que vous ne me le devez. Il faut entre nous un autre langage, et nous nous en tiendrons à celui-ci.

Je vous remercie de vos bonnes communications et de votre tendre sollicitude. Ma reconnaissance n'a pas besoin de s'étendre en paroles. Vous en trouverez mieux l'expression dans votre propre coeur.

J'ai réfléchi pendant la nuit entière à la proposition que vous me faites, et voici ma réponse, que je pourrais beaucoup allonger par des réticences de modestie, fort sincères, mais fort inutiles.

Trente ans d'une vie solitaire, et presque muette, m'ont rendu très-étranger à l'habitude du professorat. Je ne suis nullement disert, et on me trouveroit au depourvu en me prenant *ex abrupto* sur la question la plus simple; mais je crois fermement qu'un bon esprit qui veut acquérir de bonnes notions trouveroit à gagner avec moi, dans une longue suite de *causeries*, soumises, quant à leur objet à un ordre méthodique. Tout le monde sait bien quelque chose, et ce que je sais bien, c'est l'histoire littéraire de la langue française, même dans ses rapports comparés avec les littératures ancienne et moderne. Je suis donc convaincu qu'un jeune homme intelligent, qui pourroit y prendre plaisir, et qui se rendroit compte jour par jour dans un *album* consciencieux, des idées qu'il auroit acquises avec moi, se formeroit en moins d'un an une bonne méthode de lire et de juger, soit sous le rapport du goût qui est le sentiment du bon dans les arts, soit sous le rapport de la morale, qui est le sentiment du bon en toutes choses. Je me crois donc *capable* en cette matière, et on peut m'en croire, car c'est la première fois que je le dis.

Puisque la difficulté n'est pas là, et que vous paraissez le penser, il faut vous dire où elle est.

Vous connoissez ma position toute entière, mais vous ne savez peut-être pas ce que je suis obligé de faire pour m'y maintenir tant bien que mal. Depuis vingt-cinq ans, je travaille quinze heures par jour. Je ne crois pas que mes forces me permettent d'excéder cette tâche de plus d'une heure ou une heure et demie, mais j'imagine aussi que ce temps bien employé suffit à la durée d'une conversation profitable. Encore faudroit-il se soumettre aux convenances rigoureuses de mes affaires, puisque je ne peux m'en affranchir.

Ceci est tout à fait pour vous, mon ami, qui vous vous êtes donné si *aimablement* l'embarras de cette négociation.

L'heure dont je pourrais disposer seroit de dix à onze du matin. Elle ne finiroit pas strictement à la pendule, mais au moment où l'on cesseroit de causer, et quand j'aurois le sentiment qu'elle a produit quelque fruit, soit pour mes interlocuteurs, soit pour moi, car il est vrai, de tout le monde et de moi surtout, que l'enseignement est un excellent moyen d'apprendre.

Quant à la question d'intérêt, je vous l'abandonne aveuglément, et il ne convient pas que je m'en mêle. Vous êtes seul au monde

assez avant dans mes confidences pour savoir à n'en pas douter qu'il faut que toutes mes heures rapportent leur pain, et que cette heure de surérogation ne peut pas être prise gratuitement sur la propre substance de ma vie. Plus heureux, je la regarderois comme un bonheur de plus! Ma mauvaise fortune a voulu qu'elle ne fût qu'une ressource.

Voilà tout mon ami, et que de grâces je vous dois pour la peine que je vous donne! La satisfaction intérieure que vous goûterez dans le bien même que vous entreprenez de faire à votre vieux camarade, acquittera cette obligation.

Je vous embrasse,
Charles Nodier

17 Novembre-38

Перевод

Мой дорогой друг,

На этот раз я не стану называть вас *учителем*, которым вы были для меня больше, чем я для вас. Нам нужен иной язык, и будем его придерживаться.

Благодарю вас за добрые вести и за вашу нежную заботу. Моя признательность не нуждается в словах, вам лучше выразит ее ваше собственное сердце.

В течение целой ночи я размышлял над предложением, которое вы мне сделали, и вот мой ответ, который я мог бы удлинить различными недомолвками, сделанными из скромности, совершенно искренними, но совершенно бесполезными.

После тридцати лет уединенной жизни, проведенной почти в полном молчании, мысль о преподавании стала мне чуждой. Я несколько не речист, меня можно застать врасплох, предложив мне *ex abrupto*⁶ самый простой вопрос; но я твердо верю, что серьезный человек, желающий получить хорошие знания, смог бы многое почерпнуть от меня во время многочисленных *бесед*, подчиненных, по своей теме, определенному методическому порядку. Все что-нибудь хорошо знают, и что до меня, то я хорошо знаю историю французской литературы, в том числе и в ее отношениях с литературой древней и современной. Следовательно, я убежден, что смысленный молодой человек, который нашел бы в этом удовольствие и который день за днем вел бы добросовестные *записи* моих лекций, менее чем в год научился бы читать и понимать прочитанное как в отношении вкуса, ко-

⁶ Неожиданно (лат.).

торый представляет собой умение распознавать хорошее в искусстве, так и в отношении морали, которая представляет собой умение распознавать хорошее в жизни. Итак, я считаю, что способен к такого рода деятельности, и мне можно верить, ибо я говорю это в первый раз.

Поскольку трудность состоит в другом, и вы тоже так думаете, следует сказать вам, в чем эта трудность заключается.

Вам хорошо известно мое положение, но вы не знаете, быть может, что мне приходится делать, чтобы как-то существовать. В течение двадцати пяти лет я работал по пятнадцати часов в сутки. Не думаю, что мои силы позволяют мне удлинить мой рабочий день больше чем на час или полтора, но я полагаю, что и этого времени, если его правильно использовать, будет достаточно для полезной беседы. Кроме того, мне пришлось бы по-прежнему неукоснительно выполнять мои служебные обязанности, ибо я не могу ими пренебречь.

Все это, друг мой, я сообщаю лишь вам, коль скоро вы были столь любезны взять на себя все хлопоты по этому делу.

Время, которым я располагаю, — от десяти до одиннадцати часов утра. Однако я не стану обрывать беседу точно по часам, но сделаю это лишь тогда, когда почувствую, что она принесла какую-то пользу моим собеседникам или же мне самому, ибо справедливо, в отношении всех и меня в особенности, что обучение есть превосходный способ учиться.

Что же касается вознаграждения, я безоговорочно представляю вам решение этого вопроса, и мне не подобает в него вмешиваться. Вы единственный человек на свете, достаточно осведомленный в моих делах для того, чтобы знать, что каждый час моих трудов должен приносить какой-либо заработок, и этот час чрезмерных усилий не может быть даровым. Будь я более удачлив в жизни, я рассматривал бы его как еще одно удовольствие! Плачевное положение моих дел принуждает меня видеть в нем лишь материальное подспорье.

Вот и все, друг мой, и как я вам обязан за причиненное вам беспокойство. Вознаграждением же за этот труд вам послужит то внутреннее удовлетворение, которое вы получите, оказав помощь старому товарищу.

Обнимаю вас,
Шарль Нодье

17 ноября 1838 г.

МАРСЕЛИНА ДЕБОРД-ВАЛЬМОР

Ф. Бюлозу

Марселина Деборд-Вальмор (Desbordes-Valmore, 1786—1859) оставила после себя обширное и до настоящего времени полностью не собранное эпистолярное наследие. Среди ее корреспондентов были Гюго и Виньи, Сент-Бев и Бальзак, А. Дюма и А. Тастю. Ряд писем адресован ею также Франсуа Бюлозу (Buloz, 1803—1877), известному французскому издателю, более сорока лет стоявшему во главе журнала «Revue des deux mondes» (с 1834 года он возглавлял одновременно журнал «Revue de Paris»).¹

Постоянная нужда заставляла М. Деборд-Вальмор обращаться за помощью к разным лицам и, между прочим, к Бюлозу, время от времени печатавшему ее произведения и критические статьи о них на страницах обоих своих изданий.² Однако еще чаще она просила за кого-нибудь из своих многочисленных друзей. Об этом свидетельствует и публикуемое письмо.

6 января 1843 года после тяжелой болезни умерла писательница Антуанетта Дюпен (Dupin, 1802—1843) — автор нескольких романов, новелл и литературно-критических этюдов. М. Деборд-Вальмор, которую с А. Дюпен связывала тесная дружба, очень тяжело переживала эту утрату. В письмах этих лет она постоянно говорит о своей скорби и умоляет помочь детям А. Дюпен. 14 января 1843 года она обращается к переводчику и критику А. де Латуру, бывшему тогда воспитателем герцога де Монпансье, сына Луи Филиппа: «Мы оплакиваем мадам А. Дюпен, которая умерла такой молодой! Такая благородная, такая честная, она в течение шестимесячной агонии подавала всем нам пример высокого мужества! Теперь, когда ее сироты лишились пенсии их бедной и трудолюбивой матери, у них ничего более не осталось».³ «... Уже целый месяц я тяжело страдаю. — пишет она своему бордоскому знакомому, адвокату и литератору Ж.-Б. Жержеру. — На моих глазах умерла женщина, которую я любила».⁴

¹ M.-L. Pailleron. François Buloz et ses amis. Paris, 1919.

² «Revue des deux mondes», 1833, t. I—II; «Revue de Paris», 1836, t. 36; 1840, t. 16 (nouvelle série).

³ A. Pougins. La jeunesse de M-me Desbordes-Valmore. Paris, 1898, p. 279—280.

⁴ M. Desbordes-Valmore. Lettres inédites (1812—1857). Ed. Louis-Michaud, Paris, s. a., p. 77.

Несмотря на болезнь, А. Дюпен не оставляла литературного труда. По свидетельству Л. Колле, автора некролога писательницы в «Revue de Paris», она до последнего дня своей жизни работала над статьей, посвященной Уго Fosколо, но так и не успела ее окончить.⁵ Перу А. Дюпен принадлежит цикл статей об итальянских писателях и поэтах — Метастазии, Альфьери, Мандзони, Монти.⁶ Этюд об Уго Fosколо должен был завершить этот цикл. Возможно, что, обращаясь со своей просьбой к Бюлозу, М. Деборд-Вальмор имела в виду именно эту статью. Впрочем, хлопоты ее едва ли увенчались успехом: ни в «Revue de Paris», ни в «Revue des deux mondes» никаких посмертных сочинений А. Дюпен не появилось.

Публикуется по автографу: ГПБ, общее собрание иностранных автографов.

Paris Ce 20 janvier. 43

Monsieur,

Vous avez été pour moi d'une extrême bonté et je vous en garde une extrême reconnaissance. L'humilité de ma position ne me permet de vous la prouver qu'en vous demandant de nouvelles preuves de cette bienveillance dont je m'honore, et cette preuve, Monsieur, c'est la permission que je sollicite avec l'instance la plus vive, pour les jeunes orphelines de Madame A. Dupin, de porter jusqu'à vous l'un des derniers articles, le dernier, je crois, de leur mère, enlevée il y a peu de jours à ses enfans et à ses amis. Ses orphelines sont pauvres, leur mère laisse un nom distingué dans la littérature noble et sérieuse comme son âme.

Accordez-vous, Monsieur, l'admission de cet article à l'examen d'un des journaux que vous dirigez? Ce serait une douceur infinie pour les amis qui pleurent Madame Dupin, de voir sa memoire honorée ainsi, et ses jeunes demoiselles un peu secourues encore par le travail de cette tendre mère, qui n'avait pas autre chose pour élever ses enfans.

Je vous salue, Monsieur, avec la gratitude du passé.

Votre humble servante
M[arceli]ne Desbordes Valmore

Rue de Tournon. 8.

На обороте: A Monsieur Buloz, directeur de la Revue des 2. Mondes à Paris.

⁵ «Revue de Paris», 1843, t. 14, p. 67.

⁶ Статьи напечатаны: «Revue de Paris», 1841, t. 32 (nouvelle série); 1842, t. VII (IV-e série); о статье А. Дюпен, посвященной Мандзони, см.: А. Cento. Un critico francese del Manzoni: Antoinette Dupin. «Rivista di letteratura moderna e comparate», 1959, vol. 12, № 1, p. 66—70.

Перевод

Париж, 20 января 1843 г.

Сударь,

Вы были ко мне исключительно добры, и я доныне вам за это крайне признательна. Мое стесненное положение не позволяет мне доказать вам это иначе, нежели обращаясь к вам с просьбой вновь подтвердить благосклонность, которой я имела честь удостоиться, и этим подтверждением, сударь, будет разрешение, которого я самым настойчивым образом добиваюсь для малолетних сирот г-жи А. Дюпен, разрешение лично передать вам одну из последних, думается даже, последнюю статью их матери, которую смерть недавно похитила у ее детей и друзей. Ее сироты бедны, а их мать оставила по себе имя в литературе, благородной и серьезной, какой была и ее душа. Разрешите ли вы, сударь, представить эту статью на рассмотрение одного из журналов, которые вы возглавляете? Для друзей, оплакивающих г-жу Дюпен, бесконечной радостью было бы видеть, что тем самым ее память почтена, а ее девочки получили некоторое подспорье благодаря труду этой нежной матери, у которой не было других источников для воспитания своих детей.

Я приветствую вас, сударь, преисполненная признательности за то, что вы для меня сделали.

Ваша покорная слуга
Марселина Деборд-Вальмор

Улица Турнон, 8.

На обороте: Г-ну Бюлозу, директору «Revue des deux mondes» в Париже.

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

П. Лакруа

Письмо П. Мериме адресовано литератору, историку и библиографу Полю Лакруа (Lacroix, 1806—1884), писавшему под псевдонимом: Библиофил Жакоб. Знакомство Мериме с Лакруа состоялось в конце 1820-х годов, но особенно оживилось после 1838 года, когда оба они вошли в состав незадолго до того учрежденного Исторического комитета.¹ В середине 1840-х годов П. Лакруа совместно с художником Фердинандом Сере предпринимает обширное иллюстрированное издание, посвященное культуре и быту западноевропейских стран в эпоху Средневековья и Возрождения (XI—XVI веков).² К участию в издании были привлечены видные историки и филологи: Ф. Шаль, Ш. Низар, А. Микельс, А.-Ж.-В. Леру де Ленси и др. В пятый том издания Лакруа и Сера была также включена статья П. Мериме «Военная архитектура» («Architecture militaire»), переработанная из его очерка «Военная архитектура в средние века».³

В связи с подготовкой пятого тома «Средних веков и Возрождения» в 1848 году между Мериме и Лакруа завязалась переписка. В одном из писем, относящихся к этому периоду (от 25 сентября 1848 года), Мериме сообщает, что рукопись статьи отправлена им Лакруа, а гравюры будут по первому требованию переданы в его распоряжение⁴ (речь идет о приложенных в первом издании к статье Мериме гравюрах Альбера Лемуара,⁵ которые П. Лакруа предполагал частично воспроизвести). Публикуемое письмо написано несколькими днями раньше: рукопись в нем прямо не называется, но явно имеется в виду, а гравюры (bois) — это конечно иллюстрации Лемуара. Поскольку ответ касательно гравюр содержится в письме Мериме от 25 сентября (суббота), а данное письмо написано в среду, дата его точно устанавливается: это 22 сентября 1848 года.

Упоминаемая поездка Мериме была совершена им по поручению Комиссии по охране исторических памятников. Мериме в качестве генерального инспектора должен был посетить ряд средневековых замков, расположенных на территории Эльзаса. Мериме рассчитывал, что эта поездка продлится не более десяти дней. В действительности она продолжалась

¹ M. Parturier et J. Mallion. Prosper Mérimée et le Bibliophile Jacob. «Revue d'histoire littéraire de la France», 1937, p. 517—532.

² Le Moyen Age et la Renaissance, vol. I—III, Paris, 1847—1851.

³ Architecture militaire au Moyen Age. Paris, 1843.

⁴ P. Mérimée. Correspondance générale, t. V, Paris, 1946, p. 397—398, 409—410.

⁵ Александр Альбер Лемуар (Lemoig, 1801—1891) — художник, археолог и ученый, член Комиссии по охране исторических памятников.

Mon cher confrère
Je vais essayer à la fin
de la semaine, si que vous
desirez, mais il faudra que
vous ayez la bonté de le renvoyer
faire tous les changements que
suscite le retour de votre publica-
tion. Je pourrais en même temps
vous donner réponse au sujet de
votre. Je suis parti pour une
bourse de huit ou dix jours, mais
si vous n'êtes pas trop pressé, je vous

с 26 сентября по 14 октября 1848 года. В числе замков, где побывал Мериме, был феодальный замок Хое-Кенигсбург, построенный в XII веке.⁶

Интерес Мериме к военным машинам был вызван его работой над дополнительной, написанной специально для издания Лакруа главой об осадной технике («Sièges»).

Письмо хранится в альбоме К. А. Собаньской, одесской знакомой Пушкина и Мицкевича.⁷ С начала 1850-х годов Собаньская была замужем за поэтом, романистом и переводчиком Жюлем Лакруа (1809—1887), братом Поля Лакруа, который, по всей вероятности, подарил ей настоящее письмо.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1588, лл. 114—114 об., 115 об.

Mon cher confrère

Je vous enverrai à la fin de la semaine ce que vous désirez, mais il faudra que vous ayez la bonté de le revoir et d'y faire tous les changements que nécessite la nature de votre publication. Je pourrai en même temps vous donner réponse au sujet des bois. Je vais partir pour une tournée de huit ou dix jours, donc si vous n'étiez pas trop pressé, je vous en rapporterai si je puis quelques châteaux, notamment celui de Hohe-Koenigsburg que je visiterai apparamment. Vous ne m'avez rien fait dire au sujet des machines de guerre. Je crains de ne pouvoir rien faire de bon sur ce sujet avant la réouverture de la Bibliothèque où j'aurai des MSC à consulter.

T[ou]t à v[ous] Pr. Merimée

Mercredi

На обороте: Monsieur P. de Lacroix.

Перевод

Мой дорогой собрат,

Я вышлю вам в конце недели то, что вы желаете, но нужно, чтобы вы были так добры и внесли все исправления, которых требует характер вашего издания. Одновременно я смогу дать вам ответ в отношении гравюр. Я собираюсь в недельную или десятидневную поездку, так что, если бы вы не слишком торопились, мне, быть может, удалось бы привезти вам рисунки некоторых замков, в частности замка Хое-Кенигсбург, который я предполагаю посетить. Вы ничего не передали мне по поводу военных машин. Боюсь, что не сумею сделать что-либо стоящее в этом смысле до открытия библиотеки, где мне нужно ознакомиться с некоторыми рукописями.

Среда

Весь ваш Проспер Мериме

На обороте: Г-ну П. де Лакруа.

⁶ F. G. Schweighæuser, Ph. de Golbéry. Antiquités de L'Alsace, ou Châteaux, églises et autres monumens des départemens du Haut- et du Bas-Rhin, sect. II, Mulhouse—Paris, 1828, p. 3—8.

⁷ Архив Раевских, т. II, СПб., 1909, стр. 311—315.

ВИКТОР ГЮГО

Д. Голдену

В декабре 1851 года, вскоре после государственного переворота Луи Бонапарта, Виктор Гюго, вместе с другими республиканскими депутатами Законодательного собрания, был изгнан из Франции и, после недолгого пребывания в Бельгии, поселился на английском острове Джерси. В 1855 году поэт переехал на соседний остров Гернси и там, в городке Сент-Питер-Порт, в доме на улице Отвиль (Hauteville-house), прожил до 1870 года, т. е. до падения империи Наполеона III и установления во Франции республиканского режима.

Творчество и общественно-литературная деятельность В. Гюго в период изгнания принесли ему славу и глубокое уважение людей разных стран и континентов. Со всех концов мира в Отвиль-гаус стекались письма от почтителей — как знаменитых, так и никому не известных.

Кратким ответом на одно из таких посланий и является настоящее письмо. Адресат Гюго — Джеймс Голден (Holden), обитатель Рочдейла, небольшого английского города в графстве Ланкашир, близ Манчестера. В 1866 году Голден выпустил в свет книгу «Поэтические дуновенья»,¹ напечатанную в соседнем городе Бери, и некоторое время спустя, вместе с сопроводительным письмом, послал ее Виктору Гюго. По всей вероятности, это произошло летом 1867 года, когда поэт находился в Брюсселе по случаю рождения внука Жоржа² и путешествовал по Зеландии.³ (На Гернси он возвратился лишь 14 октября 1867 года).

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. Л. Ваксея, оп. 1, №№ 1305, 1306.

Hauteville house 3 décembre 1867

Monsieur,

ne sachant pas l'anglais j'ai déchiffré avec peine votre lettre et je crois comprendre que vous m'avez fait un envoi. J'étais absent, et l'envoi ne m'est pas parvenu.

¹ J. Holden. Poetic zephyrs. Bury, 1866.

² P. Audiat. Ainsi vécut Victor Hugo. Paris, 1947, p. 295—296.

³ Об этом путешествии см.: [Ch. Hugo]. Victor Hugo en Zélande. Paris, 1868; F.-T. Mazials. Life of Victor Hugo. London, 1888. p. 188—189.

Je vais être absent encore, mais je tiens à vous accuser réception de votre lettre, et je vous prie de croire à mes meilleurs sentiments.

Victor Hugo

На конверте другой рукой: James Holden, esq., 161, Yorkshire str., Rochdale.

Перевод

Отвиль-хаус, 3 декабря 1867 г.

Сударь,

не зная английского языка, я с трудом разобрал ваше письмо и понял из него, что вы как будто отправили мне посылку. Я находился в отсутствии, и посылка до меня не дошла.

Я буду отсутствовать еще некоторое время, но считаю необходимым подтвердить получение вашего письма и прошу вас принять уверение в моих лучших чувствах.

Виктор Гюго

На конверте другой рукой: Джемсу Голдену, эсквайру, Йоркшир стрит, 161, Рочдейл.

ФРАНТИШЕК ПАЛАЦКИЙ

В. А. Жуковскому

Выдающийся чешский историк Ф. Палацкий (Palacký, 1798—1876) в молодости проявлял большой интерес к художественной литературе. Свои силы в литературе он пробует в 1817—1818 годах, причем ряд его стихотворений был тогда же опубликован в чешской печати. В эти же годы он пытается теоретически обосновать перспективы чешского стихосложения, склоняясь к гекзаметру. Это нашло отражение в изданной им совместно с П. Шафариком анонимной брошюре «Ročátkové českého básnictví, obzvláště prosodie» (1818). Палацкий подумывал тогда написать «по примеру Илиады» трагедию «Ян Гус», о чем записал в дневнике. В 1820—1823 годах Палацкий увлекся проблемами эстетики и написал работу «Эстетика или о красоте и искусстве».

Когда в 1827 году Чешский национальный музей в Праге (основан в 1818 году) приступил к изданию научного журнала, Ф. Палацкий был приглашен на должность редактора. Журнал выходил в двух вариантах различного содержания на чешском языке («Casopis Společnosti vlastenského museum v Čechách») и на немецком языке («Monatsschrift der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Böhmen»). Последний из-за непопулярности был прекращен, а чешский журнал стал выходить под названием «Casopis českého museum».¹

Знакомство Ф. Палацкого с В. А. Жуковским относится ко времени, когда Палацкий играл уже видную роль в молодой литературной жизни Чехии. Встреча произошла во время поездки Палацкого в Лейпциг, где тогда находился проездом из Дрездена в Берлин и Жуковский. В дневнике под 8 мая 1827 года Палацкий записал: «Вечером ходил к барону Фрейгангу, там познакомился с г-ном Жуковским», а на следующий день: «Утром ходил к г-ну Жуковскому... Г-н Жуковский с сердечной благодарностью принял наши журналы».²

Настоящее письмо дополняет наши сведения об отношениях Ф. Палацкого и В. А. Жуковского и свидетельствует об их глубоком взаимном интересе к литературной жизни Чехии и России.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, 28193.ССIIб.93.

Hochwohlgeborner Hochverehrter Herr!

Als ich vor einem Jahre in Leipzig bei dem H[errn] Generalconsul v[on] Freygang das Glück hatte, Ew. Hochwohlgeboren persön-

¹ J. V l ě e k. Dějiny české literatury, d. II. Praha, 1951, str. 399 и сл.

² F. P a l a c k ý. Korrespondence a zápisky, d. I. Praha, 1898, str. 184.

liche Bekanntschaft zu machen, übergab ich Ihnen die bis dahin erschienenen Hefte der beiden von mir redigirten Zeitschriften des böhmischen Nationalmuseums, und verordnete zugleich die künftige Zusendung der Fortsetzungen durch die Brockhausische Buchhandlung in Leipzig an Sie nach S. Petersburg. Die Theilnahme und Aufmerksamkeit, welche Sie unsern literarischen Bestrebungen schenken, läst mich hoffen, dass es Ihnen nicht unangenehm seyn werde, auch fernerhin von dem, was wir zu leisten uns bemühen, Kenntniss zu erhalten. Allein ich besorge sehr, dass die von hier abgesendeten Exemplare den weiten Weg nach Petersburg vielleicht nicht finden und ihre Bestimmung verfehlen. Es würde mich daher ausserordentlich freuen, wenn Ew. Hochwohlgeboren die Güte haben wollten, mich mit einigen Worten zu unterrichten, ob und welche Hefte der böhmischen Museumsblätter bei Ihnen angelangt sind.

Bewährt sich die Verlässlichkeit dieses Transportweges, so wird es mir ein grosses Vergnügen seyn, Ihnen künftig auch andere vorzüglichere Producte der neuesten böhmischen Literatur zukommen zu lassen.

Leider ist die Zahl derselben nicht so beträchtlich, dass ihr Transport deshalb Anstand finden könnte.

Ew. Hochwohlgeboren ausgezeichnete Verdienste, so wie die mir bewiesene freundlich wohlwollende Gesinnung, erregen meinen lebhaften Wunsch, dass Sie dieses vom Gefühle der reinsten Dankbarkeit eingegebene Anerbieten, wie auch die Versicherung der innigsten Verehrung, gütig aufnehmen möchten, womit ich die Ehre habe zu geharren.

Ew. Hochwohlgeboren ergebenste Franz Palacky
böhm[ischer] ständischer Historiograph
und Redacteur der Zeitschriften des
b[öhmischen] Museums

Prag, den 23 April 1828.

Перевод

Высокородный, высокочтимый государь!

Когда год тому назад я имел счастье лично познакомиться с вашим высокопревосходительством у господина генерального консула фон Фрейганга, я передал вам все изданные к тому времени номера обоих редактируемых мною журналов Чешского национального музея и одновременно распорядился о дальнейшей высылке очередных номеров через книготорговлю Брокгауза в Лейпциге для вас в Санкт-Петербург.

Участие и внимание, с которыми вы отнеслись к нашим литературным начинаниям, позволяют мне надеяться, что вам и

впредь не будет неприятным получать сведения о том, что мы здесь стремимся осуществить. Однако я весьма обеспокоен тем, что отосланные отсюда в Петербург экземпляры могут затеряться в дальнем пути и не дойдут по назначению. Поэтому меня весьма обрадовало бы, если бы вы, ваше высокопревосходительство, были столь добры известить меня несколькими словами, получили ли вы и какие именно номера журнала Чешского музея.

Когда мы убедимся в надежности этого способа пересылки, мне доставит большое удовольствие посылать вам в будущем также и другие лучшие произведения новейшей чешской литературы.

Число таковых, однако, не столь велико, чтобы их пересылка могла встретить затруднения.

Исключительные заслуги вашего высокопревосходительства, равно как и проявленные ко мне дружелюбие и благожелательность, заставляют меня горячо желать, чтобы вы благосклонно приняли это предложение, сделанное из чувства чистой благодарности, так же как и уверения в моем искреннем уважении, с коим имею честь оставаться

вашего высокопревосходительства преданнейший

Франц Палацкий
историограф Чешских сословий
и редактор журналов Чешского
музея

Прага, 23 апреля 1828 г.

СИЛЬВИО ПЕЛЛИКО

М. А. Голицыной

Мария Аркадьевна Голицына (урожденная Суворова, 1802—1870) — внучка А. В. Суворова, вышла замуж за генерал-майора князя Михаила Михайловича Голицына (1793—1856). Среди друзей М. А. Голицыной были Жуковский, Вяземский, А. Тургенев; она принимала живое участие в судьбе поэта И. И. Козлова. Голицына славилась своим незаурядным голосом. Пушкин высоко ценил ее пение и выразил свое восхищение и благодарность в посвященном ей стихотворении 1823 года «Кн. М. А. Голицыной» («Давно об ней воспоминаю Ношу в сердечной глубине»).

Большую часть своей жизни Голицына провела за границей, в основном в Швейцарии (в Женеве, Веве, Версуа, где у нее была своя вилла); часто и подолгу жила в Италии, в частности во Флоренции. Ее заграничные салоны посещали многие европейские знаменитости; она переписывалась с Шатобрианом.¹ В конце 1839 года или начале 1840 года М. А. Голицына перешла в англиканство.²

Публикуемое письмо С. Пеллико свидетельствует о том, что М. А. Голицына была лично знакома с ним,³ а также в известной благотворительнице маркизой Джульеттой ди Бароло (di Barolo, 1785—1864).⁴ Супруги ди Бароло познакомились с С. Пеллико вскоре после выхода его книги «Мои темницы» («Le mie prigioni»). В течение нескольких лет он исполнял обязанности библиотекаря в их доме и после смерти маркизы (1838) оставался около больной маркизы ди Бароло. Их дружба, основанная на единстве взглядов, продолжалась до конца жизни Пеллико.

Возможно, что Голицына познакомилась с Пеллико и маркизой ди Бароло во время своего пребывания во Флоренции зимой 1836—1837 года.⁵

¹ По поводу переписки Шатобриана с М. А. Голицыной см.: «Литературное наследство», т. 33—34, «Русская культура и Франция», т. III, М., 1939, стр. 662—663.

² О М. А. Голицыной см.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, ГИЗ, М.—Л., 1931, стр. 152—191.

³ Известно, что среди русских знакомых С. Пеллико был и П. А. Вяземский; см.: «Русский архив», 1868, № 3, стб. 437—438, 444—451.

⁴ О ди Бароло см.: A. de Melun. La Marquise de Barol, sa vie et ses oeuvres, suivis d'une notice sur Silvio Pellico. Paris, 1869.

⁵ Записки графа М. Д. Бутурлина. «Русский архив», 1897, кн. III, № 9, стр. 49; П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, стр. 161—162.

когда там находились супруги ди Бароло.⁶ Из публикуемого письма видно, что М. А. Голицына послала Пеллико письмо князя Голицына с просьбой передать его секретарю русского посольства в Турине Ф. И. Тютчеву.⁷ С. Пеллико передал письмо барону фон Мейзенбух (Meysenbuch), атташе австрийского посольства, которому Тютчев, находившийся в то время в Генуе, поручил временно его представлять.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, альбом М. А. Голицыной, ф. 244, оп. 1, № 57, лл. 29—30.

Turin, 4 déc[embre] 38.

Madame

Mr de Tutchef étant à Gênes où se trouve maintenant la Cour, il a prié Mr le baron de Meisenbug secrétaire de la légation autrichienne de le représenter ici provisoirement. J'ai donc remis la lettre de Monsieur le Prince de Galitzin à Mr de Meisenbug qui m'a promis de vous faire expédier le *lascia passare*. Il sollicitera pour que vous l'ayez sans délai. — Je vous suis reconnaissant, Madame, de ce que vous vous êtes souvenue de moi dans cette petite occasion; vos ordres seront toujours de ceux que j'aime à remplir. J'espère que dans tous les cas où il me serait possible de vous rendre quelque service, vous ne m'épargneriez pas, et je vous le demande en grâce.

Comme vous aimez l'Italie, j'ai le pressentiment que vous y reviendrez, et que j'aurai encore le bonheur d'avoir quelques-uns de ces entretiens où l'on sent si bien, Madame, combien vous avez de l'élan pour la vertu. Je désire que nous nous rencontrions encore, et surtout que Dieu vous comble de bénédictions en quelque pays que vous soyez. Je ne vous cache que parmi ces bénédictions j'ose vous en souhaiter une — cette parfaite unité de foi que tout Catholique souhaite à ses frères bien-aimés. Quelle petite et presque imperceptible division nous sépare!

Mais prions Dieu avec confiance et amour: il veut tous nous aider et nous sauver.

Votre très-humble et très-obéissant serviteur

Silvio Pellico.

Mad[ame] de Barol est toujours dans une espèce de convalescence douloureuse qui diffère peu de la maladie. Elle vous remercie de votre bon souvenir et me charge de vous dire mille choses de sa part. — Rappelez-moi quelquefois au souvenir de cet Ange ravissant que j'ai vu à côté de vous. Je vous prie, Madame, de présenter mon humble hommage à Mr le Prince Galitzin.

На конверте: Suisse, Madame, Madame la Princesse de Galitzin, née Princesse Souvoroff. Genève.

⁶ Письмо С. Пеллико к Т. Фуассе от 2 мая 1837 г. «Revue de littérature comparée», 1936, № 4, p. 755—756.

⁷ О дипломатической службе Ф. И. Тютчева в Италии см.: Г. Чулков в. Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Изд. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 45—53.

Перевод

Турин, 4 декабря 1838 г.

Сударыня,

Будучи в Генуе, где сейчас находится двор, г-н Тютчев просил г-на барона Мейзенбуха, секретаря австрийской миссии, временно его здесь представлять. Поэтому я передал письмо князя Голицына г-ну Мейзенбуху, который обещал мне выслать вам *lascia passare*.⁸ Он будет ходатайствовать, чтобы вы получили его без промедления. Я признателен вам, сударыня, за то, что вы вспомнили об мне по столь незначительному поводу. Я с удовольствием исполню все ваши приказания. Надеюсь, что во всех случаях, когда я смогу оказать вам какую-нибудь услугу, вы непременно обратитесь ко мне, и я прошу вас об этом как об одолжении.

Поскольку вы любите Италию, я предчувствую, что вы туда вернетесь и что я буду иметь счастье вести с вами одну из тех бесед, которые так хорошо позволяют понять, сколь вы склонны к добродетели. Мне хотелось бы вновь с вами встретиться и особенно, чтобы господь бог даровал вам свое благословение, в какой бы стране вы ни оказались. Не стану скрывать от вас, я желаю, чтобы бог ниспослал вам эту твердость в вере, которую каждый католик желает своим возлюбленным братьям. Какое ничтожное, едва уловимое несходство нас разделяет!

Но обратимся к богу с верой и любовью: он всем нам поможет и всех спасет.

Ваш покорнейший и преданнейший слуга
Сильвио Пеллико.

Г-жа де Бароль все время пребывает в состоянии какого-то болезненного выздоровления, которое мало отличается от болезни. Она благодарит вас за вашу доброту и просит меня передать вам привет. Вспоминайте обо мне при мысли об этом очаровательном ангеле, которого я видел рядом с вами. Прошу вас, сударыня, засвидетельствовать мое нижайшее почтение князю Голицыну.

На конверте: Швейцария, милостивой государыне госпоже княгине Голицыной, урожденной княгине Суворовой, Женева.

⁸ Пропуск (итал.).

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

К. Бельджойозо

Княгиня Кристина Бельджойозо (Belgiojoso, 1808—1871), писательница и участница итальянского национально-освободительного движения, в мае 1831 года эмигрировала во Францию. Генрих Гейне познакомился с ней вскоре после ее приезда в Париж (1831) в доме генерала Лафайета или на сенсимонистских собраниях. Он стал частым гостем в парижских салонах Бельджойозо, которую называл «прекрасной, благородной мученицей-княгиней»,¹ бывал в ее имени Марли и летом 1835 года в замке Жоншере. К. Бельджойозо оставалась преданным другом поэта до самой его смерти.² То, что К. Бельджойозо является адресатом также и второй из публикуемых записок, установлено предположительно.³

Публикуется по автографам: ЛОИИ, карт. 408, № 16.

1

Mr. Heine accepte avec plaisir l'invitation de diner chez Madame la Princesse Belgiojoso Mercredi proch[a]in.
Paris le 27 Jan[vier] 1834.

Перевод

Г-н Гейне с удовольствием принимает приглашение к обеду у княгини Бельджойозо в ближайшую среду.

Париж, 27 января 1834 г.

¹ Генрих Гейне. Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 369.

² Об истории знакомства Г. Гейне и К. Бельджойозо см.: G. K a r g e l e s. Heinrich Heine. Aus seinem Leben und aus seiner Zeit. Leipzig, 1899, S. 219—220; F. H i r t. Heinrich Heine. Briefe. Bd. V, Mainz, 1951, S. 111—112. — Нами обнаружен еще один неучтенный автограф Гейне. Адресат не установлен. Хранится: ЦГИАА, ф. 1562, оп. 1, № 35: «Zur freundlichster Erinnerung an Heinrich Heine. Paris, den 7. Dezemb[er], 1834» («На самую добрую память о Генрихе Гейне. Париж, 7 декабря, 1834 г.»).

³ Об автографах Г. Гейне в ленинградских архивах см.: М. Л. Т р о н с к а я. Автографы Г. Гейне в рукописных собраниях Ленинграда. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 184, сер. филол. наук, вып. 22, Зарубежная литература. Л., 1955, стр. 235—243.

Mre Heine accepte avec plaisir
l'invitation de dîner chez
Madame la Princesse Belgio-
joso Mercredi prochain.

Paris le 27 Jan.

1834.

Записка Г. Гейне к К. Бельджойозо. 27 января 1834 г.

2

Madame la Princesse!

Je suis si malade, que je ne peux pas dîner chez vous aujourd'hui.
Ce malheur attriste beaucoup

votre pauvre ami

Henri Heiné.

Samedi

Перевод

Княгиня!

Я настолько болен, что не могу обедать у вас сегодня. Это
несчастье очень огорчает

вашего бедного друга

Генриха Гейне.

Суббота

КАРЛ АВГУСТ ФАРНГАГЕН ФОН ЭНЗЕ

А. Гумбольдту

Данная публикация представляет собой записку или заключительную часть письма Карла Августа Фарнгагена фон Энзе (Varnhagen von Ense, 1785—1858) к Александру Гумбольдту, с которым он состоял в переписке начиная с 1827 года.¹ Фарнгаген обращается с просьбой дать сведения об одном из друзей Бетховена, проживающем в Петербурге. Гумбольдт мог иметь там связи как исследователь, совершивший в 1829 году девяностомесячное путешествие по окраинам России и проездом бывавший в обоих столицах.

Фарнгаген фон Энзе — дипломат, капитан русской службы во время войны с Наполеоном, журналист, литератор, был в постоянном общении с представителями основных веяний эпохи — от романтизма до «молодой Германии». Он привлекал внимание немецких читателей и к русской литературе, с которой мог ознакомиться в подлиннике. Спустя год после гибели Пушкина Фарнгаген поместил в берлинском журнале рецензию на вышедшие в Петербурге первые три тома его сочинений.² Русский язык, по мнению Фарнгагена, может смело помериться с самыми разработанными языками Европы. В 1841 году, во второй статье, посвященной русской литературе,³ Фарнгаген касается Гоголя, называя его гениальным, причем находит в нем нечто общее с Жан-Поль Рихтером; возлагает большие надежды на юного Лермонтова, хвалит его перевод из Гете — «Горные вершины», отмечая мягкость и вместе с тем силу русского языка, и ставит перед немецкими переводчиками задачу добиться таких же по качеству переводов с русского, какие уже имеются с греческого, итальянского, испанского.

Мемуары и дневники Фарнгагена, чья жизнь была богата встречами с такими людьми, как Гете, Фихте, Ф.-А. Вольф и др., важны как исторический источник, несмотря на склонность Фарнгагена к анекдотическому, что вызвало скандал при их опубликовании после его смерти, так как там были затронуты еще живущие лица, в том числе и А. Гумбольдт, правда, не названный по имени.

Знакомство Фарнгагена с Бетховеном относится к лету 1811 года, когда Бетховен был на водах в Теплице, в сопровождении некоего Оливы.

¹ Alexander von Humboldt. Briefe an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858. 5-e Aufl., Leipzig, 1860.

² «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», 1898, October.

³ «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», 1841, Bd. I; 1842, Bd. I.

Фарнгаген, тогда молодой лейтенант, отправился из Парижа через Прагу в Теплиц, чтобы встретиться там с Рахелью Левин (1771—1833), в литературном салоне которой собирались берлинские романтики. «Бетховен, — пишет Фарнгаген, — несколько раз видел Рахель во время своих одиноких блужданий по замковому саду... Любезный молодой человек, по фамилии Олива, сопровождавший его в качестве верного друга, легко способствовал нашему знакомству».⁴

Осенью 1811 года Рахель уехала из Теплица. «Передай привет Бетховену и нашему милейшему Оливе», — писала Фарнгагену 16 сентября 1811 года Рахель из Дрездена. «Храни его бог (V'hüt ihn Gott)», — прибавляла она полусушутливо, сохраняя в написании народный оттенок произношения.⁵

Именно это упоминание ею Оливы имеет в виду Фарнгаген в публикуемом письме, очевидно, полагая, что для Оливы, так же как для него, должно быть драгоценно каждое слово Рахели, ставшей в 1814 году женой Фарнгагена. Передавая от имени Оливы тысячу приветов Рахели («он тебя искренне любит»), Фарнгаген мимоходом упоминает: «Бетховен еще больше привязался ко мне».⁶

Но в дальнейшем между ним и Бетховеном наступило отчуждение: Фарнгаген отказался от мысли снова ввести к Рахели этого, по его выражению, «одичавшего художника». «Впрочем, его имя, хотя и прославленное и знаменитое, было еще вовсе не на вершине признания», — поясняет Фарнгаген.⁷ В 1845 году, к которому относится публикуемое письмо, т. е. спустя почти двадцать лет после смерти Бетховена, Фарнгаген спохватывается, что, несмотря на его былую якобы близость к Бетховену, у него не осталось ничего из рукописного наследия композитора. Между тем Фарнгаген к этому времени стал страстным коллекционером автографов, как об этом свидетельствует Мориц Гартман.⁸ Фарнгаген вспоминает об Оливе, надеясь получить «пару листочков» Бетховена.

Франц Олива был служащим в конторе фирмы Оффенгеймер и Герц в Вене. Он вел деловую переписку Бетховена, получал по доверенности его гонорар. Бетховен посвятил ему написанные в 1809 году, opus 76, вариации для фортепьяно. В них шестикратно варьируется тема турецкого марша из увертюры «Развалины Афин», причем существует предположение, что в основе этой темы лежит русская народная мелодия; отмечают также ее сходство с «Air de la petite Russie» (т. е. украинской темы) — op. 107, № 3. В письме к Гете от 12 апреля 1811 года, посланном через Оливу, Бетховен, извещая Гете, что в ближайшее время он пошлет ему музыку к «Эгмонту», попутно отзывается об Оливе, как о своем друге и большом почитателе Гете. Когда в 1812 году Бетховен заканчивал восьмую симфонию, мотив канона второй ее темы однажды исполнялся вокально в дружеской обстановке, причём Олива пел второй бас. Доверие Бетховена к нему было так велико, что Олива значится в официальном документе как одно из трех лиц, имеющих право посещать любимого племянника

⁴ K.-A. Varnhagen von Ense. Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, Bd. II, 2-e Aufl., Leipzig, 1843, S. 325.

⁵ R a h e l. Ein Buch des Andenkens für ihre Freunde, Bd. I. Berlin, 1834, S. 528 (собрание писем Рахели, изданных Фарнгагеном после ее смерти).

⁶ Briefwechsel zwischen Varnhagen und Rahel, Bd. II, Leipzig, 1874, S. 147.

⁷ K.-A. Varnhagen von Ense. Denkwürdigkeiten des eignen Lebens, Bd. III, 1875, S. 314.

⁸ O. Wittner. Moritz Hartmanns Leben und Werke, Bd. I. Prag, 1906, S. 183.

Бетховена в пансионе Блехлингена, и подпись Оливы, как свидетеля, стоит на завещании брата Бетховена (акт об опеке от 12 апреля 1813 года). Тем неожиданное сорвавшееся у Бетховена резкое слово о нем в письме 1812 года (?) к Францу Брунsvику, виртуозу-виолончелисту: «Прощай, дорогой брат, будь мне таковым. У меня нет никого, кого бы я мог так называть... Негодяй Олива (однако вовсе не благородный негодяй — Der Lumpenkerl Oliva — jedoch kein edler L-k-l) отправляется в Венгрию, не возись с ним много; я рад, что эти отношения, к которым привела только нужда, тем самым совершенно обрываются. Устно больше».

Вероятно, в этой же связи Олива писал Фарнгагену 3 июня 1812 года «...о моих злосчастных отношениях я могу сообщить тебе только то, что Оффенгеймер плохо ко мне относится, и поэтому я вынужден искать другого места работы; возможно, я приму предложение Бетховена и поеду с ним в Англию.⁹ Штоль¹⁰ обманул меня самым жалким образом и даже пытался рассорить меня с Бетховеном, что ему почти что удалось: я совсем разошелся с ним. Как мне больно видеть такое обхождение со мною сразу со стороны двух моих друзей, это ты можешь себе представить, я очень от этого страдаю...».¹¹

Отношения Оливы с Бетховеном не прерывались, однако, до самого отъезда Оливы в Россию в 1820 году.¹²

Дальнейшую судьбу Оливы можно проследить по русским источникам. Он получил должность в Царскомеском лицее, и перед его фамилией появилась частица «де».¹³ «В Лицей... определен, высочайшим рескриптом 1821 года, австрийский уроженец Франц Адамович де Олива с званием адъюнкта немецкой словесности... В 1825 году де Олива получил звание профессора и занимал кафедру по 1842 год». «Об нем сохранилась память как о человеке весьма ученом. По выражению бывших слушателей де Олива, он представлял собою тип германского профессора, и молодые люди уважали его. Несмотря на недостаток в произношении профессора... оживленные лекции его вызывали сочувствие в учащихся, и преподавание немецкой словесности шло весьма успешно».¹⁴ «Прошлое Оливы — одинокого и обезображенного болезнью — было таинственно и загадочно. Ходили о нем и неблагоприятные слухи, но нам до них не было никакого дела: он увлекал нас поэтической стремительностью своей натуры и сам увлекался вместе с нами...». Имеются, впрочем, и противоположные свидетельства: «Часть из его слушателей даже плохо понимала по-немецки, лекции его были... простою тратою времени». В альбоме «Лицейские карикатуры» был портрет и Оливы.¹⁵

⁹ Бетховен действительно предполагал посетить Англию, но эта поездка не осуществилась.

¹⁰ Иоганн Людвиг Штоль (Stoll, 1778—1815) — поэт, издававший в 1807 году журнал «Прометей», где участвовал и Гете.

¹¹ A.-W. Thayer. Ludwig von Beethovens Leben, Bd. III, 2-e Aufl., Leipzig, 1911, S. 312.

¹² У В. Д. Корганова (Бетховен. Биографический этюд. Изд. М. О. Вольфа, СПб.—М., 1910, стр. 259) отъезд Оливы в Россию ошибочно отнесен к 1817 году, очевидно, на основании воспоминаний А. Шиндлера, который как бы заменил собою Оливу у Бетховена; см.: A. Schindler. Biographie von L. van Beethoven. Münster, 1845.

¹³ Памятная книжка имп. Александровского лицея на 1886 г. СПб., 1886, стр. 30 (вторая пагинация).

¹⁴ И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывшего Царскомеского, ныне Александровского лицея. СПб., 1861, стр. 111, 371.

¹⁵ Д. Кобеко. Имп. Царскомеский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911, стр. 371, 391, 427.

Отъезд Оливы из Австрии, между тем, не был оформлен юридически. 8 мая 1822 года в венской газете появилось официальное извещение, что Францу Оливе, бывшему бухгалтеру фирмы И. Бидерман, предлагается в годичный срок вернуться на родину, в Австрию, ввиду истечения срока паспорта, выданного ему для путешествия, и представить объяснения в оправдание своего отсутствия.

Но Олива в Австрию не вернулся, он обосновался в России. Сведения об этом дошли и до Бетховена, который в 1824 году записал в своей «разговорной тетради»: «Олива — профессор немецкого языка в Петербурге».¹⁶

Когда в 1854 году Отто Ян (Jahn), известный биограф Моцарта, обратился к дочери Оливы — Бетти (Betty de Oliva) за сведениями относительно отношений ее отца к Бетховену, она отвечала ему, что ее отец умер в холерный 1848 год, а случившийся тогда же в их доме пожар, когда она и ее мать, потрясенные утратой, оставили все на попечение прислуги, уничтожил последнее, что еще уцелело у ее отца из времен его дружбы с Бетховеном.

Публикуемое письмо Фарнгагена было передано А. Гумбольдтом русскому минералогу Н. И. Кокшарову, командированному в 1842—1845 годах в Париж и Берлин. Н. И. Кокшаров вернулся в Петербург в самом конце 1845 года и мог взяться исполнить поручение Фарнгагена по просьбе А. Гумбольдта, с которым находился в научном общении. От Н. И. Кокшарова письмо Фарнгагена поступило к академику Я. К. Гроту, как об этом свидетельствует справка К. Я. Грота, хранящаяся вместе с автографом.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, архив Я. К. Грота, Ф. 88, оп. 2, № 15.

In St. Petersburg muss ein alter Freund von mir leben. Herr Oliva aus Wien, der lange Zeit Beethovens vertrautester Freund war. Ich weiss nicht, ob er als Kaufmann oder als Lehrer dort lebt, wünschte aber einige Nachricht von ihm zu erlangen. Wäre er persönlich abzureichen, so wünschte ich ihm herzliche Grüsse zu sagen, und dass ich seiner treulich angedenk bin, zugleich habe ich die Fragebitte an ihn zu richten, ob er mir ein oder ein paar Blätter von Beethoven geben kann?

Berlin, 3 Febr[uar] 1845

Varnhagen von Ense

In dem Buche «Rahel» kommt Oliva's Namen vor; falls er das Buch nicht hat, möchte ich ihm senden. —

Перевод

В С.-Петербурге, должно быть, проживает один мой старинный друг — г-н Олива из Вены, который долгое время был самым близким другом Бетховена. Не знаю, живет он там в качестве конторского служащего или учителя, но мне хотелось бы

¹⁶ М. П. Алексеев. Русские встречи и связи Бетховена. Сб. «Русская книга о Бетховене». ГИЗ, М., 1927, стр. 90, примеч. 1.

получить о нем какие-нибудь известия; если возможно обратиться к нему лично, тогда мне хотелось бы сердечно приветствовать его и сказать, что я храню о нем верную память; кроме того, у меня есть к нему просьба: не может ли он дать мне один-два листочка Бетховена?

Фарнгаген фон Энзе

Берлин, 3 февраля 1845 г.

В книге «Рахель» встречается имя Оливы; в случае, если у него нет книги, я мог бы ему послать.

БЕРТОЛЬД АУЭРБАХ

К. К. Павловой

Каролина Карловна Павлова (1807—1893), находясь в 1857 году в Дрездене,¹ познакомилась с Б. Ауэрбахом (Auerbach, 1812—1882). В Дрездене Ауэрбах жил постоянно в течение десяти лет (1849—1859). Сведения о дрезденском периоде жизни К. К. Павловой содержатся в письме И. С. Аксакова к матери от 23 января 1860 года: «Она [К. К. Павлова] совершенно бодра, весела, счастлива, довольна... и занята только собою... она совершенно вошла в жизнь немецкую, в цех литературный, свой брат немцам. Она пишет стихи и статьи немецкие, участвует в разных здешних изданиях, написала комедийку в двух действиях, которую играли с успехом на многих театрах Германии».² В Дрездене К. Павлова познакомилась также с Ф. Листом (в честь которого устроила вечер), с друзьями Ауэрбаха: драматургом Карлом Гуцковым (Gutzkow, 1811—1878), переводчиком Пушкина и Лермонтова Вильгельмом Вольфзоном (Wolfsohn, 1820—1865) и с упоминаемым в письме скульптором Эрнстом Ричелем (Rietschel, 1804—1861), мастерскую которого на Брюлевской террасе в Дрездене она посетила.³ Ричель перед своей болезнью, о которой говорит Ауэрбах в публикуемом письме, работал над памятником Лютеру в Вормсе и успел сделать статую и модель памятника, который завершили его ученики. 5 июня 1859 года Ауэрбах поместил в «Morgenblatt» статью об этом памятнике, а в апреле 1861 года, после смерти Ричеля, опубликовал в «Gartenlaube» свои воспоминания о скульпторе.⁴

К. Павлова в неизданной заметке «От Москвы до Дрездена» (март 1859 года), описывая свое посещение Дрезденского театра, фронтоны которого были украшены рельефами Ричеля, обращает внимание на скульптуру Ричеля перед фойе театра: «На площадке крыльца... стоит знаменитая статуя Лессинга — еще chef d'oeuvre Ричеля». Далее она говорит об Ауэрбахе, «авторе „деревенских повестей“ (Dorfgeschichten), которые переводят на все языки, издатель „Народного календаря“, которого в один год разошлось 70 тысяч экземпляров».⁵ При посредстве К. Павловой Ауэрбах в 1857 году в Дрезденской галерее познакомился с О. А. Киреевой (впоследствии Новиковой), некоторые черты которой писатель воплотил в об-

¹ Б. Рапгоф. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Изд. «Трирема», Пгр., 1916, стр. 56.

² И. С. Аксаков в его письмах, т. III, М., 1892, стр. 353, 354.

³ Из записок М. С. Сабининой. «Русский архив», 1901, кн. III, № 9, стр. 51—52.

⁴ B. Auerbach. Briefe an seinen Freund J. Auerbach. Ein biographisches Denkmal, Bd. I, Frankfurt a. M., 1884, S. 152.

⁵ ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1593, лл. 20 об., 22.

разе Ирмы, главной героини его романа «На высоте» (1865); вполедствии Ауэрбах посетил ее во время своего пребывания в России.⁶

Произведения Ауэрбаха начали переводиться в России с конца 1840-х годов. Ауэрбах был знаком с некоторыми русскими писателями и деятелями искусства. Он встречался в 60-е и 70-е годы с Тургеневым,⁷ который написал предисловие к русскому переводу романа Ауэрбаха «Дача на Рейне».⁸ В свою очередь Ауэрбах опубликовал 30 марта 1877 года в «Allgemeine Zeitung» пространную рецензию на роман Тургенева «Новь». Об отношении к Ауэрбаху Л. Н. Толстого и М. Л. Михайлова см. ниже, стр. 305—310.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, ф. 137, собрание О. А. Новиковой, оп. 1, № 6.

Es thut uns sehr leid, verehrteste Frau v[on] Pavloff, daß wir Sie heute nicht bei uns sehen können. Ich muß jetzt eben zu meinem Freunde Rietschel, der leider wieder schwer krank ist. Er darf nicht sprechen u[nd] ich soll ihm nahe sein. Es wäre entsetzlich, wenn die Hand, die eben zu einem so erhabenen Werke sich erhebt — ich kann den Gedanken nicht verdenken. Mit bestem Gruß von meiner Frau u[nd] mir. Bald lassen wir Ihnen Näheres sagen.

Berthold Auerbach

19/3 59

На конверте: Frau von Pavloff. Hier.

Перевод

Нам очень жаль, уважаемая г-жа Павлова, что сегодня мы не сможем вас увидеть у нас. Мне как раз нужно навестить моего друга Ричеля, который, к сожалению, опять тяжело болен. Ему запрещено говорить, и я должен быть возле него. Было бы ужасно, если бы рука, которая как раз принимается за столь возвышенное произведение, — я не могу примириться с этой мыслью. С наилучшим приветом от моей жены и меня. Вскоре мы сообщим вам подробнее.

Бертольд Ауэрбах

19/3 59

На конверте: Г-же Павловой. Здесь.

⁶ The M. P. for Russia. Reminiscences and Correspondence of Madame Olga Novicoff, vol. 1, Edited by W. Stead, London, 1909, p. 12.

⁷ B. Auerbach, op. cit., Bd. I, S. 297, 371, 378, 381; Bd. II, S. 155, 307, 321.

⁸ «Вестник Европы», 1868, № 9, стр. 5—10.

М. Л. Михайлову

Бертольд Ауэрбах познакомился с русским революционным деятелем, писателем и переводчиком М. Л. Михайловым (1829—1865) в мае 1861 года, когда Михайлов был в Берлине по пути в Лондон, где он намеревался отпечатать в Вольной русской типографии прокламацию «К молодому поколению», написанную им совместно с его другом, революционным публицистом Н. В. Шелгуновым (1824—1891). Михайлов, Шелгунов и жена последнего Л. П. Шелгунова (1832—1901) выехали из Петербурга 25 апреля (7 мая) 1861 года⁹ и прибыли в Берлин 28 апреля (10 мая).¹⁰ Знакомство с Б. Ауэрбахом состоялось вскоре после приезда в Берлин. Михайлов имел с собой рекомендательное письмо от Вильгельма Вольфзона (Wolfsohn, 1820—1865) — немецкого литератора, выходца из России, популяризовавшего русскую литературу в Германии.¹¹ В начале 1861 года Вольфзон был приглашен Академией наук на юбилей П. А. Вяземского. Юбилей праздновался 2 марта (ст. ст.) 1861 года; Вольфзон присутствовал на нем и выступил с речью.¹² Тогда же он вел переговоры с русским правительством об издании в Германии журнала, который знакомил бы Западную Европу с умственной жизнью России.¹³ С 3 по 13 апреля (ст. ст.) Вольфзон читал в Петербурге лекции о Шиллере.¹⁴ Домой в Дрезден он вернулся 2 июня (н. ст.) 1861 года.¹⁵

Личное знакомство Вольфзона с М. Л. Михайловым состоялось, по видимому, в марте—апреле 1861 года, т. е. незадолго до отъезда Михайлова за границу. Но еще до этого оба писателя знали друг друга: в 1855 году Михайлов переслал Вольфзону с Августом фон Видертом отдельное издание своего очерка «Святки».¹⁶

В упомянутом письме Вольфзон писал Ауэрбаху (так как письмо не опубликовано,¹⁷ приводим отрывок в оригинале):

⁹ Дата выезда устанавливается на основании писем М. Л. Михайлова к В. Д. Костомарову от 20 апреля 1861 года. «Мы едем на святой, во вторник, т. е. 25 апреля» (Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. Изд. 2-е, ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 159) и М. Н. Лонгинову от 23 апреля: «Я после завтра уезжаю за границу» (ИРЛИ, 23221.CLXVI.14).

¹⁰ См. очерк «Из Берлина», написанный Михайловым для «Современника» (М. Л. Михайлов. Сочинения, т. III, Гослитиздат, М., 1958, стр. 432).

¹¹ О В. Вольфзоне см.: М. Алексеев. Белинский и славянский литератор Я.-П. Иордан. «Литературное наследство», т. 56, М., 1950, стр. 461—462.

¹² Юбилей пятидесятилетней литературной деятельности академика князя Петра Андреевича Вяземского. СПб., 1861, стр. 34—36.

¹³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под редакцией М. К. Лемке, т. XXII, ГИЗ, Л.—М., 1925, стр. 116. — Этот журнал был основан и выходил с 1862 года под названием «Russische Revue» в Лейпциге и Петербурге.

¹⁴ «St. Petersburger Zeitung», 1861, 5 (17), 9 (21), 12 (24), 15 (27) April.

¹⁵ Сообщено немецкой исследовательницей Вольфзона Х. Шульце (ГДР). Ср. постскриптум во втором из публикуемых ниже писем Ауэрбаха к Михайлову.

¹⁶ См. неопубликованное письмо Видерта к Михайлову от 29 марта (10 апреля) 1856 года из Берлина (ЦГАЛИ, ф. 1111, оп. 2, № 10).

¹⁷ Хранится: Schiller-Nationalmuseum zu Marbach am Neckar. Сообщено д-ром Г. Цигенгейстом (ГДР).

Diese Zeilen bringt Ihnen einer der verdientesten neuern Dichter Russlands Herr Michailow, der, wie wenige Russen, die deutsche Literatur kennt und schätzt und zu Ihrer Verbreitung in Russland mitwirkt. Nemen Sie ihn und die mit ihm reisenden Freunde, Herrn und Frau Schelgunoff, welche letztere die Übersetzerin Ihres «Barfüssele» und Ihrer Dorfgeschichten ist, bestens auf.

Перевод

Эти строки доставит вам один из достойнейших новых писателей России г-н Михайлов, который, как мало кто из русских, знает и ценит немецкую литературу и способствует вашей популярности в России. Примите наилучшим образом его и путешествующих с ним друзей г-на и г-жу Шелгуновых; эта последняя является переводчицей вашей «Босоножки» и ваших деревенских рассказов.

Говоря о том, что Михайлов способствует популяризации Ауэрбаха в России, Вольфзон несомненно имел в виду обзорную статью «Иностранная литература» в апрельской книжке «Современника» за 1861 год, в которую Михайлов включил переводы рассказов Ауэрбаха: «Громовый слесарь», «Братья враги» и «Гудель и Похель».¹⁸ Ауэрбах был здесь назван «истинно народным немецким писателем».¹⁹

Что же касается Л. П. Шелгуновой, то ко времени ее встречи с Ауэрбахом в петербургских журналах было уже опубликовано пять произведений немецкого писателя в ее переводе: повесть «Босоножка» («Barfüßele»),²⁰ рассказы «Бирюк» («Tolpatsch»), «Трубка» («Die Kriegspfeife»),²¹ «Тонеле, укушенная щека» («Tonele mit der gebissenen Wange») и «Свой дом» («Ein eigen Haus»).²² Впоследствии эти произведения с добавлением семи новых вошли в двухтомное издание повестей и рассказов Ауэрбаха в переводе Л. П. Шелгуновой.²⁴ Интересно отметить, что в 70-е годы Н. В. Шелгунов посвятил творчеству Ауэрбаха статью «Новые мотивы немецкого романа».²⁵

В очерке «Из Берлина», опубликованном в майской книжке «Современника» за 1861 год, Михайлов так описывал свое знакомство с Ауэрбахом: «Мы виделись ежедневно, и беседы и прогулки с ним останутся для меня самыми приятными из моих берлинских воспоминаний. Как писателя с первоначальным дарованием, с глубокою любовью к народу, которого никто не изображал в Германии лучше его, я давно любил Ауэрбаха;

¹⁸ «Современник», 1861, № 4, отд. II, стр. 287—322. О принадлежности статьи Михайлову см.: В. Боград. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. Гослитиздат, М.—Л., 1959, № 4390.

¹⁹ «Современник», 1861, № 4, отд. II, стр. 286.

²⁰ «Библиотека для чтения», 1858, № 1, стр. 83—144; № 2, стр. 145—236. — Имя переводчика как в этой, так и в указанных ниже журнальных публикациях не указано. Принадлежность переводов Л. П. Шелгуновой устанавливается на основании сравнения их текста с двухтомным изданием повестей и рассказов Ауэрбаха (см. ниже, примеч. ²⁴).

²¹ «Русское слово», 1860, № 3, стр. 378—414.

²² Там же, № 5, стр. 307—324.

²³ «Рассвет», 1861, № 5, стр. 187—228.

²⁴ Б. Ауэрбах. Повести и деревенские рассказы. Перевод с немецкого Л. П. Шелгуновой, тт. I—II, СПб., 1871.

²⁵ «Дело», 1874, № 5, отд. «Современное обозрение», стр. 44—62. Статья подписана: Н. Радикин. О принадлежности этого псевдонима Н. В. Шелгунову см.: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. III, Изд. Всесоюзной книжной палаты, М., 1958, стр. 25.

личное знакомство с ним способно было только утвердить эту любовь и уважение. . . Ауэрбаху скоро пятьдесят лет, но он бодр и жив, как юноша. Небольшого роста, плотный и коренастый, с зачесанными назад и даже немного вьющимися темными волосами и просеью, с небольшой окладистой бородой, с большими светлыми глазами, с открытым круглым лицом, он похож сам на шварцвальдского мужика, и ничто не напоминает в нем его еврейского происхождения. Быстрая, живая и умная речь его отличается чрезвычайной простотой, как и рассказ его в „Босоножке“, в „Мони и Брози“ и других народных его повестях. . .».²⁶ И далее Михайлов давал характеристику творчества Ауэрбаха, которое, по его мнению, озаменовало «возрождение повествовательной литературы в Германии». «Ауэрбах, — писал Михайлов, — вызвал целую школу нувеллистов, которые обратились с сочувствием к народу и принялись изучать хорошие и дурные стороны его быта, его нужды, желания и надежды, его радости и печали. Свой очерк Михайлов заключал:

«Последним трудом Ауэрбаха, с которым мы, может быть, еще знакомим читателей „Современника“, была повесть „Edelweiß“, появлявшаяся отрывками в „Кельнской газете“. Теперь Ауэрбах обрабатывает ее окончательно для отдельного издания».²⁷

Эти строки явились следствием переговоров Михайлова с Ауэрбахом о напечатании произведений последнего в «Современнике», причем речь шла именно о повести «Эдельвейс».

16 мая 1861 года Б. Ауэрбах писал своему другу Якобу Ауэрбаху: «На днях я получил голландский перевод „Эдельвейса“, сегодня — полное восторга письмо из Англии от английской переводчицы, и кроме того, здесь уже два дня находится один русский писатель,²⁸ который также переведет „Эдельвейс“. Тогда только осенью я издам его отдельной книжкой по-немецки».²⁹

О своих переговорах Михайлов сообщил Некрасову в письме от 27 мая (н. ст.) из Наумейма, немецкого курортного городка, куда он поехал из Берлина вместе с Шелгуновыми (Л. П. Шелгунова оставалась здесь лечиться): «В Берлине я познакомился с Ауэрбахом (о котором есть несколько строк в моем письме для «Совр.»), и он предлагал мне для перевода прежде напечатания на немецком языке его новой повести. Она очень хороша. А условия его такие: он желал бы получить столько, сколько получит за перевод русский переводчик. Значит, и оригинал и перевод стоили бы 30 р. сер.; но я думаю, он согласился бы и на меньшее. Напишите мне ответ: да или нет, и если можно, скорее. Для Ауэрбаха это в некотором роде вопрос жизни. Положение здешних литераторов не особенно блестятельно. Притом надо, чтобы перевод был напечатан до октября месяца. В октябре он начнет печатать повесть по-немецки».³⁰

Михайлов не единственный ходатайствовал за Ауэрбаха. Вторым ходатаем был Л. Н. Толстой — страстный поклонник немецкого писателя. Толстой познакомился с Ауэрбахом лично также в 1861 году, но еще до этого читал его произведения и восхищался ими.³¹ По свидетельству Е. Скайлера, Толстой говорил ему об Ауэрбахе: «Этому писателю я был обязан,

²⁶ М. Л. Михайлов. Сочинения, т. III, стр. 443—444.

²⁷ Там же, стр. 444, 446.

²⁸ Несомненно имеется в виду М. Л. Михайлов.

²⁹ В. Auerbach. Briefe an seinen Freund Jakob Auerbach, Bd. I. Frankfurt a/M., 1884, S. 153—154.

³⁰ Альманах «Круг», кн. 6, М., 1927, стр. 221.

³¹ См. записи Толстого в дневнике от 8—10 декабря 1856 года, 22 мая и 26 июля 1860 года (Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. т. 47. Гослитиздат, М., 1937, стр. 104; т. 48, 1952, стр. 24, 27).

что открыл школу для моих крестьян и заинтересовался народным образованием».³²

Во время второй заграничной поездки Толстой 21—22 апреля (н. ст.) 1861 года находился в Берлине и два раза посетил Ауэрбаха. 21 апреля он записал в дневнике: «Ауэрбах!!!!!!!!!!!!!! Прелестнейший человек! Ein Licht mir aufgefungen...³³ Ему 49 лет, он прям, молод, верущ. Не поет отридания». И далее 22 апреля: «Ауэрбах, его жена. Холодней с ним, но он все прелестен. Ach, Liebster, glauben sie mir, es ist nur eine Tugend auf der Welt — die Ehrlichkeit.³⁴ Хочется ему денег».³⁵

В письме от 25 апреля Ауэрбах писал Вольфзону в Петербург: «Два дня здесь был граф Лев Толстой. Я был душевно рад познакомиться с идеально возвышенной душой этого человека. Нам удалось также поговорить об отношениях с русским журналом, и он обещал мне наладить и завершить это дело один и совместно с вами».³⁶

Толстой, как можно судить по последней фразе цитированного отрывка из его дневника, принял близко к сердцу стесненное положение немецкого писателя и во время своего пребывания в Петербурге 13—22 апреля (ст. ст.) 1861 года предложил Некрасову для «Современника» повести Ауэрбаха,³⁷ обусловив гонорар 75 р. с листа.³⁸ Об этом предложении Толстого Михайлов в свое время ничего не знал. Некрасов же, как он сообщал впоследствии Михайлову, отвечая на письмо последнего из Наугейма, дал Толстому «согласие на один небольшой рассказ в виде пробы, оговорив всевозможным образом, что если рассказ не будет подходить к «Современнику», то и даром его не надо».³⁹ Толстой сообщил об этом согласии Ауэрбаху и предложил ему послать в «Современник» какой-либо рассказ в качестве «предварительной пробы».⁴⁰

После получения письма Михайлова от 27 мая Некрасов оказался в затруднительном положении вследствие данного им Толстому согласия, с одной стороны, а с другой, значительного расхождения между гонорарами, обусловленными Толстым и Михайловым. Не видя иного выхода, он решил

³² Евг. Скайлер. Граф Лев Николаевич Толстой. «Русская старина», 1890, т. 68, № 10, стр. 261.

³³ Луч света мне блеснул (нем.).

³⁴ Ах, милый, поверьте мне, на свете есть лишь одна добродетель — честность (нем.).

³⁵ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 48, 1952, стр. 35, 36.

³⁶ «Nord und Süd», Breslau, 1887, Bd. XLII, Hf. 126, S. 431. — Не известно, какой «русский журнал» имеется здесь в виду. Возможно, что речь шла о «Русском слове», с которым Ауэрбах в 1860 году вел переговоры через Вольфзона, как видно из неопубликованного письма Вольфзона к Ауэрбаху от 2 сентября 1860 года из Дрездена (сообщил д-р Г. Цигенгейст).

³⁷ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890. Гослитиздат, М., 1958, стр. 236.

³⁸ См. письмо Некрасова к Толстому от 3 июня 1861 года. — Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. X, Гослитиздат, М., 1952, стр. 453.

³⁹ «Некрасовский сборник», III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 259 (исправлено по рукописи — ИРЛИ).

⁴⁰ Содержание письма Толстого выясняется из публикуемого ниже письма Ауэрбаха к Михайлову от 30 мая 1861 года. Об этом письме Толстого до сих пор не было сведений и оно не упоминается в перечне неразысканных его писем (см.: Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 60, 1949, стр. 519).

вообще отказаться от печатания произведений Ауэрбаха и в письме от 30 мая (ст. ст.) 1861 года сообщил об этом Толстому, сославшись на «некоторые обстоятельства, в изложение которых вдаваться дело лишнее, но которые очень уважительны», и просил уведомить Ауэрбаха, что «дело это расстроилось». ⁴¹ 13 июня (ст. ст.) Некрасов снова писал Толстому, приложив письмо Михайлова из Наугейма как объяснение причины отказа. «В самом деле, что мне делать? — писал Некрасов. — Я думаю самое простое: отказаться от этих повестей и за 75 р. и за 15-ть. Так я и написал к Михайлову — впрочем, предоставив ему право уладиться и другим способом, т. е. взять у Ауэрбаха рассказ, если он найдет это нужным, чтобы сгладить некоторую шероховатость всего этого события». ⁴²

Сообщая о своем отказе Михайлову (письмо не датировано), Некрасов замечал: «Это по-моему удобнейший способ быстро прервать эту заварившуюся путаницу. — Но если Вы найдете средний путь и захотите сами перевести повесть Ауэрбаха, то я предоставляю Вам право распоряжаться, как Вам угодно, и спорить не буду — деньги по вашему назначению немедленно вышлю. Дело не в деньгах. Я сделал промах и должен заплатить за него, а дело в том, чтоб не связать себя. Успеем ли мы напечатать до октября повесть, которая еще не переведена и т. под. Повесть (вы пишете) была в газете и теперь выправляется автором для отдельного издания? — Хоть для нас это все равно, но ведь это не совсем то, что говорил мне Толстой. Он именно налегал на повесть, писанную прямо для „Современника“». ⁴³

Таковы обстоятельства, связанные с публикуемыми ниже письмами Ауэрбаха к Михайлову. Дальнейшие сведения об отношениях Ауэрбаха с редакцией «Современника» мы находим в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой.

«Некрасов, — пишет Шелгунова, — хотел купить у него (Ауэрбаха, — Ю. Л.) роман в рукописи для перевода, и Ауэрбаху это очень улыбалось, так как цена была хорошая. Долго шли переговоры, и, наконец, уже к осени мне дана была уверенность заключить с ним условие.

Уезжая в Россию, ⁴⁴ я остановилась для этого в Берлине и отправилась к Ауэрбаху. Самого Ауэрбаха в Берлине не было, а жена его была дома. Отворившая мне дверь горничная сказала:

— Madame ist nicht zu sehen. ⁴⁵

Я рассказала горничной, в чем дело, что я уезжаю, что мне надо переговорить, что это дело важно для них, а не для меня; горничная все это передала и вернулась с тем же самым ответом. . . Эта великосветская глупость страшно взбесила Николая Васильевича (Шелгунова, — Ю. Л.), и мы в тот же день уехали из Берлина.

Потом Ауэрбах выходил из себя, завел об этом перепалку, но продажа ему не удалась. ⁴⁶

Трудно сказать, насколько достоверно сообщение Шелгуновой: в ее воспоминаниях вообще много неточностей. Никакими иными сведениями

⁴¹ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем, т. X, стр. 452.

⁴² Там же, стр. 453.

⁴³ «Некрасовский сборник», III, стр. 260 (исправлено по рукописи — ИРЛИ).

⁴⁴ Шелгуновы возвращались в Россию из заграничной поездки 1861 года позже Михайлова, который уже в середине июля был в Петербурге.

⁴⁵ Госпожа не принимает (нем.).

⁴⁶ Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого. СПб., 1901, стр. 114—115.

о том, как закончились переговоры Ауэрбаха с редакцией «Современника», мы не располагаем. Известно лишь, что в дальнейшем произведения Ауэрбаха в журнале не появлялись.⁴⁷

Интересно отметить, что, несмотря на неудачный исход своих переговоров, Ауэрбах сохранил к Михайлову теплое чувство и впоследствии, узнав о его трагической судьбе, писал Вольфзону 31 января 1862 года: «Судьба Михайлова, которого я тоже предостерегал, глубоко потрясла меня, и часто мне вдруг приходит в голову: каково теперь бедняге в Сибири».⁴⁸

Публикуется по автографам: ИРЛИ, пост. 1959 г., № 16.

1

Lieber Freund!

Die wenigen aber mit dem Besten und Höchsten erfüllten Tage, die ich mit Ihnen und unseren Freunden, Herrn und Frau von Schelgunoff, verlebt, geben mir das Recht und die Pflicht, Sie als Freund anzusprechen, in der vollen Zuversicht gleicher Erwidernng.

Sie werden das Blatt der National-Zeitung erhalten haben, das ich Ihnen schickte. Der Verf[asser] des Aufsatzes heisst Althaus und lebt in London.

Ich erhalte so eben anliegenden Brief von Tolstoy und schicke Ihnen denselben weil ich, unserer Verabredung gemäss, nichts in dieser Sache ohne Sie thue. Sagen Sie mir nun *baldigst* Ihren Entscheid und erklären Sie mir auch, was mit dem vorherigen Versuch einer andern Novelle gemeint ist; ob ich vielleicht die Erzählung (noch im Manuscript) «Die Frau des Geschworenen» oder anderes vorher einsenden soll.

Grüssen Sie Herrn u[nd] Frau v[on] Schelgunoff herzlich von Ihrem

freundschaftlich erg[ebenen]

Berthold Auerbach.

Berlin Potsdamer Strasse 134a
den 30. Mai 1861.

Schicken Sie mir den Brief von Tolstoy wieder zurück. Ich glaube nach Wiederlesen den Brief Tolstoys so zu verstehen: Mit Edelweiss soll nach der gegebenen Honorar-Norm der Anfang gemacht werden, dann erst wegen ständiger Mitarbeiterschaft bestimmt

⁴⁷ Повесть «Эдельвейс», под заглавием «Львиная лапка» (русское народное название цветка эдельвейс), вскоре была напечатана в журнале «Время» (1862, № 3, стр. 75—148; № 4, стр. 75—186). Кроме того, в журнале «Русское слово» (1862, № 1, отд. II, стр. 18—25) была помещена на нее рецензия.

⁴⁸ «Nord und Süd», 1887, Bd. XLII, Hf. 126, S. 432. В этих строках обращает на себя внимание выражение: «которого я тоже предостерегал» («den ich auch warnte»); оно заставляет полагать, что Михайлов при встрече с Ауэрбахом, а до этого с Вольфзоном, сообщил какие-то сведения о своей революционной деятельности.

werden (denn davon war in unserer Besprechung die Rede). Verstehen Sie es nun auch so oder irre ich mich?

Der Junge von dem Sie mir sprachen, war noch nicht bei mir.

Перевод

Дорогой друг!

Те немногие, но зато наполненные прекрасным и высоким содержанием дни, которые я пережил с вами и нашими друзьями — г-ном и г-жой Шелгуновыми, дают мне право и обязывают меня обращаться к вам как к другу, полностью рассчитывая на вашу взаимность.

Вы уже, очевидно, получили лист «Национальной газеты», который я вам послал. Автора статьи зовут Альтхауз, и он живет в Лондоне.

Я только что получил прилагаемое письмо Толстого и посылаю его вам, потому что, согласно нашей договоренности, я в этом деле ничего не предпринимаю без вас. Сообщите мне как можно скорее ваше решение, а также объясните мне, что подразумевается под предварительной пробой в виде другой новеллы: должен ли я сперва послать рассказ (еще в рукописи) «Жена присяжного» или другой.

Передайте сердечный привет г-ну и г-же Шелгуновым от дружески преданного вам

Бертольда Ауэрбаха

Берлин, Потсдамерштрассе, 134а
30 мая 1861 г.

Верните мне письмо Толстого. Перечитав вторично, я понял письмо Толстого примерно так: с «Эдельвейсом» должно быть положено начало выплате согласно данной норме гонорара, которая будет закреплена только при постоянном сотрудничестве (поскольку об этом шла речь в наших переговорах). Толкуете ли вы это так же или я ошибаюсь?

Молодой человек, о котором вы мне гсворили, у меня еще не был.

2

Ich will Ihnen nur noch kurz u[nd] schnell sagen, geehrter Freund, daß ich in der Angelegenheit mit dem Sowremenik gar nichts thue, bis ich Nachricht von dem Bescheid erhalten habe, der Ihnen zugekommen ist.

Mit herzlichem Gruß den Herrn u[nd] Fr[au] v[on] Schelgunoff
Ihr freundschaftlich erg[e]bener

Berthold Auerbach

Berlin 8. Juni 1861.

Wolfsohn ist nachläßig im Schreiben u[nd] ich höre zufällig, daß er gar nicht mehr in Petersburg ist.

Перевод

Я хочу только кратко и быстро сообщить вам, почтенный друг, что в деле с «Современником» я ничего не предприму до тех пор, пока не получу сведений об ответе, который к вам пришел.

С сердечным приветом г-ну и г-же Шелгуновым
дружески вам преданный
Бертольд Ауэрбах

Берлин, 8 июня 1861 г.

Вольфзон небрежен в переписке, и я случайно узнал, что он уже не в Петербурге.

ТОМАС ГУД-МЛАДШИЙ

М. Л. Михайлову

Томас Гуд-младший (Hood, 1835—1874), выступавший в печати как Том Гуд, — английский писатель-юморист и карикатурист, сын известного демократического поэта Томаса Гуда (1799—1845). В 1860—1865 годах Гуд-младший служил клерком в военном министерстве (War Office).¹ Публикуемые ниже письма связаны с тем, что М. Л. Михайлов (см. выше, стр. 305), находясь в июне—июле 1861 года в Лондоне, послал Гуду-младшему номер «Современника» со своей статьей, посвященной его отцу: «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд». Творчество Гуда-отца Михайлов высоко ценил, считая, что в Англии не найдется другого «лирического поэта, который сумел бы выразить с таким глубоким трагизмом скорби бедной и страждущей братии».² Михайлов отмечал у Гуда «сочувствие к рабочему классу, которое выразилось впоследствии горячим заступничеством за него в потрясающих своею горькою правдой песнях».³ Михайлов был первым переводчиком Гуда в России. В 1860 году он перевел лучшее стихотворение Гуда — знаменитую «Песню о рубашке» («The Song of the Shirt»), впоследствии неоднократно переводившуюся русскими поэтами. Публикуя перевод в «Современнике», Михайлов писал: «Насколько можно при несходстве языков, переводчик старался сберечь не только внутренний строй, но и внешние оттенки выражения оригинала».⁴ В переводе Михайлова песня получила широкую популярность в России и вдохновила Мусоргского на создание фортепьянной пьесы «Швея». Кроме того, Михайлов в разное время перевел стихотворения Гуда: «У смертного одра» («The Death Bed»), «Стансы» («Stanzas») и «Изгнание» («The Exile»). Строфу из «Стансов» Чернышевский включил в пятую главу романа «Что делать?». Помимо статьи «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд», Михайлов намеревался уделить Гуду значительное место в статье «Английская поэзия после Байрона», которую не успел написать.⁵

Статья Михайлова о Гуде представляет собой первую русскую биографию английского поэта.⁶ В работе над статьей Михайлов широко исполь-

¹ Dictionary of National Biography, vol. XXVII, London, 1891, p. 272.

² М. Л. Михайлов. Сочинения, т. III, Гослитиздат, М., 1958, стр. 167—168.

³ Там же, стр. 147.

⁴ «Современник», 1860, № 9, стр. 63.

⁵ В ЦГАЛИ хранится план этой статьи (ф. 1111, оп. 2, № 19).

⁶ До этого о Гуде была напечатана лишь одна небольшая статья в «Литературной газете» (1848, №№ 7, 8).

зовал только что вышедшую двухтомную биографию Гуда, составленную его дочерью и сыном.⁷ Кроме того, он пользовался нью-йоркским шеститомным изданием сочинений Гуда, выпущенным под редакцией Ипса Сарджента.⁸ Статья «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд» публиковалась в январской и августовской книжках «Современника» за 1861 год.⁹ Михайлов мог подарить Гуду-сыну только первую половину своей работы.

Михайлов прибыл в Лондон для напечатания в Вольной русской типографии прокламации «К молодому поколению» 29 или 30 июня 1861 года.¹⁰ Недатированное первое из публикуемых писем Гуда-младшего могло быть написано между днем прибытия Михайлова и 4 июля (дата второго письма).

В первом письме Гуд-младший говорит о своей работе по подготовке издания сочинений отца. Это издание вышло в 1862 году в семи томах. Впоследствии оно дважды переиздавалось в расширенном виде.¹¹

Во втором письме упоминается Марк Лемон (Lemon, 1809—1870) — один из основателей в 1841 году и первый редактор английского юмористического журнала «Punch». В рождественском номере этого журнала за 1843 год была анонимно опубликована «Песня о рубашке». В том же письме Гуд иронически называет свою квартиру «грабстритским жильем» («Grub Street domicile»). Граб-стрит — улица в Лондоне XVIII века, где ютилась писательская беднота, зарабатывавшая себе средства ка существованию продажей своего пера; от названия улицы произошло прилагательное со значением — имеющий отношение к низкопробной литературе.

Публикуется по автографам: ИРЛИ, пост. 1959 г., № 16.

1

43 Grove Place Brompton

My dear Sir.

I only regret that I am not a Russian scholar and therefore cannot add to the pleasure of receiving — the pleasure of reading your book. I can assure you that I am much indebted to you for thus making me acquainted with a still wider spread of my father's fame, and am glad to have this opportunity of thanking you for your instru-

⁷ Memorials of Thomas Hood. Collected, Arranged and Edited by his Daughter, with a Preface and Notes by his Son, 2 vols, London, 1860.

⁸ The Works of Thomas Hood. Edited by Epes Sargent, 6 vols, New York, 1860.

⁹ «Современник», 1861, № 1, стр. 283—318 (гл. I—V); № 8, стр. 357—390 (гл. VI—XI).

¹⁰ Судя по письмам Н. В. и Л. П. Шелгуновых к Н. В. Гербелю. Михайлов 22 июня выехал из Наугейма, где жил с мая вместе с Шелгуновыми (см. выше, стр. 307), 25 июня он был в Амстердаме, а 29 июня — на пароходе, следовавшем из Роттердама в Лондон (см.: Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 226—228).

¹¹ The Works of Thomas Hood. Comic and Serious, in Prose and Verse. Edited with Notes by his Son, 7 vols, London, 1862; переиздания: 1869—1873 (10 томов); 1882—1884 (11 томов).

mentality. I see in a note to your book mention made of Epes Sergeant's American Edition of my Father's works. — As I am now engaged on the preparation of a new Complete & uniform Edition, I should be very grateful for a sight of the volumes if you have them.

Believe me my dear Sir

Very truly yours
Thos. Hood

Перевод

Гров плейс, 43, Бромптон

Милостивый государь.

Я только сожалею о том, что не являюсь знатоком русского языка и поэтому не могу добавить к удовольствию от получения вашей книги удовольствие от прочтения ее. Могу вас заверить, что я весьма обязан вам за то, что вы таким образом известили меня о распространении славы моего отца, и я рад, что имею эту возможность поблагодарить вас за ваше содействие этому. Как я вижу, в примечании к вашей книге упоминается американское издание сочинений моего отца под редакцией Ипса Сарджента. Поскольку в настоящее время я занят подготовкой нового, полного и аутентичного издания, я был бы весьма признателен за возможность посмотреть эти тома, если они у вас есть.

Примите уверение, милостивый государь, в моей
преданности вам

Томас Гуд

2

43 Grove Place Brompton, 4 July

My dear Sir —

Many thanks for your note. I find I can get at Epes Sergeant in the British Museum. I rather doubt Lemon's having parted with the MSS of the Song of the Shirt — the copy would probably be left at the printers unless specially sent for — and if sent for specially would hardly have been parted with.

I shall be very happy to see you in my Grub Street domicile any day next week but am seldom at home before 7 p. m. — as I dine after leaving the War Office about five.

If in spite of the unreasonable hour you will drop in at my humble abode I shall be able to show you several things, connected with my Father which will, I do not doubt, interest one who is so interested in his writings.

Yours truly
Thos. Hood

Перевод

Гров плейс, 43, Бромптон, 4 июля

Милостивый государь,

Весьма благодарен вам за вашу записку. Я выяснил, что могу ознакомиться с Ипсом Сарджентом в Британском музее. Мне довольно сомнительно, чтобы Лемон расстался с рукописями «Песни о рубашке»: экземпляры, по-видимому, остался у типографика, если только за ним не послали специально, а если и посылали специально, то его вряд ли отдали.

Я буду очень рад видеть вас у себя в моем грабстритском жилье в любой день следующей недели, но я редко возвращаюсь домой до 7 часов вечера, так как после ухода из военного министерства около пяти я обедаю.

Если, несмотря на нелепый час, вы заглянете в мое скромное жилье, я смогу вам показать кое-какие вещи, связанные с моим отцом, которые, я не сомневаюсь, представят интерес для человека, так интересующегося его произведениями.

Искренне ваш Томас Гуд

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ

В Литературный фонд

В русских рукописных собраниях XIX века автографы Томаса Карлейля (Carlyle, 1795—1881), известного английского философа и историка, попадались нередко, так как знакомства, встречи и эпистолярные сношения его с русскими писателями были довольно многочисленны и разнообразны. А. И. Герцен еще в 1859 году в 5-й книге лондонской «Полярной звезды» напечатал письмо к нему Карлейля 1855 года вместе со своим ответом; сохранилась также записка Карлейля к Герцену от 11 июля 1853 года, написанная вскоре после их знакомства («Литературное наследство», 1953, т. 61, стр. 229—232). Известны также сношения с Карлейлем И. С. Тургенева, начавшиеся еще в 1858 и продолжавшиеся, с перерывами, вплоть до 1870—1871 годов.¹ Благодаря посредству Тургенева состоялась также заочное знакомство Карлейля с его русским переводчиком В. П. Боткиным.² В 70-е годы Карлейль обменивался письмами и с другими русскими корреспондентами.

В собрании П. Л. Вакселя сохранилось письмо Карлейля, не связанное с историей его русских связей, но представляющее некоторый общий литературный интерес. Это обращение Карлейля в Лондонский комитет «Литературного фонда» с ходатайством относительно Дж. Масси. Джерола Масси (Jerald Massey, 1828—1907) — один из видных чартистских поэтов, первоначально примыкавший к левому крылу чартистов, впоследствии же,

¹ Из письма Тургенева к П. В. Анненкову от 27 июня 1857 года мы знаем, что знакомство его с Карлейлем состоялось в Лондоне в конце мая этого года («Наша старина», 1915, кн. 1, стр. 78—79); возможно, что посредником между ними был именно Герцен. Сколь ни мимолетна была эта встреча, но она несомненно хорошо запомнилась им обоим. В доме Карлейля в ближайшие годы Тургенева знали не просто как путешественника, но и как балетриста; жена писателя, Джейн Уэлш Карлейль, писала ему в июле 1858 года, что она «читает Тургенева» (Letters and Memorials of J. W. Carlyle, ed. by J. A. Froude, London, 1883, vol. II, p. 355), какую-то из своих книг Тургенев посылал Карлейлю в том же 1858 году через В. П. Боткина (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Незданная переписка. М.—Л., 1930, стр. 146), в дальнейшем их сношения поддерживались через В. Рольстона («Недра», III, М., 1923, стр. 182; «Иностранная критика о Тургеневе», СПб., 1884, стр. 192, «Вестник Европы», 1884, кн. 2, стр. 450), но также и непосредственно: сохранилось письмо Тургенева к Карлейлю от 29 апреля 1871 года.

² Letters and Memorials of J. W. Carlyle, vol. II, p. 355—357; ср. «Русская старина», 1884, т. XII, стр. 176, прим. 1; Е. М. Феоктистов. Воспоминания. Л., 1929, стр. 9—10.

после разгрома движения, резко повернувший вправо. Современники его полагали, что будто бы именно Дж. Масси послужил оригиналом для портрета «радикала» в романе Дж. Элиот «Феликс Холт» (1866).

В конце 40-х годов Масси выступил с циклом революционных стихов («Красное знамя», «Воззвание к народу», «Мученики 1848—1849 гг.» и т. д.),³ которые, однако, вскоре сменились книгами интимной лирики, сонетов или патриотических военных стихов, заслуживших похвалы от Теннисона, Дж. Рескина и др. К началу 60-х годов, т. е. ко времени, к которому относится публикуемое ниже ходатайство о нем Карлейля, Масси издал уже много поэтических сборников и пользовался некоторой популярностью. В 1854 году вышла его третья книга «The Ballad of Babe Christabel and other Poems», еще полная его демократических симпатий; в последующих — «War Waits» (1855), «Croigcrook Castle» (1856), «Robert Burns, a Song and other Lyrics» (1859), в особенности же в «Havelock March and other Poems» (1861), несмотря на характерные для него противоречия и колебания, Дж. Масси становится уже певцом британской армии и ее действий на европейском континенте и в колониях.⁴

Масси не был единомышленником Карлейля; взгляды их едва ли совпадали в чем-либо. Рекомендация Масси «Литературному фонду» написана Карлейлем только потому, что Масси был его «собратом по перу» и находился в этот момент в затруднительных денежных обстоятельствах. Расхождения во взглядах никогда не препятствовали Карлейлю подать руку помощи тому, кто в ней действительно нуждался. Читая написанные им строки, впрочем, следует помнить также, что их писал публицист, некогда и сам бывший видным и мужественным защитником чартистского движения.

Публикуется по автографу: ГПБ, Собрание П. А. Вакселя, оп. 1, № 440.

Judging from all I have credibly heard of Mr Gerald Massey, as well as from reading some of his Books, I should consider him as a fit participant in the Public Fund set apart by the Country for behoof of meritorious Literary Men who are in straitened economic circumstances.

5. Gt Cheyne Row, Chelsea
23 Nov. 1861

Thomas Carlyle

Перевод

Судя по всему, что я слышал достоверного о м-ре Джеролде Масси, а также и из чтения некоторых его книг, я должен признать его вполне достойным участником Общественного фонда, учрежденного страной для помощи заслуженным литературным деятелям, находящимся в затруднительных материальных обстоятельствах.

Грейт Чейн Роу, 5, Челси
23 ноября 1861.

Томас Карлейль

³ Антология чартистской литературы. М., 1956, стр. 202—210, 388—389.

⁴ Dictionary of National Biography. Supplement, 1901—1911 (1927), p. 580—582; J. Churton Collins. The Nestor of Living English Poets, «Contemporary Review», 1904, Май (вошло в его кн. «Studies of Poetry and Criticism», London, 1905, p. 142—167).

ЭДВАРД БУЛЬВЕР-ЛИТТОН

Н. К. Богушеву-Богушевскому

Данное письмо написано Эдвардом Бульвер-Литтоном (Bulwer-Lytton, 1803—1873) известному русскому библиофилу и собирателю автографов барону Николаю Казимировичу Богушеву-Богушевскому (1851—1891)¹ за четыре месяца до смерти английского писателя. Творчество Бульвера было уже давно хорошо известно русским читателям.² В частности, «Рейнские пилигримы» («The Pilgrims of the Rhine», 1834), о которых говорится в письме, были переведены на русский язык в 1835 году.³ В том же году В. Г. Белинский поместил в «Молве» обстоятельную рецензию на этот роман.⁴ В последующие годы в русской печати появлялись многочисленные отклики на творчество Бульвера и были переведены почти все его произведения.

Возможно, что целью обращения Богушевского к Бульверу-Литтону было получение автографа английского писателя.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, ф. 184, собрание автографов.

September 20 1872 Knebworth

Sir,

I am flattered by your request to translate into the Russian language extracts from my «Pilgrims of the Rhine» — for a Collection of legends. — I have great pleasure in acceding to your wish — & am proud to think that I shall thus be addressing Russian audiences in that language of their own great poets & Romance writers.

Your obliged servant

Lytton

¹ О Н. К. Богушеве-Богушевском см. выше, стр. 119—120.

² М. А. Эдвард Бульвер. Биографический очерк. «Вестник Европы», 1885, № 7, стр. 216—248.

³ Бульвер. Рейнские пилигримы. Перевод с французского, ч. I—IV. М., 1835.

⁴ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 245—248.

Перевод

20 сентября 1872 г. Кнебворт

Сударь,

Я польщен тем, что вы просите разрешения перевести на русский язык для сборника легенд отрывки из моих «Рейнских пилигримов». С большим удовольствием даю вам свое согласие, и мысль о том, что таким образом я обращаюсь к русской публике на том же самом языке, что и ее великие поэты и романисты, наполняет меня гордостью.

Ваш покорный слуга

Литтон

G. F. Anderson. 1868.

ХАНС КРИСТИАН АНДЕРСЕН

М. В. Трубниковой

Публикуемое письмо представляет значительный интерес для истории русско-датских литературных отношений в середине XIX века; особое значение этот документ имеет для истории знакомства русских читателей со сказками Андерсена.

Широкий общественный интерес к «Сказкам» Андерсена возник в России в 60-х годах в связи с несколькими их изданиями, предпринятыми петербургским обществом переводчиц.

В начале 1863 года выдающиеся деятельницы русского женского движения Мария Васильевна Трубникова (дочь декабриста В. П. Ивашева) и Надежда Васильевна Стасова сгруппировали вокруг себя кружок женщин, искавших применения своим силам в самостоятельном умственном труде. История этого общества, или издательской артели, просуществовавшей до начала 70-х годов, была рассказана несколько раз историками русского женского движения 60-х годов; наиболее подробно, на основании подлинных документов — В. В. Стасовым в биографии его сестры.¹ Е. П. Султанова-Леткова в своих неопубликованных «Воспоминаниях» рассказывает об этом так: «Решено было начать с переводов, как наиболее подходящего заработка для уровня большинства тогдашних интеллигентных женщин. Затем было постановлено, чтобы издаваемые книги переплетались исключительно женщинами и рисунки к книгам обязательно исполнялись бы женщинами-художницами. Распорядительницами были выбраны М. В. Трубникова и Н. В. Стасова. Первая взяла на себя и редактирование большинства переводов, причем причитающуюся на ее долю плату она передавала в общий фонд. Первая изданная женской артелью книга была выпущена в 1863 году; то были сказки Андерсена, до тех пор мало известные в России».² Более подробные данные об этом издании приводит В. В. Стасов. «Мне было любопытно узнать, — пишет он в биографии Н. В. Стасовой, — кто первой между нашими женщинами вздумал про эту книгу, кто на нее указал, кто ее предложил. Я расспрашивал главнейших, еще живых и по сию пору, участниц тогдашнего дела и узнал, что в то время, когда шел вопрос о выборе книги, первый указал на сказки Андерсена Вас. Ал. Слепцов, очень любимый и уважаемый тогда литератор».³ В. А. Слепцов

¹ Владимир Стасов. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.

² ИРЛИ, ф. 230, № 20, л. 7.

³ В. Стасов, ук. соч., стр. 129.

действительно считался тогда «специалистом по женскому вопросу»⁴ и развернул широкую общественную деятельность. А. Я. Панаева свидетельствует, что в это время Слепцов «хлопотал устроить женскую переплетную мастерскую, открыть контору переводов с иностранных языков и переписки рукописей, чтобы доставлять работу женщинам, которых тогда много съехало в Петербург из провинции, чтобы получить высшее образование... Слепцов устроил частный литературно-музыкальный вечер в пользу двух приезжих барышень, которые очутились в безвыходном положении. На этом вечере участвовал композитор Серов, две сестры музыкантши... Минаев читал стихи и еще кто-то из новичков литераторов». «Сам Слепцов, — прибавляет А. Я. Панаева, — для этого вечера написал маленький рассказ „Спичка“, подражание сказкам Андерсена». Познакомившийся со сказками Андерсена, по-видимому в немецком переводе, и сам пересказавший одну из них, Слепцов подал мысль обществу переводчиц об их полном издании на русском языке. Это предложение Слепцова, сообщает В. В. Стасов, «сильно всем понравилось, потому что Слепцов был талантлив, и потому не только отлично чувствовал и схватывал всё поэтическое, даровитое, живописное, важное, но умел еще давать это чувствовать и другим. Одна из его слушательниц (сама одна из будущих переводчиц), А. Г. Маркелова, тоже одушевилась идеей Слепцова и передала ее А. Н. Энгельгардт, а та уже, как одна из самых главных деятельниц нового общества, передала предложение Слепцова своим товаркам. Все члены-оценщицы тотчас согласились, одна с другой, прочесть „Сказки“, а потом каждая должна была через неделю подать свое мнение. Прочитали — и все были восхищены новостью, своеобразностью и талантом неизвестного им до тех пор автора. Тотчас решили: переводить Андерсена и роздать том его сказок в разные руки. Переводили с 6-го немецкого издания 1860 года... Переводчицами были на первый раз: Н. А. Белозерская, А. Г. Маркелова, А. Н. Энгельгардт, А. Н. Шульговская. Печатали книгу в типографии Кулиша, с обозначением: „Издание переводчиц“».⁶

Книга вышла в конце 1863 года, претерпев много цензурных мытарств. В. Стасов отмечает: «Удача была полная. Книга имела большой успех в публике и быстро раскупалась. Отзывы литературной критики были вообще очень благоприятные» и приводит выдержки из двух наиболее обширных рецензий — «Русского слова» («самого живого и прогрессивного, самого мыслящего в то время русского журнала») и «Современника»,⁷ страдавшего в это время под сильнейшим нажимом предварительной цензуры; отметим здесь, кстати, что цитируемая В. Стасовым и не вполне удовлетворившая его рецензия «Современника», как это видно из гонорарных ведомостей журнала, принадлежала перу Аполлона Филипповича Головачева.⁸ Головачев писал в этой рецензии: «Некоторые из сказок Андерсена и прежде появлялись в русском переводе, но публика мало обращала на них внимания. Это происходило отчасти потому, что переводились они дурно, отчасти же, и более всего, такое невнимание объясняется разными особенностями этого рода литературных произведений». Дав очень лестную оценку этому изданию, Головачев писал: «Кроме вышеупомяну-

⁴ Русская журналистика. I. Шестидесятые годы. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 123.

⁵ А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. Гослитиздат, М., 1956, стр. 336—337. — Речь несомненно идет об известной сказке Андерсена «Девочка со спичками».

⁶ В. Стасов. ук. соч., стр. 130.

⁷ Там же, стр. 130, 131—133.

⁸ «Литературное наследство», т. 53—54, М., 1949, стр. 269.

тых литературных и художественных достоинств, издание полного собрания сказок Андерсена имеет для русской публики еще особый специальный интерес. Вся работа по этому изданию есть дело товарищества переводчиц, и самая книжка, в том виде, в каком она явилась в свет, есть плод женского труда. Поэтому появление ее имеет двойной интерес и заслуживает особого внимания. По нашему мнению, выбор книги удачен. Русская публика впервые настоящим образом познакомится с произведениями замечательного и, можно сказать, единственного в своем роде сказочника, познакомится с этой оригинальной литературной формой, еще не виданной в русской литературе, да и самые сказки доставят читателям, не знакомым с Андерсеном, большое удовольствие — они очень свежи и поэтичны».⁹

Большой успех, выпавший на долю этого издания, заставил общество переводчиц, наряду с публикацией ряда других переводных книг, выпустить в 1866 году второе издание Полного собрания сказок с добавлением «Предисловия» Андерсена, переведенного «новой в обществе, отличной переводчицей М. П. Малышевой»;¹⁰ в это же время общество переводчиц через посредство его видной участницы А. П. Философовой начало хлопотать об утверждении его устава; однако, «убедившись окончательно, что устава не разрешат, М. В. Трубникова и Н. В. Стасова предложили обществу переводчиц: им двум взять на себя ответственность перед правительством (в случае надобности) и дать издательскому кружку свою фирму: „Трубниковой и Стасовой“. Конечно, переводчицы с глубокой благодарностью приняли это предложение. Затем, все следующие издания уже и появлялись под этой фирмой»;¹¹ ответ Главного управления по делам печати, извещавший, что утверждение «Женского издательского общества» на основаниях, изложенных в проекте его устава, «признано неудобным», пришел только в 1869 году, через четыре года.¹²

Первым изданием общества, выпущенным в свет «под фирмой» Трубниковой и Стасовой, была книга: Новые сказки Андерсена. С 50 рисунками, сочиненными академиком бароном М. П. Клодтом, резанными на дереве О. А. Кочетовой и А. А. Гавриловой, и портретом Андерсена, резанным на дереве Л. А. Серяковым. Издание Трубниковой и Стасовой, СПб., 1868. Это был перевод «Новых сказок» Андерсена, только что изданных в Германии. «Когда решили ее перевести, — сообщает П. С. Стасова, — Н. В. [Стасова] сделала очень интересное предложение: обратиться с письмом к самому автору и просить его портрета, для приложения к новому изданию на русском языке. Сказано — сделано. Андерсену написали письмо на немецком языке, от русских переводчиц, и знаменитый автор отвечал тоже письмом и прислал свой портрет, фотографию, превосходно снятую в Копенгагене. Этот портрет Н. В. сейчас же передает нашему известному художнику, гравюру Серякову, и тот отлично вырезывает его на дереве. В это же время Н. В. заказывает для этих „Новых сказок“ (в числе которых впервые появились такие высокохудожественные и поэтические создания, как например «Сон старого дуба» и «Муза нового века») 50 рисунков академику барону М. П. Клодту (прославившемуся в 60-х годах своей глубоко трогательной картиной «Последняя весна»), а с этих рисунков художницы Кочетова и Гаврилова (в замужестве Серякова) вырезывали гравюры на дереве, и к этому новому литературному труду женщин-перевод-

⁹ «Современник», 1864, № 1, отд. II, стр. 96, 100—101.

¹⁰ В. Стасов, ук. соч., стр. 144.

¹¹ Там же.

¹² А. В. Тыркова, А. П. Философова и ее время. Сборник памяти А. П. Философовой, т. I, Пгр., 1915, стр. 136, 137.

чиц вкладывают художественный труд русских женщин-артисток». «Новые сказки», — сообщает далее В. В. Стасов, — были переведены А. Г. Маркеловой, Е. И. Цениной, М. Г. Ермоловой, М. И. Малышевой, А. Н. Шульговской. Редактировала А. Н. Шульговская.¹³

В этот рассказ вкрались некоторые существенные неточности. Они вскрываются с помощью того письма, которое от имени переводчиц послано было Андерсену; оно сохранилось в архиве писателя в Королевской библиотеке в Копенгагене и недавно опубликовано в статье Поуля Хейбюе.¹⁴ П. Хейбюе печатает это письмо, так как, по его словам, оно, «вероятно, заслуживает того, чтобы о нем узнал более широкий круг читателей», но не сообщает ничего о поводах, его вызвавших, кроме того, что можно извлечь из самого его текста, так как ему остались неизвестны как история петербургского общества переводчиц, так и ответное письмо Андерсена, публикуемое ниже. По свидетельству П. С. Стасовой, письмо от имени переводчиц было написано Андерсену на немецком языке. Однако в ответном письме Андерсена говорится о полученном им письме на русском языке, к которому приложен был также и его датский перевод. В архиве Андерсена сохранился лишь датский текст письма, который и публикует П. Хейбюе, высказывая предположение, что перевод на датский язык этого письма выполнен был для русских переводчиц каким-нибудь не очень грамотным датчанином, так как оно изобилует грамматическими и стилистическими ошибками.

Полный текст этого письма позволяет устранить и некоторые другие неточности, вкравшиеся в рассказ П. С. Стасовой. Из ее свидетельств явствует, что письмо Андерсену послано было из Петербурга еще до выпуска в свет «Новых сказок» и что будто бы именно для этого издания Андерсен и прислал на имя М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой свою фотографию, с которой затем и исполнена была гравюра Л. А. Серякова. На самом деле Андерсену при письме посланы были как экземпляр только что вышедших «Новых сказок», так, по-видимому, и экземпляр второго издания Полного собрания сказок 1867 года. Это устанавливается на основании текста письма и его точной даты и сопоставления его с ответным письмом Андерсена. Привожим письмо М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой полностью по публикации П. Хейбюе, но в обратном переводе с датского, сопровождая этот перевод в отдельных местах параллельными выдержками из датского текста (заключенными в скобках):

Высокочитимому господину профессору и кавалеру
(Professor og Ridder)

Андерсену в Копенгагене

С. Петербург $\frac{12}{24}$ мая 1868 г.

Господин профессор и кавалер!

С.-Петербургское общество женщин (bestaaende af Damer), занимающихся переводами литературных произведений других стран, предприняло в 1863 году первое издание ваших «Рассказов» («Historier's») в переводе на русский язык. Уже в 1867 году потребовалось второе издание этой книги. Ваш высокопоэтический талант, высокоуважаемый господин профессор, очень быстро сделал популярным в России это ваше произведение. Русская публика (det russiske Publikum) очень любит эти «Легенды и сказки» (disse «Sagn og Eventyr»), автор которых по праву причисляется к величайшим писателям современности. В 1868 году была издана вторая

¹³ В. Стасов, ук. соч., стр. 144—145.

¹⁴ Poul Højbye. På opdagelsesrejse i H. C. Andersens papirer. Сб. «Anderseniana», 2. række, Bind III, Halvbind 2, Odense, 1956, p. 355—356.

часть ваших «Рассказов» под заглавием «Новые сказки Андерсена» («Nye Eventyr af Andersen»). Русский художник, господин барон фон Клодт сделал к ним рисунки, гравированные русскими художниками; кроме того, женскими руками произведены были все работы, связанные с этим новым изданием ваших превосходных произведений, а именно перевод их, типографский набор, переплет и выпуск в свет.

Наше женское общество почтительно просит вас, глубокоуважаемый господин профессор, доброжелательно принять приложенный к настоящему письму экземпляр русского перевода ваших «Сказок» («Eventyr»), как знак нашего искреннего восхищения вашим редким талантом и одновременно нашей благодарности за те поэтические наслаждения (for de poetiske Nydelser), которыми обязаны вам подрастающее поколение и взрослые люди России. Примите уверения в нашем глубоком уважении, с которым мы остаемся высокочтимый господин профессор,

вашими почтительными слугами
Надежда Стасова
Мария Трубникова

Отправительница:

Г-жа Трубникова, председатель общества
Петербург, Конюшенная улица, № 13.

В конце августа того же года на имя М. В. Трубниковой и по сообщенному ею адресу пришел ответ Андерсена. К письму приложен был Андерсеном и его фотографический портрет, ныне хранящийся в Литературном музее ИРЛИ (инв. № 42945) и воспроизводимый в настоящем издании. Это — фотоснимок «кабинетного» формата (cabinets-portrait), исполненный фотографом Георгом Е. Ганзенем (Hansen) в Копенгагене. На обороте фотоснимка автографическая надпись: «H. C. Andersen. 1868». Не подлежит никакому сомнению, что это именно тот самый портрет, присланный вместе с письмом, в котором Андерсен предлагал заменить в будущих русских изданиях своих «Сказок» тот, «взятый из немецкого издания» и гравированный Л. А. Серяковым, который приложен был к петербургскому изданию «Новых сказок» 1868 года.

В публикуемом письме весьма существенным представляется свидетельство Андерсена о его интересе к России и русской литературе. Еще в 1832 году молодым и малоизвестным поэтом Андерсен написал стихотворение «На русские темы» («Efter det Russiske»); позднее печаталось под заглавием «Стансы»); хотя это стихотворение и трудно возвести к какому-нибудь определенному русскому источнику, но заглавие его показательное само по себе.¹⁵ В первой половине XIX в. в датских переводах появилось довольно много произведений русских писателей, в частности Карамзина, Пушкина, Гоголя и др.; впрочем, некоторые из этих произведений Андерсен мог знать также и в переводах на другие западноевропейские языки. Переписка Андерсена с Е. К. Мандерштерн, подарившей ему в 1865 году автограф стихотворения Пушкина «Пробуждение», свидетельствует, что в это время он уже хорошо знал об этом, по его словам, «всемирно-знаменитом» русском поэте.¹⁶ В более поздние годы Андерсен познакомился также с некоторыми произведениями Тургенева: с «Дневником лишнего

¹⁵ Kai M. Woel. H. C. Andersens Liv og Digting. Første Bind, København, 1949, p. 343.

¹⁶ Л. Ю. Брауде. Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 361.

человека», с «Призраками»; в своем «Дневнике» Андерсен отметил рас-
сказ «Муму», как особенно ему понравившийся.¹⁷

Публикуется по автографу: ГПБ, Общее собрание иностранных авто-
графов.¹⁸

Frijsenborg i Jytland
28 August 1868

Naadige Frue!

Ved min Hjemkomst fra Udlandet fandt jeg til min Over-
raskelse og Glæde, den smukke russiske Udgave af mine «Eventyr og Historier», som er blevet til ved Deres Deltagelse og Medvirken. Jeg vidste at en russisk Oversættelse fandtes og er nu glad ved selv at eie den, uagtet jeg ikke kan læse Sproget og udtale mig om Gjengivelsen, men jeg er forvissat om at den er givet med Kjærlighed og jeg takker derfor Dem naadige Frue, og Enhver som har baaret den frem ved sin Deltagelse og sit Talent. Ved de smukke Tegninger af Hr. Baron v. Klodt har jeg fundet ud hvilke Eventyr her ere og savner meget faae, egenligt kun de, som ere skreven i de sidste to Aar. Portrættet fra den tydske Udgave er derimod mindre heldigt og jeg tillader mig derfor at sende et bedre til Afbenyttelse ved en ny Udgave. Jeg maae end videre takke for den Opmærksomhed og Velvillie at vedlægge en dansk Oversættelse af det russiske Brev, begge vil jeg opbevare mellem kjære Erindringer. Jeg tillader mig imidlertid at udtrykke mig i mit Modersmaal, det En og Anden, i Deres Omgivelse, vist nok forstaar. Jeg er glad ved at vide mine Skrifter læst i det store, mægtige Rusland, af hvis blomstrende Literatur jeg kjender en Del fra Karamsin til Puskhin, ind i den nyeste tid. Vil De udtale min Tak og Glæde over den Interesse der er forundt mig som Dig-

¹⁷ H. C. Andersen's Brevveksling med Edward og Henriette Collin, Bind V, Hefte IV, København, 1936, p. 465.

¹⁸ См.: Отчет Публичной библиотеки за 1877 год, СПб., 1879, стр. 113—114. До сих пор в русской печати приводилась лишь небольшая цитата из письма, неточно воспроизводившая оригинальный текст; см., например: В. П. Неуструев. Русская классическая и советская литература в скандинавских странах. «Ученые записки Военного института иностранных языков», 1948, № 5, стр. 85; В. Г. Адмони. Большая советская энциклопедия, т. II, изд. 2-е, 1950, стр. 421; затем в большинстве юбилейных статей об Андерсене 1955 года: А. Наркевич. Друзья великого сказочника. «Литературная газета», 1955, № 40, 2 апреля; Н. Крымова. Великий сказочник. «Советская культура», 1955, № 43, 2 апреля, и др.; в наиболее полном виде в заметке «Г. Х. Андерсен и Россия. Новые материалы» («Вечерний Ленинград», 1955, № 78, 2 апреля), представляющей отчет о заседании Института русской литературы, посвященном Андерсену, на котором это письмо впервые было оглашено полностью.

ter og bringe mine Veninder og Venner min hjærteligste
Hilsen.

Med dyb Højagtelse, ærbødigst
H. C. Andersen

Højvelbaarne
Fru Trubnikoff i S. Petersborg.

Перевод

Фрийсенборг в Ютландии
28 августа 1868 г.

Милостивая государыня!

Возвратившись из поездки за границу, я обнаружил, с удивлением и радостью, прекрасное русское издание моих «Сказок и историй», созданное при вашем участии и сотрудничестве. Я знал, что русский перевод существует, и теперь мне очень приятно иметь его, хотя я и не знаю языка и не могу высказаться о точности воспроизведения, но я убежден, что оно сделано с любовью, и поэтому я благодарю вас, милостивая государыня, и всех тех, кто содействовал его созданию своим участием и своим талантом. По прекрасным рисункам г-на барона фон Клодта я выяснил, какие сказки сюда вошли, и, по-моему, недостает лишь нескольких, собственно, только тех, что написаны за последние два года, Портрет, взятый из немецкого издания, напротив, менее удачен, и я позволю себе поэтому послать другой для использования при новом издании. Я должен далее поблагодарить за то внимание и доброжелательность, с которой вы приложили датский перевод русского письма; я сохраню и то, и другое среди дорогих воспоминаний. Я, однако, позволяю себе изъясняться на своем родном языке, которой кое-кто из вашего окружения, наверное, понимает. Мне приятно знать, что мои произведения читают в великой, могущественной России, цветущую литературу которой я частью знаю от Карамзина до Пушкина, вплоть до новейшего времени. Вы скажите, пожалуйста, мою благодарность и радость по поводу того интереса, который проявляют ко мне, как к писателю, и передайте мой самый сердечный привет всем моим друзьям.

С глубоким почтением уважающий вас

Х.-К. Андерсен

Высокоблагородной г-же Трубниковой, в С.-Петербургу.

ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ

А. Н. Веселовскому

В разносторонней научной деятельности академика Александра Николаевича Веселовского (1838—1906) Италия занимает особое место.¹ Многие труды ученого посвящены итальянской литературе эпохи Возрождения.

В 1864—1867 годах Веселовский, находясь в Италии, преимущественно во Флоренции, изучал итальянскую историю и литературу и работал над древними рукописями. Среди его итальянских друзей и знакомых были де Губернатис, д'Анкона, Компаретти, Джозуэ Кардуччи.² Веселовский сотрудничал в периодических изданиях: «Bibliografia Italiana», «Civiltà Italiana», «Ateneo Italiano», «Rivista Bolognese».

В 1866 году Веселовский опубликовал текст XIV века и исследование на итальянском языке «Новелла о дочери царя Дакийского».³ Характер этого исследования определяется заглавием рецензии Ф. И. Буслаева: «Опыты г. Веселовского по сравнительному изучению древне-итальянской литературы и народной словесности славянской и в особенности русской».⁴

В Риккардианской библиотеке Флоренции Веселовский обнаружил рукописный сборник, содержащий неизвестный литературный памятник начала XV века, установил его автора и написал об этом исследование. Текст произведения и исследование были изданы в четырех томах в 1867—1868 годах в Болонье у издателя Гаэтано Романьолли под общим заглавием

¹ П. К. Симони. Библиографический список учено-литературных трудов А. Н. Веселовского. — В кн.: Памяти академика А. Н. Веселовского. Пгр., 1921, стр. 1—57 (вторая пагинация); М. П. Алексеев. А. Н. Веселовский и западное литературоведение. «Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1938, № 4, стр. 121—138.

² См. автобиографические заметки А. Н. Веселовского в дополнениях ко II тому «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина (СПб., 1891, стр. 422—427).

³ *Novella della figlia del re di Dacia. Testo inedito del buon secolo della lingua, con prefazione del Dott. Alessandro Wesselofsky.* Pisa, Nistri, 1866, p. CXII + 52.

⁴ «Журнал Министерства народного просвещения», 1868. ч. 137. № 2, стр. 495—526.

Prologu, 2 giugno 88.

Caro signore

Come volete
che non mi ricordi
di Voi, così bravo e
così buono?

Le feste del
Centenario cominceranno
l'11, lunedì. Ma farà
bene che siate qui

«Парадизо дельи Альберти»,⁵ с посвящением профессорам Джозуэ Кардуччи, Алессандро д'Анкана и Франческо Замбрини.⁶ После опубликования этого труда в 1869 году Веселовский был избран почетным членом итальянского Королевско-императорского общества для издания древних текстов.

В последующие годы Веселовский часто выезжал в Италию и по первоисточникам собирал материалы для своих научных трудов. Дружеские связи со многими итальянскими учеными и литераторами Веселовский поддерживал в течение всей жизни и лично и посредством переписки.⁷ Сохранилось шесть писем Кардуччи к Веселовскому, из которых три публикуются здесь: два написаны в 1866 и 1867 годах, т. е. во время пребывания Веселовского во Флоренции, когда он работал над «Парадизо дельи Альберти», третье в 1888 году. Письма Кардуччи свидетельствуют о том, что его отношения с Веселовским были основаны на общности их литературных интересов и характеризовались глубокими взаимными симпатиями. С 1860 года Кардуччи возглавлял кафедру литературы в Болонском университете. Известно, что Кардуччи много занимался изданием и комментированием итальянских классиков и вообще литературных памятников эпохи Возрождения. Естественно, что работа Веселовского над текстом XV века должна была заинтересовать его. Как видно из писем, Кардуччи сам правил корректуры «Парадизо дельи Альберти» (в письмах он называет это произведение коротко: «il romanzo»)⁸.

В своих письмах Кардуччи часто просит Веселовского или — через него — их общего друга Карло Гарджоли (Gargioli), работавшего в Лауренцианской библиотеке, переписать нужные ему для публикаций различные фрагменты, песни и стихи из рукописных сборников, хранившихся в библиотеках Флоренции. Такая просьба содержится и в письме от 12 декабря 1866 года: сообщив, что он больше не получал корректур «Парадизо дельи Альберти», Кардуччи просит Веселовского переписать для него из рукописного сборника песню Петро Алигьери. Там же Кардуччи спрашивает, есть ли у Веселовского изданный им сборник произведений поэта Маттео Фрескобальди (Frescobaldi, 1297?—1348).⁹

Большой интерес вызвало у Кардуччи также исследование Веселовского «Новелла о дочери царя Дакийского». В публикуемом ниже письме от 20 марта 1867 года¹⁰ Кардуччи дает оценку этого произведения.

Публикуется по автографам: ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 388.

⁵ Il paradiso degli Alberti. Ritrovi e ragionamenti del 1389. Romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della Riccardiana, a cura di Alessandro Wesselofsky, v. I. Presso Gaetano Romagnoli. Bologna, 1867.

⁶ «Ai professori Giosue Carducci, Alessandro d'Ancona, Francesco Zambrini l'autore per segno d'animo riconoscente».

⁷ См. архив А. Н. Веселовского в ИРЛИ (ф. 45, оп. 3, переписка).

⁸ Об этом же свидетельствуют письма издателя Г. Романьоли к Веселовскому (там же, № 677).

⁹ G. Carducci. Rime di Matteo di D. Frescobaldi, raccolte e riscontrate sui codici. Pistoia, 1866.

¹⁰ Письмо публикуется не полностью: в конце его содержатся только замечания грамматического и синтаксического характера к корректуре «Парадизо дельи Альберти» и просьба прислать выписки из различных рукописных сборников. Опущенное место обозначено в тексте многоточием.

Bologna, 12 dec[embre] 66

Pregiato e caro Sig. Wesselofsky

Io non ho avuto più vostre stampe. Ma mi ricordo d'una vostra gentile profferta, e senza più, non volendo dare altre noie all'amico Gargioli, prego voi a volermi esser compiacente di trascrivermi dal cod[ice] riccard[iano] 1091 la canzone di Pietro Alighieri che incomincia:

Quelle sette arti liberali in versi —

notandomi ancora press'a poco il tempo e la forma del codice.

Scusatemi, e vatevi di me che vi sono sinceramente affetto e devoto

Giosuè Carducci

Spero che abbiate avuto le «Rime di Matteo Frescobaldi» da me pubblicate. Se no, ditemene una parola.

Перевод

Болонья, 12 декабря 1866 г.

Дорогой и уважаемый г-н Веселовский

У меня больше не было ваших корректур. Но я, помня о вашем любезном предложении, а также не желая опять причинять беспокойство другу Гарджоли, обращаюсь к вам с просьбой оказать мне услугу и переписать из риккардианского сборника 1091 песню Пьетро Алигьери, которая начинается:

Эти семь свободных искусств в стихах —

и сообщить мне также время составления и форму этого сборника.

Извините меня и располагайте мною,

искренне любящим и преданным вам

Джозуэ Кардуччи

Надеюсь, что у вас есть опубликованные мною «Стихотворения Маттео Фрескоальди». Если нет, то сообщите мне об этом.

Bologna, 20 marzo 67

Caro e pregiato Sr Wesselofsky

Anzi tutto, mille scuse per i ringraziamenti e la risposta tardati. Ma noie d'ogni maniera, alcune delle quali propriamente noiose ed inutili, mi hanno assediato in questi due mesi.

Dopo ciò, mi congratulo sinceramente con voi del lavoro intorno alla fanciulla di Dacia. Io, un po' novizio a questi belli studi comparati, vi ho imparato di molto, e ve ne sono grato. Oltre la dottrina delle comparazioni, mi piace che abbiate fatto luogo a considerazioni molto giuste sull'indole e l'andamento generale della letteratura europea nel medio evo. Nè il vostro stile, come avviene a parecchi, rimane mortificato della polvere dei codici e dall'odore delle biblioteche e dall'aria rinserrata: è caldo, animato, e nel medesimo tempo facile e scorrevole: tanto più mirabile in uno straniero che scriva questa difficilissima lingua italiana. Bene, bene, da vero. Per ora non ho da farvi osservazione alcuna: tutto mi è piaciuto, se non forse che è troppo lunga la seconda parte. Ma procurandomi il piacere di una seconda lettura, noterò, se onorrerà, qualche cosa; per mostra di sincerità.

E lessi, e consegnai al Romagnoli, le prove del romanzo...

credetemi vostro
Giosuè Carducci

Перевод

Болонья, 20 марта 1867 г.

Дорогой и уважаемый г-н Веселовский

Прежде всего тысяча извинений за опоздание, с которым я отвечаю и благодарю вас. Но дела разного рода, часто очень утомительные и бесполезные, осаждали меня в течение этих двух месяцев.

А теперь примите искренние поздравления по поводу вашей работы о дакийской девушке. Являясь до некоторой степени новичком в этих замечательных компаративных исследованиях, я почерпнул здесь многое и благодарен вам за это. Кроме учения о сравнительном методе, мне понравилось то, что вы уделите место очень правильным суждениям о характере и общем направлении европейской литературы в средние века. И ваш стиль не становится, как это бывает у многих, мертвым от пыли рукописей, от затхлого воздуха и запаха книгохранилищ: он теплый, живой и в то же время легкий и свободный, что тем более удивительно для иностранца, пишущего на этом труднейшем итальянском языке. Хорошо, действительно хорошо.

Сейчас у меня нет никаких замечаний — все мне понравилось, разве что вторая часть слишком длинна. Но когда я смогу доставить себе удовольствие прочесть исследование во второй раз, то отмечу, если вам будет угодно, некоторые моменты для доказательства своей искренности.

Я прочел и передал Романьоли корректуру романа...

Считайте меня вашим
Джозуэ Кардуччи

Следующее письмо Кардуччи отражает еще одно значительное событие в биографии Веселовского, относящееся к его научным связям с Италией. В марте 1888 года в Петербургскую Академию наук пришло письмо ректора Болонского университета Джованни Капеллини (Capellini) с просьбой сообщить состав делегации на торжества, посвященные 800-летию Болонского университета.¹¹ От Петербурга в качестве почетного гостя был делегирован Веселовский.¹²

Несколько писем Веселовского к жене, написанных во время этой поездки, дают подробную картину его пребывания в Италии в июне 1888 года.¹³

Во второй половине мая Веселовский приехал в Венецию и оттуда сообщал в письме от 22 мая (3 июня), что успел связаться по почте с Кардуччи и с д'Анкона. И далее писал: «...от Кардуччи я уже здесь получил *poste restante*, извещающее, что праздники начнутся 11 июня, но что 10-го мне надо быть на месте... 11-го приедет король и делегации будут представлены синдикку города».¹⁴ Веселовский сообщал также о своем намерении остаться в Венеции на несколько дней, чтобы поработать в библиотеках. Возможно, что именно в это время Веселовский получил от Кардуччи следующую записку с рекомендацией к П. Мольменти:¹⁵

Venezia

Al signor Pompeo Molmenti

Le presento il mio amico, Aless'andro Wesselofski prof. di letterature romanze nell'Università di Pietroburgo. L'amicissimo dell'Italia, e ha fatto lavori dottissimi in italiano su la nostra letteratura antica. Ma è moderno, intendiamoci, di spirito. Ella voglia fargli conoscere qualcuno dei letterati e degli studiati di Venezia.

Cerca notizie su la nostra letteratura odierna.

Перевод

Венеция

Г-ну Помпео Мольменти

Рекомендую вам своего друга Александра Веселовского, профессора романских литератур Петербургского университета. Он является большим другом Италии и автором ученых трудов на итальянском языке о нашей древней литературе. Но, разумеется, это человек современный по складу ума. Прошу вас познакомить его с некоторыми литераторами и учеными Венеции. Он собирает материалы о нашей современной литературе.

25 мая (6 июня) Веселовский приехал в Болонью, а 2 (14) июня, уже на обратном пути из Болоньи в Россию, он писал, что уехал сразу же после

¹¹ ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 386.

¹² Там же, оп. 4, № 22 (сопроводительный адрес на имя Веселовского от Петербургской Академии наук).

¹³ Там же, оп. 3, № 8.

¹⁴ 11 июня в честь 29-й годовщины (12 июня 1859 г.) изгнания иностранных захватчиков состоялось торжественное открытие памятника Виктору Эммануилу II (скульптура Монтеверде), о котором Кардуччи упоминает в письме от 2 июня 1888 года.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 875, л. 1 (визитная карточка Д. Кардуччи).

праздников. В письмах Веселовский упоминал о получении диплома доктора Болонского университета,¹⁶ рассказывал о празднествах, о встречах со своими итальянскими друзьями, в том числе с д'Анкона и Кардуччи.¹⁷

3

Bologna, 2 giugno 88.

Caro Signore

Come volete che non mi ricordi di Voi, così bravo e così buono?

Le feste del Centenario cominciano l'11, lunedì. Ma sarà bene che siate qui domenica 10. L'11 sarà la inaugurazione del monumento di Vittorio Emanuele, e poi la presentazione dei Delegati delle Università straniere al Sindaco di Bologna.

Voi, s'intende, sarete alloggiato a cura nostra, cioè dell'Università.

Vi saluto cordialmente

dev[otamente] aff[ezionato]
Giosuè Carducci

Перевод

Болонья, 2 июня 1888 г.

Милостивый государь,

Как можно, чтобы я не помнил вас, столь доброго и столь симпатичного.

Юбилейные торжества начнутся 11-го, в понедельник. Но было бы хорошо, если бы вы приехали в воскресенье 10-го.

11-го состоится открытие памятника Виктору Эммануилу, а затем представление мэру Болоньи делегатов от иностранных университетов.

О вашем устройстве, разумеется, позаботимся мы, т. е. университет.

С сердечным приветом
искренне преданный
Джозуэ Кардуччи

¹⁶ ИРЛИ, ф. 45, оп. 4, № 22 (диплом).

¹⁷ Там же, оп. 3, № 8.

ФРИДРИХ ШПИЛЬГАГЕН

Автобиография

Шпильгаген посетил Петербург в марте 1884 года в связи с постановкой его новой пьесы «Спасена» («Gerettet») Александринским театром. В организации встречи и чествования немецкого писателя большое участие принимал Литературный фонд.¹ Активным членом Литературного фонда, а в последние годы жизни — председателем его был известный поэт-переводчик Петр Исаевич Вейнберг (1830—1908). Во время «шпильгагенской недели» (7—18 марта 1884 года) Вейнберг мог встречаться и беседовать с писателем. Он интересовался Шпильгагеном не только как переводчик (Вейнберг перевел драму Шпильгагена «Любовь за любовь», 1875), но и как редактор-издатель журнала «Изящная литература» (выходил ежемесячно в 1883—1885 годах), где с январского номера 1884 года печатался роман Шпильгагена «Финанн» («Uhlenhans») в переводе П. О. Морозова. Вероятно, по просьбе Вейнберга Шпильгаген и написал публикуемую автобиографию, однако Вейнберг не использовал этот текст ни в своем журнале, ни в «Настольном энциклопедическом словаре», издававшемся под его редакцией в 1897—1898 годах.

Автобиография написана Шпильгагеном на бланке петербургской гостиницы Демут (Hotel Demout).

Публикуется по автографу: ИРЛИ, архив П. И. Вейнберга, ф. 62, оп. 5, № 10.

Biographie

Geboren 24 Febr[uar] 1829 in Magdeburg als Sohn eines höheren preußischen Beamten. Bereits als kleiner Knabe (5 Jahre alt) nach Pommern (Stralsund) gekommen, wo ich — an den Küsten der Ostsee — meine ganze Jugend verlebte und jene tiefen Eindrücke von Land und Leuten empfang, die ich später in so vielen meiner Romane geschildert habe. 1847 bezog ich die Universität u[nd] studierte in Berlin, Bonn, wieder in Berlin, zuletzt in Greifswald zuerst Jurisprudenz, dann Philosophie u[nd] Philologie.

Ich war dann (von 1854—59) auch einige Jahre Lehrer an einem Gymnasium in Leipzig, aber mein Trachten war völlig auf ein litterarisches Ziel gerichtet und so gab ich nach den ersten schwachen

¹ «Вестник Европы», 1884, № 4, стр. 885—890; «Нива», 1884, № 12, стр. 289; № 20, стр. 461—462.

Erfolgen meiner Novellen «Klara Vere» u[nd] «Auf der Düne» jede private Beschäftigung u[nd] bürgerliche Stellung auf, um nur von Literatur zu leben. Seitdem sind sich meine Schriften in fast ununterbrochener Reihe gefolgt.

Problematische Naturen

I u[nd] II Abteilung (Durch Nacht zum Licht)	1860/61
In der zwölften Stunde	1862
Die von Hohenstein	1863
Röschen vom Hofe	» 64
Die schönen Amerikanerinnen u[nd]	
Hans u[nd] Grete	» 65
In Reih' u[nd] Glied	» 66
Die Dorfcoquette	» 67
Hammer und Amboß	68/69
Deutsche Pioniere	70/71
Allzeit voran	[72]
Was die Schwalbe sang	72
Ultimo (Novelle)	72
Skizzenbuch	[73]
Hans u[nd] Grete (Schauspiel)	73/74
Liebe für Liebe (»)	74
Sturmflut	75/76
Der Skelet im Hause (Novelle)	76/77
Der lustige Rat (Schauspiel)	77
Plattland	78
Quisisana } Romane	79/80
Angela }	81
Theorie u[nd] Technik des Romans	82
Uhlenhans (Roman)	83
Gerettet (Schauspiel)	84

Ausserdem leite ich seit 1878 die «Deutschen Illustrierten Monatshefte».

Verheiratet seit 1861, Vater von 4 Töchtern. Seit 1862 lebe ich in Berlin.

Friedrich Spielhagen

Перевод

Биография

Родился 24 февраля 1829 года в Магдебурге в семье значительного прусского чиновника. Еще маленьким мальчиком (пяти лет) попал в Померанию, где я — на берегу Балтийского моря — провел всю мою юность и получил те глубокие впечатления от моих романах. В 1847 году я поступил в университет и занимался

в Берлине, Бонне, снова в Берлине и, наконец, в Грейфсвальде сначала юриспруденцией, затем философией и физиологией.

Затем я (с 1854 по 1859 год) учительствовал в одной из гимназий Лейпцига, но все мои помыслы были обращены к литературе, и, таким образом, после небольшого успеха моих первых новелл «Клара Вир» и «На дюнах», я прекратил всякую частную деятельность и гражданскую службу, чтобы жить только за счет литературы. С этого времени мои произведения следовали друг за другом почти непрерывно.

Проблематические природы —

ч. I и ч. II (Из мрака к свету)	1860/61
В двенадцатом часу	1862
Семейство Гогенштейн	1863
Служанка Розочка	» 64
Прекрасные американки и Ганс и Грета	» 65
Сомкнутыми рядами ²	» 66
Деревенская кокетка	» 67
Между молотом и наковальней	68/69
Немецкие пионеры	70/71
Всегда вперед	[72]
О чем пела ласточка	72
Ultimo (новелла)	72
Книга набросков	[73]
Ганс и Грета (пьеса)	73/74
Любовь за любовь (»)	74
Потоп	75/76
Скелет в доме (новелла)	76/77
Веселый совет (пьеса)	77
Низина	78
Квисисана } (романы)	79/80
Анжела }	81
Теория и техника романа	82
Филин (роман)	83
Спасена (пьеса)	84

Кроме того, с 1878 года я руковожу «Немецким иллюстрированным ежемесячником».

Женат с 1861 года, отец четырех дочерей. С 1862 года живу в Берлине.

Фридрих Шпильгаген

² Русский перевод романа вышел под заглавием «Один в поле не воин».

ИППОЛИТ ТЭН

Сориано

Публикуемое письмо И. Тэна датировано 22 марта без указания года. Однако, как явствует из почтового штемпеля на конверте, год написания письма — 1858. Письмо явилось ответом на обращенную к Тэну просьбу артиста-музыканта Сориано в связи с пережитым им, по-видимому, тяжелым душевным потрясением, которое лишило его возможности заниматься какой бы то ни было деятельностью.

Мысль, высказанная здесь Тэном, часто встречается в его переписке этого времени: непрерывный труд — таково, по мнению Тэна, великое физическое утешение, позволяющее людям преодолеть любой кризис, любое физическое и нравственное страдание.¹ Книга Фетиса, о которой упоминает Тэн, это труд бельгийского историка, теоретика музыки и композитора Франсуа Жозефа Фетиса (Fétis, 1784—1871) «Biographie universelle des musiciens et bibliographie générale de la musique» (8 томов, 1835—1844), на протяжении многих лет пользовавшийся во Франции широкой и прочной известностью.

Публикуется по автографу: ЛОИИ, карт. 362, № 27.

Je suis fort touché et fort honoré, Monsieur, de la marque d'estime que vous donnez, et je serais heureux de pouvoir vous offrir un conseil utile. Mais on court risque de tomber dans la banalité, lorsqu'on ne connaît pas intimement la personne à qui on l'adresse. Il en est des maladies morales comme des autres. Il n'y a point de remède universel; tout dépend du caractère et de l'état du malade. Je ne puis vous présenter qu'une règle générale, c'est à vous de l'appliquer dans la mesure qui convient.

J'ai éprouvé moi-même, Monsieur, que le découragement se guérit par le travail. S'imposer par journée deux ou trois heures d'une occupation d'esprit, n'y jamais manquer, s'en faire un point d'honneur, voilà le remède salutaire. Peu à peu on s'intéresse à la chose qu'on étudie; on fait par attrait ce qu'on faisait par effort. On contracte un goût; on prend intérêt à quelque chose; on voit dans l'avenir un but; tous les jours on comble quelque lacune dans ce qu'on sait; on y rêve involontairement dans les heures vides. Peu à peu la langueur s'en va et l'on se retrouve actif et fort.

¹ H. Taine, sa vie et sa correspondance, t. I, Paris, 1902, p. 180, 328.

Cher Monsieur,

J'ai écrit à la Cour depuis quelques
jours, occupé à flatter et à lire
Carlyle. Ma passion pour vous de
me pardonner acceptez-vous
l'invitation si amicale? Sans rien
promettre, comptez, j'ai bien, personnellement
moi, cela rapporté au mois
d'octobre. J'ai écrit à Paris, j'ai écrit,
à cette époque, et j'ai écrit sans
parler un mot de cette Angleterre
que vous connaissez si bien et
que j'aurais étudiée. J'en ai écrit
et j'en ai appris bien des choses. Car
malheureusement en France pas de
choses graves. Pour moi la prophétie
pour la France, et vous savez
bien que vos prophéties s'accomplissent
sans cesse à la lettre.

Votre bien dévoué
L. Courtois.

27e 1860 dimanche
L. Courtois

Письмо И. Тэна к Ф. Шалю. 2 сентября 1860 г.

Vous êtes musicien, et votre art vous offre une large carrière. Les parties supérieures, l'harmonie, la composition, l'analyse des maîtres, l'invention personnelle fournissent une occupation noble et vaste. Vous pouvez lire méthodiquement, plume en main, les vies des grands compositeurs, apprendre par les *Memoires* du temps le monde où ils ont vécu, les misères qu'ils ont subies, les idées qui les ont tourmentés. Rien de plus touchant que la vie de Schubert et de Beethoven. Le livre de Mr Fétis vous donnera les premiers documents et vous indiquera les sources. Écrivez vos jugements, les réflexions que vous suggéreront les lectures, et la lecture de leurs ouvrages. Peu à peu vous entrez dans leur vie, vous discuterez leurs idées, vous vous intéresserez à leurs chagrins. Ce sera comme si vous entriez intimement dans la plus noble compagnie. Je ne connais pas de plus grand plaisir.

Agréé, Monsieur, avec l'assurance de ma sympathie, l'expression de mes sentiments très dévoués.

H. Taine

22 Mars.

На конверте: Monsieur Soriano, artiste musicien, Barrière de la Glacière, 18 (extra-muros). Banlieue de Paris.

Перевод

Я весьма тронут и весьма польщен, сударь, знаками уважения, которые вы мне свидетельствуете, и я был бы рад подать вам полезный совет. Но, не будучи близко знаком с человеком, к которому обращаешься, рискуешь впасть в банальность. С нравственными заболеваниями дело обстоит так же, как и со всеми другими. Не существует универсального средства, все зависит от характера и состояния больного. Я лишь могу указать вам общее правило, применить же его в надлежащей мере предстоит вам самому.

Я по собственному опыту знаю, сударь, что упадок духа излечивается трудом. Ежедневно по два или по три часа заниматься умственной работой, никогда не изменять этому принципу, относясь к нему как к вопросу чести, вот целительное средство. Постепенно то, что вы изучаете, начинает вас все больше интересовать. Вы делаете с увлечением то, чем занимались с усилием. Вы получаете вкус, приобретаете интерес к чему-то, вы видите цель в будущем, каждый день вы восполняете какой-либо пробел в своих познаниях; невольно вы продолжаете думать об этом в свободные часы. Мало-помалу апатия проходит, и вы вновь обрываете прежнюю энергию и силу.

Вы — музыкант, и ваше искусство предоставляет вам широкое поле деятельности. Изучение лучших партий, гармония, композиция, изучение классиков, собственное творчество — это

благородное и обширное поприще. Вы можете методически, с пером в руке, читать биографии великих композиторов, знакомясь при помощи современных *мемуаров* с миром, в котором они жили, с несчастьями, которые они испытывали, с мучившими их идеями. Нет ничего более трогательного, нежели жизнь Шуберта и Бетховена. Книга г-на Фетиса познакомит вас с основными материалами и укажет вам источники. Записывайте ваши суждения, ваши раздумья, которые вам внушат ваши чтения и изучение их произведений. Мало-помалу вы войдете в их жизнь, вы начнете оспаривать их мысли и сочувствовать их горестям. Вы словно окажетесь в обществе благороднейших людей. Я не знаю более сильного наслаждения.

Примите, сударь, уверение в моей симпатии к вам и в моей совершенной вам преданности.

И. Тэн

22 марта

На конверте: Г-ну Сорiano, артисту-музыканту, Барьер де ла Гласьер, 18 (за городскими стенами). В окрестностях Парижа.

Ф. Шалю

Настоящее письмо написано вскоре после возвращения И. Тэна из его первой поездки в Англию, продолжавшейся с июня по август 1860 года. Эта поездка была предпринята в связи с работой Тэна над «Историей английской литературы», к тому времени в основном завершенной, но нуждавшейся в некоторых уточнениях и дополнениях.² Находясь в Англии, Тэн очень много и напряженно работал. Сразу же по возвращении он уехал в Орсеэ, живописное местечко в 15 километрах от Версаля, где жила его сестра Виржини Леторсеэ. Там И. Тэн написал свою работу о Карлейле, опубликованную в виде пяти статей на страницах «*Journal des débats*» (октябрь—ноябрь 1860 года), позднее вышедшую отдельным изданием,³ а впоследствии включенную в «Историю английской литературы» (т. V, гл. IV). Письмо адресовано Виктору Эфемону Филарету Шалю (Chasles, 1798—1873), крупнейшему во Франции тех лет знатоку английской и немецкой литератур (с 1837 года и до конца жизни Шаль состоял хранителем библиотеки Мазарини; отсюда указанный в письме адрес: Филарету Шалю, в Институте).⁴

В целом сохраняя лояльность по отношению ко II Империи, Ф. Шаль, однако, в своих статьях 1850-х годов довольно часто высказывал разного рода критические суждения по поводу установившегося в стране после переворота 1852 года политического режима. Противопоставляя этот режим государственному устройству Англии, Шаль утверждал, что подавление

² Ibid., t. II, p. 186.

³ H. Taine. L'Idéalisme anglais. Étude sur Carlyle. Paris, 1864.

⁴ E. Margaret Phillips. Philarète Chasles critique et historien de la littérature anglaise. Paris, 1933 (part I). — Литературно-критические статьи Шалья часто переводились и перепечатывались в русских периодических изданиях и во многом содействовали ознакомлению русского читателя с новейшими произведениями литератур Англии и Германии.

свободы в конечном счете неизбежно приведет Францию к полному упадку.⁵ Именно подобные высказывания, вероятно, имел в виду Тэн, говоря о сбывшихся пророчествах Шалю, тем более что и сам он в этот период придерживался сходного мнения, в котором особенно утвердился после пребывания в Англии. Об этом свидетельствуют, в частности, его «Английские заметки», относящиеся к этому времени, но изданные лишь в 1871 году,⁶ а также «Путевые заметки» 1863—1865 годов.⁷

Публикуется по автографу: ЛОИИ, карт. 362, № 28.

Cher Monsieur,

Je suis à la campagne depuis quinze jours, occupé à flâner et à lire Carlyle. Me pardonnez vous de ne pouvoir accepter votre invitation si aimable? Pour vous prouver combien j'y tiens, permettez moi de la reporter au mois d'octobre. Je serai à Paris, j'espère, à cette époque, et j'irai vous parler un soir de cette Angleterre que vous connaissez si bien et que j'essaie d'étudier. J'en viens et j'y ai appris bien des choses. Par malheur ce ne sont pas des choses gaies. Vous avez été prophète pour la France, et vous savez bien que vos prophéties n'étaient pas propres à la flatter.

Ваше благоуважаемое братство Н. Тэн

2 7bre 1860 Dimanche

На конверте: Monsieur Philarète Chasles, à l'Institut, Paris.

Перевод

Милостивый государь,

Вот уже две недели я нахожусь за городом и занят только тем, что гуляю да читаю Карлейля. Простите ли вы меня за то, что я не смог воспользоваться вашим любезным приглашением? Я очень им дорожу и в подтверждение этого прошу вас отложить его на октябрь месяц. В это время, надеюсь, я уже буду в Париже, и как-нибудь вечером мы побеседуем с вами относительно Англии, которую вы так хорошо знаете и которую я пытаюсь изучить. Я недавно возвратился оттуда, и я там многое понял. К сожалению, все это вещи не слишком веселые. Вы явились пророком для Франции, а вам-то хорошо известно, что ваши пророчества не могли ей польстить.

Преданный вам собрат И. Тэн

2 сентября 1860 г., воскресенье

На конверте: Г-ну Филарету Шалю в Институте, Париж.

⁵ См., например, «Journal des débats», 23 juillet 1850; 5 octobre 1856.

⁶ Н. Тэн. Notes sur l'Angleterre. Paris, 1872.

⁷ Н. Тэн. Carnets de voyage. Notes sur la province. 1863—1865. Paris, 1897; см. также: Р.-В. Рубов. Hippolyte Taine. Etapes de son oeuvre. Paris, 1930, p. 63—66.

АНАТОЛЬ ФРАНС

Ф. Жилью

Филипп Эмиль Франсуа Жиль (Gille, 1831—1901) — видный французский писатель и журналист.¹ Его перу принадлежит огромное количество литературно-критических статей, которые в течение более сорока лет постоянно появлялись на страницах различных периодических изданий, таких как «Petit Journal», «Soleil», «Figaro», «Nouvelle Revue», «Revue d'art théâtral» и т. д. Он также является автором поэтического сборника «Гербарий» (1887), нескольких драматических сочинений («Ужасы войны», «Камил») и оперных либретто («Лакме»,² «Манон»³ и ряд др.).

Филипп Жиль пользовался большой известностью и уважением в парижских литературных и журналистских кругах. Альфонс Доде посвятил ему свой роман «Бессмертный» (1888). О нем с симпатией писал Эдмон Гонкур в «Дневнике Гонкуров». ⁴ С сочувственным отзывом о первой серии цикла статей Жилья «Литературная битва» в 1889 году в «Temps» выступил Анатолий Франс. Жилью была посвящена также еще одна статья Франса, напечатанная два года спустя в той же самой газете.⁵ В свою очередь Жиль высоко ценил творчество Франса и неизменно откликался на выход в свет его произведений, восхищаясь глубиной его мысли, тонкостью иронии, блеском эрудиции и совершенством его писательского мастерства.⁶

Публикуемое письмо А. Франса к Ф. Жилью проливает дополнительный свет на отношения писателей. Это письмо было, по-видимому, написано 6 августа 1885 года и, вероятно, относится ко времени пребывания Франса на берегу Ламанша, в маленьком нормандском городке Сен-Валериан-Ко (Saint-Valéry-en-Caux).⁷ Упомянутый в письме Шарль Гранжан (Grandjean) — сослуживец Франса по библиотеке Сената и один из его ближайших — в эту пору — друзей.⁸

Публикуется по автографу: ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, оп. 1, № 926.

¹ Revue Bleue, 22 novembre, 1890, p. 668; Revue Universelle, 1901, p. 430.

² Совместно с А. Мейяком.

³ Совместно с Э. Гондине.

⁴ Edmond et Jules Goncourt. Journal. Mémoires de la vie littéraire. Paris, 1936, t. VII, p. 202; t. VIII, p. 124.

⁵ «Le Temps», 1889, 1 septembre, 1891, 27 décembre.

⁶ См., в частности: Ph. Gille. La Bataille littéraire, troisième série. Paris, 1890, p. 170; septième série, Paris, 1894, p. 106—111, 144—148.

⁷ E. P. Dargan. Anatole France. New York—Toronto, 1937, p. 209.

⁸ Ibid., p. 205, 212, 213, 380.

Villa Saint-Jean, aux petites dalles
(Seine inférieure), 6 août.

Mon cher maître,

votre lettre arrive aujourd'hui seulement sur ma plage. Elle nous vient après l'orage, comme un rayon de soleil; car nous venons d'avoir un rude grain, comme nous disons, nous autres marins, et votre souvenir m'a été bien agréable. Vous avez un talent robuste et un coeur charmant: je sais parfaitement ce que vaut votre copie: je me connais en bon français, mon maître! Quant à la longueur de l'article, c'est une question à examiner. Nous n'avons, comme je vous ai dit, que 125 pages par N^o, y compris les gravures dans la texte. Voulez-vous que je vous envoie Grandjean, mon ami et collaborateur? C'est un garçon excellent. Vous verrez avec lui en combien de morceaux il conviendra de couper votre article. C'est entendu, n'est-ce pas? Grandjean ira vous voir un matin.

Adieu, mon cher maître. Restez ce que vous êtes: le meilleur et le plus sage des hommes: c'est le seul souhait que je puisse former pour vous, dans mon amitié.

Anatole France.⁹

Перевод

Вилла Сен-Жан, с маленькими плитами.
(Нижняя Сена), 6 августа

Дорогой мэтр,

ваше письмо лишь сегодня достигло моего побережья. Оно явилось, словно луч солнца после грозы, ибо здесь прошел, как говорят моряки, жестокий шквал, и мне было очень приятно вспомнить о вас. Вам дарован могучий талант и чудесное сердце: я отлично знаю, чего стоит ваша рукопись, а уж я-то, мэтр, понимаю толк в хорошем французском языке! Что касается размеров статьи, об этом надо подумать. У нас, как я вам говорил, в каждом номере только 125 страниц, включая гравюры в тексте. Не согласитесь ли вы, чтобы я послал к вам Гранжана, моего друга и сотрудника? Он добрый малый. Вместе с ним вы решите, на сколько частей будет лучше разбить вашу статью. Итак, мы договорились, не правда ли? Гранжан навестит вас как-нибудь утром.

Прощайте, мэтр. Оставайтесь тем, чем вы являетесь: лучшим и разумнейшим из людей. Это единственное, что я, движимый дружескими чувствами, могу вам пожелать.

Анатоль Франс.

⁹ На письме надпись другой рукой: à Philippe Gille (Филиппу Жиллю).

АЛЬФОНС ДОДЕ

И. С. Тургеневу

Письмо написано между 2 и 7 января 1879 года, оно является ответом на записку Тургенева, обратившего внимание на анонс в газете «Temps» от 2 января 1879 года о публикации романа Доде «Фредерика». 7 января Тургенев писал Флоберу, что «получил записку от Доде, который очень страдает от ревматизма в правой руке».¹

Начало знакомства Тургенева и Доде (Daudet, 1840—1897) относится к 1868—1870 годам. Доде в очерке «Tourguénéff», написанном в 1880 году, сообщает, что первая встреча произошла «10—12 лет назад». Общение обоих писателей становится частым и регулярным благодаря организации «обедов пяти», в которых, кроме Доде и Тургенева, принимали участие Г. Флобер, Э. Золя, Э. и Ж. Гонкуры. Тургенев бывал запросто в семье Доде и сделал всех членов семьи ревностными почитателями творчества Льва Толстого.²

По признанию Доде,³ «Записки охотника», которые писатель читал до знакомства с Тургеновым, оставили след в его творчестве, определив концепцию «Писем с моей мельницы».

Роман «Фредерика», упоминаемый в письме, первоначально печатался в «Новом времени» (22 июля (3 августа)—10 (22) октября 1879 года) в переводе с рукописи, полученной, возможно, при посредстве Тургенева, который, судя по письму, проявил интерес к этому роману. В «Temps» роман начал печататься позже, с 15 августа, под заглавием «Les rois en exil». Доде в 1878—1879 годах состоял постоянным сотрудником «Нового времени». За этот период он опубликовал в газете 27 фельетонов литературно-биографического характера,⁴ из которых только незначительная часть вошла в его две книги воспоминаний: «Trente ans de Paris» и «Souvenirs d'un homme de lettres». После смерти Тургенева Доде напечатал в «Новом времени» (1883, №№ 1274, 1275) свой очерк «Тургенев в Париже». Этот очерк был написан еще в 1880 году, во время тяжелой болезни Тургенева, для английского журнала «Century Magazine» и был

¹ E. Halpérine-Kaminsky. Ivan Tourguénéff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris, 1901, p. 116—117.

² Дневник А. С. Суворина. М.—Л., 1932, стр. 70; В. Грибовский. Три парижских знаменитости. «Книжки недели», 1896, № 2, стр. 129—133.

³ «Новое время», 1883, № 1274.

⁴ Там же, 1878, №№ 742, 762, 774, 794, 802, 822, 836, 857, 871, 885, 899, 913, 927, 942, 962, 967, 976, 990, 1004; 1879, №№ 1023, 1030, 1051, 1064, 1078, 1110, 1125, 1134.

впервые опубликован в этом журнале в 1883 году в первой ноябрьской книжке.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, собрание С. А. Венгерова, ф. 377, № 590.

Mon cher ami, *le temps* s'est beaucoup trop pressé de mettre mon nom sur son affiche, je ne suis encore ni paré ni maquillé. Peut être en mars. Je viens de passer de tristes mois de rhumatisme, un bras perclus, et le droit! J'ai juré la moitié de l'année, comme un égoûtier. La *reine Frédérique* se débat au milieu de tout ça.

La maison va bien, j'ai un joli petit garçon qui rit, mon grand est un fort en thème de Charlemagne, la mère se joint à moi pour vous donner un affectueux bonjour.

Alphonse Daudet

Nous dînerons quand vous voudrez. Il me tarde de vous voir.

Перевод

Дорогой друг, «Темпс» слишком поторопился, поместив мое имя на своей афише, я еще не наряжен и не подкрашен. Может быть, в марте. Я провел печальные месяцы, страдая ревматизмом, правая рука совсем отнялась! Все эти полгода я ругался, как извозчик. И среди всего этого бьется королева Фредерика.

Дома все благополучно, у меня очаровательный малыш, который уже улыбается, старший сын — первый ученик в лице Карла Великого, их мать присоединяется ко мне, посылая вам сердечный привет.

Альфонс Доде

Мы пообедаем вместе, когда вам будет угодно. Мне не терпится вас увидеть.

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

Е. В. Де-Роберти

Евгений Валентинович Де-Роберти (1843—1915) — русский философ-позитивист. Значительную часть своей жизни он провел за границей. Многие его труды по философии, этике, социологии и психологии написаны на французском языке, и среди них философский трактат «Исследование о единстве»,¹ о котором идет речь в публикуемом письме к нему Стефана Малларме.

В дате публикуемого письма не проставлен год, но на конверте имеется почтовый штемпель «dec. 93»; следовательно, оно написано в том же 1893 году, когда вышла названная книга Де-Роберти. Судя по адресу, и автор письма и адресат находились в то время в Париже. Возможно, Де-Роберти послал поэту свою книгу, желая узнать его мнение о ней. Во всяком случае, по характеру письма видно, что это не случайное обращение Малларме к Де-Роберти. Высокая оценка произведения, содержащаяся в письме, свидетельствует о том, что многие его положения соответствовали представлениям Малларме о восприятии и отражении действительности в сознании человека.² Особое внимание поэта привлекли те места, где Де-Роберти говорит, что человек мыслит образами, и о разложении образа «на сочетание более простых элементов». Эти идеи были близки поэту-символисту, стремившемуся в своей поэзии зафиксировать элементарные чувства и ощущения. Показательно в этом отношении признание Малларме: «Моя мечта! Разделение изображения на небольшое число знаков».

Известно то значительное влияние, которое оказало японское искусство и поэзия в конце XIX—начале XX века на живопись и литературу Франции, причем на самые различные художественные направления.³ Несомненно влияние японского искусства также на формирование символизма во французской поэзии. Увлечение японским искусством отразилось и в этом письме Малларме.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, Р. I, оп. 41, № 27.

¹ E. De-Roberty. La recherche de l'unité. Félix Alcan, éd., Paris, 1893.

² О мировоззрении и творчестве Стефана Малларме см.: K. Waiss. Mallarmé. Dichtung, Weisheit, Haltung. 2-e Aufl., München, 1952; A. Auda. Le drame intérieur de Mallarmé ou l'origine des symboles mallarméens. Istanbul, 1955.

³ W. L. Schwartz. Japan in French Poetry. PMLA, 1925, vol. XL, № 2, June, p. 435—449; L'Influence de la poésie japonaise sur la poésie française contemporaine. «Revue de littérature comparée», 1926, année 6, p. 654—672; The Imaginative Interpretation of the Far East in Modern French Literature 1800—1925. Paris, 1927.

Paris, Novembre

Cher Monsieur

J'ai achevé, avec un pur intérêt, la lecture de la *Recherche de l'Unité*. Tout incompetent devant la Conclusion, j'admire, à l'égal du doigtier d'acier que ment une machine délicate, votre discours si net et certain qu'il ne dépasse pas le fait d'une conversation supérieure.

Que de pages m'ont retenu (130—131 par exemple, sur ceci que nous pensons à l'aide d'images et la phrase «pourquoi des images ne se résoudreaient — elles pas en des combinaisons d'éléments plus simples extraits au préalable par une sorte de chimie mentale [des données sensationnelles toujours chaotiques?]). Tout mon rêve! une raréfaction des images en quelques signes comptés un peu comme (vous allez sourire) l'esquissa le divinatoire dessin japonais.

Merci et recevez, cher Monsieur, tout mes compliments.

Stéphane Mallarmé

На конверте: Monsieur de Roberty, 6, rue de Commailles. E. V.

Перевод

Париж, ноябрь

Милостивый государь,

С искренним интересом я закончил чтение «Исследования о единстве». Несмотря на свою некомпетентность в вопросах, трактуемых в заключительной главе, я восхищаюсь, как стальным резцом, приводимым в движение сложной машиной, вашим изложением, столь ясным и убедительным, что оно производит впечатление возвышенной беседы.

Как много страниц привлекли мое внимание (например, стр. 130—131, где говорится о том, что мы мыслим с помощью образов, и фраза: «Почему бы образам не разлагаться на сочетания более простых элементов, предварительно выделенных некоей умственной химией [из всегда хаотических данных чувственного восприятия?]). Моя мечта! Разделение изображения на небольшое число знаков, подобно тому (вы будете смеяться), как это делается на японских загадочных картинках.

Благодарю вас, милостивый государь, и прошу принять мои наилучшие пожелания.

Стефан Малларме

На конверте: Г-ну Де-Роберти, ул. Комай, 6. Здесь.

Paris, le 10 novembre

Cher Monsieur

J'ai achevé, avec un grand
intérêt, la lecture de la Recherche
de l'Unité. Vous êtes incompréhensible
devant la Conclusion,
j'admire, à l'égal du
doigtier d'acier que meut

Письмо С. Малларме к Е. В. Де-Роберти. Ноябрь 1893 г.
Первая страница.

ЭЛИЗА ОЖЕШКО

М. М. Стасюлевичу

В апреле 1892 года издатель и редактор журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич обратился к Элизе Ожешко с предложением участвовать в его журнале.¹ Польская писательница ответила согласием. Можно с уверенностью сказать, что за этим согласием стояло нечто большее, чем простая заинтересованность автора в распространении своих произведений. На протяжении всей своей сознательной жизни Ожешко неизменно стремилась способствовать сближению русской и польской культур, русского и польского народов. Достаточно напомнить слова, с которыми она обратилась к В. А. Гольцеву (в письме к нему от 11 мая 1905 года): «... великое дело справедливости и единения утвердится на земле к славе и на пользу не только наших двух народов, но и всего человечества».² Публикуя свои произведения в России, Ожешко вполне сознательно вносила свой вклад в это великое дело.

В рукописном отделе Пушкинского Дома сохранилось пять писем Ожешко к Стасюлевичу, связанных с печатанием ее повестей в «Вестнике Европы»: письма от 11 апреля, 30 июня и 24 июля 1892 года, от 11 марта 1894 года и от 19 января 1899 года.³ Четыре из них были опубликованы в Польше в 1957 году.⁴ Что же касается письма от 30 июня 1892 года, то оно осталось неопубликованным. В нем, так же как и в письмах от 11 апреля и 24 июля, речь идет о печатании в «Вестнике Европы» повести «Дикарка», которую Ожешко закончила летом того же 1892 года.

Как видно из письма Ожешко от 24 июля, она рассчитывала, что ее повесть будет печататься в оригинале в ежемесячнике «Библиотека Варшавска» начиная с сентября; в этом случае печатание перевода в «Вестнике

¹ S. Fiszman, A. Semczuk, Listy Elizy Orzeszkowej do Wiktora Golcewa i Michała Stasiulewicza. «Slavia orientalis», 1957, rocznik VI, str. 294. — Соответствующие письма Стасюлевича хранятся в архиве Э. Ожешко в Варшаве.

² Ibid., str. 296; см. также сб. «Памяти Виктора Александровича Гольцева», М., 1910, стр. 272—273.

³ Два из этих писем — от 30 июня и от 24 июля 1892 года — в описании В. В. Данилова «Автографы польских и южнославянских писателей, ученых и общественных деятелей» (Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VII, 1957, стр. 139) значатся как адресованные А. Н. Пыпину. Однако их содержание не оставляет сомнения в том, что действительным адресатом был М. М. Стасюлевич. Как указывалось выше, сохранились письма Стасюлевича, ответом на которые явились рассматриваемые письма Ожешко.

⁴ S. Fiszman, A. Semczuk, op. cit., str. 297—298.

Европы» могло бы начаться в октябре.⁵ Однако печатание повести в Польше натолкнулось на цензурные затруднения (они были вызваны как общим — довольно радикальным — тоном повести, так и выступавшим в ней отрицательным отношением автора к варшавскому высшему обществу), в результате которых ни в «Библиотека Варшавска», ни в журнале «Атенеум», который также был готов напечатать повесть, опубликовать ее не удалось. Лишь в начале 1893 года повесть под измененным названием («Два полюса») удалось провести через цензуру и опубликовать в приложении к польскому журналу «Край», издававшемуся в Петербурге. Почти одновременно с оригиналом появился и перевод повести в «Вестнике Европы».⁶ Интересно то обстоятельство, что в переводе было сохранено первоначальное название повести — «Дикарка».

Публикуется по автографу: ИРЛИ, ф. 250, № 303.

30/VI—92 Grodno

Szanowny Panie,

Stosownie do życzenia, wyrażonego w liście Pana z dnia 6-go kwietnia r. b., mam przyjemność przesłać dla przekładu i umieszczenia w «Wiestniku Ewropy», pierwsze rozdziały powieści, którą przed kilku dniami ukończyłam. Rozdziały dalsze, prześlę natychmiast po ich przepisaniu, więc wkrótce, wraz z wiadomością w jakim czasie miesięcznik Warszawski, p. t. Biblioteka Warszawska druk tej powieści rozpocznie.

Racz Pan przyjąć wyrazy głębokiego szacunku

EI. Orzeszkowa

Перевод

30 июня 1892 г. Гродно

Милостивый государь,

В связи с пожеланием, выраженным в вашем письме от 6 апреля с. г., имею удовольствие направить для перевода и опубликования в «Вестнике Европы» первые главы повести, которую я закончила несколько дней назад. Следующие главы направлю, как только они будут переписаны, т. е. в ближайшем будущем, одновременно с сообщением о том, в какое время варшавский ежемесячник «Библиотека Варшавска» начнет печатание этой повести.

Примите, милостивый государь, уверения в моем глубоком уважении

Эл. Ожешко

⁵ Необходимость довольно строгой синхронности публикации оригинала и перевода объяснялась двумя причинами: во-первых, перевод не должен был появляться раньше, чем оригинал, так как польские издатели имели право первой публикации; во-вторых, он не должен был значительно отставать по времени от оригинала, так как в противном случае могли бы появиться «корсарские» (т. е. сделанные без согласия автора) переводы, — существовавшее тогда в России законодательство довольно слабо охраняло авторские права.

⁶ «Дикарка». Повесть Эл. Ожешко. С польского. «Вестник Европы», 1893, №№ 1—5.

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ

А. Н. Мошину

В послесловии к двухтомной «Избранной переписке» Генрика Сенкевича, входящей в 58-томное собрание его сочинений, редактор этого издания Юлиан Кжижановский писал:

«Переписка Сенкевича, сохраняемая в государственных собраниях и в руках частных лиц, составляет лишь малую долю его писем. Значительное большинство их погибло во время двух мировых войн; некоторая часть утеряна и, быть может, со временем ее удастся отыскать».¹

К этому замечанию Кжижановского можно добавить, что особенно плохо обстоит дело с письмами Сенкевича к русским корреспондентам. Сам Кжижановский в упомянутом выше издании переписки Сенкевича не приводит ни одного такого письма.

Между тем сохранились два письма Сенкевича к русскому литератору Алексею Николаевичу Мошину (1870—1928), автору «Встреч и бесед с Л. Н. Толстым», сборника рассказов «Штрихи и настроения» и др. Одно из этих писем (от 11 декабря 1903 года) сохранилось в подлиннике, второе (от 4 марта 1904 года) — лишь в переводе.

Особенно интересно первое письмо. Оно с несомненностью показывает, что Сенкевич, непримиримо враждебный к русской администрации в Польше, отнюдь не был склонен распространять это отношение на все русское общество, более того — что он безусловно симпатизировал передовой части этого общества.

Естественно, что при оценке второго письма, сохранившегося лишь в переводе, встает вопрос о достоверности этого перевода. Решить этот вопрос очень легко: до нас дошел перевод первого письма Сенкевича к Мошину, выполненный тем же лицом (Ю. П. Яновским), что и перевод второго письма. Сопоставление перевода первого письма с подлинником убеждает в его абсолютной точности; поэтому нет ни малейших оснований ставить под сомнение точность перевода второго письма Сенкевича к Мошину.

Публикуется по автографу: ИРЛИ, ф. 192, № 122.

1

Szanowny Panie,

List pański z powodu niedokładnego adresu (Gubernia Piotrkowska zamiast Kieleckiej) doszedł w spoźnionym terminu do

¹ Henryk Sienkiewicz. Dzieła, t. 55, Korespondencja, t. 1, Warszawa, 1951, str. 514.

Oblęgorka, a że mnie już tam nie zastał, przeto odesłano go znow [u] po pewnym czasie do Warszawy. To jest przyczyna dla której nie mogłem prędyj odpowiedzieć.

Dziękuję za gorące słowa, tem dla mnie sympatyczniejsze, że pochodzą od pisarza i myśliciela. Po rosyjsku nie mogę pisać, ale rozumiem i czytam nieźle więc dziękuję za obietnicę przysłania pańskich utworów i przeczytam je z wielką przyjemnością. Fotografii mojej w tej chwili nie posiadam, ale gdy będzie nowa prześlę ją Szanownemu Panu zaraz po jej otrzymaniu.

Spodziewam się, że zawarta obecnie znajomość listowna zmieni się z czasem w stałą zyczliwość, albowiem jestem pewny, że pańskie zasady i poglądy są zupełnie różne od zasad i poglądów tych Rossyjan, a raczej tych urzędników rosyjskich, których my, Polacy, spotykamy w naszym kraju.

Łączę wyrazy wysokiego poważania

Henryk Sienkiewicz

11 XII 1903. Hoża, 22.

Персвод

Милостивый государь,

Письмо ваше из-за неточного адреса (Петроковская губ вместо Келецкой), пришло в Обленгорек с опозданием, и так как оно меня уже там не застало, то некоторое время спустя его вновь отослали в Варшаву. По этой причине я не мог вам раньше ответить.

Благодарю за теплые слова, которые для меня тем приятнее, что они исходят от писателя и мыслителя. Я не могу писать по-русски, но понимаю и читаю недурно, а потому благодарю за обещание прислать ваши произведения и прочитаю их с большим удовольствием. Моей фотографии в настоящую минуту у меня нет, но, когда будет новая, пришлю ее вам, милостивый государь, тотчас по ее получении.

Надеюсь, что наше нынешнее письменное знакомство превратится со временем в постоянное расположение, так как уверен, что ваши принципы и взгляды полностью отличаются от принципов и взглядов тех русских, или скорее тех русских чиновников, которых мы, поляки, встречаем в нашей стране.

Примите уверения в моем глубоком уважении

Генрик Сснкевич

11 декабря 1903 г., ул. Гожа, № 22.

*Перевод*²

Милостивый государь!

Одновременно с сим посылаю мою карточку. Не было ни одной под рукою, а исполнения заказа пришлось долго ждать. Последнее время я был за границей. Замечания о вашей прекрасной книжке пришлю впоследствии. Пока, вам, знакомому уже духовно, хотя и не лично, посылаю искренний привет и выражение уважения.

Г. Сенкевич

4 марта 1904 г., Варшава

² Перевод Ю. П. Яновского.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В нижеследующей архивной справке приводятся краткие данные о тех рукописных собраниях, из которых почерпнуты публикуемые в этой книге автографы западноевропейских писателей XVIII—XIX веков, хранящиеся ныне в библиотеках и архивохранилищах г. Ленинграда. В справках даются лишь самые необходимые ориентирующие указания фактического и библиографического характера; они не имеют своей задачей дать полные и подробные характеристики этих рукописных собраний, но сообщают лишь те данные, которые могут оказаться полезными для дальнейшей разработки частных архивоведческих вопросов о происхождении отдельных, впервые публикуемых автографов.

ИРЛИ. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Одно из ценнейших литературных хранилищ Советского Союза. Общее количество хранящихся в нем рукописей — свыше 500 000 единиц хр., из них свыше 3000 иностранных. Общую их характеристику в связи с историей их собирания и изучения см. в кн.: 50 лет Пушкинского Дома, М.—Л., 1956, стр. 28—40. В этой же книге дана также «Библиография изданий Института русской литературы» (стр. 167—229), в которой перечислены все публикации архивных материалов, изданные Пушкинским Домом с 1913 года. В особом серийном издании Института — «Бюллетень рукописного отдела» (вышли вып. I—IX, 1947—1959) — приводится более подробное описание отдельных архивных фондов и коллекций, хранящихся в Рукописном отделе, а также публикации отдельных поступлений и систематические и тематические обзоры собранных здесь автобиографических материалов.

В настоящей книге публикуются автографы, извлеченные из следующих фондов Рукописного отдела: 1) П. И. Вейнберга,¹ 2) С. А. Венгерова,² 3) А. Н. Веселовского,³ 4) Н. С. и М. А. Голицы-

¹ Петр Исаевич Вейнберг (1830—1908), поэт и переводчик, много сделавший для популяризации западноевропейских литератур среди русских читателей (Шекспир, Гете, Гейне, Лонгфелло, Шпильгаген и др.). В его архиве находятся письма и другие автографы многих деятелей русской и зарубежной литератур. Поступил в ИРЛИ от дочерей П. И. Вейнберга в 1946 году.

² Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920), историк литературы, критик и библиограф. В его архиве, поступившем в ИРЛИ в 1931 году из Института книговедения, среди прочих материалов хранится также около 30 автографов иностранных писателей.

³ Александр Николаевич Веселовский (1838—1906), историк литературы, академик. В его архиве, среди прочих материалов, находится не-

ных,⁴ 5) Я. К. Грота,⁵ 6) А. Н. Мошина,⁶ 7) О. А. Новиковой,⁷ 8) А. Н. Пыпина.⁸ Несколько автографов (Парни, С. Малларме) принадлежат к числу отдельных поступлений Рукописного отдела.

ГПБ. Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей ГПБ содержит в себе крупнейшее в СССР собрание западноевропейских рукописей и автографов, насчитывающее более 75 тысяч ед. хр.⁹ Публикуемые автографы обнаружены в следующих фондах этого хранилища.

1. Собрание П. А. Вакселя. Платон Львович Ваксель (1844—1919), долго служивший в Министерстве иностранных дел и известный также как музыкальный критик, был одним из крупнейших коллекционеров автографов выдающихся русских и иностранных деятелей, рисунков, гравюр и т. д. Коллекция автографов, которую Ваксель собирал с 1871 года до своей смерти, заключает в себе в настоящее время около 8000 ед. хр.; при начале его собирательства очень важную часть его коллекции (в особенности ее музыкально-автографического отдела) составили автографы собрания В. Браша,¹⁰ кратко характеризованные и в русской печати.¹¹ П. А. Ваксель стремился к тому, чтобы наибольшее количество деятелей мировой культуры были бы представлены в его коллекции тем или иным образцом своего почерка. Поэтому собранные им автографы неравноценны: наряду с ценными рукописями литературных произведений здесь встречаются незначительные по содержанию записки или даже просто подписи

сколько сот писем от ученых и писателей западноевропейских стран. Описание архива, составленное Г. С. Виноградовым, см. «Бюллетень Рукописного отдела», вып. I, стр. 58—65.

⁴ Характеристика «Альбома» М. А. Голицыной (1802—1870) дана при публикации извлеченных из него автографов. В числе автографов Николая Сергеевича Голицына (1802—1892) находятся письма писателей, государственных и общественных деятелей XIX века, в том числе: Сисмонди, Ламартина, Ксавье де Местра, Нодье и др.; поступил в ИРЛИ в 1920 году.

⁵ Яков Карлович Грот (1812—1893), ученый-филолог, академик. В его архиве, насчитывающем в себе около двух тысяч ед. хр., части которого поступали в ИРЛИ постепенно (до 1934 года), находится много автографов русских и иностранных писателей и ученых.

⁶ Алексей Николаевич Мошин (1870—1928), писатель; архив поступил в ИРЛИ в 1927 году.

⁷ Ольга Алексеевна Новикова, урожд. Киреева (1840—1925), писательница и публицистка, долго жившая в Лондоне. В ИРЛИ хранится лишь часть ее большого архива (поступила в 1924—1926), в котором имеется много автографов западноевропейских (преимущественно английских) писателей, публицистов и политических деятелей.

⁸ Александр Николаевич Пыпин (1833—1904), критик, историк литературы, академик. В его архиве сосредоточено большое количество автографических документов и писем видных деятелей русской культуры XIX века (поступил в 1926 году).

⁹ Сведения о коллекциях Отдела рукописей ГПБ собраны при содействии сотрудницы Отдела Т. П. Вороновой, которой участники настоящего издания приносят свою благодарность.

¹⁰ Une collection d'autographes en Russie — «L. Amateur d'autographes», 1878, № 294—295, p. 44—49; La collection d'autographes Brasche-Waxel, *ibid.*, 1880, № 325—326, p. 182—183; «Mittheilungen für Autographensammler», 1886, № 12.

¹¹ «Обзор музыкального отдела коллекции автографов Браш—Ваксель». «Театральный и музыкальный вестник», 1883, № 2, стр. 5—6.

отдельных лиц. После смерти П. Л. Вакселя основная часть его собрания была приобретена Народным комиссариатом просвещения у его приемного сына Э. П. Юргенсона, также коллекционировавшего автографы,¹² и передана в ГПБ.¹³ В дальнейшем отдельные части этих собраний, попавших в частные руки, были также приобретены ГПБ. Значительная часть рукописных материалов этого собрания уже опубликована в различных изданиях; наиболее ранние публикации относятся еще ко времени жизни П. Л. Вакселя.¹⁴

2. Собрание П. К. Сухтелена. Сведения о самом Петре Корниловиче Сухтелене (1751—1836) и данные об истории его собрания приведены в настоящей книге в статье М. П. Алексева «Из истории русских рукописных собраний» (см. выше, стр. 84—87). Общая характеристика его коллекции автографов дана также в ряде изданий ГПБ.¹⁵ Укажем дополнительно, что в этой коллекции автографов знаменитых людей с XVI века по 1830 год включительно хранится ныне более 13 тысяч ед. хр. Здесь находятся автографы представителей почти всех королевских и княжеских фамилий Западной Европы, государственных деятелей, полководцев, ученых, писателей Англии, Германии, Дании, Нидерландов, Португалии, России, Финляндии, Франции, Швеции и других стран. После смерти Сухтелена его богатая библиотека, а также рукописное собрание были приобретены русским правительством и в 1838 году в своей значительной части переданы в имп. Публичную библиотеку (ныне ГПБ).

3. Альбом Н. И. Андреева (ф. 19). Николай Иванович Андреев — штабс-капитан в отставке, губернский секретарь г. Тулы в 50-х годах XIX века. История его альбома, содержащего в себе свыше 50 автографов русских и иностранных писателей и государственных деятелей XVI—XIX веков (в том числе Байрона, Вольтера, Руссо, Беранже, Лютера, Гете, Шиллера, Гердера, Ф. Купера, Жуковского, Крылова и др.), доньше мало прояснена. Судя по штампам, проставленным на некоторых автографах альбома, к Андрееву перешла часть собрания дипломата Д. И. Долгорукого, к которому, в частности, адресовано хранящееся в альбоме письмо Дж. Ф. Купера (см. выше, стр. 274—275). Альбом был приобретен у Андреева Публичной библиотекой в 1859 году.¹⁶ Часть автографов этого альбома была уже опубликована;¹⁷ неизданные — публикуются в настоящей книге.

4. Общее собрание иностранных автографов. Это собрание образовалось из отдельных рукописных поступлений и постоянно

¹² В. Уманов-Каплуновский. 1) Коллекции П. Л. Вакселя. «Столица и усадьба», 1915, № 33, стр. 9—12; 2) Собрание Э. П. Юргенсона, там же, 1915, № 42, стр. 36.

¹³ Краткий отчет Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг., Л., 1940, стр. 45—48; Краткий отчет о новых поступлениях отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1939—1946 гг., Л., 1951, стр. 43—45; то же за 1950—1951 гг., Л., 1953, стр. 10.

¹⁴ Э. Э. Найдич. Автографы русских писателей в собрании Государственной Публичной библиотеки. «Сборник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. 3. Л., 1955, стр. 89—102.

¹⁵ Краткий отчет Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг., Л., 1940, стр. 20.

¹⁶ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1859 год, СПб., 1860, стр. 11.

¹⁷ См., например, «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 949—998 и др.

пополняется ГПБ как за счет приобретений рукописей у частных лиц, так и за счет подарков библиотеке.

ЦГИАЛ. Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде. В состав этого богатейшего собрания исторических документов и материалов входит коллекция автографов (ф. 1562), обнаруженная в 1951 году среди материалов фонда Петроградского международного коммерческого банка. Здесь находятся 144 документа, главным образом письма русских и иностранных политических деятелей, ученых, писателей и деятелей искусства XVI—XIX веков, откуда и воспроизводится в настоящем сборнике ряд еще неизвестных в печати материалов.

ЛОИИ. Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Одно из крупнейших в Ленинграде хранилищ исторических материалов. В его состав входит ныне собрание Н. П. Лихачева (1862—1935), историка, виднейшего специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин,¹⁸ бывшего также крупным коллекционером. Коллекция рукописных материалов, принадлежавших Н. П. Лихачеву, составила из рукописей, приобретавшихся им долгое время — у частных лиц и на аукционах во время его неоднократных поездок по России и за границу. Русскую часть этой коллекции составляет 11 036 ед. хр., иностранную — 22 887 ед. хр. В особом собрании автографов (1952 ед. хр.) имеются письма и документы большого количества русских и иностранных писателей. Общая характеристика этого собрания дана в специальной справочной книге.¹⁹

¹⁸ Характеристику Н. П. Лихачева как ученого и перечень его печатных научных трудов см.: «Казанский музейный вестник», 1922, вып. 2, стр. 216—233.

¹⁹ Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории, М.—Л., 1958, стр. 13—16 и 417.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август III (August III) 196
 Авраамий Палицын 100
 Агессо А.-К.-Ж.-Б. д' (Aguesseau Н.-С.-J.-В. d') 145, 147
 Аделунг Ф. П. (Adelung F.) 45—49, 60, 65
 Адмони В. Г. 326
 Айда А. (Ayda A.) 347
 Аксаков И. С. 303
 Актов П. Я. 92
 Александр I 43, 44, 46—49, 84, 273, 274
 Алексеев М. П. 3, 4, 6, 7, 27, 119, 230, 301, 305, 328, 359
 Алексеева Е. Г. 112
 Алексей Михайлович 36
 Алексей Петрович, царевич 105
 Алигьери П. (Alighieri P.) 331
 Алкей (Alkaios) 235
 Альвардт К.-В. (Ahlwardt K. W.) 179
 Альтхауз (Althaus) 310, 311
 Альфьери В. (Alfieri V.) 282
 Анастасевич В. Г. 67
 Анахарсис (Anacharsis) 110
 Андерсен Х.-К. (Andersen H. C.) 321—327
 Андерсон В. М. 39
 Андреев Н. И. 130, 149, 155, 190, 199, 225, 231, 273, 359
 Анкона А. д' (Ancona A. d') 328, 330, 333, 334
 Анна Амалия (Anna Amalia) 219
 Анна Ивановна 32, 104
 Анна Иоанновна см. Анна Ивановна
 Анна Ярославна 60, 61, 87
 Анненков П. В. 317
 Ансло Ж.-А.-Ф.-П. (Ancelot J.-A.-F.-P.) 15, 119
 Антиох IV (Antiochos IV) 50
 Анциферов Н. П. 108
 Апраксин К. (?) 47
 Аракчеев А. А. 96
 Аретино П. (Aretino P.) 89
 Аржансон А.-Р. Вуайе, маркиз де Польми д' (Argenson A.-R. Vouyer, marquis de Paulmy d') 113, 126, 128
 Аржанталь Ш.-О. Ферриоль, граф де (Argental Ch.-Aug. Ferriol, comte de) 113
 Аристид (Aristeides) 83
 Аристофан (Aristophanes) 183—185
 Арман (Armand) 138, 140
 Арно А.-В. (Arnault A.-V.) 18, 24, 244
 Арно Л.-Э. (Arnault L.-E.) 244—247
 Аронсон М. И. 9
 Архенгольц И.-Д. (Archenholz J. D.) 193
 Ауэрбах Б. (Auerbach B.) 303—312
 Ауэрбах Я. (Auerbach J.) 303, 307
 Ашукин Н. С. 19
 Баггесен И. (Baggesen J.) 203, 214—216
 Базанов В. Г. 74, 77
 Базилевич В. М. 16
 Базили К. М. 68
 Байрон Дж.-Г.-Н. (Byron G. G. N.) 3, 18, 24—26, 28, 118, 266, 313, 359
 Бакле (Baclé) 138, 140
 Балахонов В. Е. 4
 Балтимор Ф.-К. (Baltimore F. C.) 164, 165
 Бальзак О. (Balzac H.) 5, 15, 281
 Бантель О. (Bantel O.) 182, 183
 Бантыш-Каменский Н. Н. 63, 71
 Барант Г.-П. (Barante G.-P.) 15
 Баратынский Е. А. 10, 74, 78, 112
 Барбё-Дюбург Ж. (Barbeau-Dubourg J.) 132, 134

- Барбье А.** (Barbier A.) 35
Бардин 95
Барин А. (Barine A.) 144
Бароло Дж. ди (Barolo G. di) 292—294
Барр М.-М.-Г. (Barr M. M. H.) 114
Барсуков Н. П. 11, 67, 68, 79, 80, 95, 99, 100, 112
Бартенев П. И. 45, 266
Бартенева П. А. 19
Бартенева Ю. Н. 11
Бассинне д'Огар (Bassinnet d'Augard) 40
Батюшков К. Н. 71, 77
Баузе Ф. Г. 33
Бахтин Вс. 4
Баше Р. (Baschet R.) 244
Беда Достопочтенный (Beda Venerabilis) 41
Безбородко А. А. 105
Бейли Дж. (Baillie G.) 28
Бейли М. (Baillie M.) 28
Беккер В.-Г. (Becker W. G.) 155, 156, 189—192, 198, 199, 216, 217, 223—225, 228, 229, 233
Беккер Г.-В.-Р. (Becker G. W. R.) 198, 199
Беккер М. И. 275
Бекфорд В. (Beckford W.) 47, 48
Белинский В. Г. 16, 108, 265, 266, 305, 319
Беллини В. (Bellini V.) 22
Белозерская Н. А. 322
Белосельская-Белозерская М. А. 82
Белосельский-Белозерский А. М. 111
Бельджойозо К. (Belgiojoso C.) 295, 296
Бенкгаузен Е. К. 25
Бенуа де Сент-Мор (Benoit de Sainte-Maure) 57
Бера М. (Béra M.) 250
Беранже П. (Béranger P.) 359
Берар О.-С.-Л. (Bérard A.-S.-L.) 101
Берг Ф.-Р. (Berg F. R.) 162—165
Березин-Ширяев Я. Ф. 89
Берков П. Н. 36, 92
Бернер К.-Г. (Boerner C. G.) 130
Бернс Р. (Burns R.) 318
Бернсторф А.-П. (Bernstorff A. P.) 214
Бертран Г. (Bertrand G.) 40
Бертран Э. (Bertrand E.) 113
Бертух Ф.-Ю. (Bertuch F. J.) 179, 187, 188, 218
Берцелиус И.-Я. (Berzelius J. J.) 87
Бессонов П. А. 33, 70
Бестужев-Рюмин А. Д. 43, 64
Бетховен Л. ван (Beethoven L. van) 298—302, 340, 341
Беффруа де ла Гранж-о-Буа (Beffroy de la Grange aux Bois, baron d'Escanquourt) 132
Библон А. (Bibelon A.) 106
Бильбасов В. А. 135
Бирон Э.-И. (Biron E. I.) 30, 104
Бистер И.-Э. (Biester J. E.) 203
Бленнерхассет Ш. (Blennerhasset Ch.) 241
Бобе Л. (Bobé L.) 202, 203, 213
Боборыкин П. Д. 121
Богданович П. 32
Боград В. Э. 306
Богушев-Богушевский Н. К. 22, 119, 120, 319, 320
Бодэ Н. Ф. уржд. Калычева 11
Бойе Г.-Х. (Boie H. Ch.) 194, 198—201
Бок В. (Bock W.) 168
Бокачев Н. Ф. 93
Боккаччо Дж. (Boccaccio J.) 58
Боклю Ч. (Buckleugh Ch.) 258, 262, 264
Болтин И. Н. 32
Болховитинов Е. 32, 58, 61, 67
Большаков Т. Ф. 93
Бомарше П.-О. Карон де (Beaumarchais P.-A. Caron de) 107, 109—112, 138—140
Бонапарт Жозеф (Bonaparte J.) 271
Бонапарт Зинанда (Bonaparte Z.) 271
Бонапарт Люсьен (Bonaparte L.) 271
Бонапарт Шарль (Bonaparte Ch.) 270, 271
Бондуа П.-М. (Bondois P.-M.) 248
Бонжур К. (Bonjour C.) 18
Бониве Г.-Г. (Bonnivet G.-G.) 81
Бонштетен Ш.-В. де (Bonstetten Ch.-V. de) 22, 241
Борен (Baurin) 132—134
Боткин В. П. 317
Бранд 137
Брауде Л. Ю. 325
Браун (Brown) 276
Браш В. (Brasch V.) 358
Брейткопф И.-Г.-И. (Breitkopf J. G. J.) 218
Бриссо Ж.-П. (Brissot de Warville J.-P.) 141
Броиль В. де (Broglie V. de) 242, 243
Брун К. (Brun K.) 202

- Брун Ф.-С.-Х., урожд. Мюнтер
(Brun F. S. Ch., geb. Münter)
202—204, 212, 213
- Бруно Дж. (Bruno G.) 88, 89
- Брунвик Ф. (Brunswick F.) 300
- Бруханский А. Н. 6
- Брюгген (Brüggen) 155, 156
- Брюль Г. (Brühl H.) 195—197
- Брюне Ж.-Ш. (Brunet J.-Ch.) 49
- Брюс Я. В. 105
- Будберг (Budberg) 193
- Булгаков А. И. 106
- Булгаков А. Я. 108
- Булгаковы 106
- Булгарин Ф. В. 68
- Бульвер-Литтон Э. (Bulwer-Lytton E.) 25, 120, 319, 320
- Бурзи Б. Ф. 230
- Буслаев Ф. И. 328
- Буссе И.-Г. (Busse J. H.) 230
- Бутурлин Д. П. 34, 35, 36
- Бутурлин М. Д. 292
- Бухнер К. (Buchner K.) 187—188
- Бьёрнсталя Я.-И. (Björnståhl J. I.)
86, 130
- Бэлла И. Ф. 17, 18
- Бюлау Ф. (Bühlau F.) 231
- Бюлоз Ф. (Buloz F.) 281—283
- Бюнау, граф фон (Bühnau, Graf von)
162
- Бюргер Г.-А. (Bürger G. A.) 160,
161, 194—200, 202—205, 213,
218
- Бюргер Д. (Bürger D.) 202
- Вагнер К. (Wagner K.) 219
- Вайи Л. (Wailly L.) 15
- Вайнштейн О. Л. 36
- Вайс К. (Wais K.) 347
- Ваксель П. Л. 5, 22, 129, 131, 158,
161, 188, 238, 317, 318, 343,
358, 359
- Валк С. Н. 103
- Валуев П. А. 36
- Валь Г. (Wahl H.) 179, 219
- Вальер де ла см. Ла Вальер
- Вальтер (Walther) 162, 164, 166
- Вануаз де, урожд. Парсеваль-Дешен
(Vanoise de, née Parseval-De-
schène) 145
- Ваньер Ж.-А. (Wagnière J.-L.) 135—
137
- Ваньер Р.-С. (Wagnière R. S.) 135
- Ванькович В. (Wańkiewicz W.) 18
- Варадель С. 86
- Васильчиков А. А. 37
- Ваттемар А. (Vattemare A.) 20—22
- Вашингтон Дж. (Washington G.)
270, 271
- Веененен В. (Väänänen V.) 56
- Вейдманн Г. (Weidmann G.) 187
- Вейнберг П. И. 335, 357
- Вейнгольд К. (Weinhold K.) 198
- Веллингтон А. (Wellington A.) 15
- Велльсперг Ф. (Wellsperg F.) 157,
158
- Венгеров С. А. 16, 346, 357
- Веневитинов Д. В. 71, 273
- Вергилий (Vergilius) 34, 83, 171,
174, 175
- Верещагин В. А. 111
- Верже В. (Verger V.) 277
- Верженн Ш. Гравье де (Vergennes
Ch. Gravier de) 112
- Верлауфф Э.-К. (Werlauff E. Chr.)
85
- Веселовский А. Н. 328—334, 357
- Вигель Ф. Ф. 71, 84, 85
- Зидерт А. Ф. (Viedert A.) 230, 305
- Виктор Эммануил II (Vittorio Ema-
nuèle) 333, 334
- Виланд К.-М. (Wieland Ch.-M.) 5,
167—170, 173, 178—183, 186—
195, 199, 206—210, 215, 216,
219
- Вильмен А.-Ф. (Villemain A.-F.) 15,
24, 277
- Виниус А. А. 30
- Винкельман И.-И. (Winckelmann
J. J.) 218, 229
- Виноградов А. К. 90
- Виноградов Г. С. 358
- Виньи А. де (Vigny A. de) 248,
254—256, 281
- Виршеевский Н. 10
- Висковатов А. В. 94
- Висконти Э.-К. (Visconti E. Q.) 229,
232, 235
- Виттнер О. (Wittner O.) 299
- Вихман В. Г. 65, 66
- Владимир, князь 60, 61, 95
- Владимир Мономах 32
- Власов А. С. 82, 83
- Власев Г. А. 272
- Влчек И. (Vlček J.) 289
- Во де Жири О.-Ж., аббат Сен-Сир
(Vaux de Giry O.-J.) 86
- Войар Э. (Voisart E.) 250
- Волгин В. П. 38
- Волконская Э. А. 82, 112, 272—274
- Волконский П. М. 89
- Вольтер (Voltaire) 3, 7, 36, 39, 86,

- 98, 107, 108, 111—115, 126, 135, 136, 267, 359
- Вольф Ф.-А. (Wolf F. A.) 199, 228—237, 298
- Вольфзон В. (Wolfsohn W.) 303, 305, 306, 308, 310, 312
- Вольцоген К. (Wolzogen K.) 222
- Воронова Т. П. 358
- Воронцов А. Р. 36, 38, 105
- Воронцовы 36
- Востоков А. X. 32, 41, 63, 65, 88, 91, 94, 95, 99
- Вотье Г. (Vauthier G.) 277
- Вриальер см. Ла Вриальер
- Вуайез Н. (Wuillez N.) 144
- Вуль К.-М. (Woel K. M.) 325
- Вульф А. Н. 11
- Вурцбах В. (Wurzbach W.) 194, 199
- Виндомский А. М. 11
- Вьенне Ж.-П. (Viennet J.-P.) 15
- Вяземские 121
- Вяземский П. А. 7, 8, 13, 14, 16—20, 23—27, 71, 73, 92, 99, 106, 107, 112, 113, 265—267, 292, 305
- Габричевский А. Г. 3
- Гаврилова А. А. 323
- Гагарин И. С. 273, 274
- Гагарина Е. П. 25
- Гайм Р. (Haum R.) 207, 213, 214
- Галеви Л. (Halévy L.) 250
- Галлан А. (Galland A.) 199
- Гальперин-Каминский И. Д. (Halpérine-Kaminsky E.) 345
- Гальяни Ф. (Galiani F.) 111
- Гамбергер Г.-К. (Hambergcr G. Ch.) 167
- Гамель Ф. (Hamel R.) 161
- Ганзен Г.-Е. (Hansen G.-E.) 325
- Ганская-Бальзак Э. (Hańska-Balzas E.), урожд. Ржевусская 15
- Гарджоли К. (Gargioli C.) 330, 331
- Гартман М. (Hartmann M.) 299
- Гаук А. (Hauck A.) 162
- Гедекс К. (Goedeke K.) 198, 206
- Гезелиус И. (Geselius I.) 87
- Гейне Г. (Heine H.) 3, 295—297, 357
- Гейне Х. (Heune Ch.) 230
- Гекинг Л.-Ф.-Г. (Goeking L. F. G.) 199, 203
- Гелль М. (Hell M.) 157
- Гельбе Ф.-В. (Hoelbe F. W.) 16
- Гельти Л.-Г.-К. (Höilty L. H. Ch.) 160
- Геннади Г. Н. 35, 80, 82, 83
- Геннингс А. (Hennings A.) 5
- Генрих Ф. (Gennrich F.) 56
- Генрих I (Henri I) 60, 61, 87
- Генрих III (Henri III) 114
- Генрих IV (Henri IV) 35, 41, 98
- Генрих Прусский (Heinrich von Preußen) 137
- Генья Л.-К. (Gaignat L.-J.) 81
- Гербель Н. В. 314
- Гербст В. (Herbst W.) 169
- Гердер И.-Г. (Herder J. G.) 160, 161, 199, 206—210, 212—217, 219, 230, 359
- Гердер М.-К. (Herder M.-C.) (geb. Flachsland) урожд. Флаксланд 206, 209, 210, 212—216
- Гердер Ф.-Г. (Herder T. G.) 208
- Германн Г. (Hermann G.) 228, 229, 231, 234
- Геродот (Herodotos) 228
- Герцен А. И. 78, 105, 107, 305, 317
- Геснер Г.-К. (Gefner H. K.) 155
- Геснер С. (Gefner S.) 155, 156, 199
- Гете И.-В. (Goethe J. W.) 3, 5, 17, 21, 71, 160, 179, 189, 195, 197, 198, 214—216, 218—221, 229, 230, 298, 299, 357, 359
- Гешен Г.-И. (Göschcn G. J.) 5, 186—188, 233, 237
- Ги П. (Guy P.) 127
- Гиллер (Hiller) 234
- Гиро А. (Guiraud A.) 244
- Гирт Ф. (Hirt F.) 295
- Глейм И.-В.-Л. (Gleim J. W. L.) 208
- Глинка С. Н. 81
- Глицерий, император (Glycerius) 63
- Гнедич Н. И. 17, 112, 234
- Гоголь Н. В. 68, 73, 76, 273, 325
- Голден Дж. (Holden J.) 287
- Голицын Д. М. 30
- Голицын М. А. 267
- Голицын М. М. 267, 292—294
- Голицын М. П. (Galitsine M.) 80, 81
- Голицын Н. Н. 30, 81, 267
- Голицын Н. С. 11, 277, 357, 358
- Голицын Ф. Н. 112
- Голицына Е. М. 269
- Голицына М. А. (урожд. Суворова) 15, 265, 267—272, 292—294, 357, 358

- Голицына П. А. (урожд. Шувалова) 265, 267—270
 Голицына С. П. 15
 Голицыны 30, 81, 104, 269, 270, 272—274
 Голлербах Э. Ф. 91
 Головачев А. Ф. 322
 Гольцше И. А. 120
 Гольбах П.-А. (Holbach P.-H.) 111
 Гольбейн Г. (Holbein H.) 228
 Гольбери Ф. (Golbéry Ph.) 286
 Гольцев В. А. 350
 Гомер (Homeros) 169, 172, 176, 194—197, 229, 231, 233—235
 Гондине Э. (Gondinet E.) 343
 Гонзага П.-Г. (Gonsaga P.-G.) 108
 Гонкур Ж. (Goncourt J.) 343, 345
 Гонкур Э. (Goncourt E.) 343, 345
 Гончаров И. А. 118
 Гораций (Horatius) 171, 174, 175
 Гордон, лорд (Gordon) 164
 Горохова Р. М. 6
 Горчаков Д. П. 77
 Готфрид Бульонский (Godefroy de Bouillon) 57
 Готье П. (Gautier P.) 241
 Гоуд Г. (Goudt H.) 219
 Гофман М. Л. 74
 Гофман Э.-Т.-А. (Hoffman E. T. A.) 237—240
 Гоцци К. (Gozzi C.) 224
 Гошен В. (Goschen V.) 186, 187
 Грабовский И. (Grabowsky I.) 206
 Гранжан Ш. (Granjean Ch.) 343, 344
 Грвзаенд В.-Я. С' (Gravesande W. J. S') 112
 Грез Ж.-Б. (Greuz J.-B.) 110
 Гретри А.-Э.-М. (Grétry A.-E.-M.) 111
 Грэф Г. (Gräf G.) 219
 Греч Н. И. 22
 Грибовский В. М. 345
 Грибоедов А. С. 19, 77
 Гримм Ф.-М. (Grimm F. M.) 135—137
 Грот Я. К. 50, 51, 53, 91, 104, 135, 301, 358
 Грубер И.-Г. (Gruber J. G.) 187, 193
 Губернатис А. де (Gubernatis A. de) 328
 Гуд Т. (Hood Th.) 313, 314
 Гуд Т. младший (Hood Th. The Younger) 313—316
 Гулон Р.-Ф. (Goullon R. F.) 193
 Гумбольдт А. (Humboldt A.) 17, 22, 298, 301
 Гусев Н. Н. 308
 Гуцков К. (Gutzkow K.) 303
 Гэ Д. (Gay D.) 15
 Гюго В. (Hugo V.) 15, 119, 120, 281, 287, 288
 Гюго Ж. (Hugo G.) 287
 Гюго Ш. (Hugo Ch.) 287
 Гюнтер О. (Günter O.) 213, 222
 Давид Ж.-Л. (David J.-L.) 22
 Давыдов Д. В. 17, 26
 Д'Аламбер Ж.-Л. (d'Alembert J.-L.) 86
 Даль В. И. 10
 Даль С. (Dahl S.) 85
 Дандес Р. С., виконт Мельвилль (Dandas R. S., viscount Melville) 258, 260—262, 264
 Данилевский Р. Ю. 6
 Данилов В. В. 79, 350
 Данте Алигьери (Dante Alighieri) 4, 35, 254, 256
 Дарвин Ч.-Р. (Darwin Ch. R.) 120
 Дарган Э.-П. (Dargan E. P.) 343
 Дарю П.-А. (Daru P.-A.) 252
 Де Бросс Ш. (Debrosses Ch.) 113
 Де-Кэ Ж.-Э. (De Kay J.-E.) 266
 Деборд-Вальмор М.-Ф.-Ж. (Desbordes-Valmore M.-P.-J.) 15, 22, 281—283
 Дегильон см. Эгнийон
 Дежерандо см. Жерандо Ж.-М. де
 Дежоб П. (Dejob P.) 241
 Делавинь К. (Delavigne C.) 18, 22, 244
 Делеклюз Э.-Ж. (Delécluse E.-J.) 244
 Делиль Ж. (Delille J.) 153
 Дельвиг А. А. 72
 Дельпьер О. (Delepierre O.) 115
 Демидов П. Г. 33
 Демулен К. (Desmoulins C.) 48
 Ден Т. П. 6
 Дени Л. (Denis L.) 112
 Денис М. (Denis M.) 169, 171, 175
 Державин Г. Р. 27, 50—54, 56, 57, 61, 73, 105
 Де Роберти Е. В. 347—349.
 Детервиль (Déterville) 149, 150
 Дешан А. (Deschamps A.) 254, 255
 Дешан Э. (Deschamps E.) 250, 254
 Джибб М.-М. (Gibb M. M.) 268
 Дидо П.-Ф. (Didot P.-F.) 149

- Дидо Ф. (Didot F.) 244
 Дидро Д. (Diderot D.) 86, 106, 107, 111, 112, 129, 130
 Диккенс Ч. (Dickens Ch.) 4
 Димпфель Г.-А. (Dimpfel H. A.) 157
 Дитрих И.-Х. (Dietrich J. Ch.) 199—201
 Дмитриев И. И. 17, 25, 27, 28, 104, 105, 107, 112
 Дмитриева А. И. 267
 Дмитрий Ростовский 32
 Добиаш-Рождественская О. А. 4, 41, 57
 Доброклонский М. В. 30
 Доде А. (Daudet A.) 343, 345, 346
 Дозана (Dosana) 270
 Долгорукие 104, 273
 Долгорукий И. М. 267, 272
 Долгорукий Д. И. 272—276, 359
 Долгоруков Ф. С. 272
 Домбровский см. Дубровский П. П.
 Достоевский Ф. М. 118
 Драшусова Е. А. 11
 Дризен Н. В. 10
 Дроз Ж. (Droz J.) 252
 Дубровский П. П. 4, 36—62, 81, 87, 95, 96, 98, 126—129
 Дурылин С. Н. 85
 Дю Пейру П.-А. (Du Peyrou P.-A.) 132
 Дюваль А.-В. (Duval A.-V.) 252
 Дювилье (Duvivier) 270
 Дюдеффан М. (Du Deffand M.) 115
 Дюкро-Гранжери А.-П. (Ducrot-Grangerye A.-P.) 56
 Дюлис (Dulys) 114
 Дюма А.-отец (Dumas A.) 119, 281
 Дюнциер Г. (Düntzer H.) 208, 219
 Дюпен А. (Dupin A.) 281—283
 Дюпре де Сен-Мор Э. (Dupré de Saint-Maure E.) 267
 Дюпони Э. (Dupuy E.) 254
 Дюрр А. (Dürr A.) 218
 Дюсис Ж. (Ducis G.) 145
 Дюсис Ж.-Ф. (Ducis J.-F.) 144—148
 Дюсис М.-М. (Ducis M. M.) 145
 Дюфур Т. (Dufour Th.) 125
 Дюшен, г-жа (Duchesne) 130
 Дюшен Ж. (Duchesne J.) 101
 Егунов А. Н. 6
 Екатерина Медичи (Caterina de Medici) 41, 98, 128
 Екатерина II 30, 40, 45, 50, 80, 89, 94, 104, 106, 108, 135, 165
 Елизавета (Elisabeth) 98
 Елизавета Петровна 105, 106
 Ермолаев А. И. 95
 Ермолова М. Г. 324
 Жан Поль см. Рихтер Жан-Поль
 Жанлис С.-Ф. де (Genlis S.-F. de) 102
 Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 114
 Жанруа А. (Jeanrou A.) 52
 Жарри Н. (Jarry N.) 81
 Жерандо Ж.-М., де (Gérando J.-M., de) 24
 Жержер Ж.-Б. (Gergère J.-B.) 281
 Жилье Ф. (Gille F.) 127
 Жилье Ф.-Э.-Ф. (Gille Ph.-E.-F.) 343, 344
 Жирмунский В. М. 168, 207
 Жихарев С. П. 95
 Жомар Э.-Ф. (Jomard E.-F.) 24
 Жордан К. (Jordan C.) 250
 Жуковский В. А. 17, 25, 26, 72, 91, 112, 289, 292, 359
 Жюльен А. (Jullien A.) 144
 Жюссеран Ж.-Ж. (Jusserand J.-J.) 144
 Жун В.-Ж. де (Jouy V.-J. de) 246, 247, 252, 253
 Забелин И. Е. 30
 Заборов П. Р. 6
 Завадовская Е. М. 11
 Загоскин М. Н. 87, 97, 98, 265
 Загрязская Н. К. 107
 Зайцев Б. К. 47
 Заксе А. (Sachse A.) 157
 Залом М. (Salom M.) 218
 Замбрини Ф. (Zambrini F.) 330
 Зейдель Ф. (Seidel Ph.) 219
 Зейферт Б. (Seuffert B.) 187, 193
 Зейферт Г.-В. (Seiffert H. W.) 167, 206
 Зенгле Ф. (Sengle F.) 195
 Золя Э. (Zola E.) 345
 Зонntag Г. (Sonntag H.) 20, 21
 Зубов В. П. 89
 Иван IV Васильевич 99
 Иванов В. И. 235
 Иванов М. М. 112
 Ивановский А. А. 78
 Ивановский А. Д. 37
 Иванчин-Писарев Н. Д. 11, 72, 82, 112

- Иваск У. Г. 91
 Ивашев З. П. 321
 Измаильская В. 126, 127, 129, 130
 Измайлов А. Е. 13
 Измайлов Н. В. 17
 Иконников В. С. 91
 Илличевский А. Д. 10
 Иоанн Грозный см. Иван IV Васильевич
 Иокозус Хилариус (Joccosus Hilarius) — псевдоним Г.-А. Бюргера (см.) 196—198
 Ионас Ф. (Jonas F.) 5, 222
 Иордан Я.-П. (Jordan J.-P.) 305
 Иосиф II (Joseph II) 157
 Ирвинг В. (Irving W.) 75, 272, 275
 Исаев Н. В. 37
- Казанский Б. В. 229
 Калайдович К. Ф. 31—34, 63, 65, 67, 70, 80, 99
 Калиостро А. (Cagliostro A.) наст. имя: Бальзамо Дж. (Balsamo G.) 214
 Кальб Ш. (Kalb Ch.) 5
 Кампанелла Т. (Campanella T.) 88
 Канкрины—Ламберт—Сухтелен 85
 Канова А. (Canova A.) 108
 Канель У. (Canel U.) 254
 Каннинг Дж. (Canning G.) 24
 Кант И. (Kant I.) 190, 192, 206—208
 Капеллини Дж. (Capellini G.) 333
 Каразин В. Н. 33
 Карамзин Н. М. 17, 23, 25, 27—29, 63, 64, 72, 91, 99, 104, 105, 112, 326, 327.
 Карамзина С. Н. 13, 15
 Карамзины 11
 Карасинская И. 19
 Кардуччи Дж. (Carducci G.) 328—334
 Карл Август (Karl, Carl August) 189, 219
 Карл Великий (Charlemagne) 92
 Карл VII (Charles VII) 114
 Карл IX (Charles IX) 41
 Карлейль Дж.-У. (Carlyle J.-W.) 317
 Карлейль Т. (Carlyle T.) 120, 317, 318, 341, 342
 Карнович Е. П. 30, 31
 Карпелес Г. (Karpeles G.) 295
 Касти Дж. (Casti G.) 107, 110, 111
 Кастл Э. (Castle E.) 222
 Каховский П. Г. 78
 Каченовский М. Т. 42
 Кашин Н. П. 108
 Кейль Р. (Keil R.) 207, 219
 Кемпбелл Т. (Campbell Th.) 18
 Кенан, г-жа де (Kénens) 146, 148
 Кенан де (Kénens) 146, 148
 Кёпке Э. (Köpke E.) 5
 Кеппен П. И. 11, 63, 67, 94
 Керар Ж.-М. (Quérard J.-M.) 141, 248
 Кернер Х.-Г. (Körner Ch.-G.) 222, 224
 Керте В. (Körte W.) 231
 Кржижановский Ю. (Krzyzanowski J.) 352
 Киприанус Э.-С. (Cyprianus E. S.) 5
 Киреева О. А. см. Новикова О. А.
 Киреевский И. В. 29, 71
 Киреевский П. В. 71
 Киселев Н. 118
 Киселева С. С. 24
 Кларк Б. (Clarke B.) 31, 34
 Кларк А.-Х. (Clark L. H.) 275, 276
 Кларк Р.-Т. (Clark R. T.) 206
 Клаудиус М. (Claudius M.) 158, 160
 Климент XIV (Clemens XIV) 229
 Клодт М. П. 323, 325—327
 Клопшток Ф.-Г. (Klopstock F. G.) 157—161, 194
 Клаухон А. (Kluekhohn A.) 194
 Клауэ Ж. Младший (Clouet J.) 88
 Кнебель К.-Л. (Knebel K. L.) 218
 Княжнин Я. Б. 50
 Кобеко Д. Ф. 5, 89, 300
 Козлов И. И. 22, 26, 267, 292
 Козлов П. А. 118, 119
 Козлова О. А., урожд. Барышникова 118
 Козмин Н. К. 70, 265
 Кокшаров Н. И. 301
 Колантонио дель Фьоре (Colantonio del Fiore) 127
 Колесников И. Ф. 30
 Колле Л. (Collet L.) 282
 Коллин Х. (Collin H.) 326
 Коллин Э. (Collin E.) 326
 Коллинз Дж.-Ч. (Collins J.-Ch.) 318
 Кольмен Дж. (Colman G.) 28
 Комарович В. Л. 71
 Коммин Ф. де (Commines Ph. de) 81

- Комон Э.-Ф. де (Caumont E.-Ph. de) 269
 Компаратти Д. (Comparetti D.) 328
 Кондаков Н. П. 121
 Кондорсе М.-Ж.-А.-Н. (Condorcet M.-J.-A.-N.) 141
 Констан Б. (Constant B.) 18, 22, 75, 415, 241, 248, 249
 Корганов В.-Д. 300
 Корнилович А. И. 67
 Коростин А. Ф. 102
 Корреджо А. (Correggio A.) 108
 Корф М. А. 37, 117
 Корш Е. Ф. 63
 Костомаров В. Д. 305
 Костюшко Т. (Kosciuszko T.) 18—20
 Котляревский А. А. 30
 Котта И.-Ф. (Cotta J.-F.) 224—226
 Кочетова И. А. 323
 Кочубинский А. А. 99
 Кошелев А. И. 71
 Крамер И.-Б. (Cramer J.-B.) 21
 Красье Г. (Crassier G. de) 50
 Крашевский И. (Kraszewski J.-I.) 15, 16
 Крешин П. Н. 31, 32
 Креницын А. Н. 78, 79
 Кривцов П. И. 106
 Кромвель О. (Cromwell O.) 4
 Кроумар (Croismar) 131
 Круг И.-Ф. (Krug J.-F.) 63
 Крузиус (Crusius) 234
 Крупеников И. 265
 Крылов И. А. 17, 27, 359
 Крымова Н. И. 326
 Крэг-Браун Т. (Craig-Brown T.) 260
 Крюденер В.-Ю. (Krüdenner B.-J.) 15
 Ксенофан (Xenophanes) 22
 Кукольник Н. В. 22
 Кульман Н. К. 11
 Кунсон А. (Counson A.) 254
 Купер Дж.-Ф. (Cooper J.-F.) 15, 265—276, 359
 Купер (Cooper) 270
 Купер С.-А. (Cooper S. A.) 268
 Куприн А. И. 121
 Куприянова И. П. 6
 Кур де Жеблен (Court de Gebelin A.) 127—128
 Куракин Ф. А. 269
 Куракина Е. Б. 269
 Куракинны 105
 Курбский А. М. 99
 Курис И. И. 120
 Курси Ж. де (Courcy J. de) 49, 50
 Куэнси Г. де (Coincy, Coincy G. de) 48—57
 Кювьер 141
 Кюнель А. (Kühnel A.) 237—240
 Кюндель К. (Künzel C.) 222, 225
 Кюршнер И. (Kürschner J.) 155, 161
 Кюхельбекер В. К. 78, 103, 265
 Ла Вальер Л.-С., Ла Бом Ле Блан де (La Vallière L.-C., La Baume Le Blanc de) 48, 50
 Ла Варенн, Фуке Г. (La Varenne, Fouquet G.) 81
 Ла Врильер Л.-Ф., де (La Vrillière L.-Ph. de), 126
 Лаборд А. де (Laborde A. de) 56
 Лаваль Ж. де (Laval J. de) 57
 Лаво Г. де (Laveau G. de) 81
 Лавока (Ladvocat) 102
 Лажечников И. И. 265
 Лакретель П.-Л. (Lacretelle P.-L.) 252
 Лакруа Ж. (Lacroix J.) 286
 Лакруа П. (Lacroix P.) 16, 119, 284—286
 Лакур (Lacour) 138, 140
 Ламартин А. де (Lamartine A. de) 15, 22, 25, 119, 252, 253, 358
 Ламбер де Белан Ш. (Lambert de Bélan Ch.) 141—143
 Ламет А. де (Lameth A. de) 129
 Ланг И. (Langus J.) 5
 Ланн Е. Л. 115
 Лappenберг И.-М. (Lappenberg J. M.) 157, 160
 Лаптев И. П. 93, 94
 Лара Ж. (Larat J.) 277
 Ларив, г-жа де (Larive, m-me de) 144, 146—148
 Ларив Ж., де (Larive J. de) см. Модюи Ж.
 Ларше П.-Г. (Larcher P.-H.) 228, 232, 235
 Лассю (Lassus) 152
 Латур А. де (Latour A. de) 281
 Латюд Ж.-А. Мазер де (Latude J.-A. Masers de) 39
 Лафайет М.-Ж.-П. де (Laffayette M.-J.-P. de) 295
 Лафатер И.-К. (Lavater J.-C.) 15
 Лафонтен Ж. де (La Fontaine J. de) 81
 Лахман К. (Lachmann K.) 5

- Лебрэн П.-А. (Lebrun P.-A.) 244, 245
 Лебрэн П.-Д.-Э. (Lebrun P.-D.-E.) 151—153
 Лев III (Leo III) 92
 Левак А. (Lewak A.) 17
 Левассер Т. (Levasseur T.) 127, 129
 Левин Р. (Levin R.) 299
 Левин Ю. Д. 6
 Лемерсье Н. (Lemercier N.) 145
 Леметр Ж. (Lemaitre G.) 138
 Лемке М. К. 305
 Лемон М. (Lemon M.) 314—316
 Лемуар А.-А. (Lenoir A.-A.) 284
 Леньепс Т. П. (Lenieps T. P.) 125, 126
 Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci) 82
 Леонгардт Г. (Leonhardt G.) 202
 Леопольд Ангальт-Дессауский (Leopold von Anhalt-Dessau) 160, 161
 Леопольд I (Leopold I) 157, 158, 160
 Лепехин И. И. 67
 Лермонтов М. Ю. 13, 77, 265, 266
 Лернер Н. О. 114, 115
 Леру де Ленси А.-Ж.-В. (Leroux de Lincy A.-J.-V.) 284
 Леруа О. (Leroy O.) 144
 Лесеркль Ж.-Л. (Lecerclé J.-L.) 130
 Лескюр М.-Ф.-А. де (Lescure M.-F.-A. de) 16, 101, 102, 117
 Лессинг Г.-Э. (Lessing G. E.) 5, 161, 303
 Лесток И.-Г. (Lestocq J.-H.) 104
 Леторсе В. (Letorsav V.) 341
 Ливий Тит (Livius Titus) 38, 127
 Лидин В. Г. 117
 Линней К. (Linne C., Linnaeus Carolus) 134
 Липрийский, герцог см. Липрия
 Липрия Я. (Lihria J.) 94, 104
 Лист Ф. (Liszt F.) 303
 Литт Т. (Litt Th.) 206
 Лихачев Н. П. 5, 130, 137, 360
 Лобанов-Ростовский А. Б. 165
 Лобанов-Ростовский А. Я. 83, 87, 88
 Лодер Ю.-Х. (Loder J. Ch.) 219
 Лозинский Г. (Lozinski G.) 49
 Локхарт Дж.-Г. (Lockhart J.-G.) 257, 258
 Ломоносов М. В. 267
 Лонгинов М. Н. 267, 305
 Лонгфелло Г.-У. (Longfellow H. W.) 357
 Лонгфорс А. (Långfors A.) 52, 53, 56
 Лопарев Х. М. 129
 Лоренцо Медичи (Lorenzo de Medici) 128
 Луи-Филипп (Louis-Philippe) 281
 Луизова Т. В. 37, 40, 127
 Лукреций (Lucretius) 168
 Луначарский А. В. 88
 Лутковская А. В. 11
 Лэдлоу В. (Laidlaw W.) 258
 Люблинская А. Д. 4, 38—40, 57
 Люблинский В. С. 3, 6, 38, 113, 126, 135
 Любомирская кн. 47
 Людовик IX, «Святой» (Louis IX) 81
 Людовик XIII (Louis XIII) 114
 Людовик XIV (Louis XIV) 42, 97, 98
 Людовик XV (Louis XV) 38
 Людовик XVI (Louis XVI) 45
 Людовик XVIII (Louis XVIII) 81
 Люпе А.-М.-П. (Luppé A.-M.-P.) 252
 Лютер М. (Luther M.) 303, 359
 Лудвиг XIV см. Людовик XIV
 Мазарини Дж. (Mazarini G.) 41, 98, 341
 Мазон А. (Mazon A.) 254
 Майи де Шаторено А.-А.-А.-М.-Г.-Ж.-Ф. (Mailly de Châteaurenaud A.-A.-A.-M.-G.-J.-F.) 145—147
 Макаренко М. О. 95
 Макаров В. К. 135
 Макаров Н. П. 77
 Максимович М. А. 16
 Макферсон Дж. (Macpherson J.) 74
 Маласпина, де (Malaspina, de) 35
 Малевский Ф. (Malewski Fr.) 18, 19
 Малени А. И. 36
 Малион Ж. (Mallion J.) 284
 Малларме С. (Mallarmé S.) 347—349, 358
 Мале П.-А. (Mallet P.-A.) 248
 Мальмгрэн Э. А. 119
 Малышева М. И. 323, 324
 Мандзони А. (Manzoni A.) 282
 Мандерштерн Е. К. 325
 Маре Г.-Б., герцог Бассано (Maret H.-B., duc de Bassano) 241—242

- Марий** (Marius) 142, 143
Мария Стюарт (Mary Stewart) 87, 88, 97, 98
Мария Терезия (Maria Theresia) 157
Маркевич А. И. 120
Маркелова А. Г. 322, 324
Мармонтель Ж.-Ф. (Marmontel J.-F.) 111
Мармье К. (Marmier X.) 119
Мароль А.-А. (Marolles A.-A.) 81
Марс А.-Ф. (Mars A.-F.) 269
Марсан Ж. (Marsan J.) 254
Мартен Л.-Э. (Martin L.-A.) 144
Мартьянов И. И. 76
Масанов И. Ф. 306
Маслов В. И. 68
Масо Б.-Ж. (Massot B.-J.) 250
Масси Дж. (Massey J.) 317, 318
Мати М. (Maty M.) 110
Матрушин Н. И. 34
Матфре Эрменго из Безье (Matfres Ermengaus de Beziers) 57
Медведева И. Н. 13
Мезиалс Ф.-Т. (Mazials F.-T.) 287
Мейак А. (Meillac A.) 343
Мейер (Mäyer) 155, 156
Мейер П. (Meyer P.) 52, 56
Мейер-Бенфей Г. (Meyer-Benfey H.) 206
Мейсенбух (Meysenbuch) 293, 294
Мейсель И.-Г. (Meusel J. G.) 167
Мекель Ф.-Ф.-Т. (Mekel Ph.-F.-Th.) 181, 182
Мелан А. де (Melun A. de) 292
Мельвиль (Melville) см. Дандес
Менге Т. (Menge Th.) 169
Менессье-Нодье М. (Menessier-Nodier M.) 277
Менье (Meinier, Meunier) 132, 134
Мериме П. (Mérimée P.) 4, 89, 90, 119, 284—286
Мерк И.-Г. (Merck J. H.) 219
Мерсье Л.-С. (Mersier L.-S.) 141—143
Меррей Дж. (Murray J.) 26
Местр Ж. де (Maistre J. de) 85
Местр Кс. де (Maistre X. de) 358
Метагасто П.-Б. (Metastasio P.-B.) 109, 110
Мьерис В. (Mieris W.) 112
Микельанджело Буонаротти (Michelangelo Buonarroti) 82
Микьельс А.-Ж.-К. (Michiels A.-J.-X.) 284
Миллер Г.-Ф. (Miller G.-F.) 30
Миллер М. Е. 125
Милюкова О. А. 11
Милютин А. И. 36
Минаев Д. Д. 322
Минор Я. (Minog J.) 169, 222
Минцлоф Р. И. 86
Михайлов М. Л. 304, 305—310, 313, 314
Мицкевич А. (Mickiewicz A.) 4, 15, 17, 18, 20, 89, 273
Мицкевич Ц. (Mickiewicz C.) 17
Модзалевский Б. Л. 11, 15, 16, 27, 87, 94, 108, 118
Модзалевский Л. Б. 12, 83, 88, 107, 118
Модюн Ж. (Mauduit J.) 144
Моисеенков Ф. 248
Молян Л. (Moland L.) 112
Мольментти П. (Molmenti P.) 333
Монморанси М.-Ж.-Ф. де (Montmorenci M.-J.-F. de) 241
Монморен А.-М. (Montmorin A. M.) 137
Монпансье, герцог де (Montpensier) 281
Монтеверде Дж. (Monteverde G.) 333
Монти В. (Monti V.) 241, 282
Монфокон Б. де (Montfaucon B. de) 48, 52
Монье А.-Б. (Monnier H. B.) 16
Морган С. (Morgan S.) 22
Моргулис Г. (Morgulis G.) 47
Морков А. И. 105
Морле А. (Morelet A.) 111
Морне Д. (Mornet D.) 132
Моро де Сен-Мери М.-Л.-Э. (Moreau de Saint-Méry M.-L.-E.) 241—242
Морозов П. О. 335
Морритт Дж.-Б.-С. (Morrith J. B. S.) 258
Мошелес И. (Moscheles I.) 21
Мошин А. Н. 352, 358
Мстислав, князь 67
Мункер Ф. (Muncker F.) 5, 157, 160, 161
Мур Т. (Moore Th.) 18, 21, 22, 24—26
Муравьева К. Ф. 27
Муратов П. П. 47
Мусин-Пушкин А. И. 31, 32, 63
Мусоргский М. П. 313
Мыльников А. С. 6
Муханов П. А. 67, 100

- Мюллер И.-Г. (Müller J. G.) 216, 231
 Мюллер Э. (Müller E.) 222
 Мюнтер Ф.-Х.-К.-Г. (Münter F. Ch. K. H.) 202—204, 212—216
 Мюрже А. (Murger H.) 119
 Мюссар Ф. (Mussard F.) 129—131
 Мятлев П. В. 105, 107
- Найдич Э. Э. 359
 Наливайко С. 79
 Наполеон I (Napoléon I) 97, 237, 241, 242, 271
 Наполеон III (Napoléon III) 287
 Наркевич А. Ю. 326
 Неведомский В. Н. 207
 Нейпер В.-Дж. (Napier W. J.) 257—260, 262, 264
 Нейпер Э., уржд. Джонстоун (Napier E., born Johnstone) 262, 264
 Неккер Ж. (Necker J.) 241
 Некрасов Н. А. 118, 121, 307—309
 Нелидов Ю. А. 88, 145
 Нельсон Г. (Nelson H.) 260
 Нестор 32
 Неустров В. П. 326
 Низар М.-Л.-Ш. (Nisard M.-L.-Ch.) 284
 Ник. Книжник см. Голицын Н. Н.
 Никерброкер Д. см. Ирвинг В.
 Николай I. 103, 106, 113
 Николев Н. П. 8
 Никольз Дж.-Г. (Nichols J.-G.) 101
 Новиков Н. И. 30, 69, 80
 Новикова О. А., уржд. Кирсева 303, 358
 Нодье Ш. (Nodier Ch.) 15, 25, 277, 279, 280, 358
 Норв А. С. 83, 88, 89
- Обернон Ж.-В. (Aubernon J.-V.) 244, 245
 Оболенский М. А. 39, 41
 Овидий (Ovidius) 167, 169—171, 173—175, 177, 179, 184, 186
 Огарев Н. П. 78
 Одиат П. (Audiat P.) 287
 Одо Л.-Э. (Audot L.-E.) 250, 251
 Одоевский А. И. 77
 Одоевский В. Ф. 71, 89—91
 Оже Л. С. (Auger L.-S.) 252
- Ожешко Э. (Orzeszkowa E.) 350, 351
 Оксман Ю. Г. 11
 Олен П.-С. (Allen P.-S.) 5
 Олен Э.-М. (Allen H.-M.) 5
 Оленин А. Н. 44, 58, 91
 Олива Б. де (Oliva B. de) 301
 Олива Ф. (Oliva F.) 298—302
 Оливье Ж.-Ж. (Olivier J.-J.) 144
 Ольбрих Р. (Olbrich R.) 202, 212
 Ольга, княгиня 60, 61
 Оман Э. (Haumant E.) 40
 Орион (Orion) 228, 232, 235
 Орлеанский, герцог 82, 137
 Орлов В. Г. 27, 112
 Орлов В. Н. 103
 Орлов Г. В. 27, 28
 Орловский А. О. 18—20
 Осипова П. А. 11
 Остерман А. И. 104
 Островский А. И. 118
 Отшер П. (Otcher P.) см. Строганов П. А.
 Оуэн Р. (Owen R.) 120
 Очкин А. Н. 11
- Павел I 27, 43, 50, 84, 103
 Павлов Н. Ф. 14, 21
 Павлова К. К., уржд. Янинш 303—304
 Пайерон М.-Л. (Pailleron M.-L.) 281
 Палацкий Ф. (Palacký F.) 289—291
 Панаев И. И. 266
 Панаева (Головачева) А. Я. 322
 Панж П. де (Pange P. de) 241
 Пари Дюверне Ж. (Paris Duverneuey J.) 138
 Парни Э.-Д. де Форж де (Parny E.-D. de Forges de) 151—154, 358
 Партюрье М. (Parturier M.) 284
 Пейньо Г. (Peignot G.) 101
 Пейр А.-М. (Peure A.-M.) 145
 Пейр М.-Ж. (Peure M.-J.) 145
 Пеллико С. (Pellico S.) 15, 292—294
 Пенго Л. (Pingaud L.) 40, 81
 Перцов С. 94
 Петр I 30, 32, 36, 88, 104, 106
 Петр II 104
 Петрарка Ф. (Petrarca F.) 58, 86
 Петров В. А. 36
 Пий VI. (Pius VI) 229
 Пикар Л.-Ф. (Picard L.-F.) 252
 Пиксис (Пикси) Ф.-В. (Pixis F.-W.) 21

- Писарев А. А. 50, 99
 Писемский А. Ф. 119
 Питт У. (Pitt W.) 15
 План П.-П. (Plan P.-P.) 125
 Плетнев П. А. 13, 73, 74, 91, 104
 Плиний Г. (Plinius) 235
 Плюшар А. А. 68, 83, 86, 97
 Погодин М. П. 21, 64, 71, 93, 99, 100
 Погорельский А. (псевд. Перовского А. А.) 76
 Пожарский Д. М. 100
 Поке А.-Э. (Poquet A.-E.) 56
 Покровская В. Ф. 95
 Полевой Н. А. 24, 68—70, 265
 Полежаев А. И. 77
 Полетаев Н. И. 33
 Полосин И. И. 96
 Полторацкий С. Д. 11, 24
 Польми де (Paulmy, de) см. Аржансон
 Помяловский И. В. 230
 Пономарева С. Д. 10
 Понтейль М. (Ponteil M.) 145
 Понятовский С.-А. (Poniatowski S.-A.) 104, 105, 137
 Попов М. 87
 Попов Н. А. 30
 Порошин С. А. 103, 104
 Портленд, леди Д. Кевендиш (Portland, lady D. Cavendish) 132
 Потемкин П. С. 39
 Потоцкая С. С. см. Киселева С. С.
 Прад Д. Д. де (Pradt D. D. de) 137
 Прад Ж.-Б.-Б. (Praët J.-B.-B.) 248, 249
 Прато Дж. да (Prato G. da) 330
 Прахов А. В. 110, 111
 Пужан Ш. (Rougens Ch.) 35
 Пужен А. (Rougins A.) 281
 Пушкин А. С. 7, 10—13, 15—20, 22, 25—27, 29, 57, 72, 73, 76, 77, 83, 87—89, 94, 104—115, 265, 267, 273, 286, 292, 325
 Пушкин В. Л. 77
 Пушкин Л. С. 89
 Пыпин А. Н. 63, 95, 99, 328, 350, 358
 Рабинович Г. Б. 6
 Радищев А. Н. 38—40, 77
 Радюкин Н. (псевд. Н. В. Шелгунова) 306
 Раевские 16, 286
 Раевский В. Ф. 77
 Райх Ф.-Э. (Reich Ph. E.) 187
 Рансгоф Г. (Ranshoff G.) 195
 Рапгоф Б. 303
 Рафаэль Санти (Rafaello Santi) 82
 Рачинский С. А. 120, 121
 Реизов Б. Г. 4, 244
 Рейман П. (Reimann P.) 206
 Рейнгольд К.-Л. (Reinhold K. L.) 179, 207, 208, 210—212
 Рейсер С. А. 9
 Рейхардт И.-Ф. (Reichardt J. F.) 159—161
 Рекамье Ж.-Р.-Ж.-А. (Récamier J.-F.-J.-A.) 243
 Рельштаб Л. (Rellstab L.) 21
 Ремюза К.-Э.-Ж. (Rémusat C.-E.-J.) 145
 Рене Анжуйский (René d'Anjou) 57, 58
 Рену (Renou) псевдоним Ж.-Ж. Руссо (см.)
 Ренуар Ф. (Reynouard F.) 252
 Рескин, Дж. (Ruskin, J.) 318
 Ретш Ф.-А.-М. (Retzsch F.-A.-M.) 250
 Ржевусская-Ганская-Бальзак Э. см. Ганская-Бальзак
 Ржевусский Г. (Rzewuski H.) 15
 Рив Ж.-Ж. (Rive J.-J.) 48—52
 Ривьер (Rivière) 242, 243
 Рихтер Жан-Поль (Richter Jean-Paul) 298
 Рихтер Э. (Richter E.) 168
 Ричель Э. (Rietschel E.) 303—304
 Риччи Ж.-Ф.-А. (Ricci J.-F.-A.) 237
 Ришелье А.-Ж. дю Плесси (Riche-lieu A.-J. du Plessis) 98
 Робеспьер М.-М.-И. де (Robespierre M.-M.-J. de) 44
 Роген Д. (Roguin D.) 130
 Рокка Д. (Rocca J.) 242
 Роллан Р. (Rolland R.) 4
 Рольстон В. (Ralston W.) 317
 Романьоли Г. (Romagnoli G.) 328, 330, 332
 Ромм Ж. (Romme G.) 36, 39
 Роммель Д.-Х. (Rommel, D.-Ch.) 231
 Роскоэ В. (Roscoe W.) 22
 Ростопчин Ф. В. 43
 Ростопчина Е. П. 13
 Роули Т. (Rowley Th.) 75
 Рохлиц И.-Ф. (Rochlits J. F.) 238—240

- Рубенс П.-П. (Rubens P. P.) 82
 Рубов П.-В. (Rubow P. V.) 342
 Руксель А. (Rouxel A.) 252
 Румянцев Н. П. 37, 63—65, 94, 99, 135
 Румянцев С. П. 135
 Руссо Ж.-Б. (Rousseau J.-B.) 98
 Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 38, 98, 111, 125—134, 359
 Руссо Т. см. Левассер
 Рылеев К. Ф. 11, 29, 68, 77—79
 Рюкерт Ф. (Rückert F.) 214
 Рюльер К.-К. (Rulhière C.-C.) 45
 Рюрик 60
- Сабатье де Кабр (Sabathier de Cabres) 89
 Сабинина М. С. 303
 Саитов В. И. 89
 Салтыкова А. И. 27
 Саломон М. (Salomon M.) 277
 Сальванди А. (Salvandy A.) 15
 Самойлова С. А. 11
 Сарджент И. (Sergeant E.) 314—316
 Сафо (Sappho) 234, 235
 Сахаров И. П. 92
 Свечина С. П. 25
 Свиньин П. П. 80, 93, 94, 104
 Селезнев И. 300
 Семенников В. П. 39
 Семчук А. (Semczuk A.) 350
 Сенелье Ж. (Senelier J.) 131
 Сенкевич Г. (Sienkiewicz H.) 352—354
 Сен Пьеро Ж.-А.-Б. де (Saint Pierre J.-H.-B. de) 111, 112, 144, 145, 147—150
 Сен-Симон М.-А. (Saint-Simon M.-H.) 86
 Сен-Сир (Saint-Cyr) см. Во де Жири
 Сен-Флорентен Л.-Ф. де (Saint-Florentin L.-Ph. de) 138
 Сент-Бев Ш.-О. (Sainte-Beuve Ch.-A.) 153, 244, 277
 Сервантес де Сааведра М. (Cervantes de Saavedra M.) 27
 Сере Ф. (Seré F.) 284
 Серман И. Э. 6
 Серов А. Н. 322
 Серяков Л. А. 323—325
 Симмонс Дж.-С.-Г. (Simmons J. S. G.) 260
 Симони П. К. 68, 328
- Сиркур А. де (Circourt A. de) 25
 Сисмонди Ж.-Ш.-Л. Сисмонд де (Sismondi J.-Ch.-L. Sismonde de) 241—242, 358
 Скайлер Е. (Schuyler E.) 307, 308
 Скопин-Шуйский М. В. 100
 Скородумов Г. И. 112
 Скот М. (Scot M.) 86
 Скотт В. (Scott, W.) 21, 22, 24—26, 28, 75, 76, 257—260, 262, 264—266, 268
 Скотт Гэла Дж. (Scott of Gala J.) 258, 260—263
 Скотт Харден Г. (Scott of Harden Henry) 260, 261, 263
 Скотт Харден Х. (Scot of Harden Hugh) 260, 261, 263
 Слепцов В. А. 321, 322
 Словацкий Ю. (Slowacki J.) 18
 Смерт Г. (Дж.) Т. (Smart G. T.) 21
 Смирнов-Сокольский Н. П. 22, 118
 Смирнова-Россет А. О. 13
 Смольянинов В. Н. 269
 Собаньская К. (Sobańska K.) урожд. Ржевуская 5, 13, 15, 16, 286
 Соболевский А. И. 95
 Соболевский С. А. 36, 71, 83, 88—90
 Соколов Ф. Ф. 229
 Сократ (Sokrates) 183—185
 Сопиков В. С. 32, 67
 Сорiano (Soriano) 338, 340, 341
 Софинов П. Г. 63
 Сперанский М. Н. 62, 92, 95
 Срезневский В. И. 314
 Срезневский И. И. 32
 Сталь А. де (Staël A. de) 242, 243
 Сталь А.-Ж.-Л. де (Staël A.-G.-L. de) 241—243, 248
 Сталь О. де (Staël Aug. de) 242, 243
 Станюкович Т. В. 30
 Стародубский 104
 Стасов В. В. 321—324
 Стасова Н. В. 321, 323—325
 Стасова П. С. 323, 324
 Стасюевич М. М. 350
 Стендаль Ф. (Stendhal F.) 248
 Стерн Л. (Stern L.) 75, 76
 Стил В. (Stead W.) 304
 Столпянский П. Н. 21, 31
 Строганов А. Г. 36
 Строганов А. С. 43
 Строганов П. А. 36, 39
 Строев П. М. 66—68, 80, 95, 99

- Суворин А. С. 345
Суворов А. А. 268
Суворов А. В. 268, 293
Сулакадаев А. И. 61, 95
Сулла (Sulla) 142, 143
Султанова-Леткова Е. П. 321
Суме А. (Soumet A.) 15, 244
Сурно М. (Souriau M.) 144, 145
Сухоруков В. Д. 67
Сухтелен К. П. 85
Сухтелен П. К. 5, 83—86, 130, 193, 196, 203, 208, 214, 220, 244, 246, 251, 260, 359
Сухтелен Р. К. 85
Сюлли М. де Бетюн, де (Sully M. de Béthune, de) 35
Сюрвийе, де (Survilliers de) см. Бонапарт Жозеф
- Тайер А.-В. (Thayer A. W.) 300
Тальма Ф.-Ж. (Talma F.-J.) 144
Тассо Т. (Tasso T.) 35
Тастю С.-К.-А. (Tastu S.-C.-A.) 15, 22, 250, 251, 281
Татищев В. Н. 30
Тейн Дж. (Thane J.) 101
Теннисон А. (Tennyson, A.) 318
Терещенко А. В. 80
Тиандер К. Ф. 214
Тик Л. (Tieck L.) 22
Тиньков С. Н. 77
Тиссеран Р. (Tisserand R.) 130
Тиссо П.-Ф. (Tissot P.-F.) 152—154
Толстой А. Н. 73, 304, 307—311, 352
Толстой Ф. А. 30, 79, 80, 92
Томашевский Б. В. 115, 152
Тонкова Р. М. 36
Тредиаковский В. К. 13, 107
Трейар Ж.-Б. (Treillard, Treilhard J.-B.) 145—147
Тремизо (Tremisot) 101
Тромонин К. Я. 100
Тронская М. А. 3, 295
Трубцкой Н. И. 88
Трубникова М. В. 321, 323—325, 327
Туманский В. И. 10
Тумаркина А. (Tumarkin A.) 206
Тургенев А. И. 9, 10, 16—18, 20, 24—26, 91, 105—107, 112—115, 267, 292
Тургенев И. П. 80
Тургенев И. С. 73, 118, 304, 317, 325, 345
- Тургенев Н. И. 10, 77, 78
Турне М. (Tourneux M.) 120
Тыркова А. В. 323
Тэн И. (Taine H.) 338—342
Тютчев Ф. И. 293, 294
- Уайтбенк (Whitebank) 260
Уваров С. С. 94
Уилсон А.-М. (Wilson A. M.) 86
Ульрих Л. (Ulrich L.) 222
Ульянинский Д. В. 91
Уманов-Каплуновский В. В. 359
Уолполь Г. (Walpole H.) 75
Устери Л. (Usteri L.) 130, 164
Устрялов Н. Г. 99
Ушакова Е. Н. 13
Ушаковы 11
- Фарнгаген фон Энзе К.-А. (Varnhagen von Ense K. A.) 229, 298—302
Федор Алексеевич 94
Фейе Л.-Ф. (Feuillet L.-F.) 152
Фейе де Конш Ф.-С. (Feillet de Conches F.-S.) 101
Фейль В.-Г. (Veil W. H.) 225
Фейнберг И. Л. 105, 106, 113
Фелинский А. (Feliński A.) 15
Фельдман В. (Feldmann W.) 187
Феоктистов Е. М. 317
Ферапонтов И. Ф. 33
Фергюссон Дж. (Fergusson J.) 260, 261, 263
Фетис Ф.-Ж. (Fétis P.-J.) 338, 340, 341
Филипп, митрополит 100
Филиппов Н. П. 97
Филиппович П. П. 74
Филлипс М.-Е. (Fillips M. E.) 268
Филлипс Э.-М. (Fillips E. M.) 341
Философова А. П. 323
Фишман С. (Fizman S.) 350
Фихте И.-Г. (Fichte, J. G.) 298
Флобер Г. (Flaubert G.) 345
Фойхт М. (Voigt, J.) 165
Фольмер В. (Vollmer, W.) 224
Фонвизин Д. И. 50, 94, 107
Фонтэн П.-Ж. (Fontaine P.-J.) 102
Форстер Г. (Forster G.) 214
Фортиа де Пилль А.-Т.-Ж.-А.-М.-М. (Fortia de Piles A.-T.-J.-A.-M.-M.) 81
Фосколо У. (Foscolo U.) 282
Фосс И.-Г. (Voß J. H.) 160, 168, 169, 171, 173, 175, 177, 198

- Франке И.-М. (Franke I. M.) 162, 164, 165
 Франкевиаль Ш. де (Franqueville Ch. de) 152
 Франс А. (France A.) 343, 344
 Франциск I (Francois I.) 81
 Фредерик V (Frederik V) 157
 Фрей А. (Frey A.) 155
 Фрейганг В. И. (Freigang W.) 289, 290
 Фрескобальди М. (Frescobaldi M.) 330, 331
 Фридрих II (Friedrich II) 157, 160
 Фруд Дж.-А. (Froude J. A.) 317
 Фуассе Т. (Foisset Th.) 293
 Фуке см. Ла Варенн
- Харден (Harden) см. Скотт Харден Х.
 Харитон (Charitonos) 228
 Харих В. (Harich W.) 237
 Хейбюе П. (Høybye P.) 324
 Хейслер А. (Heusler A.) 168, 169
 Хитциг Ю.-Э. (Hitzig Ju. E.) 237, 238
 Хлюстина А. С. 25
 Хмельницкий С. И. 103
 Хованский Г. А. 8
 Хоуп (Hope) 164
 Хофштеттер В. (Hofstaetter W.) 198
 Храповицкий А. В. 94, 104
- Ценина Е. И. 324
 Цигенгейст Г. (Ziegengeist G.) 305, 308
 Цицерон (Cicero) 83
 Цявловская Т. Г. 19
 Цявловский М. А. 115
- Чарторийский А.-Е. (Czartoryski А.-Е.) 43, 267
 Чаттертон Т. (Chatterton Th.) 75
 Ченто А. (Cento A.) 282
 Чепмен Г. (Charman G.) 47, 48
 Чернышев Э. Г. 104
 Чернышевский Н. Г. 313
 Черняк Е. Б. 257
 Чертков А. Н. 100
 Чехов А. П. 88
 Чулков Г. И. 293
- Шаликов П. И. 76
 Шаль В.-Э.-Ф. (Chasles V.-E.-Ph.) 284, 339, 341, 342
 Шараве Э. (Charavay E.) 120
 Шарлье Г. (Charlier G.) 248
 Шатлен Н. (Châtelain N.) 115
 Шатобриан Ф.-Р. (Chateaubriand F.-R.) 15, 17, 22, 24, 272, 292
 Шатожирон Р.-Ш.-И. де (Chateaugiron R.-Ch.-H. de) 90, 101
 Шафарик П.-И. (Safarik P.-I.) 289
 Шварц В.-Л. (Schwartz W. L.) 347
 Швейгхейзер Ф.-Г. (Schweighaeuser F. G.) 286
 Швердтфегер В. (Schwertfeger W.) 225
 Шевырев С. П. 21, 71, 273
 Шегрен И.-А. (Sjögren J. A.) 46
 Шекспир В. (Shakespeare W.) 144, 357
 Шелгунов Н. В. 305—307, 309—312
 Шелгунова Л. П. 305—307, 309—312
 Шереметев С. Д. 90
 Шиллер Ф. (Schiller F.) 4, 199, 203, 222—227, 244, 250, 251, 215, 359
 Шилов Ф. Г. 117
 Шимановская Е. (Szymanowska H.) 18—20
 Шимановская М.-А. (Szymanowska М.-А.) 17—20, 23, 24, 99
 Шиндлер А. (Schindler A.) 300
 Шипова А. Е., рожд. Комаровская 11, 15
 Шишков А. С. 99
 Шишмарев В. Ф. 4, 52, 53, 58
 Шлегель А.-В. (Schlegel A. W.) 241, 242
 Шлегель Ф. (Schlegel F.) 214
 Шлеттерер Г.-М. (Schletterer H. M.) 160
 Шлөзер А. А. (Schlözer A. L.) 30
 Шмид Г. (Schmid G.) 230
 Шмидт К. (Schmidt K.) 157
 Шпиальгаген Ф. (Spielhagen F.) 335—337, 357
 Шприкман А.-М. (Sprickmann A.-M.) 160
 Шпрингман Г. (Springmann H.) 206
 Шравезанде К. (Schravésande C.) 190
 Шрадер В. (Schrader W.) 167, 181
 Шредер И. (Schröder J.) 85
 Штихлинг Г.-Т. (Stichling G. T.) 219
 Штолл И. Л. (Stoll I. L.) 300

- Штольберг Ф.-Л. (Stollberg F. L.) 160, 169, 171, 175, 195—197
Штольберг Х. (Stollberg Ch.) 169
Шторх Г. (Storch H.) 46, 60
Штранге М. М. 39
Штротдман А. (Strodtmann A.) 194
Штурц В. (Sturz W.) 228
Шуберт Ф. (Schubert F.) 340, 341
Шубин Н. 136
Шувалов А. П. 267
Шувалов И. И. 112, 113
Шульговская А. Н. 322, 324
Шультенс А. (Schultens A.) 162, 165, 166
Шульце И.-Л. (Schulze J. L.) 167, 173, 178, 180, 181, 184, 186
Шульце И.-Э.-Ф. (Schulze J. E. F.) 167—169, 173, 175, 178, 179—182, 184, 186, 192
Шульце Х. (Schulze Ch.) 305
Шютц Ф.-К.-Ю. (Schütz F. K. Ju.) 179, 193
Шютц Х.-Г. (Schütz Ch. G.) 179, 180, 193, 206
- Шеголев П. Е. 114, 267, 292
Шукин П. И. 36
- Эйнар Ж.-Г. (Eynard J. G.) 24
Эйхенбаум Б. М. 95
Эверсман (Ewersmann) 161
Эггерс Х.-У.-Д. (Eggers Ch. U. D.) 214—216
- Эгийон А. Виньеро-Дю Плеси-Ришелье, герцог д' (Aiguillon A. Vignerod-Duplessis-Richelieu, duc d') 112
Эгли Э. (Eggl Edm.) 244, 250
Эджворт М. (Edgeworth M.) 22
Эджерстон (Edgerston) 260
Эзер А.-Ф. (Oeser A. F.) 218
Элиот Дж. (Eliot G.) 318
Элькан Я. (Elkan J.) 188
Эльсхеймер А. (Elsheimer, Elzheimer A.) 219—221
Энгельгардт А. Н. 322
Энгельгардт Н. А. 119
Энгельман В. (Engelmann W.) 167
Эразм Роттердамский (Erasmus) 5, 228
Эрен (Airain) 138, 139
Этьен Ш.-Г. (Etienne Ch.-G.) 18
- Юргенсон Э. П. 22, 359
Юсупов Н. Б. 107—111
Юсуповы 110, 111
- Яковлев П. Л. 8, 9, 12, 13, 69
Якубович Д. П. 57, 76, 113
Ян О. (Jahn O.) 218, 301
Янжул И. И. 90
Яниш-Павлова К. К. 14
Яновский Н. М. 96
Яновский Ю. П. 352, 354
Янсен А. (Jansen A.) 132
Ярослав Мудрый 60, 87
Ясинский И. (Jasinski I.) 24

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

	Стр.
Песнь Готье де Куэнси, опубликованная Г. Р. Державиным по рукописи начала XIV века из собрания П. П. Дубровского («Чтения в беседе любителей русского слова», кн. 6, СПб., 1812, стр. 19—20)	54 и 55
Письмо Д. Дидро к Ролану Жирбалу. ИРЛИ, собрание Е. М. Кашинской, ф. 75. № 3	112 и 113
Письмо Ж.-Ж. Руссо к Борену. Август 1769 г. ЦГИАЛ	133
Письмо П.-О. Карона де Бомарше к Эрену. 22 сентября 1767 г. ЛОИИ	137
Письмо Э. Парни к П. Д.-Э. Лебрену. 1 вантоза IV г. ЛОИИ	151
Письмо Ф.-Г. Клопштока к И.-Ф. Рейхардту. 30 марта 1779 г. ГПБ	157
Письмо И.-И. Винкельмана к Вальтеру. 18 марта 1763 г. ГПБ	163
Письмо К.-М. Виланду к В.-Г. Беккеру. 3 ноября 1798 г. ГПБ	191
Письмо И.-Г. и Каролины Гердер к К.-М. Виланду. Начало 1785 г. Первая страница. ГПБ	207
Письмо Ф. Шиллера к В.-Г. Беккеру. 5 ноября 1801 г. Первая страница. ГПБ	223
Страница театральной рукописи «Вильгельма Телля» (писарская копия). Акт II, сцена 2, строки 1444—1457. Против строк 1448—1451 (клятва Рессельмана) имеется карандашная помета Шиллера: «langsam u. deutlich» («медленно и отчетливо»). Рукопись обгорела при пожаре Веймарского театра в 1825 г.; сохранились три листа. ГПБ	240—241
Оборотная сторона страницы театральной рукописи «Вильгельма Телля» (писарская копия). Акт II, сцена 2, строки 1464—1465 и заключительная ремарка; акт III, сцена 1, строки 1466—1477 (песня Вальтера Телля). Имеются карандашные пометы Шиллера. Против заключительной ремарки: «NB bis einige ins Schiff sind» («NB пока некоторые не войдут на судно») — зачеркнуто; к песне Вальтера Телля: «Nicht allzu schnell» («Не слишком быстро»). ГПБ	240—241
Письмо А. де Виньи к А. Дешану. 22 декабря 1829 г. ЦГИАЛ	255
Письмо В. Скотта к В.-Д. Нейперу. 28 декабря 1819 г. Первая страница. ГПБ	257
Письмо П. Мериме к П. Лакруа. 22 сентября 1848 г. Первая страница. ИРЛИ	285
Записка Г. Гейне к К. Бельджойозо. 27 января 1834 г. ЛОИИ	276
Портрет Х.-К. Андерсена с его автографом-подписью. Фотография. ИРЛИ	320—321
Письмо Д. Кардуччи к А. Н. Веселовскому. 2 июня 1888 г. Первая страница. ИРЛИ	327
Письмо И. Тэна к Ф. Шалю. 2 сентября 1860 г. ЛОИИ	337
Письмо С. Малларме к Е. В. Де-Роберти. Ноябрь 1893 г. Первая страница. ИРЛИ	347

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
М. П. Алексеев. Из истории русских рукописных собраний	7
Письма	
Жан Жак Руссо (<i>В. С. Люблинский</i>)	125
Ф. Мюссару	130
Борену	132
Фридрих Мельхиор Гримм (<i>В. С. Люблинский</i>)	135
Р.-С. Ванвер	135
Пьер Огюстен Карон де Бомарше (<i>А. Н. Бруханский</i>)	138
Эрену	138
Луи Себастьян Мерсье (<i>И. Э. Серман</i>).	141
Ш. Ламбер де Белану	141
Жан Франсуа Дюсис (<i>П. Р. Заборов</i>)	144
Б. де Сен-Пьеру	144
Жак Анри Бернарден де Сен-Пьер (<i>Т. П. Ден</i>)	149
Детервилю	149
Эварист Дезире де Форж де Парни (<i>П. Р. Заборов</i>)	152
П.-Д.-Э. Леброну	152
П.-Ф. Тиссо	153
Саломон Геснер (<i>Р. Ю. Данилевский</i>)	155
В.-Г. Беккеру	155
Фридрих Готлиб Клопшток (<i>Р. Ю. Данилевский</i>)	157
Ф. фон Вельспергу	157
И.-Ф. Рейхардту	160
Иоганн-Иоахим Винкельман (<i>А. Н. Егунов</i>)	162
Вальтеру	162
Кристоф Мартин Виланд (<i>Ю. Д. Левин</i>)	167
Ф. Шульце	167
Г.-И. Гешену	186
В.-Г. Беккеру	187
Запись в альбом	192
Готфрид Август Бюргер (<i>Ю. Д. Левин</i>)	194
К.-М. Виланду	194
В.-Г. Беккеру	198
Ф. Брун	202
Иоганн Готфрид Гердер и Каролина Гердер (<i>Ю. Д. Левин</i>)	205
К.-М. Виланду	206

Ф. Брун	212
В.-Г. Беккеру	216
Иоганн Вольфганг Гете (Ю. Д. Левин)	218
А.-Ф. Эзеру	218
Фридрих Шиллер (Ю. Д. Левин)	222
В.-Г. Беккеру	222
Фридрих Август Вольф (А. Н. Егуннов)	228
В.-Г. Беккеру	228
Эрнст Теодор Амадей Гофман (Ю. Д. Левин)	237
А. Кюнелю	237
Жермена де Сталь (П. Р. Заборов)	241
М.-Л.-Э. Моро де Сен-Мери	241
Ривьеру	242
Пьер Лебрэн (П. Р. Заборов)	244
Л. Арно	244
Виктор Жозеф де Жун (П. Р. Заборов)	246
Л. Арно	246
Бенжамен Констан (П. Р. Заборов)	248
Ж.-Б.-Б. ван Прату	248
Амабль Тастю (П. Р. Заборов)	250
Л.-Э. Одо	250
Альфонс де Ламартин (П. Р. Заборов)	252
В.-Ж. де Жун	252
Альфред де Виньи (П. Р. Заборов)	254
А. Дешану	254
Вальтер Скотт (Ю. Д. Левин)	257
В.-Д. Нейперу	257
Фенимор Купер (М. П. Алексеев)	265
П. А. и М. А. Голицыным	265
Д. И. Долгорукову	272
Шарль Нодье (П. Р. Заборов)	277
А.-Ф. Вильмену	277
Марселльна Деборд-Вальмор (П. Р. Заборов)	281
Ф. Бюлозу	281
Проспер Мериме (П. Р. Заборов)	284
П. Лакруа	284
Виктор Гюго (П. Р. Заборов)	287
Д. Голдену	287
Франтишек Палацкий (А. С. Мыльников)	289
В. А. Жуковскому	289
Сильвио Пеллико (Р. М. Горохова)	292
М. А. Голицыной	292
Генрих Гейне (Р. Ю. Данилевский)	295
К. Бельджойозо	295
Карл Август Фарнгаген фон Энзе (А. Н. Егуннов)	298
А. Гумбольдту	298
Бертольд Ауэрбах	303
К. К. Павловой (Т. П. Ден)	303
М. Л. Михайлову (Ю. Д. Левин)	305
Томас Гуд-младший (Ю. Д. Левин)	313
М. Л. Михайлову	313
Томас Карлейль (М. П. Алексеев)	317
В Литературный фонд	317
Эдвард Бульвер-Литтон (А. Н. Бруханский)	319
Н. К. Богушеву-Богушевскому	319
Ханс Кристиан Андерсен (И. П. Куприянова)	321

М. В. Трубниковой	321
Джозуэ Кардуччи (Р. М. Горохова)	328
А. Н. Веселовскому	328
Фридрих Шпильгаген (Р. Ю. Данилевский)	335
Автобиография	335
Ипполит Тэн (П. Р. Заборов)	338
Сорнано	338
Ф. Шалю	341
Анатолий Франс (П. Р. Заборов)	343
Ф. Жилю	343
Альфойс Дёде (Т. П. Ден)	345
И. С. Тургеневу	345
Стефан Малларме (Р. М. Горохова)	347
Е. В. Де-Роберти	347
Элиза Ожешко (Г. Б. Рабинович)	350
М. М. Стасюлевичу	350
Генрик Сенкевич (Г. Б. Рабинович)	352
А. Н. Мошину	352

Приложение

Археографическая справка	357
Именной указатель	361
Пояснения к иллюстрациям	377

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII—XIX ВЕКОВ

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР

Редактор издательства В. А. Браиловский

Художник С. Н. Тарасов

Технический редактор А. В. Смирнова

Корректоры Т. Н. Богданова-Катькова, Н. Е. Фатина и Л. Э. Фрадкина

Сдано в набор 11/VIII 1963 г. Подписано к печати 2/XII 1960 г. РИСО АН СССР
№ 54—113В. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 117/8. Печ. л. 233³/₄ = 233³/₄, усл. печ. л.
+ 3 вкл. Уч.-изд. л. 25.6 + 3 вкл. (0.2). Изд. № 1149. Тип. зак. № 796. М. 45672.
Тираж 3000. Цена 17 р. 50 к., с 1 января 1961 г. 1 р. 75 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
5	14 снизу	автобиографических	автографических
86	10 „	П. С. Сухтелен	П. К. Сухтелен
131	20 сверху	sur	sûr
131	21 „	connoisses	connoissés
142	11 „	grande	grands
149	11 снизу	letre	lettre
166	7 сверху	8c	&
177	7 „	dĩ	dír
177	8 „	ver sagen? ³	vër sagen? ³⁵
190	25 „	mir	wir
190	18 снизу	wir	mir
192	12—13 сверху	которую мы, по-видимому, до сих пор еще не вполне разрешили.	которая, как мне кажется, до сих пор еще не вполне разрешена.
217	15 сверху	mach	mich
238	20 „	театрального	музыкального
262	15 „	black	& black
292	18 „	в известной	с известной
293	21 снизу	cache	cache pas
332	7 сверху	della	dalla
336	2 снизу	впечатления от	впечатления от страны и жителей, которые я так часто использовал в
344	11 сверху	dans la	dans le
347	8 снизу	Ayfl.,	Aufl.,
348	5 сверху	ment	meut
353	12 „	zyczliwość	życzliwość
367	16 „	Кржижановский Ю.	Кжижановский Ю.

